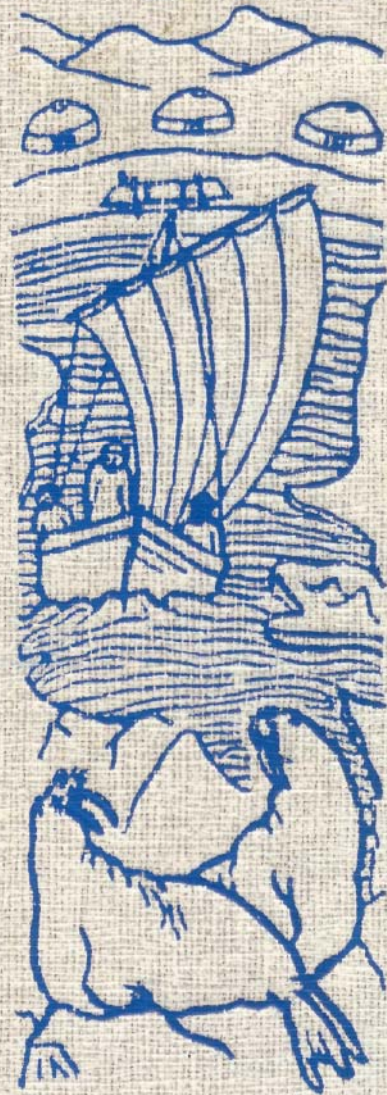

И.И.Крупник

АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ

Наука

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

И. И. Крупник
АРКТИЧЕСКАЯ
ЭТНОЭКОЛОГИЯ

Модели
традиционного природопользования
морских охотников и оленеводов
Северной Евразии

Ответственный редактор
С. А. АРУТЮНОВ

Москва Наука 1989

ББК 63.5(2)
К 84

Рецензенты:

доктор биологических наук Л. С. Богославская,
доктор исторических наук И. С. Гурвич

Крупник И. И.

К 84 Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989 — 272 с.
ISBN 5—02—0099228

Коренное население Арктики накопило уникальный опыт освоения суровой среды обитания. В борьбе за существование были выработаны особые формы поведения, демографического воспроизводства, этики природопользования. Иногда они вели к нарушению человеком экологического равновесия в хрупких арктических экосистемах. Многие влияло на жизнь аборигенов Арктики — изменение климата, колебание численности промысловых животных. Об этом и рассказывает книга.

Для этнографов, археологов, биологов, специалистов по экологии и читателей, интересующихся проблемами взаимодействия общества и природы.

К 0505000000169 —204 — 89, Кн. 1
042(02) — 89

ББК 63.5(2)

ISBN 5—02—0099228

© Издательство «Наука», 1989

ОТ РЕДАКТОРА

Открывая эти страницы, читатель встречается с необычной книгой. Многие в ней непривычно: заглавие, объект исследования, используемые термины. Поэтому мне хотелось бы предварить основной текст несколькими вводными замечаниями. В равной мере они адресованы и этнографам — исследователям Севера, и тем, кто проявляет широкий интерес к экологическому опыту народных культур, современным проблемам охраны природы и хозяйственного освоения Арктики.

«Арктическая этноэкология» — результат пятнадцатилетних изысканий автора, своеобразная попытка оценки экологического опыта народов Севера. Все эти годы автор последовательно разрабатывал сложную научную конструкцию. Но основные элементы ее фундамента были заложены сразу. Впервые опубликованные в 70-е годы, они могли показаться интуитивными, подчас умозрительными предвидениями. Теперь читателю предложена концепция в полном объеме, со всей накопленной аргументацией.

Первый и наиболее важный тезис «арктической этноэкологии» — идея о высокой динамичности традиционных обществ. Речь идет о динамичности в широком смысле, включая экономику, систему

природопользования, демографию, социальное устройство. Высказанная автором в середине 70-х годов, эта мысль резко противоречила устоявшимся взглядам о консерватизме и стабильности северных этносов, в которых якобы на протяжении многих поколений воспроизводились одни и те же связи и численные соотношения. Новая концепция, напротив, утверждала, что малые размеры архаичных коллективов, их зависимость от среды обитания должны вести не к затуханию, а к усилению колебаний в развитии, а значит, и к возможности прогрессивных эволюционных скачков, быстрых социальных изменений. Теперь этот взгляд получил прямое подтверждение с открытием в Арктике ряда выдающихся археологических памятников, типа эскимосского святилища «Китовая аллея», в изучении которого и редактору, и автору довелось принять личное участие. Второй примечательный тезис — о значении разрывов в линиях эволюции традиционных обществ. Обычно историки стремятся подчеркивать культурную непрерывность, ищут доказательства в пользу преемственности развития, уходящего в глубокую древность. Но как только мы обращаемся к конкретной истории архаичных этносов и их культур, непрерывные линии эволюции рассыпаются на отрезки, разделенные провалами. Факт этот хорошо известен; но теперь автор предложил совершенно новый взгляд, подтверждающий самостоятельную ценность «разрывов»

3

эволюции, трактующий их как моменты скачков и перестроек, когда из прежних элементов формировались новые этнические, культурные и экологические образования. Третий тезис «арктической этноэкологии» — сложность современной интерпретации традиционных систем природопользования. Сейчас мы все дальше уходим от экологических концепций 60—70-х годов, когда все ранние формы хозяйства в противовес нашей индустриальной цивилизации казались экофильными, экологически гармоничными, отработанными веками взаимодействия человека с Матерью-Природой. Автор предлагает нам оценить «золотой век» беспристрастным взглядом ученого. Чтобы воспользоваться в наши дни народным экологическим опытом, мы должны не просто признавать его высокую ценность. Необходимо описать как позитивные, так и негативные стороны его применения, включая и противоречия, имманентно присущие древним системам природопользования. Для современного освоения Арктики это имеет особое значение. Именно здесь, на далеком краю эйкумены мощь современной технологии особенно остро сталкивается с традиционными формами жизнеобеспечения малых народов. Гармоничность их взаимодействия, поиск и отбор лучшего — залог прочного освоения человечеством суровых полярных районов, включения их в хозяйственную систему, охватывающую всю планету.

И последнее, о чем хотелось бы предупредить читателя. Этническая экология — новая, быстро развивающаяся сфера научных исследований. У нас она возникла в лоне этнографии, но сформировалась под очень сильным влиянием других, прежде всего естественных дисциплин. Стыки и границы ее пока не определены, отношения с другими науками не установлены. Поэтому «арктическая этноэкология» представляет интерес не только для специалистов по традиционным культурам народов Севера или историков первобытного общества, но и для представителей вполне современных, практически ориентированных дисциплин — экологов, охотоведов, географов, работников служб охраны природы и природопользования.

Все эти области, однако, имеют свой язык, систему приоритетов, свою традицию изложения материалов. Поэтому сделать эту книгу равно понятной и интересной для всех было нелегкой задачей. Выход был найден автором в живом, раскованном языке повествования и в такой композиции текста, где нет привычного для исторических сочинений последовательного хронологического анализа по частям и главам. На мой взгляд, это решение оказалось удачным. Отсутствие знакомых переходов делает непредсказуемой каждую следующую главу книги и позволяет сохранить интерес читателя до самой последней страницы. Так автор сумел еще раз показать нам своеобразие избранной им сферы исследования. Пограничные области наук — самые перспективные направления современного поиска, а непредсказуемость поворотов — лучший стимул развития творческой мысли.

С. А. Арутюнов

ВВЕДЕНИЕ

Впервые я столкнулся с «арктической этноэкологией», попав на Чукотку летом 1971 г. с

антропологической экспедицией В. П. Алексеева. Хорошо помню наш первый день в эскимосском поселке Сиреники, о котором не раз будет далее говориться на страницах этой книги. Положив свои вещи, мы спустились от домов поселка к берегу моря. Была середина июня — самый разгар сезона охоты на моржей. Берег при свете полярного солнца казался красным от крови; прямо на гальке в нескольких метрах от воды рядами лежали еще дымящиеся туши убитых моржей. По кучам разделанного мяса, жира, внутренностей в высоко поднятых болотных сапогах ходили выпачканные с головы до ног мужчины, женщины с возбужденными, радостными лицами. В море напротив нас гремели выстрелы; к берегу то и дело приставали лодки, откуда выскакивали охотники и с криками вытягивали на гальку новые огромные туши. Все эти звуки, запахи, крики людей, казалось, сливались в апофеоз ЧЕЛОВЕКА-ДОБЫТЧИКА, ЧЕЛОВЕКА-ОХОТНИКА, которому необходимо убивать, чтобы выжить на этой суровой каменистой земле на берегу холодного океана.

Трудно, пожалуй, вспомнить другое зрелище, где бы с такой яркостью отразилась противоречивость роли человека в экосистемах Крайнего Севера. В популярной и даже научной литературе культуру арктических народов любят называть «экологической», обычно подразумевая под этим особый образ жизни в гармонии с окружающей средой и равновесии с ее ресурсами. В пример при этом приводят бережное отношение жителей Севера к своей добыче, особый тип их охотничьей этики и поведения; почтение, которым были окружены животные, растения, другие объекты природы в традиционном мировоззрении, фольклоре и ритуале. Все эти аргументы безусловно справедливы. Но слыша их, я каждый раз вспоминаю июньский берег в поселке Сиреники, лица мужчин и женщин в азарте удачной охоты.

Впоследствии мне не раз доводилось самому участвовать в массовой разделке убитых животных, ходить с охотниками в море на промысел, передвигаться по тундре с оленеводами. Снова и снова видел я в разных ситуациях жителей Арктики и поражался

5

их бесконечному терпению и вспышкам охотничьего азарта, острой наблюдательности и стойкости в трудных ситуациях, жизнерадостности и внезапной обреченности перед лицом «высших», по их мнению, сил.

Такой культурный и психологический комплекс сложился в особых условиях существования как результат длительного и, значит, для многих поколений успешного приспособления человека к одной из самых суровых зон обитания на нашей планете. Сейчас, в самом конце XX века, мы вряд ли можем в деталях описать механизмы такого приспособления для древнего и даже традиционного общества. Но мы вправе воссоздавать и анализировать различные исторические модели поведения человека в экосистемах Арктики. Опираясь на эти молоты, мы можем интерпретировать экологическую культуру северных народов как в далеком бесписьменном прошлом, так и в сравнительно недавнее время, отраженное в книгах и архивных документах, памяти людей старшего поколения.

Тема этой книги — своеобразие исторического развития северных этносов и роль экологических факторов в их эволюции. Обратившись к ней, мне хотелось не только описать эмпирически, но оценить количественно характер связей Человека и Природы в экстремальных условиях Арктики. Выбор своих научных критериев — одна из важнейших задач арктической, как, впрочем, и любой другой «этноэкологии», изучающей поведение человека и разнообразие его культур в разных частях нашей многоликой планеты. Для всего этого в неразрывном переплетении социальных и экологических факторов динамики народов Севера требовалось найти адекватный научный объект, форму и метод, исходя из имеющихся этнографических материалов.

Такие задачи определили основную сферу исследования: жизнеобеспечение, природопользование и экологическое поведение, т. е. главные сферы взаимоотношений традиционных обществ с окружающей средой, которые поддаются количественному описанию и анализу. Главные, но далеко не единственные. В любой исторической реконструкции неизбежно будут свои пропуски. В данном случае в стороне в значительной мере остается сфера духовных отношений человека с природой — ритуальных, эстетических, нравственных, педагогических. Эта часть гармонии не поддается «измерению алгеброй» и требует самостоятельного осмысления.

Этнографические материалы и личные впечатления, которые легли в основу этой книги, были собраны в 1971—1987 гг. в различных районах Севера: на Чукотке (в 1971, 1975, 1977, 1979, 1981 и 1987 гг.), на побережье Карского моря- (1974 г.), северном Сахалине (1982 г.), острове Беринга (1983 г.). Параллельно все эти годы шли литературные поиски, работа в центральных, областных и местных архивах в Ленинграде, Томске, Магадане, Петропавловске-Камчатском, Анадыре, Нарьян-Маре, Providения.

6

С особой признательностью я хотел бы отметить помощь и постоянное участие моих ближайших коллег, спутников в полевых исследованиях и соавторов по предыдущим публикациям: М. А. Членова (с ним меня связывают долгие годы совместного изучения азиатских эскимосов), Л. С. Богословской, С. А. Арутюнова, художника С. А. Богословского, чьи рисунки приведены в этой книге, покойного капитана Л. М. Вотрогова. Мои коллеги — этнографы, антропологи, археологи В. П. Алексеев, Г. Н. Грачева, В. Р. Кабо, А. Г. Козинцев, В. В. Лебедев, О. А. Мурашко, А. И. Пика, В. Я. Сергии, А. Н. Ямсков, Дж. Бокстос, Э. Берч, М. Краусс, А. Мак-Картни, Л. Эллана оказали всемерное содействие своими советами и комментариями, поиском труднодоступных источников. Фактические сведения, составившие основу описаний и реконструкций традиционного природопользования, были получены от местных жителей Крайнего Севера, представителей среднего и старшего поколений. Всем им я хочу выразить искреннюю благодарность за помощь в работе.

Книга эта имеет широкое название, и на ее страницах читатель встретит наименования многих северных этносов. Но для самого автора она посвящена прежде всего азиатским эскимосам — маленькому народу, численностью около 1,5 тыс. человек, живущему на Крайнем Северо-Востоке нашей страны, у берегов Берингова пролива. Здесь началось мое знакомство с Арктикой. Случилось так, что эта группа остается до сих пор наименее изученной среди всех эскимосов — обитателей половины Арктики: от Чукотки до восточных берегов Канады и Гренландии. И если эта книга сможет заполнить ряд пробелов, мне будет приятно считать ее формой благодарности людям, которым я обязан самыми яркими страницами своей профессиональной жизни.

Глава 1

О ПОНЯТИЯХ И КОНЦЕПЦИЯХ АРКТИЧЕСКОЙ ЭТНОЭКОЛОГИИ

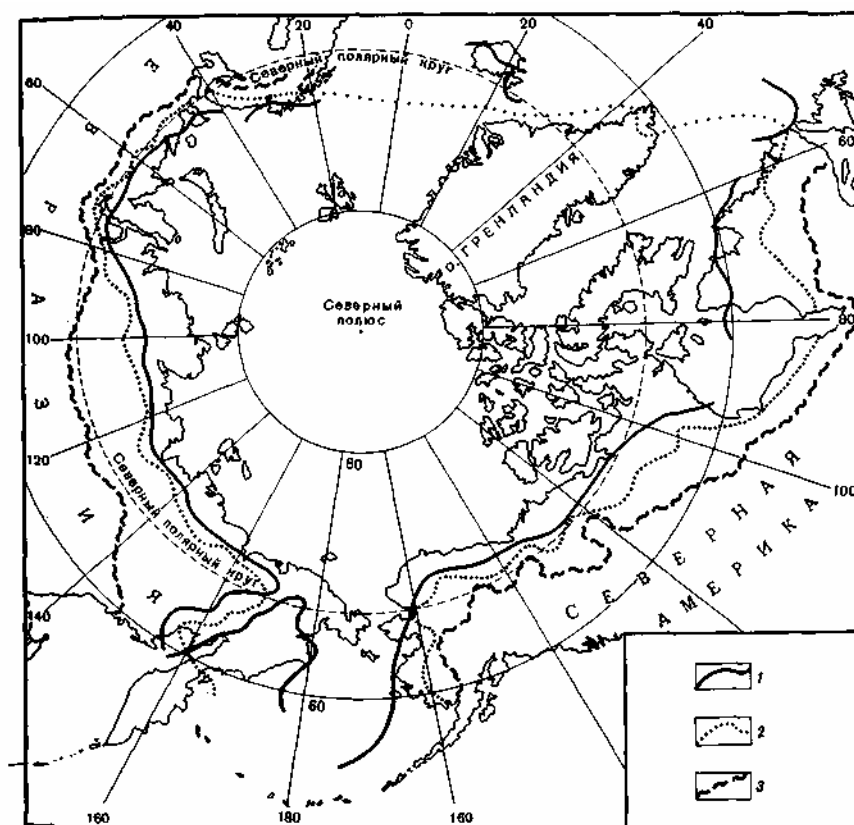

В этой книге используется ряд понятий и терминов, которые, возможно, потребуют специального пояснения. Часть их заимствована из других наук — как смежных с этнографией, так и порой весьма от нее далеких. Другие широко распространены в зарубежной этнографической литературе, но у нас еще не получили популярности и не имеют русских эквивалентов или нормативных переводов. Третьи просто малоизвестны в силу молодости «этно-экологии» и отсутствия у нее устоявшегося научного аппарата. Поэтому начать эту работу следует, видимо, с определения терминов, вынесенных в ее заглавие.

Географические, экологические и этнографические границы Арктики. Арктикой, как известно, называют северную приполярную (циркумполярную) область земного шара, охватывающую окраины материков Евразии и Северной Америки, острова и прилегающую акваторию Северного Ледовитого, Тихого и Атлантического океанов¹. Сложнее очертить то, к чему применимо определение «арктический», т. е. установить четкие границы Арктики. Раньше их проводили по Северному полярному кругу (66°33' с. ш.), отделяющему области, где в летние месяцы солнце не заходит, а в зимние месяцы — не восходит над горизонтом. Сейчас географическую границу Арктики обычно связывают с изотермой -f-10 °С самого теплого месяца (июля или августа)². В таком случае общая площадь арктической области составляет около 25 млн кв. км, из которых 10 млн кв. км занимает суша, примерно поровну распределяемая между Евразией и Северной Америкой с островами. Но существуют и другие варианты проведения границ Арктики. Экологи и ботаники связывают их с вполне реальным природным рубежом — северным пределом древесной растительности³. При этом

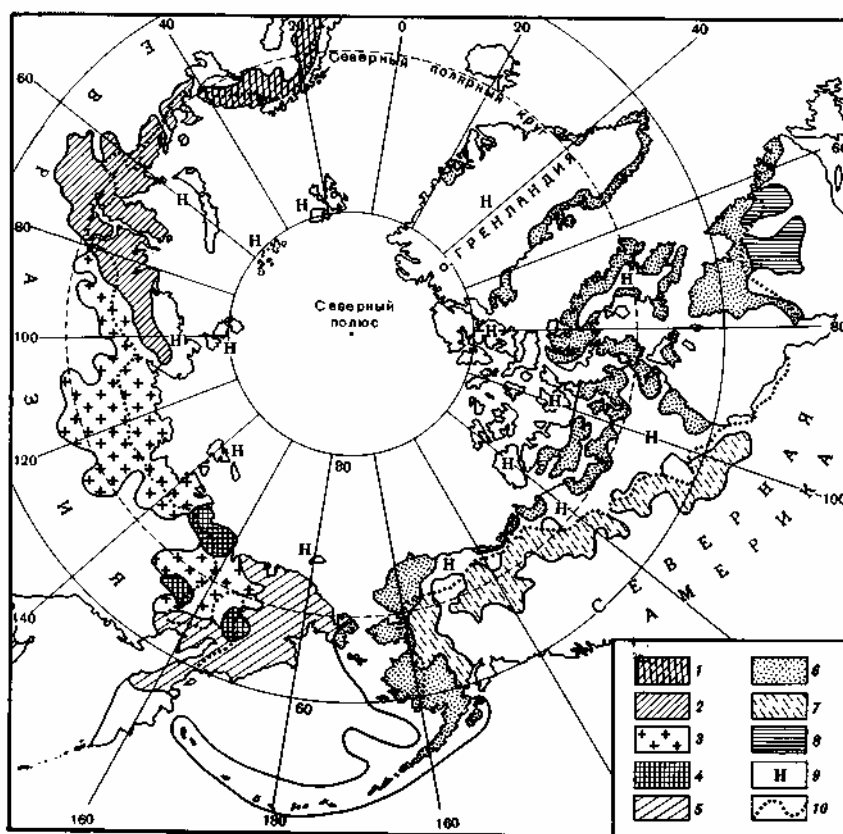
площадь арктической суши несколько увеличивается, поскольку и в Евразии, и в Северной Америке граница леса в основном проходит южнее июльской изотермы $+10^{\circ}$ (карта 1). С учетом этого территория Арктики включает собственно арктический географический пояс (зону арктических пустынь) и северную часть субарктического, или Субарктику, — зону тундр и северных редколесий. Это внутреннее разделение чрезвычайно важно как с экологической, так и с этнографической точек зрения. В зарубежной литературе для его обозначения иногда употребляют термины «высокая» (высокоширотная) и «низкая» Арктика.

Наконец, можно говорить и об особых этнографических границах Арктики, поскольку в научной литературе часто встречаются выражения «арктические народности», «арктический тип хозяйства», «арктические популяции» и т. п. В большинстве случаев они употребляются заметно шире географических определений. Так, на иллюстрированной карте «Народы Арктики», составленной американским этнографом Э. Берчем⁴ (карта 2), показан целый ряд аборигенных этносов, живших южнее полярной границы леса, в лесотундре и выходивших в зону тундры лишь на определенную часть года.

Карта 1. Физико-географические и экологические границы Арктики

1 — изотерма $+10^{\circ}\text{C}$ самого теплого месяца года; 2 — южная граница субарктической тундры (Александрова, 1977); 3 — южная граница лесотундры и редколесий (Пармузин, 1967; Laffleur, Adams, 1986).

Карта 2. Этнографические границы и расселение народов Арктики (около 1825 г. — по карте Э. Берча: Burch, 1983)

этнические группы: 1 — лопари (саамы); 2 — самодийцы: ненцы, энцы, нганасаны; 3 — эвенки, эвены, северные якуты; 4 — юкагиры, чуванцы; 5 — чукчи, коряки; 6 — эскимосы, алеуты; 7 — атапаски: кучины, коюконы, чипевайны и др.; 8 — наסקапи; 9 — незаселенные или редко осваиваемые территории; 10 — северная граница леса

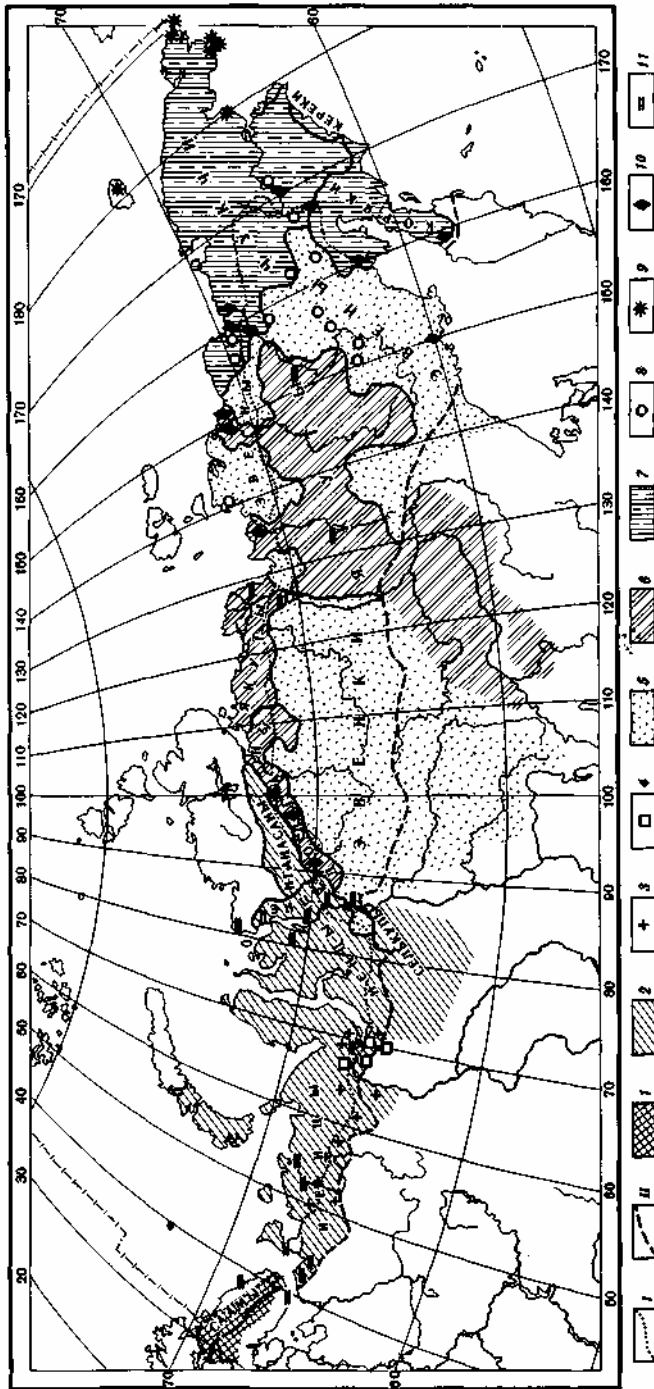
Такое расширение этнографических границ Арктики представляется вполне оправданным. Тундра вместе с лесотундрой и северные таежные леса — два отдельных историко-культурных мира со своими традициями, хозяйственными навыками и заметным этническим противопоставлением. Правда, границы между ними никогда не были непроницаемыми, особенно на севере Евразии. Все же развитие аборигенных культур в каждом из этих типов среды обитания шло своим особым образом. Поэтому здесь мы рассматриваем Арктику преимущественно в ее этнографических границах и будем называть «арктическими» те аборигенные этносы или их подразделения, которые к началу XX в. населяли пространства тундры и лесотундры к северу от

зоны таежных лесов. В Евразии это были: северные группы скандинавских и Кольских саамов; европейские и сибирские ненцы (кроме «лесных»); северные группы коми-ижемцев, хантов и тазовских селькупов; энцы, нганасаны, долганы; северные группы эвенков и якутов (оленоводо); тундровые юкагиры; чу-ванцы; чукчи; коряки (кроме укинцев, карагинцев и паланцев); азиатские эскимосы; кереки; эвены бассейна нижней Колымы, Пенжины и Анадыря; а также русскоязычные группы метисного происхождения — затундренные крестьяне, русскоустыинцы, ко-лымчане, марковцы и гижигинцы (карта 3)⁵. В Северной Америке «арктическими» народами традиционно считаются все группы эскимосов и алеутов; вслед за Э. Берчем мы добавим к ним некоторые группы северных атапасков: кучинов, коюконов, чипе-вайев и алгонкинов-наסקапи. Названия почти всех этих этносов так или иначе встретятся далее на страницах этой книги. Соответственно народы, живущие южнее этнографической границы Арктики, лучше именовать «бореальными» (от латинского borealis — «северный», принятый в географии термин для обозначения таежных лесов), подчеркивая тем самым их связь с лесной зоной.

Этноэкология, этническая экология, ethnoecology. Больше вопросов вызывает термин «этноэкология». В русскоязычной литературе до сих пор он встречался в виде определения (этноэкологический подход, этноэкологическая система и т. п.⁶). В последние годы все более популярным становится параллельный термин «этническая экология». Так определяется «особое научное направление на стыке этнографии и экологии человека. . . занимающееся изучением особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом. . . специфики использования этносами природной среды и их

воздействия на эту среду; традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем»⁷. Это емкое и, на мой взгляд, весьма удачное определение В. И. Козлова можно с успехом использовать для описания предмета этнической экологии и своеобразия этноэкологического подхода к изучению явлений культуры.

Среди научных направлений, освещающих с разных позиций взаимодействие человеческого общества с окружающей природной средой, *этноэкологии* (этот термин используется здесь всюду как более краткий синоним этнической экологии) принадлежит особое место. Для этноэкологии структурными единицами анализа являются не цивилизации, типы хозяйства, культуры или человеческие популяции, а этнические общности — народы (этноты) и их более мелкие субэтнические или локальные подразделения. Именно такой подход четко отделяет этноэкологию от культурной экологии, антропогеографии, географии человека, экологической антропологии, экологии человека и других смежных направлений, описывающих воздействие среды на систему хозяйства, социальные институты, расселение, приспособление человека к различным

Карта 3. «Арктические» народы СССР по Приполярной переписи 1926/27 г.

1 — южная граница субарктической тундры; 11 — южная граница лесотундры и редколесий; 1 — сламы; 2 — менцы, энцы, игамасаны, селькупы; 3 — коми; 4 — ханты; 5 — эвенки, эвены; 6 — якуты, догааны; 7 — чукчи, коряки, керекчи; 8 — юкагиры, чурянцы; 9 — эскимосы; 10 — русскоязычные группы метисного происхождения (затушранные крестьяне, русскоустыинцы, колымчане, марковцы, тикитинцы и др.); 11 — русские старожила, поморы

природным условиям, развитие человеческих обществ или популяций.

Если этносы (и этнические культуры) являются специфическими единицами анализа этноэкологии, то ее своеобразие мы должны искать и в особых методах исследования. Системность — основное требование современной науки; и эту черту этноэкология в полной мере унаследовала от обоих своих «родителей»: *этнографии* с ее системным подходом к этносу и учением о хозяйственно-культурных типах и *экологии человека*⁸. Конкретно это означает, что этноэкология стремится рассматривать этнос, его культуру, производственную деятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, т. е. представить их в виде сложной развивающейся системы.

Такой комплексный подход — не просто дань научной традиции. Он требует специальных методов анализа, основанных на выделении важнейших блоков и внутренних связей в системе; моделировании основных функциональных потоков и их количественном выражении; формализованной оценке производства и демографических процессов в человеческих коллективах, динамики природной среды и ее ресурсов. Этот путь дает возможность количественно охарактеризовать и сравнить разные исторические формы хозяйства и культуры и перейти к количественной оценке взаимоотношений человека и природы в ходе общественно-исторического процесса.

Сложность состоит в том, что в зарубежной, преимущественно англоязычной, литературе уже имеется термин *ethnecology*, который дословно также переводится как «этноэкология». Правда, зарубежные антропологи вкладывают в него иное содержание. Для них «этноэкология» — это изучение представлений об окружающей среде самих носителей местных культур⁹. Термин *ethnecology*, впервые употребленный в середине 1950-х годов американским этнографом Г. Конклином, стал популярен в 60-е годы, когда им стали называть особый подход в рамках более широкого направления, известного как *ethnoscience*, или «семантическая этнография». Его главная цель виделась в исследовании процессов познания и логической классификации явлений в различных культурах с помощью методов и концепций, разработанных в лингвистике, психологии и биосистематике.

Префикс *этно-* приобретал здесь особое звучание: он символизировал подход к различным явлениям с точки зрения членов изучаемой этнической общности¹⁰. Так, «этноистория» становилась описанием их концепций собственной истории; «этногеография» — совокупностью представлений о пространстве; «этноботаника» — отражением взглядов на организацию мира растений. Задача этноэкологии, в таком случае, «описать, во-первых, что люди знают об окружающей природе, и, во-вторых, как они используют эти знания в освоении окружающего мира»¹¹.

Подобный подход, разумеется, вполне приемлем для англоязычной традиции, где префикс *этно-* не имеет устоявшегося

13

содержания в научной классификации и для обозначения этнографии давно закрепился термин «культурная (или социальная) антропология». Но по-русски для этого гораздо удобнее пользоваться словом «народный»: народные знания, народная медицина, народная метеорология, народная систематика, народная экология и т. п. — по аналогии с все чаще употребляемым префиксом *folk* (*folk medicine*, *folk meteorology*, *folksystematics*, *folk botany*)¹². Тогда префиксом *этно-* будет естественно обозначать более широкие исследования на основе универсальных научных категорий и методик кросс-культурного анализа: этноистория, этнопсихология, этноэкология, этноботаника и т. п. Уже стало традицией именовать новые направления на стыке этнографии с другими дисциплинами такими составными терминами, включая их тем самым в систему этнографической науки. Следовательно, *этноэко-логию* мы можем определить как особое направление этнографии, изучающее формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды — как материальным, так и духовным — и использованием ее ресурсов. Отсюда понятен общий интерес этноэкологии к кросс-культурным описаниям этнических традиций и социальных форм природопользования,

рациональных знаний и навыков, представлений об окружающей среде. «Народная экология» (в понимании *ethnoecology*) становится одной из частей этого направления — наряду с описанием и изучением хозяйства, жизнеобеспечения, форм природопользования с помощью современных системных исследований, историко-этнографических реконструкций или классических методов полевой этнографии (наблюдение, опрос информантов и т. п.). «Арктической» в таком случае мы будем называть *этноэко-логию арктических народностей*, обитателей приполярных окраин материков Евразии и Северной Америки.

Понятийный аппарат этноэкологии: термины структуры. Два термина, на мой взгляд, выглядят основополагающими при таком понимании этноэкологии: жизнеобеспечение (*subsistence*) и адаптация (*adaptation*). Именно они легли в основу большинства современных концепций и породили множество производных образований. Первый термин был предложен американским этнографом Р. Лоуи¹³ и стал популярным в англоязычной литературе с послевоенного времени. Вторым термин заимствован из биологии (где он известен со времен Дарвина), а также общей экологии; в этнографических работах он стал широко употребляться с 60-х годов.

Впрочем, само понятие «жизнеобеспечение» можно в значительной мере считать оригинальным русскоязычным образованием. Этот образный перевод английского слова *subsistence* (дословно «существование, пропитание, средство поддержания жизни») первым из этнографов стал использовать С. А. Арутюнов. Очевидно, что «жизнеобеспечение» шире и понятийно богаче, чем «существо-

14

вание» и тем более «пропитание». На основе удачного термина появились новые производные категории, выходящие далеко за рамки исходного значения слова *subsistence*, под которым в зарубежной этнографии по-прежнему обычно понимают потребительские виды хозяйства, направленные на производство пищи: охоту, собирательство, ранние формы земледелия и скотоводства. Одним из ярких нововведений стало понятие «культура жизнеобеспечения» как особый компонент культуры этноса. Она включает все элементы материальной (и отчасти духовной) культуры, которые «непосредственно направлены на поддержание жизнедеятельности людей», т. е. поселение, жилище, одежда, пища и т. п.¹⁴ Отсюда же происходит термин «*система жизнеобеспечения*», который лежит в основе теоретических построений этой книги. Его можно определить как взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т. е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания. Оба понятия: культуры и системы жизнеобеспечения — выглядят скорее аналитическими категориями, более удобными для целей обобщения и типологизации, чем для полевого исследования. Их конкретным воплощением является термин «*природопользование*», т. е. практика освоения человеком ресурсов своей среды. В отличие от жизнеобеспечения понятие природопользования может иметь оценочный характер.

Современная экология различает, например, рациональное природопользование, которое обеспечивает потребности коллектива с учетом воспроизводства эксплуатируемых ресурсов, и природопользование нерациональное, ведущее к нарушению равновесия в экосистемах. В целом для традиционных обществ природопользование очень близко к привычному в этнографии понятию «хозяйство», но оно в большей степени включает природную сторону хозяйственной деятельности (ресурсы и экосистему в целом) и обязательно подразумевает ее духовную составляющую — рациональные знания, эмпирические представления о среде, систему их передачи и обучения и т. п.

Теперь нам необходимо определить понятие «модели», весьма важное для нашего исследования. Модель — сознательно упрощенный вариант системы жизнеобеспечения или природопользования этноса/субэтнической группы, взятый в строгих временных и пространственных границах для количественного описания или реконструкции. Именно на моделях — условных, достаточно генерализованных комплексах мы можем выполнить расчеты численности и плотности населения, получаемой коллективом продукции, его реальных и теоретических потребностей, нагрузки на осваиваемые ресурсы. Тем самым сразу очерчиваются рамки такой формы анализа: модель способна отразить лишь часть связей в системе, зато позволяет дать их точные количественные характеристики.

15

Понятийный аппарат: концепции динамики. Если термин «жизнеобеспечение» символизирует как бы

структурную основу этно-экологии, то другой главный ее термин — «адаптация» (дословно: приспособление) отражает динамизм человеческой культуры. Как известно, он используется в двух смыслах: для обозначения конкретной формы или особенности, благоприятной для существования в данной среде, и как синоним самого *процесса приспособления*, т. е. активного изменения и развития. Первое значение сейчас считается мало продуктивным: стремление объяснить все очевидные и многие неочевидные особенности культуры как «адаптации» к среде для современной науки выглядит явным упрощением¹⁶. Второе, более широкое значение адаптации, напротив, очень популярно, так как создает основу для своеобразной интерпретации развития этносов и их культур.

Известна точка зрения, что все этнические культуры представляют «конкретные специфические формы адаптации к среде и самовоспроизводства исторических общностей»¹⁷. Смысл этно-экологии здесь не в том, чтобы просто подчеркнуть стимулирующую или ограничивающую роль среды для развития культуры. Эта роль порой бывает очевидной, особенно в экстремальных экологических условиях. Более содержательным представляется анализ пути, по которому пошло развитие человеческой общности (ее культуры, жизнеобеспечения, природопользования) в условиях выбора одной из нескольких доступных возможностей в данной среде обитания. Такой выбор принято обозначать термином «адаптивная стратегия», или «стратегия адаптации» (*adaptive strategy*)¹⁸. Разумеется, он всегда определяется не только особенностями среды, но и уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями группы, внешним воздействием и множеством других социальных факторов.

Целый спектр этноэкологических исследований связан с определением условий этого выбора: его осознанностью или неосознанностью для человеческого коллектива, необходимостью активного преобразования среды или подчинения ее жесткому лимитирующему прессу и т. п. На этот счет существует немало точек зрения, выраженных в характерных ключевых понятиях. Одно из них — «оптимальная плотность населения» — было введено еще в начале нашего века английским историком и демографом А. Карр-Саундерсом. Он предложил обозначать так некий уровень плотности населения, который наиболее выгоден при данном типе хозяйства для получения максимума продукции на каждого члена коллектива¹⁹. Считается, что этот уровень зависит от способа жизнеобеспечения и возможностей среды обитания и что существуют определенные биологические и культурные механизмы, регулирующие его у разных народов²⁰.

Другое понятие — *carrying capacity* — не имеет нормативного русского эквивалента; лучше всего его перевести как «емкость местообитания» или «предельная экологическая емкость» (среды)²¹. Так называют максимум населения (максимальный

16

"размер популяции), способный при данном типе хозяйства устойчиво поддерживаться в определенной среде без нарушения ее экологического равновесия и деградации. Заимствованное из популяционной экологии, это понятие было очень популярным в 40—60-е годы в целом ряде гуманитарных дисциплин: географии человека, культурной экологии, доисторической археологии, географии населения — для объяснения механизмов взаимодействия человеческих обществ и окружающей среды²².

Как видно, оба понятия: «оптимальной плотности» и «предельной экологической емкости» — предполагают густодействие жестких связей между численностью человеческих коллективов и ресурсами среды обитания. В обоих случаях объяснение этих связей опирается на принципы популяционной экологии, переносимые на человеческие общества, во всяком случае на ранних этапах их истории. Считая, что традиционные и доисторические этносы были не способны активно изменять свою среду обитания, а лишь приспособлялись к ее условиям, сторонники такой точки зрения признают главным механизмом их существования экологическое равновесие (*equilibrium*) с доступными природными ресурсами. При этом утверждается, что человеческая популяция, как и входящие в ту же экосистему популяции животных и растений, должна стремиться к сохранению своего устойчивого, стабильного состояния на уровне 20—30 % предельной емкости местообитания²³. Неизбежный прирост населения в таком случае сознательно регулируется обществом — путем инфантицида (детоубийства), аборт, жертвоприношений, миграций, межплеменных войн; или же он уносится естественным образом в ходе периодически возникающих эпидемий или голодовок. Использование принципа «равновесия» при изучении традиционных и доисторических этносов имеет давнюю традицию в этнографической науке. Оно идет от первых обобщающих работ по демографии традиционных обществ (вспомним уже названную идею «оптимальной плотности» А. Карр-Саундерса), опубликованных еще в 20—30-е годы²⁴. Затем этот принцип был использован при описаниях относительно простых экосистем — островов или «ропических пустынь, включающих человеческие коллективы на Бтадии охоты, собирательства или примитивного земледелия»²⁵. •*В 50—60-е годы идеи равновесных, жестко регулируемых природно-социальных систем были исключительно популярны в Зарубежных работах по исторической демографии и археологии, Экологии традиционных

этносов (особенно охотников-собирателей, ранних земледельцев и скотоводов)²⁶. Свое отражение эти идеи получили и в некоторых советских публикациях²⁷. И лишь недавно они стали подвергаться переоценке и критике, которая зачастую имеет весьма жесткий характер²⁸.

Обсуждение концепции «равновесных» этносов и природно-социальных (этноэкологических) систем займет центральное место в этой книге. Важным элементом такой концепции стал тезис об особом экологическом поведении представителей древних

2 И. И. Крупник

17

и традиционных обществ, их бережном отношении к природным ресурсам, исключительно рациональных методах природопользования. Он возник на волне обостренного общественного внимания к проблемам глобального экологического равновесия в начале 1970-х годов. Эта волна породила идеализированный образ «гармоничных» (по отношению к природе) традиционных и первобытных культур в противовес современной индустриальной цивилизации, ведущей человечество к всемирной экологической катастрофе. Ранние охотники, скотоводы, земледельцы рисовались как своего рода «наивные» или «интуитивные» экологи, хорошо знавшие законы организации живой природы и неуклонно соблюдавшие их в своей повседневной жизни²⁹.

Своеобразное преломление концепция «равновесия» получила в рамках так называемой «новой экологии», или «неофункционализма» — особого течения американской экологической антропологии, оформившегося со второй половины 60-х годов³⁰. Сторонники этого направления (А. Вайда, Р. Раппопорт, К. Гиртц и др.) активно использовали методы и понятийный аппарат популяционно-экологии в изучении человеческих культур и ввели в этнографическую литературу целый ряд чисто экологических терминов: пищевая цепь, трофический уровень, поток энергии и т. п. Ключевым для «новой экологии» было понятие экосистемы — сообщества различных живых организмов (включая и человеческую группу) и их среды обитания, объединенный круговоротом вещества, энергии и информации. Средством сохранения экосистемы выделялся *гомеостаз* (от греч. *гомео* — «то же самое», *стасис* — «состояние»), т. е. способность всех элементов к саморегуляции и возвращению в исходное состояние в случае каких-либо изменений³¹.

Идея гомеостаза была важным шагом в объяснении принципов развития первобытных и традиционных этносов. Во-первых, она включала возможность изменений самой среды обитания, как случайных, так и закономерных, в том числе вызванных производственной деятельностью человека. Во-вторых, на смену идее пассивного, стабильного равновесия пришло понимание активной роли всех элементов системы, и в первую очередь человеческой группы, в общей саморегуляции. В-третьих, динамический гомеостаз с его циклами, казалось, весьма удачно объяснял логику длительного исторического существования традиционных обществ, в которую могли быть вписаны не только процессы хозяйства, распределения и демографического воспроизводства социума, но и сфера его духовной и психологической жизни. И все же эта концепция была слишком ориентирована на идею замкнутости экосистемных «циклов», не объясняя таким образом Механизмов поступательного развития общества. Эти и другие ее ограничения вызвали достаточно суровую критику в конце 70-х годов и известный упадок интереса к экосистемным исследованиям в этнографии. Тем не менее в развитии этноэкологии, в том числе и арктической, такие исследования сыграли очень важную роль.

18

Разумеется, невозможно на нескольких страницах изложить историю теоретических поисков в этноэкологии. Это обширная, быстро развивающаяся область исследований, насчитывающая уже сотни публикаций, в том числе больших монографий³². Этно-экологические идеи и интерпретации все шире проникают из этнографии в смежные дисциплины: историческую демографию и археологию первобытных и раннеклассовых обществ, культурологию, популяционную генетику и др. Ярким и совершенно особым направлением этноэкологии являются работы Л. Н. Гумилева и его концепция этногенеза как природного (географического) процесса³³. Такая «экспансия» этноэкологии, как и ее разветвление на несколько самостоятельных течений, служат, на мой взгляд, лучшим доказательством перспективности новой науки. Поэтому здесь мы ограничимся лишь одной темой, имеющей прямое отношение к цели нашего исследования — этноэкологией коренного населения Советской и Зарубежной Арктики.

Из истории арктической этноэкологии. Этноэкологические исследования в Арктике очень молоды.

Еще в 1955 г. американский этнограф М. Лэнтис, автор многих книг об американских эскимосах и алеутах, напечатала следующие горькие слова: «Хотя почти каждый, кто писал о культуре эскимосов, восхищался ее адаптацией к среде обитания, практически никто за последние годы не изучал детально какие-либо экологические проблемы, связанные с эскимосами. [Поэтому]. . . обзор имеющихся экологических публикаций по эскимосской культуре может быть сделан очень быстро»³⁴.

В этой фразе была, конечно, доля преувеличения. Многие авторы не только «восхищались» эскимосской культурой, но и подробно описывали жизнеобеспечение, природопользование, экологический опыт эскимосов, начиная с первых десятилетий

Ал в. И все же первый специальный этноэкологический проект в Американской Арктике действительно относится только к середине 50-х годов (программа Р. Спенсера «Экология человека в арктической части Аляски», 1953—1955)³⁶. С этого времени, видимо, можно говорить о становлении «арктической этноэкологии» как самостоятельной области исследований.

Последующие десятилетия были временем ее очень быстрого развития, особенно в США и Канаде, где в 70-е годы этноэкология стала бесспорно ведущим течением в этнографическом изучении Севера. На этом фоне прогресс этноэкологических исследований в Советской Арктике выглядит пока весьма скромным. По существу здесь они только разворачиваются благодаря усилиям сравнительно небольшой группы этнографов, археологов, биологов-североведов.

Растущий общественный и научный интерес к проблемам будущего северных народов, тревога за сохранение их культурного наследия и опыта природопользования стали одним из важнейших стимулов подобных исследований.

2«

19

В истории этноэкологического изучения Американской Арктики начиная с 50-х годов прослеживается несколько независимых направлений³⁷. Хронологически первое из них было связано с осуществлением проекта «Колесница» (Chariot) — научной программы Комиссии по атомной энергии США, нацеленной на мирное использование ядерных взрывов при строительстве каналов, искусственных гаваней и других крупных сооружений.

В 1958 г. для первого экспериментального «мирного» взрыва был выбран участок на севере Аляски у побережья Чукотского моря. Быстро выяснилось, однако, что предложенный для эксперимента район, как и выбранный тип среды обитания (арктическая тундра), относится к числу наименее изученных с географической, экологической и историко-культурной точек зрения. Поэтому в 1959—1962 гг. около сотни ученых разных специальностей работали в Арктической Аляске по заданию Комиссии по атомной энергии США³⁸.

Ядерный взрыв на Аляске так и не был произведен. Но в рамках проекта «Колесница» родилась первая школа в американской арктической этноэкологии, которая оказала огромное влияние на ее дальнейшее развитие.

Становление этой школы связано с именем Дона Фута (1931 — 1969) — активного участника проекта, продолжившего затем этно-экологические исследования в разных районах Американского Севера.

Д. Фут был убежденным сторонником системного анализа жизнедеятельности человека в Арктике. Объектом его изучения были современные и традиционные системы жизнеобеспечения американских эскимосов, а предлагаемый подход ориентировался на создание сложных экологических моделей, включавших эскимосские коллективы и используемые ими ресурсы. Главной задачей Д. Фута считал количественный анализ жизнеобеспечения через изучение потока энергии от природной среды к популяциям промысловых животных и далее — к человеку³⁹.

Очень важен прямой вклад Д. Фута в методику этноэкологических исследований. Он был первым, кто подчеркнул важность исторического изучения аборигенных систем жизнеобеспечения и использования для их реконструкции литературных и архивных источников, устной традиции местного населения.

Этот подход он продемонстрировал на примере трех групп эскимосов Аляски, сделав количественную реконструкцию их жизнеобеспечения на середину XIX в. (!). Ему принадлежат также первые расчеты пищевой ценности и калорийности основных объектов добычи эскимосских охотников⁴⁰.

Работы Д. Фута оказали влияние на целое поколение ученых и стимулировали серию этноэкологических изысканий в разных частях Американской Арктики⁴¹.

Вторым источником развития американской арктической этноэкологии стала археология. С конца 50-х годов при объяснении

20

истории древних культур американские археологи, работающие в Арктике, стали активно использовать экологические данные, свидетельства прежних изменений климата, растительности, природных ресурсов. Попытки опереться на экологические материалы немедленно потребовали выработки новых понятий, специального терминологического аппарата. И здесь археологи не просто воспользовались уже известными терминами типа «жизнеобеспечение», «адаптация» и др., но и предложили свою оригинальную их интерпретацию⁴².

Археологи проявили большой интерес и к главной теме арктической этноэкологии — реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения и природопользования коренных жителей Арктики. В ее разработку они внесли важный вклад, включая большое число публикаций чисто этнографических или этноархеологических по жанру и методу исследования⁴³. Активное изучение аборигенных форм природопользования в ряде районов Американского Севера: на Алеутских островах, в Северной Аляске, на восточном побережье полуострова Лабрадор — было напрямую вызвано многолетними раскопками археологов.

Третье направление арктической этноэкологии появилось с конца 1960-х годов. Оно было связано с

политическим движением коренного населения Американской Арктики, отстаивавшего свои права на используемые земельные угодья. В рамках многих судебных исков и договоров, заключенных в конце 60—70-х годов ассоциациями коренных жителей Аляски и Канадского Севера с правительствами и местными властями, постоянно фигурировал термин «жизнеобеспечение» (subsistence). В данном контексте он означал использование местным населением охотничье-промысловых ресурсов для собственного потребления. Его применение вызвало, однако, множество проблем, поскольку было неясно, что считать «потребительским жизнеобеспечением» и кто имеет преимущественные права на использование местных промысловых ресурсов⁴⁴.

Возникновение на рубеже 60—70-х годов региональных объединений (корпораций) коренного населения Аляски и Канады поставило понятие «жизнеобеспечения» в центр экономических, политических и духовных чаяний аборигенов Американского Севера. Появился даже новый термин «ценности жизнеобеспечения», который охватил весь комплекс методов хозяйствования, воззрений и норм, связывающих коренное население с его средой обитания и ресурсами. Резко возрос интерес к национальным традициям природопользования, экологическому опыту местных культур.

Со второй половины 70-х годов региональные объединения американских эскимосов, индейцев, алеутов при поддержке правительственных организаций стали финансировать специальные программы по изучению своего экологического наследия. В них активно участвуют профессиональные этнографы и археологи⁴⁵. Эти работы уже принесли огромный объем новой информа-

21

ции, относящейся как к традиционным, так и современным формам жизнеобеспечения жителей Арктики.

Быстро растущий общественный интерес к местным традициям природопользования привлек внимание к ним различных государственных ведомств и научных центров США и Канады, занятых охраной природных ресурсов (Служба национальных парков США, Департамент охоты и рыболовства штата Аляска, Департамент возобновляемых ресурсов Северо-Западных территорий и др.). Хотя главным объектом их интереса остаются особо ценные или редкие виды промысловой фауны — дикие олени-карибу, гренландский и серый кит, водоплавающая дичь, тихоокеанские лососи и др., эти организации также активно финансируют программы по изучению аборигенных форм жизнеобеспечения и традиций природопользования. С конца 70-х годов такие «ресурсные» программы фактически стали четвертым направлением в зарубежной арктической этноэкологии⁴⁶. Таким образом, облик американской арктической этноэкологии с момента ее становления определялся тремя чертами: этноисторической ориентацией, прикладной направленностью и особым идеологическим звучанием, ориентированным на сохранение культурных ценностей коренного населения. Этим работы по этноэкологии Американской Арктики заметно отличаются от аналогичных изысканий в других регионах (среди индейцев Южной Америки, бушменов Южной Африки, папуасов Новой Гвинеи, австралийских аборигенов), которые также активно развивались в 60—70-е годы. Чисто академические разработки — их можно считать пятым направлением в зарубежной арктической этноэкологии — относительно немногочисленны. В большинстве они также посвящены анализу аборигенного природопользования или таким специфическим проблемам, как инфантицид, социальная организация арктических охотников, варианты адаптивных стратегий в Арктике и т. п.⁴⁷

В отличие от специалистов по Американскому Северу в распоряжении советских исследователей больше конкретной информации, старой демографической и хозяйственной статистики, относящейся к XIX—первым десятилетиям XX в. Ее основу составляют материалы землеустроительных, охотоведческих и этнографических экспедиций, специальных нехозяйственных обследований, проводившихся в 1920—1930-е годы во всех районах Советской Арктики. Эта информация по своему значению уникальна. Она может быть дополнена архивными документами XIX в. и даже более раннего времени: списками населения, сведениями об уплате ясака или отпуске продуктов питания, административными обзорами положения местных жителей и т. п. Все это — бесценные источники для реконструкции традиционного жизнеобеспечения и природопользования обитателей Крайнего Севера.

К сожалению, куда меньше сопоставимых материалов мы имеем для более позднего и современного периодов. В 40 —

22

60-е годы интерес к изучению взаимоотношений северных народов со своей средой обитания в значительной мере угас. Сохранились лишь детальные этнографические описания хозяйства и материальной культуры или, напротив, широкие типологические обобщения: от первых схем В. Г. Богораза⁴⁸ до учения о хозяйственно-культурных типах, которое с первых своих шагов активно

использовало материалы по народам Сибири. Этой традиции мы обязаны общей типологией форм хозяйства аборигенов Арктики и первыми попытками их картографирования⁴⁹.

Оживление в изучении традиционного жизнеобеспечения и природопользования народов Северной Евразии наступило лишь в последние два десятилетия. Интересно, что здесь отчетливо различимы те же основные направления, которые характерны и для этноэкологии Американской Арктики. Но соотношение между ними выглядит совершенно иначе. Ведущее место среди советских публикаций бесспорно занимают пока исторические описания традиционного хозяйства северных народов, а также их рациональных знаний, норм природопользования, идеологических представлений⁵⁰.

Растет популярность этноэкологических объяснений при археологических реконструкциях, особенно там, где археологи работают в тесном сотрудничестве с этнографами и палеогеографами⁵¹. Гораздо скромнее представлено изучение нагрузки традиционных и современных форм природопользования местного населения на экосистемы, его опыта в освоении природных ресурсов⁵².

И лишь первые шаги делаются у нас в изучении места и перспектив аборигенных форм жизнеобеспечения в рамках современной структуры хозяйственного освоения Севера. Здесь, как и в Американской Арктике, сразу возникают серьезные социальные, экономические и нравственные проблемы. Современная промышленность, индустриальные формы освоения природных ресурсов неуклонно движутся на Север. Это ведет к обострению экологической ситуации во многих районах. Биологи, экологи, работники природоохранных служб требуют экологически «чистых» технологий производства, отказа от наиболее агрессивных форм и концепций техногенного воздействия на природу.

В этой будущей стратегии более рационального, экологически сбалансированного освоения северных территорий должно быть найдено место для коренного населения Арктики. Неизбежный шаг здесь — признание исторической, экономической и нравственной ценности аборигенных форм природопользования⁵³. Как и на Американском Севере, такое развитие должно изменить прежний академический облик арктической этноэкологии. Своеобразная, малоизвестная область этнографии постепенно становится сферой конкретных экономических расчетов, практических решений, острых дискуссий с теми, кто по-прежнему отстаивает приоритет крупномасштабных, индустриальных форм эксплуатации северных ресурсов. И в этом видится новый, глубоко актуальный смысл

23

изучения традиционного хозяйства и природопользования народов Севера.

Принципы этноэкологической реконструкции. Сказанное выше позволяет увидеть два главных принципа этноэкологического описания: системность и «модельный» подход. Предложено даже специальное понятие, связывающее оба эти начала в единый структурный комплекс, — «антропогеоценоз». В понимании В. П. Алексева, это пространственная система, состоящая из определенных компонентов (территории, хозяйственного коллектива, его производственной деятельности и т. п.), которые соединены сложными функциональными связями: информационным полем, энергетическими импульсами, пищевыми цепями⁵⁴.

Такое определение дает понятийную конструкцию или, точнее, удобную схему для конкретного этноэкологического описания. Ранее я использовал его как основу близкого понятия «этноэко-система» (этноэкологическая система), считая антропогеоценоз нижней таксономической единицей такой системы, а ее высшим уровнем — хозяйственно-культурный тип, понимаемый, правда, как структурная, а не типологическая категория⁵⁵.

Главной особенностью всех видов выделяемых ^ложных систем нужно считать их многокомпонентность. Поэтому любая этноэкологическая реконструкция предполагает генерализацию и сведение образующих систему структурных единиц в несколько основных блоков.

При описании моделей жизнеобеспечения и природопользования аборигенов Арктики число таких блоков можно в принципе ограничить до *четырех*, учитывая относительную простоту северных экосистем, специфику хозяйства и уровень материальной культуры коренного населения.

1. *Освоенная территория* — совокупность используемых коллективом земельных угодий с их значимыми для данной формы жизнеобеспечения природными ресурсами. Обычно включает целиком или частично несколько биотопов (природно-террито-риальных комплексов), а также водные участки, где ведется морской промысел, рыболовство или прибрежное собирательство. Как компонент этноэкологической системы имеет несколько главных количественных характеристик: общую площадь (и площадь отдельных используемых угодий); биологическую продуктивность важнейших промысловых ресурсов, их общую биомассу, полезную продукцию и т. п.

Освоенная территория превращает этноэкосистему из научного понятия в реальную пространственную единицу, имеющую четкую площадь, местоположение и границы. В основе здесь лежит принцип территориальности человеческих коллективов, т. е. стремление каждого социума иметь «свою» закрепленную часть среды обитания с правом на преимущественную эксплуатацию ее ресурсов.

24

Этнографические материалы из самых разных районов мира свидетельствуют об универсальности этого принципа для любой системы жизнеобеспечения, но считается, что он был особенно характерен для первобытных и традиционных обществ на стадии промыслового и ранних этапах производящего хозяйства⁵⁶.

2. *Хозяйственный коллектив* — в небольшой этноэкосистеме совпадает с *общиной* — наиболее динамичной экономической и социальной ячейкой традиционного общества, способной к демографическому воспроизводству и самостоятельному развитию⁵⁷. В соответствии с половозрастным разделением труда хозяйственный коллектив распался на несколько компонентов: взрослое трудоспособное население (отдельно мужчины и женщины); нетрудоспособные старики — хранители знаний, производственных навыков, социальных и этических норм; не достигшие рабочего возраста дети и подростки⁵⁸. Существенно и другое структурное деление общины — на отдельные производственные, или хозяйственные (по В. Р. Кабо) группы — постоянные или сезонные объединения, способные вести относительно самостоятельное существование.

При этноэкологическом описании коллектива-общины помимо общей численности и основных структурных характеристик (половозрастной состав, доля трудоспособных и т. п.) важны и динамические показатели: уровень рождаемости, смертности и естественного прироста; интенсивность различных форм демографического «регулируемого»; способность к численному росту в благоприятных условиях.

3. *Популяции домашних животных* — особый компонент этно-экосистемы, чье существование полностью определяется производственной деятельностью человека. Для этноэкосистем арктических народностей это было поголовье собак и домашних северных оленей, принадлежавших членам общины. Важнейшие количественные показатели: общая численность, половозрастная структура, естественная и искусственная, т. е. регулируемая человеком динамика, пищевые потребности и расход труда или биологических ресурсов для их обеспечения.

4. *Производственно-бытовой инвентарь* — материальные предметы, созданные коллективом для жизнеобеспечения: жилые и хозяйственные постройки, орудия труда и промысла, средства передвижения, одежда, утварь. В целом этот компонент составляет материальную часть «культуры жизнеобеспечения». При его этноэкологическом описании важны следующие количественные характеристики: число и размеры отдельных составляющих элементов, продолжительность их использования, расходы труда и продукции на общее и ежегодное обновление, потребительская ценность в натуральных эквивалентах.

Эти четыре блока традиционных этноэкосистем арктических народов объединялись набором функциональных связей, которые обеспечивали жизнеобеспечение коллектива в процессе производства, потребления и обмена продукцией. Для анализа таких

связей было предложено несколько методов, включая составление детальных схем этноэкосистемы с измерением энергетических (или других) потоков между блоками и даже моделирование их по принципу «электрической цепи»⁵⁹. Другой путь — расчет весьма информативных численных соотношений: между расходом энергии в процессе трудовой деятельности и ее приходом в виде полученной продукции (Р. Ли для бушменов кунг); между потребностями коллективов в пище и возможностью их удовлетворения за счет ресурсов экосистемы (Д. Фут для эскимосов Аляски); между продуктивностью различных типов жизнеобеспечения, емкостью местообитания и реальной плотностью населения (Р. Карнейро, Д. Гросс для индейцев Амазонии, Р. Кастил для Северной Америки)⁶⁰.

Уже к началу 80-х годов число изученных таким образом групп достигло трех десятков, включив этносы охотников, рыболовов, собирателей, скотоводов, мотыжных и плужных земледельцев четырех континентов⁶¹.

Для описания традиционных моделей жизнеобеспечения арктических народов я выбрал иной путь количественной оценки. Он известен в различных науках, прежде всего в географии под названием «метод балансов». Суть его заключается в составлении уравнения прихода и расхода какого-либо вида вещества или энергии в системе и нахождении далее фактической разницы между приходом и расходом — балансового сальдо⁶². Для традиционного коллектива так можно рассчитать его *баланс жизнеобеспечения*, т. е. соотношение между потребностями в пище, топливе, сырье для производства и обмена и фактическим получением необходимой продукции.

Именно это соотношение показывает, насколько эффективно использовал коллектив ресурсы своей территории и находились ли его размеры и потребности «в гармонии» со средой обитания. Самой удобной формой для таких подсчетов является *годовой баланс*: он суммирует характеристики системы жизнеобеспечения за один полный хозяйственный цикл. В идеале анализ системы жизнеобеспечения должен опираться на серию из нескольких годовых балансов, желательно за разные периоды времени.

С середины 1960-х годов в зарубежных этноэкологических исследованиях стало принято измерять внутренние связи в сложных экосоциальных сообществах в единицах энергии (килокалориях) ⁶³. Такой «энергетический подход» имеет свои ограничения, но зато позволяет сравнивать разные типы систем жизнеобеспечения и связывать их отдельные компоненты с помощью универсальных количественных показателей. Интересно, что первым идею об энергетической оценке традиционных форм хозяйства народов Севера высказал еще в 1928 г. русский зоолог-охотовед С. А. Бутурлин. Он же подробно обосновал ее методические преимущества: универсальность, удобства пересчета, возможность сопоставления потребительской и товарной продукции ⁶⁴.

Правда, идеи С. А. Бу-

26

турлина нашли свое реальное воплощение совершенно независимо лишь 30 — 40 лет спустя в работах Д. Фута и его последователей на Аляске и в Канаде. Это позволило сравнить на единой основе формы традиционного и современного жизнеобеспечения нескольких групп эскимосов Американской Арктики: от острова Святого Лаврентия до Баффиновой Земли. Поэтому главные балансы жизнеобеспечения народов арктической части Евразии составлены мной также в единицах энергии и дополнены некоторыми натуральными показателями ⁶⁵.

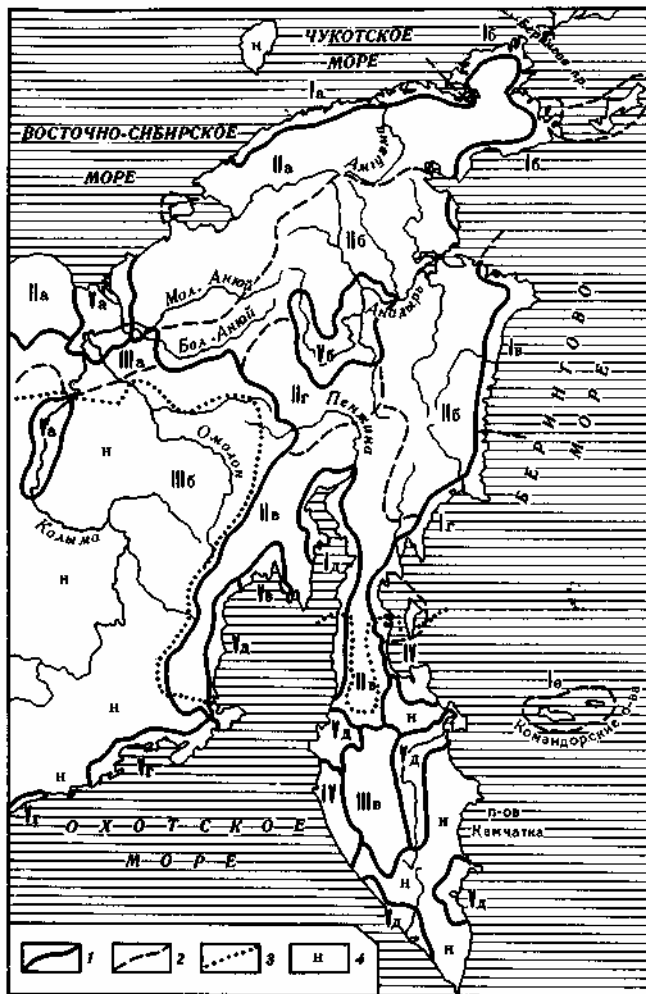
Итак, предлагаемый подход к описанию традиционного жизнеобеспечения арктических народов включает: 1) выбор нескольких «модельных» этноэкосистем; 2) детальный анализ основных компонентов (блоков) системы; 3) количественную характеристику важнейших внутренних связей; и 4) составление серии балансов; потребностей и полученной продукции за конкретные годы для определения положительного или отрицательного сальдо потребления.

Примеры такой реконструкции нескольких моделей традиционного жизнеобеспечения народов Северной Евразии даются в следующих двух главах книги.

, *Поле исследования*. Выбрав метод описания, необходимо сразу же очертить читателю его возможности и неизбежные ограничения. Энергетический подход и балансовый метод как его форма ориентированы в целом на анализ производства и потребления, т. е. в первую очередь на хозяйство, природопользование, демографические процессы, экологическое поведение. Ясно, что при этом как бы остается в стороне адаптивное значение других форм человеческой культуры: поселения и жилища, одежды, социальных институтов, а также чисто физиологических механизмов взаимодействия человека со средой: климатической адаптации, особенностей питания и обмена, трудовой деятельности. Но даже непосредственно в сфере производства и жизнеобеспечения имеется огромный пласт мировоззренческих, ритуальных, этических и чисто социальных отношений, которые куда легче поддаются этнографическому наблюдению, чем количественной формализации. Все эти связи нашли в книге скорее косвенное, нежели прямое отражение.

Реконструкция традиционных балансов жизнеобеспечения, как увидит далее читатель, требует такого количества цифровой информации, что ее немисливо выполнить с равной детальностью Для всего обширного пространства Арктики. Оптимальный путь здесь, как стало ясно из опыта реконструкций Д. Фута, — выбрать несколько модельных коллективов с разными системами жизнеобеспечения. Такие модели можно подробно описать, либо собрав все необходимые показатели в ходе полевого исследования, либо суммировав нужные данные по документальным источникам (если они, к счастью, имеются). Эти условия потребовали от автора ⁶Ще нескольких ограничений.

27

Карта 4. Традиционные формы жизнеобеспечения на северо-востоке Азии в конце XIX—начале XX в. (Курпик, 1988)

1 — границы основных форм жизнеобеспечения; 2 — границы этнических или локальных вариантов; 3 — этнографические границы Арктики; 4 — незаселенные или редко осваиваемые территории; 1 — морской зверобойный промысел (индексы вариантов): 1а — арктический чукотский; 1б — Берингова пролива; 1в — керекский; 1г — восточный корякский; 1д — западный корякский; 1е — командорский; 2 — крупнотабное кочевое оленеводство: 2а — чукотский арктический; 2б — чукотский континентальный; 2в — корякский; 2г — чуванский; 3 — мобильная охота с транспортным оленеводством: 3а — арктический; 3б — субарктический; 3в — горно-лесной; 4 — интенсивное речное рыболовство; 5 — смешанное жизнеобеспечение старожильческого и метисного населения: 5а — колымский; 5б — анадырский; 5в — гижигинский; 5г — камчатдадьско-охотский; 5д — камчатский

28

Географически поле исследования ограничено в основном территорией Советской Арктики и точнее — южной частью тундровой зоны Евразии. В этой полосе, простирающейся почти на 8 тыс. км от Кольского полуострова до Берингова моря, в прошлом были распространены пять основных типов хозяйства (форм традиционного жизнеобеспечения): 1) оседлый морской зверобойный промысел; 2) крупнотабное кочевое оленеводство; 3) мобильная охота с вспомогательным транспортным оленеводством; 4) интенсивное оседлое рыболовство; и 5) смешанное промысловое хозяйство старожильческого и метисного населения. Все они были представлены в виде большого числа этнических и (или) локальных вариантов (карта 4). Три главные формы жизнеобеспечения: морской промысел, внутреннее рыболовство и мобильная охота — имеют очень древнее происхождение и непосредственно восходят к автохтонным неолитическим культурам Северной Евразии. Две другие формы: крупнотабное оленеводство и смешанное жизнеобеспечение старожильческого населения — напротив, сравнительно молоды и сложились только в XVII — XIX вв. В целом их общая и региональная (этническая) характеристика хорошо известна, и нет необходимости останавливаться на этом подробно⁶⁷.

Экономически балансный анализ проведен для двух главных форм жизнеобеспечения населения

тундровой зоны Евразии: морского зверобойного промысла и крупностадного кочевого оленеводства. К концу XIX—началу XX в. они были основой существования более 40 тыс. человек, или примерно 2/3 обитателей Европейской и Сибирской Арктики. Свыше 30 тыс. из них составляли (по данным Похозяйственной переписи 1926/27 г.) оленеводы с узкоспециализированным оленеводческим хозяйством — «олен-ные» чукчи, коряки и чуванцы, европейские и сибирские ненцы (кроме самых восточных групп), часть северных хантов и коми-ижемцев; и около 10 тыс. — оседлые приморские охотники: азиатские эскимосы, береговые чукчи и коряки, кереки, отдельные группы ненцев и саамов. Можно, видимо, говорить, что крупностадное оленеводство и оседлый зверобойный промысел были наиболее совершенными формами адаптации традиционных этносов к арктической среде обитания; во всяком случае, они отличались наибольшей устойчивостью и экономической продуктивностью.

Этнически реконструкция балансов жизнеобеспечения привязана к тем народам Северной Евразии, у которых названные формы получили наиболее законченное, специализированное развитие: азиатским эскимосам (морской промысел), тундровым ненцам и оленным чукчам (крупностадное оленеводство). Этнографические материалы по этим народностям, точнее — их локальным или субэтническим группам составили фактическую базу проведенного исследования. В заключительных главах книги они дополнены также данными по другим аборигенным этносам арктической зоны Евразии и Северной Америки.

29

Наконец, *хронологические* рамки балансового анализа традиционного жизнеобеспечения были определены кругом наиболее полных источников. Известно, что самые подробные статистические данные о жизнеобеспечении народов Севера относятся к 1920—1930-м годам: опубликованные и архивные материалы Похозяйственной переписи 1926/27 г.; местные нехозяйственные, землеустроительные и оленеводческие обследования; экономическая статистика и т. п. Этот хронологический срез и выглядит наиболее предпочтительным для этноэкологической реконструкции. Он хорошо дополняется материалами, которые можно успешно собирать при полевом этнографическом исследовании: воспоминаниями людей старшего поколения о своем детстве, юношеских годах или рассказах о «своем времени» их родителей.

При таком подходе очерчивается единица этноэкологической реконструкции, которая хорошо известна этнографам. Это — устойчивая группа людей, связанная совместным использованием своей территории, т. е. общим трудом и расселением, осознанием своего единства, тесными узами кровнородственных, свойственных и соседских отношений. Ближе всего такая группа соответствовала понятию «соседской общины» по определению Б. О. Долгих⁶⁸; она насчитывала обычно 100 — 300, максимально до 400 — 500 человек,

v

Все реконструкции традиционных моделей жизнеобеспечения азиатских эскимосов, ненцев и чукчей в первые десятилетия XX в. проведены в этой книге на примере отдельных соседских общин. Их характеристики и условия отбора изложены в соответствующих главах.

Анализ традиционного жизнеобеспечения и природопользования народов Арктики потребовал гораздо более широкого привлечения экологической информации, чем это принято в этнографических публикациях. Поэтому своеобразие некоторых биологических или географических терминов, цитируемых источников не должно удивлять читателя. Комплексность балансового подхода, в котором важную роль играет оценка потребностей человеческих коллективов, анализ их структуры и динамики, предопределила постоянное обращение к демографическим и другим статистическим материалам. Я рассматриваю это как закономерное следствие системности этноэкологического исследования, где успех в значительной мере зависит от широты используемых данных.

Но смысл этноэкологического анализа состоит не просто в цифровом описании системы жизнеобеспечения этноса, вернее — ее конкретных синхронных моделей. Как все элементы этнической культуры, система жизнеобеспечения имеет свою историю. Она возникает из некоего исходного состояния, достигает определенного уровня развития, затем эволюционирует и сменяется другой. Обычно эти этапы совпадают с главными вехами истории этноса, но далеко не всегда связь бывает прямой и очевидной.

Это значит, что всякую форму жизнеобеспечения мы должны

30

оценивать и как *адаптивную стратегию*, т. е. путь культурной адаптации, выбранный этнической группой в конкретных социально-исторических и экологических условиях. Условия эти, однако, не остаются неизменными, а, напротив, постоянно меняются под влиянием социально-исторических и природных процессов.

Проследить эти две достаточно независимые линии динамики жизнеобеспечения, оценить степень их взаимосвязи и взаимной обусловленности можно лишь на основе широкого круга исторических, палеоэкологических, археологических и других источников. Именно с таких позиций рассматривается

эволюция арктического зверобойного промысла и крупностадного оленеводства в заключительных главах книги.

Такое соединение синхронного и диахронного подходов позволяет показать читателю весь спектр поиска в этноэкологии, возможности используемых ею методов этнографического и историко-генетического исследования.

¹ КГЭ. I. 130.

² Зарубежные авторы иногда проводят эту границу по июльской изотерме 50° F.

³ Александрова, 1977, 4; Руте, 1985, 3; Arctic, 1984, 27; Washburn, Weller, 1986, 634.

⁴ Burch, 1983.

⁵ Территория расселения перечисленных народов, этнических и локальных групп на Крайнем Севере СССР в административных границах 1926 г. охватывала: северные районы и волости Мурманской области, Архангельской губернии, Коми автономной области, Тобольского, Красноярского, Булунского, Колымского и Камчатского округов (в современных границах — север Мурманской области и Коми АССР, территории Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Таймырского автономных округов, северные районы Якутской АССР, Чукотский и большую часть Корякского автономного округов с прилегающими северо-восточными районами Магаданской области), а также обитаемые острова арктических морей — см. карту: Похозяйственная перепись, 1929. Всего на этой территории в 1926 г. проживало 69,5 тыс. человек, в том числе около 62 тыс. аборигенного населения, 2,2 тыс. представителей метисных русскоязычных групп и около 3 тыс. русских (поморов и других «старожилов»).

⁶ Крупник, 1976в; Бромлей, 1981, 254; Козлов, 1983.

⁷ Козлов, 1983, 8.

⁸ О различных взглядах на предмет и задачи «экологии человека» см.: Bates, 1953, 700-702; Артановский, 1975, 124-126; Воронов, 1975, 101-109; Харрисон и др. 1968, 331-422.

⁹ Ellen, 1982, 206-207; Fowler, 1977, 215-216; Hardesty, 1977, 16-17; Vayda, Rappaport, 1968, 489—490.

¹⁰ Sturtevant, 1964, 99-100; Conklin, 1954; Ellen, 1982, 207; Fowler, 1977, 216.

¹¹ Anderson J., 1973, 168.

Ср.: Brown, 1985 с библиографией последних публикаций, где используются подобные термины.

" Lowie, 1938.

Культура жизнеобеспечения, 1983, 8—9, 55; Арутюнов, Мкртумян, 1985, 20—22. Реймерс, Яблоков, 1982, 61, 97.

° См. подробнее: Alland, McCay, 1973, 167-169; Alland, 1975, 163-164. Арутюнов, Мкртумян, 1985, 27.

∕ Kirch, 1980, 129-130; Bennett, 1976, 271-272.

Carr-Saunders, 1922, 200. В современных работах в том же значении чаще используется термин «оптимальное население» (optimum population) — Словарь, 1976, 142; Freeman, 1970, 145.

³¹

²⁰ Достаточно полное современное изложение этой концепции см.: Харрисон и др., 168, 408-418.

²¹ За этот перевод я искренне признателен А. В. Яблокову. Географы иногда используют термин «потенциальная продуктивность» (Словарь, 1975, 179); в этнографической литературе лишь однажды был предложен перевод «предельный уровень» (Березкин, 1984).

²² См. подробнее: Alland, 1975, 64; Brush, 1975, 799-802; Hardesty, 1977, 286; Maserang, 1977, 474; Weeden, 1985, 116.

²³ Birdsell, 1968, 230; Casteel, 1972, 19; Divale, 1972, 233.

²⁴ Carr-Saunders, 1922, 201—216; Krzywicki, 1934, 269. Этот же принцип был использован и в первой работе по теории этноса: Широкогоров, 1923, 122.

²⁵ Adams, 1935; Birdsell, 1953; Thompson, 1949; См. подробнее: Стоддарт, 1971, 227-230.

²⁶ Birdsell, 1958; 1968, 229, 240; Binford, 1968, 323; Deevey, 1960; Divale, 1972, 223; Freeman, 1970, 145; Hayden, 1972, 206-207; Stott, 1969, 132.

²⁷ Авербух, 1967, 18-24; Вишневецкий, 1976, 24-27; Григорьев, 1974, 66 и др.

²⁸ Vaumhoff, 1981, 86; Ellen, 1982, 186-187; Henneberg, 1975. Salisbury, 1975, 128-145; Vayda, McCay, 1975, 298-302.

²⁹ Ср.: Hughes J., 1983, 1-3, 137-139; Vacey, 1980.

³⁰ Пионерные работы: Vayda, Rappaport, 1968; Rappaport, 1968. См. также: Anderson J., 1973, 199-200; Alland, 1975, 63-65; Ellen, 1982, 74-78, 104-117; Hardesty, 1977, 15—16; Vayda, 1976, 645. Критический анализ этого подхода см.: Vayda, McCay, 1975, 293-298; Ellen, 1978, 298-299; Orlove, 1980, 241-244.

³¹ Одум, 1975, 48; Реймерс, Яблоков, 1982, 37.

³² Обзоры и библиографии зарубежных работ см.: Anderson J., 1973; Orlove, 1980; Vayda, McCay, 1975; советских публикаций — Боряз, Маслиева, 1984.

³³ Ср.: Гумилев, 1970; 1979 и др.

³⁴ Lantis, 1955, 195.

³⁵ Ср.: Steensby, 1917; Weyer, 1932; Mikkelsen, 1944; Larsen; Rainey, 1948.

³⁶ Ее итогом стала известная монография: Spencer, 1959.

³⁷ Подробнее они рассмотрены в специальной работе: Крупник, 1988б.

³⁸ Результаты этих исследований были опубликованы в энциклопедической сводке: Environment of the Cape Thompson Region, Alaska. 1966 (объемом 1,5 тыс. страниц).

³⁹ Foote, 1970b, 263-264.

⁴⁰ Foote, 1965, 350-363; 1967, 139-152.

⁴¹ Burch, 1981; 1985; Burgess, 1974; Elberg et al., 1975; Hall, 1971; Kemp, 1971.

⁴² Fitzhugh, 1972; 1975; McCartney, 1975; McGhee, 1972. См. также: Андерсон, 1981; Айгнер, 1986; Харпер, 1980.

⁴³ Amsden, 1979; Anderson et al., 1977; Binford, 1978; Campbell, 1978; McCartney, 1980.

⁴⁴ Burch, 1979a, 21-22; 1985, 1.

⁴⁵ Anderson et al., 1977; Burch, 1985; Hall (ed), 1986; Libbey, Hall, 1981; Lowenstein, 1981; Native Livelihood, 1979.

⁴⁶ Durham, 1979; Ellana, 1983; Freeman, 1974/75; Marquette, Braham, 1982; Report, 1979; Wenzel, 1986; Worl, 1982 и др.; см. библиографии: O'Brien McMillan, 1982; Andersen, 1984.

⁴⁷ Balicki, 1967; 1968; Damas, 1969; Freeman, 1971; Nelson R., 1969; 1973; 1980; Ray, 1964; Smith J., 1978.

⁴⁸ Богораз, 1941.

⁴⁹ Левин, 1947, 84-86; 1958, 8-12; Левин, Чебоксаров, 1955, 4-6, 10-12; Чеснов, 1970, 16; Историко-этнографический

атлас, 1961; Андрианов, Чебоксаров, 1972; Андрианов, 1985, 55 — 56.

⁶⁰ Алексеев, 1974; 1976; Васильев В. И., 1979; Вдовин, 1976; 1984; Головнев, 1986; 1986; Козьмин, 1981; Конаков, 1983; 1984; 1987; Крупник, 1975; 1976; Кулемзин, 1984; Лебедев, 1978; 1980; Меновщиков, 1982; Пика, 1986; Таксами, 1984; Туров, 1985 и др. ⁵¹ Арутюнов, 1975; 1982а; Арутюнов, Крупник, Членов, 1982; Диков, 1979; Прокофьев М., 1982; Хлобыстин, 1973; 1982а; Хлобыстин, Грачева, 1974; Хлобыстин, Левковская, 1974 и др.

32

⁵² Богословская и др., 1984; Крупник, 1978; 1980; 1984; Павлов, 1972; Пика, 1981; 1982; Сыроечковский, 1974.

⁵³ Богословская и др., 1988; Зименко, Севостьянов, 1987; Крупник, 1987; Пика, 1987.

⁵⁴ Алексеев В. П., 1975, 18-25.

⁵⁶ Крупник, 1976в, 1; Алексеев В. П., 1975, 19—20.

⁵⁶ Замятин, 1960, 107; Кабо, 1986, 259, 262; Bates, 1953, 709-710; Carr-Saunders, 1922, 203-211; Forde, 1964, 12, 26, 373.

⁵⁷ Кабо, 1986, 4-6.

⁵⁸ Алексеев В. П., 1975, 21. О более дробном делении традиционного коллектива см.: Симченко, 1976, 187-193; Watanabe, 1968, 75.

⁵⁹ Ellen, 1982; Kemp, 1971; Odum H., 1967; Parrack, 1969; Rappaport, 1968; 1971.

⁶⁰ Карнейро, 1969; Casteel, 1972; Foote, 1965; Gross, 1975; Lee, 1969.

⁶¹ См. список: Ellen, 1982, 126-127.

⁶² Арманд, 1947, 629-637; Дроздов, 1974, 4-6.

⁶³ См. подробнее: Ellen, 1982, 95-152; Vayda, McCay, 1975, 295-297.

⁶⁴ Бутурлин, 1928, 50-52.

⁶⁶ Первые варианты см.: Крупник, 1976в; 1976г; 1978.

⁶⁶ Удачный пример такого включения ритуальных и других элементов социокультурного поведения в анализ энергетического потока в этноэкологии см.: Rappaport, 1968 (1984).

⁶⁷ Общие сводки: Богораз, 1941; Гурвич, 1966; Народы Сибири, 1956; Общественный строй, 1970; Сергеев, 1955; Крупник, 1988а и др.

⁶⁸ Общественный строй, 1970, 389. Среди других признаков соседской общины у народов Севера Б. О. Долгих отмечал: осознание своего единства и противопоставление другим группам, наличие общего хозяйственно-экономического центра тяготения, внутреннюю структурализацию (Долгих, 1946).

Глава 2

ЗВЕРОБОИ АРКТИЧЕСКИХ ПОБЕРЕЖИЙ

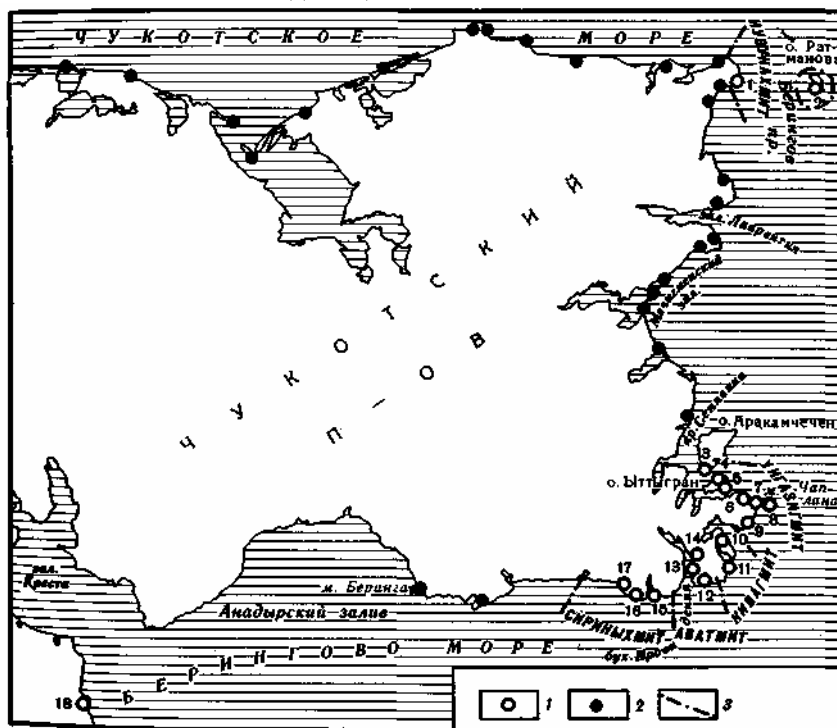
При плавании в летние месяцы вдоль побережья Чукотского п-ова еще издали на берегу, на фоне темных скал и серых галечных пляжей, бывают заметны небольшие бугристые холмики, покрытые ярко-зеленой растительностью. Над нею кое-где проступают обломки белых китовых костей или вертикальные столбы из белых китовых челюстей, которые резко выделяются на фоне черного гумуса береговых обрывов. Пляжная полоса под ними изобилует обломками костей морских животных, кусками плавника, замытыми в гальку или песок китовыми черепами. Все это — остатки древних селений морских зверобоев, покинутый их жителями десятки, порой сотни лет назад, но сохранившие отчетливые следы человеческого обитания.

Скалистые, негостеприимные на первый взгляд берега Берингова пролива на протяжении нескольких тысячелетий были центром одной из самых развитых морских зверобойных культур в истории человечества. Люди жили на этих арктических берегах за счет охоты на морских животных — китов, моржей, тюленей, использования других ресурсов моря и окружающей тундры. Сейчас, когда почти все жители восточного побережья Чукотки сосредоточены в нескольких крупных поселках в глубине бухт и проливов, лишь два-три селения, несколько полярных станций и сезонных охотничьих избушек отражают присутствие человека на сотнях

километров морского побережья. Но в относительно недавнем прошлом весь этот берег был плотно заселен. Еще в начале века здесь насчитывалось несколько десятков аборигенных поселков и стойбищ, жители которых были впоследствии собраны в крупных селениях.

Точные сведения о численности морских охотников Чукотки и размерах их поселков появились только в 1895 г. после описи побережья, сделанной Н. Л. Гондатти. С тех пор закрепилось и подмеченное ранее разделение береговых жителей Чукотки на приморских чукчей и азиатских (или сибирских) эскимосов, известных в русских источниках XVIII — первой половины XIX в. под общим названием «сидячих чукчей». Эти народы очень близки по своей материальной культуре, но являются частью разных этноязыковых ареалов и представляют две самостоятель-

ные этногенетические линии и, соответственно, разные пути адаптации к сходным условиям среды обитания. Предмет нашего внимания — система жизнеобеспечения азиатских эскимосов, вернее, ее реконструкция по источникам первых десятилетий XX в. и воспоминаниям современных информантов старшего поколения. К концу XIX в. общая численность азиатских эскимосов составляла около 1300 человек, или примерно 1/4 всех береговых жителей Чукотки. Несмотря на длительные и весьма активные к тому времени контакты с внешним миром в лице русских и американских торговцев, путешественников и промышленников, эскимосы сохраняли в значительной мере преемственность традиционного природопользования, социальной организации и расселения. Их повседневная социальная жизнь была организована в рамках пяти—шести племенных общин (территориальных группировок), которые в основном совпадали с прежними племенными единицами XVIII—XIX вв.² и включали население одного или нескольких

Карта 5. Расселение азиатских эскимосов в конце XIX—начале XX в.

Условные обозначения: 1 — эскимосские поселки; 2 — главные чукотские береговые поселки и стойбища; 3 — границы территорий эскимосских общин; цифровые обозначения эскимосских поселков (с севера на юг): 1 — Наукан (Нывуак); 2 — Имаклик; 3 — Пагдяк; 4 — Сидюк; 5 — Напакутак; 6 — Уншырамыт; 7 — Тыфляк; 8 — Чаплино (Унгазик); 9 — Укигырак; 10 — Тасик (Чечен); 11 — Кивак; 12 — Аван; 13 — Пlover (Ырырак); 14 — Урелики (Угрияк); 15 — Итук; 16 — Сириники (Сириных); 17 — Кылирак; 18 — Уэлькаль

Таблица 1. Население эскимосских поселков Чукотки (1895—1937 гг.) *

Поселок	Община	1895 г.	1901 г.	1909 г.	1913 г.
<i>Сиреники</i>	сир.	77 (15)	58 (8)	(4)	49 (15)
<i>Имтук</i>	сир.	43 (9)	65 (12)	(23)	93 (33)
<i>Кылирак</i>	сир.	—	—	—	—
<i>Наукан</i>	нув.	299 (50)	... (48)	(60)	...
<i>Чаплино</i>	ун.	500 (51)	442 (61)	(60)	334 (69)
<i>Укигьярак</i>	ун.	—	—	—	?
<i>Тыфляк</i>	ун.	—	—	?	15 (4)
<i>Униырамкыт</i>	ун.	—	—	?	45 (9)
<i>Напакутак</i>	ун.	52 (5)	37 (4)	(13)	46 (10)
<i>Сиклюк</i>	ун.	—	?	(4)	31 (4)
<i>Пагиляк</i>	ун.	—	—	(3)	14 (3)
<i>Аван</i>	ав.	101 (17)	98 (14)	(12)	110 (28)
<i>Урелики</i>	ав.	—	—	?	?
<i>Ырырак</i>	ав.	24 (4)	9 (2)	(7)	15 (2)
<i>Кивак</i>	кив.	?	?	...	23 (5)
<i>Тасик (Чечен)</i>	кив.	140 (25)	94 (18)	(15)	54 (15)
<i>Итого:</i>		1236 (178)	... (167)	(201)	
<i>Кроме того:</i>					
<i>о. Врангеля</i>		—	—	—	—
<i>Имаклик (о. Ратманова)</i>		97
<i>Уэлькаль и др. поселки в зал. Креста</i>		—	—	—	—
<i>Пlover (Аслик)</i>		—	—	—	—
<i>Всего:</i>		1333			

Общ. к. м.: сир. — сириньмит; нув. — нувукахмит; ун. — унгазигмит; ав. — аватмит; кив. — кивагмит.
 Выделены главные поселки общин.
 * Более полный вариант таблицы с комментариями см.: Крупник, 1983; в скобках указано число жилищ (домохозяйств); условные обозначения: (—) поселок отсутствует; (...) поселок несомненно существует, но пропущен в источнике; (?) поселок, вероятно, существует, не отмечен в источнике.
 1895 г. — Материалы описи побережья Н. Л. Гондатти, вошедшие в перепись 1897 г. (Патканов, 1912, 892).
 1901 г. — Данные описи В. Г. Боторзаа (1934а, 14—15).

близкородственных поселков и стойбищ (карта 5). Каждая такая община и даже отдельный крупный поселок с населением 120—150 человек были относительно автономными хозяйственными, социальными и репродуктивными ячейками. Они имели свою используемую территорию с хорошо известными границами. В пределах общины заключалось подавляющее большинство браков, осуществлялись промысловая кооперация (прежде всего совместная охота на крупных морских животных), перераспределение полученной добычи, годовые ритуальные и социальные циклы.

«

Динамика общей численности и размеров отдельных поселков азиатских эскимосов более чем за 40 лет, начиная с конца XIX в., показана в табл. 1*. Большинство упомянутых в ней поселков известны уже на первых русских картах Чукотки середины XVIII в. Многие из них, судя по археологическим данным, существовали и в XV—XVII вв., а два поселка — Кивак и Сиреники имеют

1923 г.	1926 г.	1932 г.	1937 г.	Примечания
57(11)	49(10)	108(16)	192(36)	Существует в наши дни
110(22)	124(23)	51(8)	—	Оставлен в 1934 г.
—	—	39(4)	—	Оставлен в 1935—1936 гг.
318(55)	349(57)	351(57)	343(65)	Закрит в 1958 г.
190(32)	254(35)	298(41)	246(48)	Закрит в 1959 г., перенесен в бухту Ткачен
—	—	13(2)	?	Оставлен ок. 1940 г.
—	49(11)	—	—	Оставлен ок. 1930 г.
110(20)	—	—	—	Оставлен ок. 1928—1930 гг.
—	41(7)	26(3)	—	Оставлен ок. 1934 г.
55(11)	45(7)	64(9)	55(9)	Закрит в 1950 г.
?	—	—	—	Оставлен ок. 1922 г.
92(17)	77(14)	56(10)	46(8)	Закрит в 1942 г.
52(10)	32(5)	43(6)	63(11)	Закрит в 1946 г.
—	—	—	—	Оставлен ок. 1915 г.
74(14)	66(11)	80(14)	80(14)	Закрит в 1952 г.
52(9)	32(4)	—	16(3)	Оставлен ок. 1947 г.
1110(201)	1118(184)	1129(170)	1041(194)	
—	51(11)	45	ок. 50	Объявлен заповедником в 1976 г.
42(8)	27(5)	27	ок. 20	Закрит ок. 1947 г.
52(9)	105(16)	ок. 130	ок. 180	Все эскимосское население собрано в Уэлькале
—	—	17	21(7)	Закрит в 1958 г.
1204+	1301	ок. 1350	ок. 1310	

1909 г. — Данные описи Н. Ф. Калининкова (1912, 48—50).
1913 г. — Сведения чукотского уездного начальника (Ревенские сказки, 1913, 584).
1923 г. — Данные описи побережья Ф. Караева (Материалы по статистике, 1925, XXVIII—XXIX).
1926 г. — Сведения Похозяйственной переписи Приполярного Севера 1926/27 г. (Поселенные итоги, 1928, 20—25; Итоги переписи, 1929).
1932 г. — Данные годового отчета Чукотского РИК с дополнениями Е. П. Ораовой (1936, 34).
1937 г. — Данные похозяйственного обследования 1937 г. (Материалы Чукотской земэкспедиции, 1938, 29—33).

возраст не менее 1,5—2 тыс. лет³. Следовательно, мы встречаем здесь очень устойчивую структуру расселения, отражающую высокую степень адаптации традиционного этноса к своей среде обитания. Поэтому каждую эскимосскую общину с ее территорией вполне можно рассматривать как самостоятельную этноэко-систему, а значит, и модель для балансового анализа традиционной системы природопользования.

Общины азиатских эскимосов конца XIX — начала XX в. как социальные образования были близки территориально-племенным группировкам («сообществам») эскимосов Аляски и о. Святого Лаврентия, которые выделяются на тот же или более ранний период времени. Это облегчает сопоставление моделей жизнеобеспечения жителей обеих сторон Берингова пролива. Для реконструкции балансов были выбраны пять общин азиатских эскимосов, по которым собраны наиболее полные литературные, архивные⁴ полевые этнографические материалы, относящиеся к рубежу

Таблица 2. Основные хозяйственно-демографические характеристики традиционных общин азиатских эскимосов

Община, год	Население (чел.)	Число домохозяйств	Число охотничьих бригад *	Состав общины (чел.)			Число упряжных собак	
				мужчины-охотники	женщины и старики	дети **		
<i>Сиреники</i>	1923	167	31	9	44	58	65	158
	1933	215	35	10	54	76	85	176
	1937	193	36	8	53	67	73	234
<i>Наукан</i>	1923	318	55	14	75	91	152	280
	1933	332	62	15	86	101	145	295
	1937	337	64	12	85	98	154	286
<i>Чаплино</i>	1923	365	63	16	87	118	160	340
	1933	346	53	16	92	102	152	315
	1937	304	58	12	91	104	109	316
<i>Аван</i>	1923	144	27	6	35	56	53	89
	1933	112	18	6	34	42	36	116
	1937	105	19	4	28	38	39	132
<i>Кивак</i>	1923	126	23	5	27	38	61	138
	1933	113	17	5	25	35	53	120
	1937	96	17	4	30	32	34	180
<i>В целом По пяти общинам</i>	1923	1120	199	50	268	361	491	1005
	1933	1118	197	52	291	356	471	1022
	1937	1035	194	40	287	339	409	1148

* По воспоминаниям современных информаторов;

** 1923 и 1933 гг. — без указания возраста («нетрудоспособные»); 1937 г. — до 16 лет.

Источники: Материалы по статистике, 1925; Орлова, 1936; Материалы Чукотской земэкспедиции, 1938.

и первым десятилетиям XX в.⁵ Далее в тексте они обозначаются по названиям своих главных поселков: Сиреники (Сирых), Наукан (Нывукак), Чаплино (Унгазик), Аван и Кивак. Важнейшие демографические и хозяйственные характеристики этих общин приведены в табл. 2. Более подробные сведения об истории и жизненном укладе отдельных эскимосских племен и поселков опубликованы в других работах, к которым можно отослать читателя⁶.

Общие черты традиционного жизнеобеспечения. Традиционная экономика, отдельные виды занятий, культура и образ жизни азиатских эскимосов неоднократно описывались в историко-этно-графической литературе⁷. Поэтому здесь отметим те аспекты эскимосского природопользования, которые важны нам для реконструкции балансов или же требуют дополнительного освещения. Практически все современные авторы признают наиболее яркой чертой эскимосского жизнеобеспечения *комплексность* использования ресурсов среды обитания. Несмотря на заметные региональные и структурные различия, «на всей территории обитания эскимосов их экономика является «всеядной» или стремится к таковой, т. е. коллектив всегда использует максимум (доступных. — *И. К.*) фаунистических ресурсов: от китов до съедобных моллюсков, от карибу до леммингов»⁸.

Судя по этнографическим свидетельствам XIX—начала XX в., азиатские эскимосы не составляли исключения из этого общеэскимосского правила. Основу их жизнеобеспечения составляла добыча нескольких видов морских животных: ластоногих — моржа, лахтака (морского зайца), мелких тюленей, сивуча; и китообразных — гренландского и серого кита, белухи, горбача. Она активно дополнялась рыболовством, охотой на наземных животных, морских колониальных птиц, сбором яиц, продуктов моря, съедобных растений. Практически человеком эксплуатировались все доступные пищевые цепи, так что в своей экосистеме эскимосский коллектив выступал как потребитель продукции одновременно с четырех-пяти трофических уровней — от первичной зеленой растительности до высших хищников (белых медведей, хищных тюленей и т. п.)⁹.

Ярче всего комплексность традиционного жизнеобеспечения азиатских эскимосов видна в их системе расселения и использования осваиваемой территории. Ее можно оценить, сравнив расположение примерно двух десятков эскимосских поселков, существовавших в конце XIX — первые десятилетия XX в.¹⁰ Большинство из них находилось в точках повышенной концентрации не менее трех видов биологических ресурсов прибрежной зоны, т. е. в пунктах с очень высокой естественной продуктивностью.

Расположение традиционных поселков показывает также, что в прошлом у азиатских эскимосов существовало по крайней мере два локальных варианта природопользования с разной ориентацией промыслового хозяйства и специфическими моделями расселения. Основой первого из них была добыча крупных морских млекопитающих — китов и моржей, т. е. эксплуатация коротких и очень продуктивных трофических (пищевых) цепей мигрирующих морских животных. В таком случае поселки всегда размещались на открытом морском побережье, ближе к путям весенних и осенних миграций стад промысловых животных. К этому типу относились все крупные традиционные поселки, центры общин: Унгазик (Чаплино), Нывукак (Наукан), Аван, Сирыхных (Сиреники), Кивак, Имтук и др.

Система природопользования второго типа ориентировалась на добычу мелких ластоногих: нерпы-акибы, а также лахтака (морского зайца), ларги — т. е. на использование более стабильных ресурсов, привязанных к определенным акваториям. В таком случае поселения размещались в заливах и бухтах, богатых рыбой и морским зверем, с благоприятными условиями летнего и зимнего (подледного) промысла. Чаще всего это были сравнительно небольшие поселки и стойбища: Угрилык (Урелики), Сякляк, Пагилак, Тасик и др., насчитывавшие 20—50 жителей.

Рыболовство, охота и собирательство имели важное значение для обеих форм жизнеобеспечения, а рыба, птица, птичьи яйца, съедобные растения и продукты моря были обязательной частью рационов во всех поселках, независимо от их расположения. Неслучайно большинство старых поселков привязаны к местам

39

с благоприятными условиями для рыбной ловли: устьям рек, озерам и лагунам с ресурсами пресноводной или морской проходной рыбы. В случае неудачной морской охоты рыболовство оставалось единственным дополнительным источником пищи и корма для собак, особенно в зимние месяцы, когда использование других ресурсов было невозможным.

Судя по археологическим свидетельствам и расположению древних, давно покинутых селений, стратегия жизнеобеспечения азиатских эскимосов оставалась почти неизменной на протяжении большей части их истории". Она строилась на интенсивной эксплуатации наиболее продуктивных, массовых и технологически доступных ресурсов моря и суши одновременно на многих уровнях трофических цепей. Стержнем ее была добыча сезонно мигрирующих морских животных. При этом происходило расширение осваиваемых угодий за счет эксплуатации высокопродуктивных акваторий — сезонных частей ареалов морских млекопитающих. Следовательно, в течение многих столетий комплексность используемых ресурсов, удобство морской охоты и минимальные расстояния между различными видами эксплуатируемых угодий были главными факторами локализации эскимосских этноэкосистем.

Освоенная территория. Побережье северо- и юго-восточной оконечностей Чукотского п-ова — исторический ареал азиатских эскимосов в XVIII — первой половине XX в. — представляет собой

средневысотную горную страну. На большей ее части горные массивы непосредственно обрываются к морю, так что образуется весьма сложная прибрежная зона, состоящая из системы горных поднятий, разделенных глубокими долинами¹². Большинство этих долин занято сейчас морскими бухтами (Провидения, Ткачен, Ромулет) или озерами-лагунами (Кивак, Эстихет, Имтук), которые отделены от моря узкими песчаными косами. С моря этот район выглядит серией небольших дугообразных заливов, разделенных скалистыми мысами. В прошлом в каждом таком заливе-«ячейке» размещалось эскимосское поселение, а мысы были естественными границами принадлежавшей ему территории. Ровных, плоских площадок, удобных для строительства крупных поселков, в этой части побережья сравнительно мало. Поэтому чаще всего поселки эскимосов размещались на небольших террасообразных уступах над основанием песчаных и галечных кос или прямо над береговым обрывом. По-видимому, существовал определенный «эскимосский стереотип» выбора места поселения. Если вы видите скалистый мыс, а за ним лагуну или озеро, отделенное от моря галечной косой, то у основания косы скорее всего находятся остатки старого поселка. Над жилищами в каменной осыпи, спускающейся с горного склона, обычно располагался могильник, а иногда и небольшое укрепление в виде стенки или кольца из крупных валунов. Хорошая крупномасштабная карта часто позволяет заранее наметить наиболее перспективные точки для поиска старых эскимосских поселений¹³.

40

У такого «эскимосского стереотипа» есть очевидные экологические объяснения. Коса служит линией раздела двух водных сред: соленой морской и пресной озерной (или опресненной лагунной). У этого природного стыка различных экосистем всегда наблюдается повышенная концентрация живых организмов, в том числе промысловых рыб, птицы, морских животных. Скалистый мыс с его птичьим базаром, хорошим обзором местности и неизменными глубинами образует стык с третьей экосистемой — прибрежной, также отличающейся повышенной биологической продуктивностью. Сама плоская поверхность косы служила идеальной площадкой для причаливания, вытаскивания и разделки туш морских животных, строительства помостов для хранения кожаных лодок-байдар (байдарных сушил) и хозяйственного инвентаря. Сравнительно мягкий грунт нижней части склона был удобен для выкапывания котлованов полуподземных жилищ и ям для хранения мяса.

Кроме того, во многих эскимосских поселках в XIX—первой половине XX в. существовал обычай переставлять летом каркасные жилища (яранги) с высоких террас и склонов вниз на галечные косы, что создавало как бы участки зимних и летних поселений. По рассказам, так делали ежегодно жители Сиреников, Имтука, Авана, Кивака, Тасика, Пагиляка, Напакутака. В таком случае общая площадь зоны максимального освоения вокруг поселка (включая участки ям для хранения мяса, места для байдарных сушил, полосу пляжа, где производилась разделка убитого зверя) достигала 3—5 и даже 10—15 га. Степень изменения первичного ландшафта здесь была очень высока; радикальной перестройке подвергались почти все его компоненты: микрорельеф, почвенный слой, растительность и т. п. Поэтому участки древних поселений зверобоев с полным правом можно считать антропогенными ландшафтами Арктики, возникшими и преобразованными еще много столетий назад деятельностью человека.

Используемые территории эскимосских общин и поселков — это обычно узкие полосы прибрежной зоны, шириной не более 1 — 2 км. Далее в глубь тундры уходила «земля чукчей», осваиваемая кочевниками-оленеводами. «Чукотскими» (т. е. оленеводческими) считались и верховья глубоких бухт и фиордов — Провидения, Ткачен, Ромулет и др. — и даже внутренняя часть о. Аракам-чечен, южное побережье которого использовалось эскимосами. Но никаких ограничений для проникновения или передвижения в тундре, тем более установленных границ для береговых жителей в прошлом не существовало. Эскимосы регулярно выезжали в ближайшие стойбища оленеводов для обмена продукцией, поднимались на байдарках по рекам или использовали в зимние месяцы собачьи упряжи. В XIX—начале XX в. в тундре существовали постоянные места встреч береговых охотников и оленеводов: например, в среднем течении и устье р. Курупки, в районе бухты Пенкигней, вершине Мечигменской губы и др.

41

При отсутствии четких рубежей между «эскимосской» и «чукотской» территориями в тундре, между соседними береговыми поселками и общинами (как эскимосскими, так и чукотскими) существовало довольно строгое разделение прибрежной зоны с хорошо известными всем границами. Для XIX — XX вв. у нас нет сведений о каких-либо конфликтах между соседними береговыми селениями из-за районов морского промысла. Границы общинных территорий в прошлом строго соблюдались, и охотиться без разрешения на чужой территории «считалось нехорошо». Совместное пользование промысловыми угодьями (моржовыми лежбищами, птичьими базарами и т. п.) членами разных общин всегда было определенным образом регламентировано на основе взаимобмена, помощи в трудные периоды, родственных и соседских связей.

Поскольку размеры хозяйственных территорий эскимосских общин чаще всего определялись

естественными границами, они не всегда строго соответствовали количеству их жителей. Основные показатели размещения и плотности населения, рассчитанные для

Таблица 3. Плотность населения и нагрузка на осваиваемую территорию у азиатских эскимосов

Поселки	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	чел.	км	чел./км	км ²	чел./км ²	км	км ²	км	час
<i>Сиреники</i>	50	16	3,1	32	1,6	8	40	80	18
<i>Имтук</i>	120	18	6,7	30	4,0	8	40	6	2
<i>Аван</i>	100	18	5,6	28	3,6	5	20	27	7
<i>Кивак</i>	70	19	4,2	30	2,5	7	35	26,5	5
<i>Тасик</i>	50	28	1,6	56	0,9	8	40	12	2
<i>Унгазик</i>	450*	54	8,3	65	6,9	23	115	32	4
<i>Напакутак</i>	50	55	0,9	112,5**	0,9	8	40	28	4
<i>Сиклюк</i>	50	40	1,2		0,9	14	70	16	1
<i>Наукан</i>	350	28	11,8	48	7,3	11	55	18	3
<i>Имаклик (о. Ратманова)</i>	40	24	1,7	27,5***	1,5	10	50	40	20

Показатели: 1 — численность населения в начале 1920-х гг.; 2 — общая длина осваиваемой береговой линии; 3 — номинальная плотность расселения на побережье; 4 — площадь осваиваемой территории (при условной ширине 2 км от берега, без озер и лагун); 5 — средняя плотность населения в пределах осваиваемой территории; 6 — длина активно используемой береговой линии; 7 — условная площадь основной промысловой акватории (при ширине 5 км от берега); 8 — расстояние вдоль берега от ближайшего обитаемого поселка (с запада на восток); 9 — время езды на собаках до ближайшего поселка (Докладная записка, 1923, 19—20).

* Включая население Тыфляка, Уншырамкыта и других поселков на мысу Чаллина.

** о. Иттыграя; *** о. Ратманова (Большой Дюонд).

42

начала XX в., приведены в табл. 3. За счет интенсивного использования морских ресурсов плотность населения у эскимосов на побережье поднималась до 1,2—1,4 чел./кв. км (местами — до 5—7 чел./кв. км), т. е. была в 50—60 раз выше, чем в среднем по всему Чукотскому п-ову (0,025 чел./кв. км) и в 100 раз выше, чем у оленеводов во внутренней континентальной тундре (0,013 чел./кв. км). В XVIII—XIX вв., когда эскимосских поселков на побережье было значительно больше — до 30—40 только на юго-восточной оконечности Чукотки, расстояние между ними не превышало 8—12 км, и вся береговая зона была освоена и заселена.

Помимо поселения территория эскимосской общины включала несколько видов используемых угодий: морскую промысловую зону, районы интенсивной рыбной ловли, охоты на птиц, сбора водорослей, съедобных растений (схемы 1, 2). Ее общая площадь в среднем составляла 40—60 кв. км побережья (20—30 км береговой линии) и 90—150 кв. км морской акватории (табл. 3). Основная охота на морских животных велась обычно прямо перед поселком. До широкого распространения подвесных моторов в начале 1930-х годов зверя преследовали на веслах или под парусом, и поэтому добыча у поселка резко экономила затраты труда на передвижение и транспортировку убитых животных. Больше всего ценились пункты, где стада морских млекопитающих регулярно подходили близко к берегу во время своих сезонных миграций. Так, по рассказам, у поселков Сиреники и Имтук гренландские киты раньше часто проходили в море всего в 100—200 м от берега, что очень облегчало охоту. У старого поселка Масик (Мечигмен) в Мечигменском заливе детеныши серых китов летом держались почти вплотную у галечной косы, где их в прошлом с легкостью добывали охотники. Находясь в Масике летом 1981 г., мы сами наблюдали маленьких серых китов в море прямо против поселка, всего лишь в сотне метров от развалин древних жилищ⁴.

Так же по возможности были организованы и другие промыслы. Пожилые информанты постоянно подчеркивали, что в прошлом люди ставили капканы на песцов, собирали съедобные растения, охотились на птиц или тюленей иногда прямо за границами поселка, не далее 300—400 м от своих жилищ. Поэтому дальние участки промысловой территории эксплуатировались очень слабо или в случае крайней необходимости. Для рыбной ловли, поволоки — промысла моржа на лежбищах или сбора яиц на птичьих базарах (если эти угодья находились далеко от поселка) устраивались специальные экспедиции на вельботах и байдарках один или несколько раз в году.

Важным элементом хозяйственных территорий эскимосских общин были участки старых, заброшенных поселений. При оставлении поселка и переезде его жителей в другое, относительно

близкое место освобождавшаяся территория номинально отходила к новому поселению и какое-то время частично использовалась своими бывшими обитателями и их потомками. Так, старые поселки превращались в сезонные охотничьи лагеря или кратко-

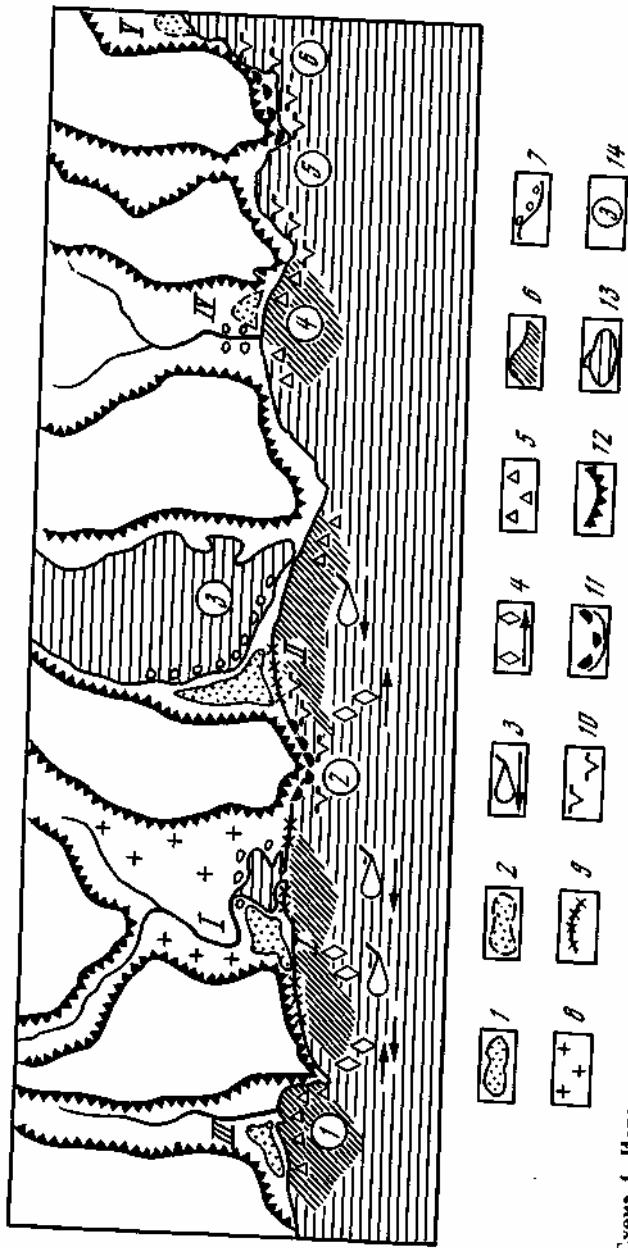

Схема 1. Использование промысловых угодий общиной Сяревикув в начале XX в.
 1 — территории обитаемых поселков; 2 — территории заброшенных поселков; 3 — места добычи и пути миграций моржей; 4 — участки лова нерпы сетями; 5 — территории заброшенных поселков; 6 — места добычи и пути миграции моржей; 7 — участки рыболовства; 8 — районы сбора съедобных растений; 9 — места сбора водорослей и продуктов моря; 10 — районы охоты на птиц; 11 — участки охоты на птиц; 12 — скалы, валяющиеся осели, камни; 13 — озеро; 14 — урочище; 1 — бухта Кыларак; 2 — мыс Иврак; 3 — озеро-лагуна Иштук; 4 — бухта Антытыкук; 5 — мыс Столетки; 6 — мыс Агнык; поселения: I — Сяревикув; II — Иштук; III — Кыларак; IV — Антытыкук; V — Аткальхак

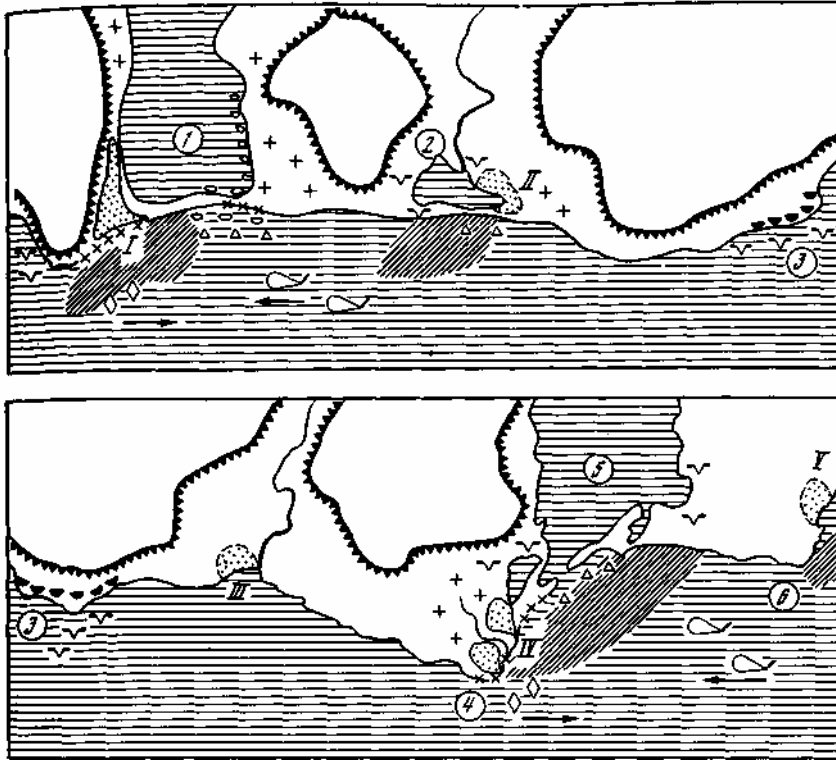

Схема 2. Использование промысловых угодий общинами Авана и Кивака

Условные обозначения те же, что на схеме 1. Урочища: 1 — оз. Найван (Эстихет); 2 — оз. Найвак; 3 — скалы Ювагт; 4 — мыс Низменный; 5 — озеро-лагуна Кивак; 6 — мыс Нууук; поселения: I — Аван; II — Асяк; III — Курупкырат; IV — Кивак; V — Нууук

временные промысловые стоянки, или резервные районы промысла при неудачной охоте у главного поселения. Территории вымерших или эмигрировавших общин могли очень долго не подвергаться хозяйственному использованию; но лица, возводившие себя к этим группам, по-видимому, имели негласный приоритет при их освоении или повторном заселении.

Сравнивая традиционную систему землепользования азиатских эскимосов с известными материалами по другим эскимосским группам Аляски, Канады или Гренландии, мы находим в ней много принципов, общих для эскимосского жизнеобеспечения. Однако среди всех обществ приполярных охотников на морского зверя азиатских эскимосов, видимо, можно считать *самыми оседлыми*, поскольку они жили круглый год в крупных стационарных поселках, не расселяясь в летние месяцы по побережью или внутренней тундре небольшими сезонными группам (лагерями). Такую повышенную оседлость следует, видимо, считать сравни-

45

тельно поздней адаптацией XVIII или даже XIX в.¹⁵ Она была следствием усилившейся специализации жизнеобеспечения эскимосов, их тесных и постоянных контактов с оленеводами-чукчами из внутренней тундры, а также исключительного богатства морских промысловых ресурсов у берегов Чукотского п-ова.

Неудивительно поэтому, что плотность населения у береговых охотников Чукотки в XIX — начале XX в. (1—3 чел./кв. км) была одной из самых высоких во всем приполярном ареале и приближалась к таковой у алеутов или индейцев северо-западного побережья Северной Америки¹⁶. Все это безусловно можно рассматривать как свидетельства очень высокой продуктивности традиционной системы жизнеобеспечения.

Хозяйственный коллектив. Существование в прошлом у аборигенов Арктики своеобразной возрастной и половой структуры, особых механизмов регулирования численности и роста популяций считается признанным фактом в этнографической науке. Все это в первую очередь относится к эскимосам¹⁷. Их демографическое поведение зачастую рассматривается как модель для всех арктических этносов, а распространенные в прошлом у эскимосов брачные нормы, практика «добровольной смерти» стариков (сенилицид) или убийства детей (инфантицид) используются для очень широких кросс-культурных аналогий и концепций демографического процесса в первобытности.¹⁸

Правда, до сих пор мы могли лишь гадать, в какой мере все эти характеристики относятся к обществу азиатских эскимосов конца

XIX — первых десятилетий XX в. Имеющиеся источники совсем недавно стали вводиться в научный

оборот. Они включают сведения примерно 20 различных описей побережья Чукотки между 1895 и 1939 г. (ср. табл. 1), генеалогии, составленные по племенам, отдельным общинам и поселкам, а также материалы местной регистрации рождаемости, смертности и брачности по поселкам начиная с 1920-х годов¹⁹.

В целом эти источники свидетельствуют прежде всего о высокой подвижности эскимосского населения, быстрых изменениях численности общин и поселков, вызванных как естественным приростом, так и миграциями. Активные перемещения, дальние переезды, включение в состав общин супругов, отдельных семей и даже небольших родственных групп из других поселков были вполне обычным явлением эскимосской жизни начала XX в., как и XVIII — XIX вв., о чем говорят генеалогии и данные устной традиции.

Те же источники позволяют реконструировать демографическую структуру общин азиатских эскимосов в первые десятилетия

XX в. и рассчитать ее важнейшие характеристики: соотношение мужчин и женщин, долю взрослого трудоспособного населения, детей и стариков, репродуктивную часть популяции (табл. 4). Для трех общин (Сиреники, Чаплине и Аван) с общим населением около 800 человек удалось восстановить посемейный состав жите-

46

Таблица 4. Демографические характеристики традиционных общин азиатских эскимосов (1895—1937 гг.)

	1895 г. (1)	1901 г. (2)	ок. 1920 г. (3)	ок. 1925 г. (4)	1926 г. (5)	1937 г. (6)
Общая численность (чел.)	1097	436	332	335	1274	1071
Средний размер домохозяйства (чел.)	7,26	7,14	5,18	5,23	6,04	5,35
% мужчин	48,4	48,6	44,6	46,9	48,6	50,7
% женщин	51,6	51,4	55,4	53,1	51,4	49,3
% трудоспособного населения	58,3	61,7	52,4	53,4	56,9	53,6
% трудоспособных мужчин-охотников	27,4	29,3	25,6	27,5	26,4	27,3
Число едоков на взрослого мужчину (включая его самого)	3,6	3,4	3,9	3,6	3,8	3,7
% детей до 10 лет	31,2	Нет св.	31,3	30,1	27,0	28,7
% детей до 16 лет	39,6	Нет св.	45,8	43,0	39,6	42,0
% нетрудоспособных стариков (свыше 60 лет)	1,5	5,0	1,5	2,1	3,5	4,6
Число мальчиков на 100 девочек в группе 0—9 лет	101,7	102,4	73,3	83,6	92,2	111,5
Репродуктивный объем популяции (%) ⁸	44,6	45,0 ⁸	41,0	39,4	38,3	38,6

Показатели: 1 — азиатские эскимосы в целом (Материалы по статистике, 1925); 2 — жители поселка Умнин (Богораз, 1901, посемейная опись с реконструкцией возраста); 3 — жители поселков Имятук, Сареники, Аван, Урелики (реконструкция по генеалогиям); 4 — то же; 5 — азиатские эскимосы в целом (Поселенные итоги, 1928); 6 — азиатские эскимосы Чукотского р-на (Кнопффиллер, 19406); 7 — 16—59 лет; 8 — женщины: 20—44, мужчины: 20—49 лет; 9 — лица, состоящие в браке.

лей в первой трети XX в. и проследить его динамику в течение четырех — пяти десятилетий. Используя табл. 4, можно рассчитать среднюю демографическую структуру эскимосского коллектива: 25—27 % мужчин и 29 % женщин трудоспособного возраста (16—59 лет), 2—4 % нетрудоспособных стариков (старше 60 лет) и более 40 % детей и подростков с примерно равным соотношением мальчиков и девочек. Число взрослых мужчин определяло количество промысловых бригад — устоявшихся групп охотников, которые были основными производственными единицами эскимосской общины. Бригада включала обычно 4—6 мужчин и нескольких подростков, связанных родством или свойством, признанным распределением ролей и статусов при промысле, разделке и распределении добычи. Три—четыре бригады, т. е. 15—20 взрослых мужчин, были тем минимумом, который обеспечивал необходимую кооперацию усилий для успешной добычи, транспортировки и разделки крупных морских животных — китов и моржей. Следовательно, устойчивое существование обеспечивалось группой не менее 60—80 человек разного возраста, а оптимальной для традиционного жизнеобеспечения азиатских эскимосов можно считать

47 общину с 6 — 8 бригадами охотников (или 130 — 160 человек всего населения).

Демографическая структура азиатских эскимосов начала XX в. — в сравнении с некоторыми традиционными эскимосскими популяциями Аляски, Канады и Гренландии (табл. 5) — отличалась достаточной гармоничностью. Почти равное соотношение мужчин и женщин; высокая доля

трудоспособных лиц, и особенно взрослых мужчин-охотников; высокий процент детей до 16 лет (такой же, как в современных Таиланде, Бирме или Перу) — все это свидетельствует об устойчивом демографическом воспроизводстве и благополучии популяции. Это опровергает тезис о «деградации» и медленном вымирании азиатских эскимосов, не раз звучавший в работах первых десятилетий XX в.²⁰ По генеалогиям, данным местной регистрации рождаемости и смертности 1920—1930-х годов восстанавливается и характер демографических процессов в эскимосских общинах. В этот период

Таблица 5. Демографические характеристики традиционных эскимосских групп Американской Арктики

	Аляска		Канада		Гренландия	
	Тигара (1)	Барроу (2)	Лабрадор (3)	медные эским. (4)	западная (5)	восточная (6)
Общая численность	854	411	178	375	4658	548
Средний размер домохозяйства (чел.)	7,0 ⁷	—	4,9	3,5	—	4,9 ⁸
% мужчин	52,0	52,1	46,1	58,7	48,6	44,7
% женщин	48,0	47,9	53,9	41,3	51,4	55,3
% трудоспособного населения ⁹	65,0 ¹⁰	40,9	63,5 ¹⁰	60,0 ¹¹	54,7	54,6
% трудоспособных мужчин-охотников	33,9 ¹⁰	20,4	25,1	29,6 ¹¹	27,1	24,1
Число едоков на взрослого мужчину	3,4	4,9	4,0	3,4	3,7	4,1
% детей до 16 лет	35,0	49,9 ¹²	37,6	—	40,4	43,3
% нетрудоспособных стариков (свыше 60 лет)	—	7,1	—	1,3 ¹³	4,9	2,2
Число мальчиков на 100 девочек в младшей возрастной группе	—	118,1	97,2 ¹⁴	—	101,0	85,9
Репродуктивный объем популяции (%) ¹⁵	—	28,7	49,2 ¹⁶	—	39,2	42,1

Группы: 1 — эскимосы тикерариут, Пойнт-Хоп, середина XIX в. — Foote, 1970a, 309; 2 — Пойнт-Барроу, 1940 — Masnik, Katz, 1976, 45; 3 — Нунайгоах, 1776—1777 — Taylor J. G., 1974, 59—63, 68; 4 — только восточные группы, зима 1923 г. — Basmussen, 1932, 78—85; 5 — население Западной Гренландии, 1890 г. — Якобий, 1893, 58; 6 — население Восточной Гренландии, 1888 г. — Mikkelsen, 1944, 32.

Показатели: 7 — число людей на одно жилище; 8 — только в Ангматсалике; 9 — мужчины: 15—59, женщины: 15—55 лет; 10 — все население старше 16 лет; 11 — лица, состоящие в браке; 12 — 0—14 лет; 13 — «старика» (без указания возраста); 14 — по числу зарегистрированных рождений между 1800 и 1829 гг. в Окаке и Хоупдале (Scheffel, 1984, 66); 15 — мужчины: 20—49, женщины: 20—44; 16 — лица, состоящие в браке.

48

у азиатских эскимосов наблюдался очень высокий уровень рождаемости (50—60 ‰) при отсутствии каких-либо специальных установок на ее искусственное ограничение. В среднем за полный репродуктивный период каждая женщина рожала 6—8 детей, причем вполне обычны были случаи 10—12 рождений. В двух общинах (Аван и Сиреники) с наиболее полной регистрацией за 1930-е годы 48 женщин репродуктивного возраста родили 144 ребенка. При этом 22 женщины имели за 10 лет 4 и более зарегистрированных рождений (максимально — 6). Эти цифры отражают высокую суммарную (в среднем 7,4 ребенка на каждую женщину) и повозрастную плодовитость во всех женских когортах, начиная с 20—24 и до 40—44 лет²¹. Близкие данные получены для эскимосов о. Св. Лаврентия. Для женщин, чей репродуктивный период пришелся на 1920—1930-е годы, в среднем отмечено 7,1—8,8 рождений. Треть этих женщин родили 10 и более детей, максимально — 15²².

Если рождаемость в эскимосских общинах держалась, видимо, стабильно на высоком уровне, то показатели смертности, напротив, испытывали заметные колебания. Все же средний уровень смертности у эскимосов также был весьма высоким (не менее 45 — 50 ‰). В Сирениках в 1930-х годах умерло 78 человек (в среднем ежегодно 40 человек на 1000); в Наукане — 146 (в среднем 44 на 1000, причем часть смертей новорожденных и детей до 1 года осталась незарегистрированной); в Аване и Уреликах в 1931 — 1944 гг. — всего 72 человека (в среднем 47 на 1000).

Значительная часть всех смертных случаев приходилась на детей до 10 лет (табл. 6), из них 40 % — на детей до 1 года. Первые медицинские пункты появились в эскимосских поселках Чукотки только в самом конце 1930-х или в начале 1940-х годов; до этого времени там умирало не менее 25 — 35 % новорожденных, а в отдельные годы — до 35—40 % и более. Следующий возрастной пик смертности падал на взрослое трудоспособное население (35 — 45 лет) и был связан с повышенной смертностью мужчин-охотников среднего возраста и женщин в конце репродуктивного периода. Эта же возрастная группа очень сильно страдала от заносимых эпидемий, а в прошлом — очевидно и от голода, о чем свидетель-

Таблица 6. Возрастная структура смертности у азиатских эскимосов (%)

Община	Возраст (лет)							
	0—1	1—9	10—19	20—29	30—39	40—49	50—59	60 и выше
<i>Сиреники, 1930—1944</i>	39,9	27,6	8,1	4,9	2,4	4,9	4,1	8,1
<i>Аван, 1931—1944</i>	31,6	13,2	6,6	7,9	14,5	7,9	11,8	6,6
<i>Азиатские эскимосы в целом, 1939</i>	47,1	17,1	7,1	7,1	4,3	2,9	5,7	8,6

4 И. И. Крупняк

49

ствуют многочисленные фольклорные материалы и рассказы информантов старшего поколения. В такие неблагоприятные годы с эпидемиями или голодовками уровень смертности мог подниматься до 90—100 ‰, значительно превышая уровень рождаемости.

К сожалению, вряд ли можно считать достоверным определение возраста смерти в 1930-е годы для лиц старшего поколения. В прошлом у эскимосов не было традиции счета календарного возраста, и потому в первые годы записей он отмечался условно самими регистраторами. Надежнее поэтому говорить о «генеалогическом возрасте», т. е. о порядке репродуктивных поколений по генеалогиям. Так, среди зрелых и пожилых мужчин-эскимосов в 1920—1930-е годы (это были лица, рожденные в 1850—1880-х годах) лишь около 40 % умерли, имея при жизни внуков. По восстановленным посемейным спискам на 1920—1923 гг. в четырех поселках: Сиреники, Имтук, Аван и Урелики с общим населением около 350 человек — было только девять трехпоколенных семей из 63 и лишь одна женщина имела правнуков. В Унгазике в 1901 г., согласно посемейному списку В. Г. Богораза, были 14 трехпоколенных семей (18 %) из 77 и ни одной, где бы совместно проживали четыре поколения²³.

По эскимосским представлениям, большинство мужчин и женщин считались «стариками» уже в 45—50 лет, т. е. еще до конца репродуктивного периода. Хотя существование в эскимосских общинах глубоких стариков (75—80 лет) достоверно отмечено по генеалогиям и письменным источникам, смерть «от старости» в 50—55 лет для мужчин или в 55—60 лет для женщин, как и «добровольная смерть» больных и инвалидов в пожилом и среднем возрасте, были вполне обычным явлением. Это говорит об ускоренной смене генеалогических поколений, репродуктивных и трудоспособных когорт в эскимосских коллективах.

Правда, на более широком фоне циркумполярного населения азиатские эскимосы выглядят вполне «долгожительской» популяцией. Единственные сопоставимые данные — расчеты ожидаемой продолжительности жизни приморских чукчей по пятилетним когортам — свидетельствуют, что в этом отношении береговые охотники Чукотки превосходили эскимосские группы Американской Арктики и приближались к мезолитическому населению Западной Европы, хотя уступали алеутам XVIII—XIX вв.²⁴ Известно, что повышенная продолжительность жизни также считается одним из признаков устойчивости традиционной популяции, ее благополучия и высокого социального развития²⁵.

Итоговый естественный прирост в общинах азиатских эскимосов был крайне неустойчивым и испытывал очень сильные колебания. В благоприятные годы с хорошим морским промыслом и при отсутствии эпидемий происходило заметное увеличение численности населения. Так, в 1931 г. в Сирениках за счет естественного прироста население выросло на 8 человек, а в 1936 г. — даже на 12 человек, или на 6%. Но «хорошие» годы чередовались с голодов-

50
нами, эпидемиями, массовыми несчастными случаями, когда население скачкообразно уменьшалось до исходного или даже более низкого уровня. Именно такую модель воспроизводства весьма красочно описал старый эскимос Кувар из Унгазика В. Г. Богоразу в 1901 г.*

Подчеркну, что сокращение численности эскимосов в неблагоприятные годы происходило за счет заметного подъема смертности взрослого населения. Разница между числом родившихся и выживших детей, т. е. «чистый» ежегодный прирост, в 1920-е и особенно в 1930-е годы достигал 20—25 ‰. Распад достаточно крупных детских возрастных когорт за счет высокой смертности начинался уже в ранние годы и практически завершался к зрелости. Чуть более трети населения доживало до взрослого возраста и оставляло потомство и лишь 6—10% родившихся имели шанс

дожить до 60 — 70 лет.

При таких демографических показателях эскимосская популяция обладала весьма высокой *потенциальной способностью* к быстрому росту в благоприятных социально-экологических условиях, прежде всего в периоды снижения смертности взрослого населения. Этот вывод подтверждается еще одним индексом — средним числом потомков каждой брачной пары, которые дожили до взрослого возраста и оставили собственное потомство. Для 172 пар азиатских эскимосов, вступивших в брак в 1880—1920 гг., этот показатель по генеалогиям оказался равен 2,47. Считается, что при двух взрослых живых потомках каждой пары идеальная популяция остается стабильной; при 2,5 — увеличивается за 100 лет в три раза, а при 3 — в восемь раз²⁶. Следовательно, общины азиатских эскимосов теоретически имели способность к двух — трехкратному увеличению своей численности за столетие. Но этот демографический потенциал мог реализоваться только в сравнительно благоприятных социально-экологических условиях. Все эти данные рисуют нам особый тип демографического поведения контактной арктической популяции с традиционной основой жизнеобеспечения. Они не подтверждают распространенное представление об эскимосских коллективах как стабильных, жестко лимитированных в своих размерах сообществах, с низкой, искусственно ограничиваемой рождаемостью, нехваткой женщин, нулевым естественным приростом. Для азиатских эскимосов начала XX в. была, напротив, характерна мобильность состава и численности коллективов, высокая рождаемость, способность к быстрому росту. И хотя итоговый естественный прирост был действительно низок, он сдерживался иными факторами: высокой смертностью взрослого населения, сокращенной продолжительностью жизни

* «Духи, кажется, заботятся о том, чтобы народ этой земли не размножился. В древние времена война истребляла людей, а потом, хотя морского зверя и дичи было много, случались голодовки, которые тоже уносили много людей. А теперь вместе с обильными американскими товарами приходят болезни, и люди опять вымирают» (Богораз, 1934, 20).

51

лиц зрелого и пожилого возраста и огромными всплесками экзогенной смертности в годы эпидемий, голодовок, массовой гибели от несчастных случаев и т. п.

Производственно-бытовой инвентарь. Оседлый образ жизни азиатских эскимосов, сложное, высокоспециализированное морское хозяйство издавна способствовали богатству их традиционной материальной культуры, разнообразию орудий труда, предметов производства и быта по сравнению с другими народами Крайнего Севера. Однако уже к концу XIX в. жизнеобеспечение эскимосов базировалось в значительной степени на готовых привозных орудиях. В их жизнь прочно вошли огнестрельное оружие, деревянные парусные лодки-вельботы, металлические инструменты и изделия, железные наконечники гарпунов и копий, ручные капсюльные гарпуны для добычи китов и т. п. Все это снаряжение привозили американские (реже — русские) промысловые и торговые суда в обмен на местную продукцию.

Традиционные орудия производства сохранялись в то время в виде отдельных элементов промыслового комплекса: поплавки из шкур нерпы, ремни, костяные втулки для гарпунов, сети для ловли мелких ластоногих. Но и здесь широко распространенные в прошлом материалы: морской клык, китовый ус и др., имевшие высокую товарную стоимость, по возможности заменялись⁴ менее ценным сырьем — костью, деревом, оленьим рогом. В меньшей степени изменения коснулись традиционных морских и сухопутных средств передвижения (кожаные лодки-байдары, деревянные собачьи нарты, ручные санки с полозьями из морского клыка), а также одежды и жилища. В целом же материальная культура эскимосов конца XIX—начала XX в. как на азиатской, так и на американской стороне Берингова пролива предстает причудливым сочетанием архаичных аборигенных элементов, готовых фабричных (европейских) изделий и внешне традиционных предметов, созданных или модернизированных под влиянием привозных товаров.

Этот культурный конгломерат хорошо виден на остатках и «мусорных кучах» эскимосских поселений конца XIX—первых десятилетий XX в. Сейчас они выглядят хаотическими скоплениями костей морских животных, обломков костяных, деревянных и металлических изделий, стеклянной и фаянсовой посуды, ружейных гильз, эмалированных мисок и чайников, разбитых традиционных деревянных блюд и глиняных ламп-жирников. То же смешение местных и привозных изделий наблюдается в захоронениях этого периода, что позволяет с большой точностью датировать многие поселки и могильники²⁷.

Первые точные сведения о количестве важнейших средств производства (лодок, ружей, капканов, сетей и т. п.) в эскимосских поселках Чукотки дала Приполярная перепись 1926/27 г. Ее данные могут быть дополнены сведениями последующих местных описей и похозяйственных обследований 1920—1930 годов. Для более раннего времени мы располагаем фрагментарными списками

52

закупленных эскимосами товаров, свидетельствами путешественников и воспоминаниями современных информантов старшего поколения²⁸. Судя по всем этим свидетельствам, к началу XX в. азиатские эскимосы получали основные орудия труда и промысла, сырье и материалы для пошива одежды, жилища, бытовую утварь за счет обмена с оленеводами-чукчами, американскими или русскими торговцами, жителями Аляски и о. Св. Лаврентия. Это не только ставило их жизнеобеспечение в сильнейшую зависимость от коммерческой и меновой торговли, но и требовало ежегодного производства огромных излишков собственной продукции для поддержания регулярного товарообмена.

Потребности эскимосского коллектива. Всю продукцию, которая была необходима коллективу морских зверобоев для поддержания нормального жизненного цикла, можно условно разделить на пять видов потребностей: 1) продукты питания; 2) топливо для обогрева и освещения жилищ и готовки пищи; 3) корм для собак; 4) сырье для материально-бытового производства — прежде всего шкуры для изготовления байдар, покрытия жилища, пошива одежды и т. п.; 5) излишки товарной продукции для обмена с чукчами-оленеводами, а также приезжими торговцами для получения готовых орудий труда и продовольственных товаров.

Сведения о структуре питания, нормах ежедневного или годового потребления пищи у азиатских эскимосов в начале XX в. разрознены и мало достоверны²⁹. Поэтому пришлось воспользоваться сравнительными данными о нормах питания различных эскимосских групп Американской Арктики и реконструкцией потребления эскимосов Северо-Западной Аляски, сделанной Д. Футом для середины XIX в. Д. Фут определил ежедневную норму потребления для мужчин в 3000 ккал, женщин и стариков — 2500 ккал, детей до 16 лет — 2000 ккал³⁰. При средней демографической структуре коллектива азиатских эскимосов: 25% мужчин, 35% женщин, стариков и подростков и 40% детей — это дает общую цифру 2425 ккал на человека в день, или 885,1 тыс. ккал в год. Для удобства исчисления ее можно округлить до 900 тыс. ккал. Такой уровень лучше считать *минимальной нормой потребления*, которая поддерживала существование общины, но не учитывала дополнительные расходы пищи на угощение, повышенное потребление в дни праздников, сезоны обильной добычи и т. п.

Сложнее оценить соотношение основных компонентов эскимосского рациона: мяса и жира морских животных, рыбы, птицы, растительных продуктов, привозных продовольственных товаров. У всех эскимосов это соотношение было чрезвычайно динамичным и сильно изменялось в течение года и от года к году в зависимости от результатов промыслов. Из-за отсутствия надежных сведений в источниках XIX—начала XX в. определить его можно лишь самым приблизительным образом. Тот же Д. Фут, сопоставив данные по разным группам американских эскимосов, считал, что 65% калорийности аборигенного рациона обеспечивалось за счет белков и

53

углеводов и 35% — за счет животных жиров³¹. Для принятой мной нормы в 2425 ккал в день на человека это означает потребление 106 г жира (его калорийность 8000 ккал/кг) и 0,5—1,1 кг мяса морских животных — в зависимости от реальной роли других источников пищи в рационе.

По наблюдениям Д. Фута и разным литературным оценкам, взрослый эскимос при традиционной диете съедал в день не менее 1,8—2,2 кг мяса морских животных. При расчетах я принял среднюю норму потребления 1,8 кг мяса в день для взрослых охотников, 1,2 кг — для женщин, подростков и стариков и 0,8 кг — для детей до 15 лет. Это дает среднюю цифру 1,2 кг мяса в день для всех членов коллектива. Поскольку мясо морских животных отличается очень высоким содержанием жира (1,8 — 4,6 % у тюленей и до 8 % у моржей), потребление 1,2 кг мяса давало ежедневное поступление 40—100 г жира. Добавление еще 60 г натурального жира («сала») морских животных полностью покрывало все потребности и обеспечивало в целом ежедневное поступление 2165 ккал, или 89% калорийности условного рациона азиатских эскимосов. Этот уровень рассматривался как «полная обеспеченность» продукцией морского промысла в соответствии с традиционными установками питания.

Оставшиеся 265 ккал (11% «среднего» рациона) восполнялись потреблением оленьего мяса, рыбы, птицы, покупных товаров. Разумеется, реальная доля всех перечисленных продуктов могла заметно превышать эту норму.

К сожалению, нет никаких статистических данных, характеризующих имущественное неравенство в питании эскимосов в конце XIX—XX в. То, что оно безусловно существовало, подтверждается свидетельствами эскимосского фольклора, воспоминаниями людей старшего поколения. Впрочем, имущественные различия в то время больше отражались в потреблении привозных продуктов и обмененной у чукчей оленины. Для основных видов пищи — мяса и жира морских животных, рыбы, птицы — неравенство в значительной мере смягчалось господствовавшими нормами взаимопомощи и общинного распределения добычи. Это позволяет распространить «средние» нормы для всех обитателей эскимосских поселков.

Для отопления и освещения своих жилищ, готовки пищи азиатские эскимосы, подобно большинству эскимосских групп Американской Арктики, использовали жир морских животных, сжигая его в специальных лампах-жирниках. Известные оценки расхода жира на одну семью (одно домохозяйство) колеблются от 670 до 2700 кг в год, Н(j в целом близки к цифре 800—1200 кг³². По оценкам информантов я определил среднюю норму расхода жира на одну семью в 1125 кг в год³³, но, учитывая возможные колебания, округлил ее для расчетов до 1000 кг в год на каждое домохозяйство.

Важную роль в традиционном жизнеобеспечении азиатских эскимосов играли собаки. Собачьи упряжки были единственным

54

транспортным средством в зимние месяцы, от которого зависели контакты между береговыми селениями, обмен с оленеводами-чукчами, охота на песцов. На корм собакам уходила значительная часть продукции морского промысла и рыболовства; поэтому размер собачьей упряжки обычно прямо зависел от благосостояния семьи и удачливости ее главного кормильца. Норма расхода продукции на корм собакам у азиатских эскимосов может быть вычислена по данным местных источников 1930—1950-х годов или взята по аналогичным оценкам для эскимосских групп Американского Севера. Цифра 1000 ккал/день, или 365 тыс. ккал/год., выглядит средней по имеющимся источникам³⁴. Это эквивалентно ежедневному потреблению 0,7 кг мяса морских животных: 1 кг в день в зимние месяцы, когда собаки используются в упряжках, и 0,5 кг весной, летом и осенью (с конца мая по ноябрь). То же количество калорий обеспечивали 1 кг отходов и внутренностей морских животных, 2 кг рыбы, 1 —1,5 кг юколы или 150 г животного жира.

Сведения о расходе шкур на разные виды материально-бытового производства у эскимосов можно почерпнуть в некоторых источниках 1920—1930-х годов³⁵, дополнив их воспоминаниями людей старшего поколения. По этим оценкам, средней семье из пяти человек ежегодно требовалось на покрытие жилища, изготовление промыслового инвентаря, пошив одежды и обуви, бытовые нужды 4 шкуры моржа, 2 шкуры лахтака (морского зайца) и 20 шкур нерпы (акибы или ларги), не считая 12 оленьих шкур, которые можно было получить только путем обмена с оленеводами. Расход основных видов сырья для изготовления орудий и бытовой утвари до появления европейских готовых изделий, т. е. кости, клыка, дерева, китового уса, пока не поддается точному исчислению. С распространением привозных товаров часть этого сырья (прежде всего клык и китовый ус) вместе с пушниной, шкурами оленей и морских млекопитающих стала «уходить» из эскимосских систем жизнеобеспечения в обмен на привозную продукцию. Особую ценность для торговцев представлял китовый ус, который шел на изготовление корсетов и обручей для длинных женских юбок, модных в Европе и Америке во второй половине XIX—начале XX в. (вплоть до 1907 г.). Определить размер этого потока крайне сложно, поскольку он зависел от колебания цен на привозные и местные товары. Например, фунт уса гренландского кита в конце XIX—начале XX в. стоил на Чукотке от 1,5 до 4 долларов, так что один добытый кит давал местным охотникам товарной продукции для обмена на сумму 2 — 6 тыс. долларов.

Судя по известным случаям обмена с китобоями и торговцами, эскимосы отдавали несколько видов местного сырья, которые к тому времени имели для них ограниченное утилитарное значение. Прежде всего это были китовый ус, моржовые клыки и различные виды пушнины, что в целом не подрывало эскимосского жизнеобеспечения. Так, в 1895 г. жители Авана получили с американских судов 4,5 т муки, 880 кг галет, 800 кг сахара и другие товары, отдав

55

за это треть уса одного гренландского кита, клыки от 43 моржей (примерно половина годовой добычи), 5 медвежьих, 22 песцовых, 36 нерпичьих и 140 оленьих шкур, а также 14 комплектов мужской меховой одежды для китобоев.

Так удалось рассчитать основные нормы расхода продукции в эскимосской системе жизнеобеспечения. Учитывая вероятные неточности, все цифры были округлены до значений, удобных для операций с крупными числами. По этим нормам можно определять годовые потребности эскимосских коллективов и строить балансы жизнеобеспечения, имея данные о численности населения, количестве хозяйств (или жилищ) и числе собак в каждом поселке. Эти расчеты ежегодных потребностей пяти эскимосских общин в пище, топливе и корме для собак (в тыс. ккал), шкурах оленей и морских животных, сделанные на три условные даты — 1920, 1933 и 1937 гг., приведены в табл. 7.

Таблица 7. Оценка потребностей общин азиатских эскимосов (1920—1937 гг.)

Община, год	Пища (10 ³ ккал)			Корм для собак (10 ³ ккал)	Жир для отопления (10 ³ ккал)	Шкуры (шт.)			
	в целом	в том числе				морж	лахтак	нерпа	олень
		мясо мор. зверя	жир мор. зверя						
<i>Сиреники</i>									
1920	150 300	102 404	29 258	57 667	248 000	155	62	620	372
1933	193 500	130 838	37 668	64 240	280 000	175	70	700	420
1937	173 700	118 347	33 814	85 410	288 000	180	72	720	432
<i>Наукап</i>									
1920	286 200	194 998	55 714	102 200	440 000	275	110	1100	660
1933	298 800	203 582	58 166	107 675	496 000	310	124	1240	744
1937	303 300	206 648	59 042	104 390	512 000	320	128	1280	768
<i>Чуплино</i>									
1920	328 500	223 818	63 948	124 100	504 000	315	126	1260	756
1933	311 400	212 167	60 619	114 975	424 000	265	106	1060	636
1937	273 600	186 412	53 260	115 340	464 000	280	116	1160	696
<i>Аван</i>									
1920	129 600	88 300	25 229	32 485	216 000	135	54	540	324
1933	100 800	68 678	19 622	42 340	144 000	90	36	360	216
1937	94 500	64 386	18 396	48 180	152 000	95	38	380	228
<i>Кивак</i>									
1920	113 400	77 263	22 075	50 370	184 000	115	46	460	276
1933	101 700	69 291	19 797	43 800	136 000	85	34	340	204
1937	86 400	58 867	16 819	65 700	136 000	85	34	340	204
<i>В целом</i>									
1920	1 008 000	686 783	196 224	366 825	1 592 000	995	398	3980	2388
1933	1 006 200	684 556	195 872	373 030	1 480 000	925	370	3700	2220
1937	931 500	634 660	181 331	419 020	1 552 000	970	388	3880	2328

Продукция эскимосского хозяйства. Другую часть баланса системы жизнеобеспечения составляет реальная продукция, полученная коллективом за конкретный отрезок времени, например за календарный год. Чтобы оценить ее, мы должны обратиться к статистике традиционного производства азиатских эскимосов.

Учет добычи морских животных по отдельным эскимосским поселкам был организован с конца 1920-х годов; регулярная и достаточно надежная статистика существует с начала 1930-х годов. Для более раннего периода (1910—1925 гг.) имеются разрозненные оценки или общие сведения о промысле морского зверя местным населением Чукотки³⁷. Эти данные в сочетании с рассказами пожилых охотников-эскимосов о размерах промысла в 1920-е годы позволяют восстановить примерный уровень добычи для пяти выбранных общин условно на 1920 г. По-видимому, это наиболее

Таблица 8. Статистика добычи морских млекопитающих азиатскими эскимосами (1920—1937 гг.)

Община, год	Кит	Морж	Лак-так	Нерпа	Бе-луха	Община, год	Кит	Морж	Лак-так	Нерпа	Бе-луха
<i>Сиреники</i>						<i>Чаплино</i>					
1920 *	3	135	180	450	2	1920 *	1	400	212	1990	0
1928	2	318	—	—	—	1922	—	501	—	—	—
1929	1	161	268	470	0	1928	—	***	118	—	—
1930	1	114	116	460	3	1932	1	225	82	2895	—
1931	0	188	158	893	2	1933	1	310	147	1100	—
1932	5	232	162	487	2	1934	0	618	214	1384	—
1933	6	320	181	480	3	1935	0	584	150	2182	—
1934	3	640	322	667	1	1936	0	586	116	2654	—
1935	2	342	185	225	—	1937	1	609	173	3092	—
1936	0	322	214	335	—	<i>Аван</i>					
1937	2	513	88	315	—	1920 *	1	90	56	520	5
<i>Наукан</i>						1922	1	***	80	—	—
1920 *	1	300	84	2520	15	1933	1	—	—	—	3 *
1926	1 *	209	125	1318	—	1934	0	—	36	344	—
1927	1	—	—	—	—	1935	0	129	36	281	1 *
1928	0	608	—	—	—	1936	0	72	27	249	—
1929	1	315	69	6387	9	1937	0	227	52	667	3 *
1930	0	345	—	—	42	<i>Кивак</i>					
1931	0	667	170	3965	—	1920 *	1	***	60	68	420
1932	2	85	108	3837	0	1932	1	84	49	311	—
1933	2 **	470	101	1740	51	1933	0	148	73	303	—
1934	2	114	97	1329	12	1934	1	210	96	295	—
1935	0	347	120	929	8	1935	0	142	75	501	—
1936	3	163	197	2063	22	1936	1	84	40	329	—
1937	0	759	121	3128	12	1937	0	162	102	664	—

* Оценка; ** в том числе один молодой серый кит;

*** по сообщениям информантов между 1920 и 1932 гг. в Чаплино было убито не менее 6—7 китов, в Аване — 5 и Киваке — 2—3.

Источники: Кнопфмиллер, 1940; Меновицков, 1959; см. сводку: Крупник, 1980, 68—72.

ранний срок, на который можно сейчас оценить размеры эскимосского морского промысла, опираясь на статистические данные и некоторые косвенные исчисления.

Всего за 1920-1937 гг. имеется 37 годовых серий добычи большинства видов морских животных по общинам и поселкам (табл. 8), причем для четырех общин — Сиреники, Наукан, Чап-лино и Кивак — эти данные образуют единый шестилетний ряд (1932 — 1937 гг.), а для общины Сиреников — непрерывный девятилетний (1929—1937). Этих данных вполне достаточно, чтобы оценить продуктивность эскимосского жизнеобеспечения и даже рассмотреть ее в динамике, сравнив годы удачного и неудачного промысла, а также общую ситуацию конца 1920-х и середины 1930-х годов. При подсчете балансов все серии добычи за 1920-е годы сопоставлялись с условным уровнем потребностей на 1920 г.; для периода 1930—1936 гг. — с 1933 г., а для 1937 г. имеется и оценка, и фактическая продукция (табл. 7 и 8).

К сожалению, местная статистика промыслов не дает сведений о продукции других отраслей эскимосского хозяйства: рыболовства, охоты на птиц, собирательства и т. п. Нет в ней сведений и о покупке эскимосами продовольственных товаров или обмене с чукчами-оленеводами. Этот пробел восполняет лишь один источник: данные похозяйственного обследования 1937 г., где имеются сведения о добыче морских животных, птицы, пушных зверей, улове рыбы по всем поселкам Чукотки, а также частичные данные о приобретении эскимосскими семьями продовольственных товаров

Таблица 9. Покупные и обменные продукты питания в жизнеобеспечении азиатских эскимосов (1920 и 1937 гг.)

Община, год	Оленьи туши (шт.) *	Покупные товары (кг) **						
		мука	хлеб	сухари	печенье	сахар	конфеты	масло
<i>Сиреники</i> 1920	93	1550	—	37	—	1,5	—	—
	1937	72	1800	1440	—	720	1800	720
<i>Наукак</i> 1920	165	2750	—	66	—	3,0	—	—
	1937	160	3840	1600	384	1660	3200	640
<i>Чапличи</i> 1920	115	3150	—	76	—	3,0	—	—
	1937	108	6200	9200	550	800	4140	1128
<i>Аван</i> 1920	37	1850	—	44	—	1,9	—	—
	1937	30	2710	4250	63	480	2400	1448
<i>Кивак</i> 1920	23	1150	—	28	—	1,2	—	—
	1937	20	1700	—	51	272	—	85
<i>В целом</i> 1920	433	10 450	—	251	—	10,6	—	—
	1937	390	16 250	16490	1048	3932	11 540	4021

* 1920 г. — оценка; цифры за 1937 г. по поселкам взяты с картосхемы, составленной П. Е. Терлецким (1967, прил. 5) по данным хозяйственного обследования 1937 г.; ** 1920 г. — оценка на основании сообщений информантов и данных Приполярной переписи 1926/27 г.; 1937 г. — рассчитано по средним нормам закупок по поселкам согласно бюджетному обследованию 1937/38 г. (Кнопфильер, 1940б).

58

и конкретных случаях обмена с тундровыми оленеводами³⁸. Эти материалы были использованы для расчета полных балансов жизнеобеспечения на 1937 г. и сравнения с уровнем потребностей в 1930-е годы.

Для более раннего периода оценку всех видов полученной продукции удалось сделать условно на 1920 г. по воспоминаниям примерно двух десятков современных информантов старшего поколения из разных эскимосских поселков. Для общины Сиреников по полевым исследованиям 1975 г. получена вполне надежная реконструкция всех видов хозяйственной деятельности в 1920-е годы, включая охоту, рыболовство, собирательство, обмен с оленеводами и покупку продовольственных товаров. По этим данным были сделаны дифференцированные оценки для остальных общин, которые корректировались фрагментарными сведениями Приполярной

п. Большинство необходимых для этого цифр были взяты из диссертации Д. Фута для лучшей сопоставимости таких расчетов по разным районам Арктики, поскольку оценки Д. Фута уже использованы при реконструкции жизнеобеспечения эскимосов Баффиновой Земли, о. Св. Лаврентия, внутренних районов Аляски⁴. Унификация методик реконструкции представляется весьма желательной, хотя ранее я пользовался собственными подсчетами, основанными на отечественных источниках, местной документации по Чукотке 1920—1950-х годов, сообщения своих информантов⁴¹. Впрочем, расхождения здесь оказались незначительными (табл. 10). Лишь после этих весьма длительных пересчетов объем полученной натуральной продукции мог быть сопоставлен с потребностями эскимосских общин и выражен в виде баланса жизнеобеспечения.

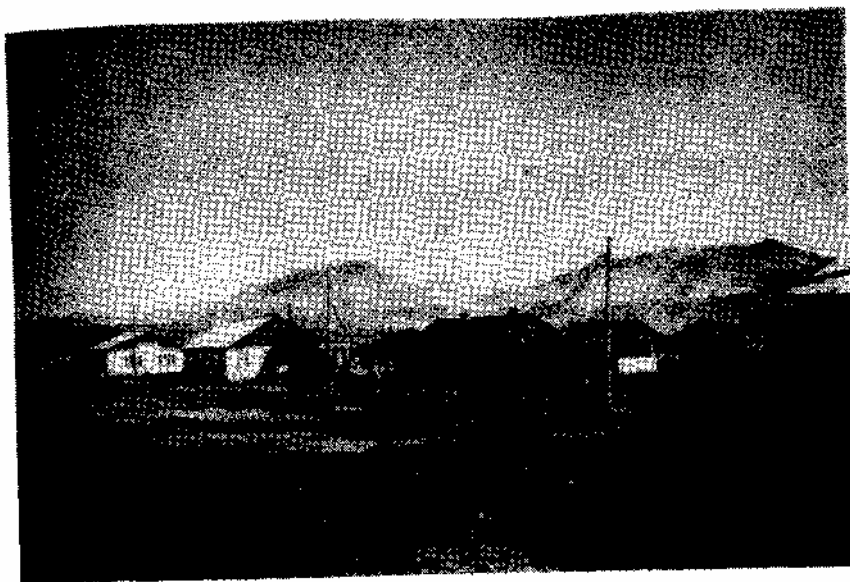

Рис. 1. Село Новое Чаплино, Чукотский авт. округ. Фотография автора 1977 г.

Рис. 2. Село Сиреники, Чукотский авт. округ. Хозяйственный помост («сушила») на челюстях гренландского кита. Фотография С. А. Богословского 1980 г.

Анализ балансов жизнеобеспечения. Определение разницы (сальдо) между реальным производством и рассчитанными потребностями составляет суть балансового анализа системы жизнеобеспечения. Имеющиеся данные позволяют построить/такие балансы на 1920 и 1937 гг. для каждой из пяти общин, в целом для всех азиатских эскимосов и отдельно для двух типов их промысловой экономики: с ориентацией на добычу крупных морских млекопитающих (поселки открытого побережья) и на охоту

на тюленей (поселки в бухтах и проливах).

Балансы дают возможность определить роль продуктов разных видов деятельности: морского промысла, рыболовства, собирательства — в эскимосском рационе (табл. 11). Кроме того, мы можем оценить по годам эффективность охоты на морских животных, дававшей эскимосским коллективам до 90—95% всей получаемой продукции. Для этого мы располагаем данными о потребностях и реальной добыче морского зверя по пяти общинам в общей сложности за 37 календарных лет в период 1920—1937 гг. (табл. 12). Они могут быть суммированы для оценки общей продуктивности эскимосского морского промысла и соотношения двух его основных моделей (табл. 13).

В общей сложности в нашем распоряжении было несколько десятков годовых балансов продуктивности эскимосского зверобойного хозяйства в первые десятилетия XX в. Подчеркну, что в пределах всего обширного эскимосского ареала подобный анализ можно провести лишь для территории Западной Гренландии, где статистика местной охотничьей добычи, или точнее, закупок продукции промыслов по факториям, ведется с конца XVIII — XIX вв. Нет

Таблица 11. Структура балансов жизнеобеспечения общин азиатских эскимосов

Общины	Виды продукции (%)							
	мясо и жир морских животных	рыба	птица	птичьи яйца	съедобные растения	водоросли	оленина	покупные товары
<i>1920 г.</i>								
Сиреники	87,2 *	3,7	1,8	0,3	1,1	0,3	1,9	3,7
Наукан	90,8 **	1,4	1,3	0,1	0,7	0,3	1,8	3,6
Чаплино	90,9 **	1,9	1,3	0,2	0,7	0,3	1,1	3,6
Кивак	88,4 ***	4,2	1,0	0,2	1,1	0,3	0,7	4,1
Аван	85,5 ***	5,1	1,8	0,4	0,9	0,3	0,8	5,2
<i>1937 г.</i>								
Сиреники	79,0 *	5,2	0,7	0,3	1,0	0,3	1,1	12,4
Наукан	81,5 *	1,5	0,9	0,1	0,7	0,3	1,5	13,5
Чаплино	70,2 *	4,3	0,7	0,2	0,4	0,2	0,9	23,1
Кивак	83,6 **	5,5	0,7	0,1	0,9	0,3	0,7	8,2
Аван	59,8 *	9,1	0,8	0,3	0,6	0,2	0,7	28,5

* Избыток продукции, полная обеспеченность пищевых потребностей (1,2 кг мяса и 0,06 кг жира на человека в день) и корма для собак.

** то же при недостаточности корма для собак.

*** острая нехватка пищи и/или корма для собак.

Рис. 3. Стойбище ненцев-оленьеводов, Усть-Карская тундра, Ненецкий авт. округ. Фотография автора 1974 г.

Рис. 4. Лежбище моржей на о. Аракамчечен. Фотография Н. А. Перова 1978 г.

Таблица 12. Обеспеченность эскимосских общин продукцией морского промысла: 1920—1937 гг.
(в % от вычисленной нормы потребления)

Община, год	Вся продукция	В том числе				
		мясо (1)	жир (2)	шкура		
				морж	лахта	корма
<i>Сиреники</i> 1920	157,3	94,0	193,8	87,0	290,3	72,6
1929	134,3	92,3	158,5	103,9	432,3	75,8
1930	81,1	53,8	97,9	65,1	165,7	65,7
1931	99,9	76,6	114,2	107,4	225,7	127,6
1932	200,4	120,8	249,3	132,6	231,4	69,6
1933	247,9	155,9	304,4	182,9	258,6	68,6
1934	304,2	263,3	424,7	365,7	460,0	95,3
1935	168,2	131,2	190,9	195,4	264,3	32,1
1936	130,2	113,8	140,1	184,0	305,7	47,9
1937	201,7	172,2	220,4	285,0	122,2	43,8
<i>В среднем</i>	172,9	127,4	209,4	170,9	275,6	69,9
<i>Наукан</i> 1920	122,4	88,8	142,6	109,1	76,4	229,1
1926	81,4	57,4	96,1	73,3	109,6	115,6
1929	181,9	113,3	223,9	110,5	60,5	560,3
1931	191,0	163,1	206,7	215,2	137,1	319,8
1932	108,3	57,0	137,1	27,4	87,1	309,4
1933	137,0	116,6	148,4	151,6	81,5	140,3
1934	73,4	44,7	89,5	36,8	78,2	107,2
1935	84,6	78,2	88,3	111,9	96,8	74,9
1936	114,7	68,1	140,8	52,6	158,9	166,4
1937	187,3	174,2	194,4	237,2	94,5	244,4
<i>В среднем</i>	128,2	96,1	146,8	112,6	98,1	198,0
<i>Чаплино</i> 1920	121,6	92,0	139,8	127,0	168,3	157,9
1932	110,1	68,2	138,3	84,9	77,3	273,1
1933	100,0	73,1	118,1	117,0	138,7	103,8
1934	154,0	129,4	170,6	233,2	201,9	130,6
1935	156,2	126,8	176,0	220,4	141,5	205,8
1936	161,8	129,5	183,6	221,1	109,4	250,4
1937	189,1	154,7	209,1	210,0	149,1	266,6
<i>В среднем</i>	141,8	110,5	162,2	173,3	140,9	198,3
<i>Аван</i> 1920	96,8	71,6	109,4	66,6	103,7	96,3
1935	92,4	78,6	101,8	143,3	100,0	78,1
1936	58,0	46,4	65,9	80,0	75,0	69,2
1937	164,9	139,7	181,6	238,9	136,8	175,5
<i>В среднем</i>	103,0	84,1	114,7	132,2	103,9	104,8

Таблица 12 (окончание)

Община, год	Вся продукция	В том числе				
		мясо (1)	жир (2)	шкура		
				морж	лахтак	нерпа
<i>Кивак</i> 1920	88,3	51,8	110,9	52,2	141,7	91,3
1932	112,2	67,2	144,8	98,8	144,1	91,5
1933	115,4	90,9	133,1	174,1	214,7	89,1
1934	192,3	137,8	231,8	247,0	282,4	86,8
1935	122,9	92,0	145,4	167,1	220,6	147,4
1936	110,8	66,8	142,7	98,8	117,6	96,8
1937	144,6	98,3	182,4	190,6	300,0	195,3
<i>В среднем</i>	126,6	86,4	155,9	146,9	203,0	114,0

Показатели: 1 — расход в пищу людям и на корм собакам; 2 — расход в пищу людям и на отопление жилищ.

Таблица 13. Обеспеченность азиатских эскимосов продукцией морского промысла (в % от вычисленной нормы потребления)

Год	Вся продукция	В том числе				
		мясо (1)	жир (2)	шкура		
				морж	лахтак	нерпа
Азиатские эскимосы в целом						
1920	120,2	84,2	141,5	99,0	150,8	148,2
1932 *	128,5	75,2	161,8	75,0	120,1	225,4
1933 *	145,5	106,6	169,9	149,5	150,3	108,5
1934 *	161,4	130,1	200,6	189,5	218,3	110,0
1935	126,1	104,5	139,7	166,9	153,0	112,3
1936	125,2	93,1	145,9	132,6	160,5	152,0
1937	184,0	155,6	201,3	234,0	138,1	202,7
Поселки открытого побережья **						
1920	127,3	88,0	150,9	105,3	150,3	150,6
1937	189,2	170,4	200,2	256,6	103,8	165,6
Поселки в бухтах (3)						
1920	78,2	59,8	88,1	63,3	153,3	135,0
1937	121,7	59,2	170,5	56,4	259,1	415,9

Примечания: 1 — расход в пищу людям и на корм собакам; 2 — расход в пищу людям и на отопление жилищ;

* без общины Авап (а также не включенного во все подсчеты эскимосского населения о-вов Врангеля, Ратманова и пос. Уэлькаль);

** Сиреники, Наукан, Чаплино, Аван и Кивак; 3 — Урелики, Чечен, Сиклюк/Иттыгран.

Рис. 5. Мои информанты. Фотографии 1974—1977 гг.
Коой (ок. 1910—1985), с. Сиреники; Утыхтыкак (1914—1976), с. Сиреники;
Е. Лантандер (1911 —), с. Усть-Кара; Сайвак (1907—1979), с. Сиреники.

сколь-либо сопоставимых по полноте данных и для большинства районов Крайнего Севера Евразии. Все это повышает ценность материалов по азиатским эскимосам для анализа форм адаптации аборигенов Арктики к их суровой среде обитания.

Тем не менее мы должны помнить: данные 1920—1930-х годов, как и воспоминания информантов старшего поколения, отражают *последний этап* в истории традиционного и уже сильно трансформированного жизнеобеспечения азиатских эскимосов. Коллективизация берегового населения Чукотки реально развернулась с начала 1930-х годов и в первые годы шла преимущественно в виде простейших форм производственной и потребительской кооперации: товариществ или артелей по совместной добыче морского зверя, потребительских кооперативов и т. п. Вплоть до конца 1930-х годов усилия советских организаций на Чукотке были направлены на поддержку и укрепление традиционной структуры хозяйства коренного населения. Поэтому первые артели-колхозы с их натуральным распределением всей добытой продукции, отсутствием плановых показателей, слабой обобщественностью средств производства так или иначе вписывались в старую модель жизнеобеспечения. Только в 1940-е и особенно 1950-е годы социально-экономические преобразования привели к заметной модернизации прежних форм существования. Значит, данные 1920-х — начала

1930-х годов характеризуют последнюю стадию традиционного трансформированного жизнеобеспечения, материалы 1940-х годов — ранние этапы современного жизнеобеспечения, а модель середины 1930-х годов — некоторую промежуточную, переходную ситуацию. Расчеты балансов и воспоминания информантов подтверждают, что у азиатских эскимосов этот переход происходил в благоприятных условиях. Суммарная продукция промыслов в 1930-е годы, как правило, заметно превышала потребности эскимосских общин. В благоприятные по условиям охоты годы (1931, 1933, 1934, 1935 и 1937) добыча морских животных в большинстве общин в 1,5—2,5 раза перекрывала потребности в пище, топливе, корме для собак — при очевидной невозможности полной утилизации всей полученной продукции. Однако при *избыточном производстве* в отдельные годы эскимосское жизнеобеспечение отличалось общей неустойчивостью потребления, резкими годовыми колебаниями прихода продукции, периодическими нехватками продовольствия. Особенно напряженным был баланс эскимосского хозяйства в 1920-е годы. Ни в одной из общин уровень добычи морских животных не обеспечивал полностью потребностей в мясе морского зверя (если брать норму потребления в 1,2 кг мяса в день и < полный расход корма для собак). Эта недостача должна была покрываться повышенным потреблением животного жира или неполноценным кормлением упряжных собак. Роль альтернативных местных источников

Рис. 5 (окончание)

Нутальнгаун (1914—1984), с. Новое Чаплино; Арингаун (ок. 1900—1985), с. Новое Чаплино; А. И. Ратхугье (1905—1977), с. Сиреняки

существования (рыболовства, собирательства и т. п.), тем более покупных и обменных продуктов, была слишком незначительной, чтобы компенсировать при необходимости неудачу морского промысла. Значит, воспоминания пожилых информантов, как и многочисленные свидетельства в источниках 1920-х годов о бедственном положении береговых жителей Чукотки, получают прямое подтверждение

Сложнее оценить обеспеченность эскимосов шкурами морских животных для бытовых нужд, торговли и натурального обмена. Казалось бы, в 1920-е годы зверобойный промысел в целом покрывал потребности населения в шкурах, хотя в каждой из общин ощущалась нехватка определенного вида сырья (табл. 12). Устойчивые и весьма заметные излишки давала только добыча лахтака в Сирениках и нерпы в Наукане. Но в 1920-е годы продажа шкур морских животных в фактории была для эскимосов почти единственной возможностью приобрести необходимые им покупные продукты питания, оружие, боеприпасы, другие привозные товары. В 1925 г. охотники из семи эскимосских поселков: Чаплине, Сиклюк, Аван, Уре-лики, Кивак, Имтук, Сиреники — сдали в факторию в бухте Провидения 3116, а в 1927 г. — даже 3665 нерпичьих шкур", в то время как общая зарегистрированная добыча не превышала 3—4 тыс. шт. нерпы в год. Такой размер продажи был вынужденной ме-

68

рой и был вызван нехваткой других видов товарной продукции. Неудивительно, что пожилые информанты постоянно вспоминали об остром недостатке в 1920-е годы шкур нерпы на пошив

одежды и обуви (в Имтуке и Сирениках) или шкур моржа для покрытия жилищ и смены покрышек байдар (в Уреликах, Аване, Киваке). В 1930-е годы, несмотря на заметный рост морского промысла, только в двух общинах — Чаплино и Киваке, население было с избытком обеспечено всеми видами шкур морских животных. Имеющиеся диспропорции могли, правда, удовлетворяться путем обмена между общинами, особенно в виде «подарков» или взаимопомощи родственников, живущих в разных поселках. Но для нормального жизнеобеспечения эскимосам были необходимы еще излишки продукции для обмена с оленеводами.

Главный обмен береговых охотников с оленеводами-чукчами проходил в конце августа—начале сентября. Чукчи подгоняли свои стада в условленные места на побережье или в долинах крупных рек, куда на байдарках приезжали эскимосы. Зимой береговые жители ездили в оленеводческие стойбища на собачьих упряжках. Обмен обычно велся между постоянными партнерами, иногда на протяжении двух-трех поколений. Оленеводы поставляли шкуры, оленье мясо и жиры; эскимосы — продукты морского промысла и некоторые покупные товары (чай, табак, спички, металлическую посуду, патроны).

В 1920-е годы, судя по балансам жизнеобеспечения, в эскимосском хозяйстве имелись реальные излишки лишь немногих видов сырья: лахтачьих или нерпичьих шкур, животного жира; покупных же товаров остро не хватало и самим эскимосам. Поэтому береговые охотники поставляли в тундру в основном полуфабрикаты и готовые изделия: ремни, заготовки для подошв, торбаса (меховые сапоги из шкур тюленей), плащи из моржовых кишок; кроме того, лахтачьей шкуры и изредка моржовое мясо. В обмен получали олени туши (в среднем по 2—3 на каждого приезжавшего эскимоса) и по 6—8 оленьих шкур, что было явно недостаточно, исходя из обычных потребностей берегового хозяйства. Поэтому эскимосам в это время приходилось постоянно экономить полученные олени

69

Таблица 14. Роль разных морских животных в продукции эскимосского зверобойного промысла (%)

Община	Кит	Белуха	Морж	Лахтач	Нерпа	
В целом за период 1920—1937 гг.						
<i>Сиреники</i>	мясо	13,4	0,2	71,7	9,1	5,7
	жир	28,3	0,2	41,2	19,6	10,7
<i>Наукан</i>	мясо	7,6	1,3	63,9	4,7	22,5
	жир	14,1	1,6	36,8	9,6	37,9
<i>Чаплино</i>	мясо	2,7	—	78,0	4,5	14,8
	жир	6,8	—	50,3	11,6	31,4
<i>Аван</i>	мясо	3,9	0,5	80,3	4,8	10,5
	жир	8,2	0,7	55,0	12,4	23,7
<i>Кивак</i>	мясо	9,4	—	73,6	7,2	9,8
	жир	20,0	—	43,8	16,8	19,3
Азиатские эскимосы в целом						
1920 г.	мясо	10,8	0,7	66,5	6,7	15,3
	жир	24,1	0,7	34,0	13,9	27,3
1937 г.	мясо	2,5	0,3	83,0	3,2	11,0
	жир	7,6	0,4	56,8	9,0	26,4
Поселки открытого побережья						
1920 г.	мясо	12,0	0,5	66,6	6,3	14,6
	жир	26,6	0,6	33,9	13,0	25,9
1937 г.	мясо	2,8	0,2	86,2	2,3	8,5
	жир	8,5	0,3	62,7	6,8	21,7
Поселки в бухтах						
1920 г.	мясо	0,0	1,6	66,1	10,6	21,7
	жир	0,0	1,9	35,1	22,8	40,2
1937	мясо	0,0	0,9	40,6	12,4	46,1
	жир	0,0	0,8	16,0	19,8	63,4

шкуры: в береговых поселках новую зимнюю одежду обычно шили раз в два—три года, а не каждый год, как в оленеводческих стойбищах в тундре.

В 1930-е годы, когда морской промысел стал обеспечивать эскимосам значительные излишки продукции, они стали вывозить в тундру большее количество сырья — мяса, жира, шкур и покупных продуктов, резко увеличив интенсивность обмена с оленеводами. В результате в береговых селениях стало чаще появляться свежее оленье мясо, улучшилось качество меховой одежды. По-видимому, такие циклические колебания были обычны для взаимоотношений берегового и

тундрового населения.

Напротив, объем торговли на факториях или до этого — с американскими торговыми шхунами определялся колебаниями рынка и был в известной степени вне контроля коренного населения. Здесь эскимосы поставляли ценное сырье: китовый ус, моржовый клык, пушнину, нерпичьи и медвежьи шкуры и лишь в редких случаях — готовые изделия (торбаса, рукавицы, теплую одежду). Падение товарной стоимости китового уса после 1915 г., ограниченность у эскимосов пушнины, других излишков сырья резко снизили размер

70

этой торговли в 1920-е годы, сведя ее к приобретению минимума необходимых средств производства (ружья, патроны, капканы, железные изделия) и некоторых продуктов (мука, чай, табак).

Улучшение снабжения и подъем местного промысла в 1930-е годы вновь привели к оживлению торговли на Чукотке и заметному повышению доли покупных продуктов в эскимосском рационе: до Ю—20% в большинстве поселков в 1937 г. и максимума в 50 — 60% в Уреликах в бухте Провидения (табл. 11). И в этом случае мы имеем дело с длительными колебаниями потребления: в конце XIX — первые годы XX в., когда продукция эскимосов, в первую очередь китовый ус, имела высокую рыночную стоимость, обеспеченность привозными товарами была даже выше, чем в 1920—1930-е годы. Соответственно высокой была и доля покупного продовольствия, доходившая тогда, видимо, до 15—25%

Если размер продукции, поступавшей в начале XX в. в эскимосскую систему жизнеобеспечения, можно отразить хотя бы примерными цифрами, то оценить расход продуктов, идущих на обмен, много сложнее. Отметим лишь, что при обмене продовольствием с оленеводами поставки эскимосов по калорийности намного превышали полученное оленьё мясо, поскольку мясо и жир морского зверя в два-три раза калорийнее оленины. Напротив, торговля на факториях и с американскими судами не вела к заметному выходу энергии из местной системы жизнеобеспечения, так как не затрагивала продукты питания. Но она требовала огромных дополнительных расходов труда и времени для получения неутилитарной для эскимосов пушнины или же производства излишков потребляемого ими сырья — шкур морских животных, моржовых клыков, китового уса.

Оба эти пути получения товарной продукции использовались эскимосами в XIX — первой половине XX в., но второй явно выглядел более доступным или предпочтительным с психологической точки зрения. В 1937 г. охотники пяти эскимосских общин добыли вместе около 300 песцов (в среднем по 1,5 шт. на семью) и 75 лисиц. В том же году в четырех южных общинах (без Наукана) было сдано на фактории 976 моржовых, 183 лахтачьих и 3880 нерпичьих шкур⁴⁵, или соответственно 65, 44 и 82% (!) всего полученного сырья. Следовательно, рост эскимосского промысла в 1930-е годы может отчасти объясняться стремлением местных охотников увеличить количество товарного сырья для приобретения привозных продуктов.

Тот же путь был избран эскимосами и во второй половине XIX в., когда при высоком спросе на ус гренландского кита они резко активизировали добычу этих животных. Три-пять убитых китов в год были обычным явлением для целого ряда береговых поселков⁴⁶, что приносило их обитателям гигантский избыток мяса, жира, корма для собак, не возможный в условиях доконтактного жизнеобеспечения.

Расчеты балансов не только подтвердили известную по многим источникам «всеядность» эскимосского природопользования, но и

71

позволили определить роль разных видов добываемых животных в структуре потребления (табл. 11 и 13). Азиатские эскимосы в первые десятилетия XX в. были настоящим «моржовым народом» — вероятно, в большей мере, чем любая другая часть эскимосского этноса, кроме очень близких к ним по типу хозяйства обитателей островов Крузенштерна, Св. Лаврентия, Кинг и мыса Принца Уэльского на американской стороне Берингова пролива. Добыча моржа была стержнем их жизнеобеспечения, давая в большинстве поселков 60 — 80% калорийности потребляемой пищи в зависимости от успешности промысла.

Именно промысел моржа обеспечивал равновесие между численностью населения, его потребностями и используемыми ресурсами. Существование за счет остальных видов промысловых животных требовало от эскимосов совершенно нерациональных затрат труда и времени. Это видно из следующих расчетов. Общая ежегодная потребность жителей пяти общин в мясе и корме для собак составляла в то время около 1 млрд ккал. Такое количество продукции могли обеспечить: 1670 моржей (фактическая добыча 1400—2200, средняя — 1500 шт.) или 75 китов (средняя добыча 4—5) или 10100 лахтаков

(фактически 550—600) или 43,5 тыс. нерп (фактическая добыча — 4—8 тыс. шт.). Еще более трудным было бы жизнеобеспечение за счет рыболовства (требуемое количество — около 1 млн кг рыбы, фактическая добыча — 50—90 тыс. кг) или охоты на птицу. Так что при всей «всеядности» эскимосского жизнеобеспечения конкретное соотношение разных видов пищи явно зависело от затрат труда на ее получение.

Все же это соотношение не было жестко фиксированным в пространстве или во времени. Если мы сравним состав добытых морских животных по разным общинам в 1920—1930-е годы (граф. 1), то очевидно, что у каждой из них был свой, достаточно своеобразный вариант морского зверобойного хозяйства. Можно лишь поражаться, как у столь маленького этноса с единым хозяйственно-культурным комплексом каждая ячейка могла создать свой вариант освоения среды обитания (антропогеоценоз). Такая пространственная вариативность, пластичность, быстрая заменяемость одних объектов охоты другими в случае каких-либо изменений промысловой обстановки несомненно были весьма эффективным механизмом адаптации в условиях традиционного жизнеобеспечения.

То же показывает анализ внутригодового и сезонного соотношения прихода — расхода продукции в эскимосских общинах. Известно, что для всех групп эскимосов была характерна резкая внут-ригодовая изменчивость хозяйственной деятельности. Соответственно от месяца к месяцу и по сезонам менялись размер и состав получаемой продукции, общий характер питания.

У азиатских эскимосов хозяйственный год делился на четыре сезона: зимний (декабрь — начало апреля), весенний (середина апреля — июнь), летний (июль — август) и осенний (сентябрь — ноябрь) по ведущему для данного времени виду промысла. Зимой

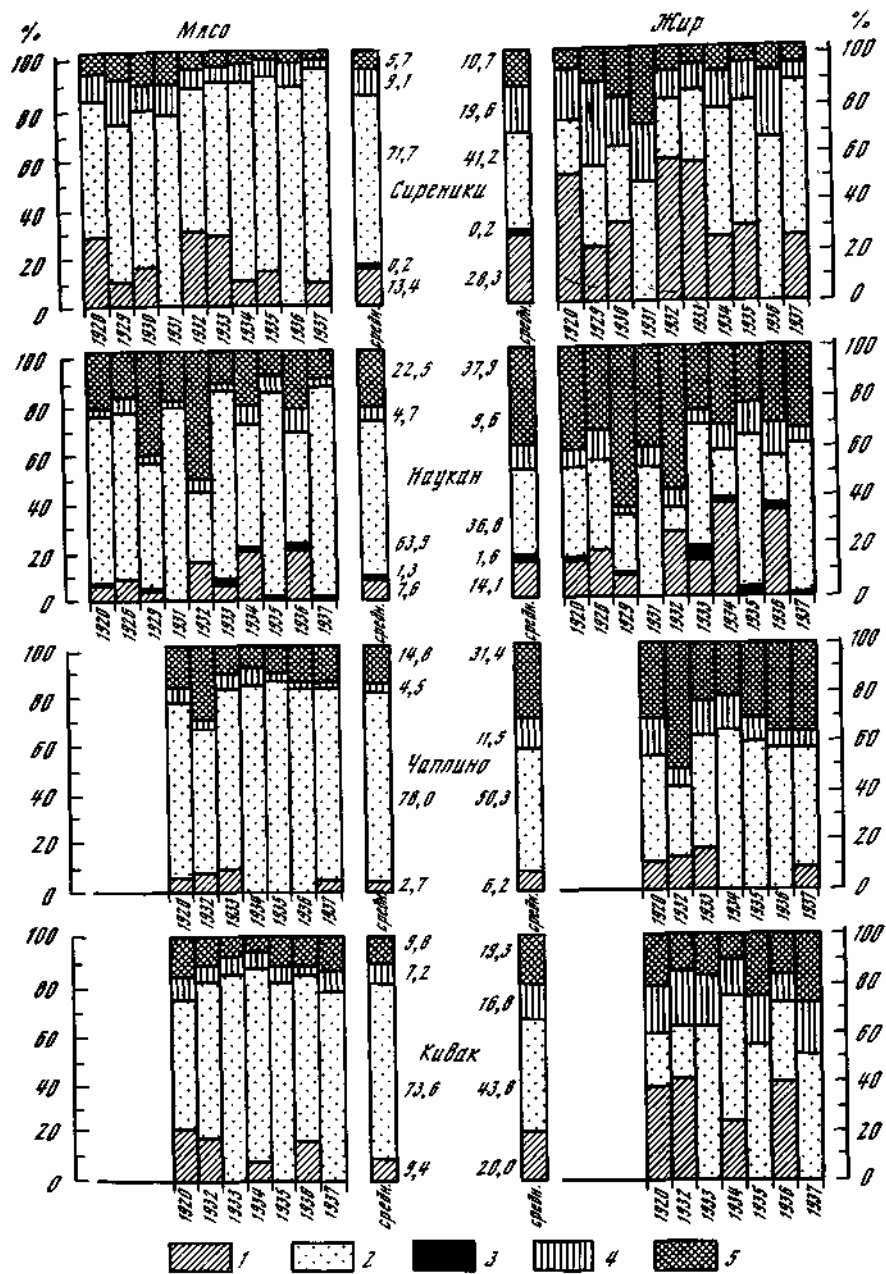

График 1. Структура морского промысла общин эскимосов. 1920—1937 гг. (% от общей калорийности полученной продукции)
 1 — киты; 2 — моржи; 3 — белухи; 4 — лахтаки; 5 — медные тюлени (экиба, ларга и др.).

главным занятием мужчин была охота на тюленей во льдах у продушин и на кромке припая. Весной в поселках на открытом побережье шла коллективная охота с кожаных байдар на лахтаков (апрель—май) и мигрирующие на север стада моржей и гренландских китов (апрель — июнь), а также добыча пролетной птицы. Летом основное время уделялось рыболовству, охоте на птиц, сбору яиц на птичьих базарах, собиранию съедобных растений; морской промысел был эпизодическим: добыча моржей, лахтаков, сивучей на открытой воде, ловля нерпы сетями. Осенью в поселках открытого побережья вновь начиналась коллективная охота на моржа (в сентябре — октябре) и гренландского кита (в октябре — ноябре) на путях обратных миграций животных в районы зимнего обитания. По воспоминаниям информантов, только в осенние и весенние месяцы промысловая продукция превышала уровень потребностей, летом — примерно ему соответствовала, а зимой — была явно недостаточной. Фактически все благосостояние эскимосов зависело

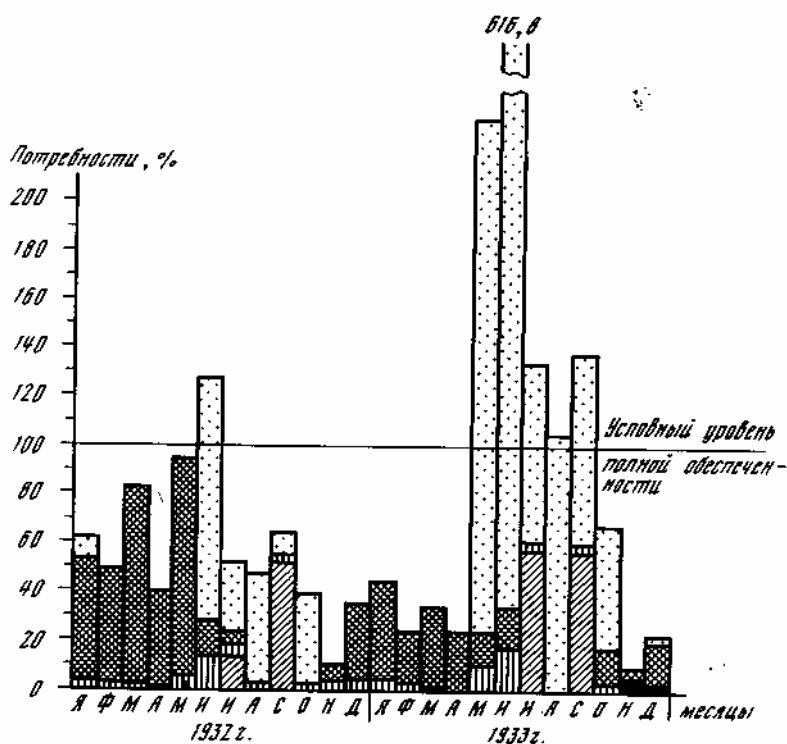

График 2. Ежемесячное поступление продукции морской охоты в общине Наукана. 1932—1933 гг.

Расчитано по: Орлова, 1936 (% потребностей в мясе морского зверя). Условные обозначения те же, что и на графике 1

74

каждый год от двух коротких пиков промысла во время сезонных миграций морских животных (граф. 2), когда объем полученной пищи мог в десятки (!) раз превышать результаты усилий всей остальной части года. Так, в 1933 г. в Наукане только за два весенних месяца (май — июнь) было получено более 60% годовой продукции морского промысла, в то время как в феврале, апреле и декабре — по 1,5, а в ноябре — лишь 0,5%⁴⁷. Примерно такое же соотношение прихода и расхода энергии было характерно и для других эскимосских групп, живущих за счет эксплуатации сезонно меняющихся ресурсов⁸.

Для смягчения подобной неравномерности азиатские эскимосы в течение года несколько раз составляли крупные запасы продовольствия⁴⁹. Создание пищевых резервов справедливо называют одной из наиболее эффективных форм адаптации, позволяющей обществам с присваивающей экономикой достигнуть стабильности жизнеобеспечения, прочной оседлости, высокой плотности населения⁵⁰. В этом отношении азиатские эскимосы начала XX в. были типичными представителями хозяйственно-культурного ареала оседлых обитателей Северной Пацифики, живущих за счет сезонно изменяющихся морских промысловых ресурсов. Их своеобразием можно считать повышенную степень оседлости, сравнительно слабую зависимость от рыболовства и свойственную их экосистеме ограниченность ресурсов, которые могли самостоятельно осваивать более слабые члены коллектива (старики, женщины, дети) и даже одиночные мужчины-охотники. *Нагрузка на экосистему.* Чтобы судить об эффективности традиционного жизнеобеспечения, необходим еще один показатель: мы должны знать, какой экологической «ценой» поддерживался положительный баланс эскимосского промыслового хозяйства, т. е. какова была его нагрузка на экосистему. Для этого требуется определить долю, которую составляла в начале XX в. добыча местных охотников (включая и непроизводительные потери) от численности и величины ежегодного воспроизводства стад промысловых животных.

В начале XX в. в водах северной части Тихого океана обитало, видимо, всего около 1 тысячи (но разным оценкам, от 600 — 800 до 1 — 2 тыс.) *гренландских китов*⁵¹. Это были остатки некогда мощного стада, истребленного американскими китобоями во второй половине XIX в. Темпы его воспроизводства, судя по современным данным, вряд ли превышали 6—8% в год⁵², т. е. примерно 40 — 60 животных. Охотники Чукотки использовали меньшую часть этой популяции, состоявшую

из нескольких сотен животных, которые совершали ежегодные миграции вдоль азиатской стороны Берингова пролива. Средний размер их добычи в первые десятилетия XX в. составлял 8—12 голов в год при, очевидно, таком же числе утонувших и раненых животных⁵³. Значит, в удачный год охотничья нагрузка вполне могла соответствовать или даже превышать темпы прироста эксплуатируемой части стада. На долю эскимосов, состав-

75

лявших около 27% берегового населения, приходилось в среднем 2/3 добычи гренландских китов на Чукотке: ежегодно 2—3 кита в Сирениках и Имтуке, 1 — 2 в Наукане, 1 — в Чаплине и 1 — попеременно в Аване и Киваке (см. табл. 8).

Охотой на *серого кита* эскимосы, напротив, занимались менее активно, чем приморские чукчи. В целом в поселках на азиатской стороне Берингова пролива в 1920—1930-е годы добывалось примерно 10—12 серых китов, в основном сосунков и детенышей. Этот пресс, видимо, не оказывал критического воздействия на воспроизводство популяции (ее численность в то время оценивается в 3—6 тыс. голов), о чем говорит быстрый рост стада в последующие десятилетия.

Промысловые запасы *моржа* в водах Чукотки в 1930-е годы оценивались в 50—60 тыс. голов; ежегодное пополнение этого стада, судя по современным данным, вряд ли превышало 5 — 8 тыс. животных⁵⁴. Общая добыча моржа аборигенами Чукотки в 1920-е годы составляла 1,5 — 2,5 тыс. животных (с учетом потерь — 2 — 3 тыс.). К середине 1930-х годов она возросла до 4,5—5,5 тыс., а фактически, видимо, до 6—7 тыс., включая потери и хищническую охоту ради продажи клыков. На долю эскимосов приходилось 40—50% общего количества добытых моржей⁵⁵. В отдельные годы, когда дополнительно велся судовой промысел, нагрузка на популяцию явно превышала темпы ее воспроизводства. Следствием этого стало заметное снижение добычи моржа местными охотниками в последующее десятилетие — как минимум вдвое по сравнению с уровнем 1935-1937 гг.⁵⁶

Охотничий пресс на популяцию тюленей можно оценить косвенным образом. Аборигенная добыча *лахтака* на Чукотке держалась примерно на одном уровне с 1910-х до 1940—1950-х годов — около 2 тыс. голов в год без каких-либо признаков истощения стада. Значит, местный промысел не оказывал заметного воздействия на его прирост. Напротив, добыча *нерпы-акибы* устойчиво росла в 1920—1930-е годы, достигнув в среднем 30—35 тыс. шт. в год (из них 25% — доля эскимосов). Еще как минимум столько же составляли непроизводительные потери убитых и раненых животных. Поэтому быстрое сокращение добычи акибы на Чукотке в 1940—1950-е годы скорее всего объясняется истощением наиболее эксплуатируемых локальных стад в предшествующие десятилетия⁵⁷.

Увеличение добычи нерпы на Чукотке произошло, видимо, в самом начале XX в. и объяснялось стремлением местных охотников компенсировать потери сырья и товарной продукции из-за снижения поголовья китов и моржей и падения спроса на китовый ус. В середине XIX в., до распространения огнестрельного оружия и развития торговли, добыча была примерно вдвое ниже (3—5 тыс. шт. по всем эскимосским поселкам)⁵⁸ и вряд ли оказывала заметное воздействие на воспроизводство популяции.

Промысел эскимосами других морских животных: *белухи*, *нарвала*, *сивуча*, а также *белого медведя* — был незначительным. Важ-

76

ае было давление на окраины ареалов, где не обеспечивалось нормальное воспроизводство стада. Так, добыча белого медведя на Чукотке (несколько десятков голов в год) могла лимитировать южную границу его ареала в районе Берингова пролива, так как охотники преследовали и уничтожали всех зверей, попавших в их поле зрения.

Эксплуатация эскимосами *рыбных ресурсов* и сухопутных *пушных зверей* (песца, лисицы) из-за скромных размеров добычи, очевидно, не оказывала заметного воздействия на ресурсы. Напротив, в ряде пунктов, где в первые десятилетия XX в. эскимосы активно охотились на *птицу* и собирали яйца, птичьи базары сейчас выглядят угнетенными или остались совсем мелкие колонии⁵⁹. Возможно, это тоже результат чрезмерной нагрузки в 1920 — 1940-е годы, поскольку в пределах ареала азиатских эскимосов только базары на мысе Столетия (их использовала община Авана) и скале Нунанирак (место сбора для общины Чаплина) могли легко выдерживать пресс длительного промысла⁶⁰.

Выводы этого краткого очерка очевидны. В первые десятилетия XX в. азиатские эскимосы и в целом все береговые жители Чукотки оказывали очень сильное воздействие на эксплуатируемые ими ресурсы, регулируя своим охотничьим прессом численность главных промысловых популяций. Считается, что для поддержания стабильного уровня ресурсов крупных млекопитающих их добыча человеком не должна превышать 30—40% от величины годового естественного воспроизводства (приплода)⁶¹. Эта цифра безусловно является предельной для стад морских млекопитающих с их относительно невысокими темпами прироста. Так, большинство видов тюленей выдерживает промысловую нагрузку (т. е. добыча+потери) не более 5—7% от численности поголовья; для моржей и тем более китообразных эта норма еще ниже — 2—3,5%⁶².

Кроме того, местный зверобойный промысел, особенно крупных морских животных, был

ориентирован на наиболее легкие и доступные объекты охоты — детенышей, молодых неполовозрелых особей, самок с сосунками. Об этом свидетельствует обилие черепов детенышей серых китов в развалинах поселений на побережье Мечигменского залива — Масик, Ныхсирак, Раупелян и др. Так же был ориентирован и аборигенный промысел гренландских китов до начала коммерческого спроса на китовый ус, т. е. до середины XIX в. и после его падения в 1920—1930-е годы. Это хорошо подтверждается этнографическими, археологическими и остеологическими материалами как с чукотской, так и с аляскинской стороны Берингова пролива⁶³. До появления лодочных моторов местные охотники добывали только беременных белух, которые не тонут, подстреленные с берега. Очень высокой была доля молодых животных, беременных самок и самок с детенышами и при аборигенном промысле моржа в связи с их меньшей скоростью передвижения, большей легкостью добычи. Все это намного увеличивало нагрузку местных охотников на используемые популяции промысловых животных.

77

В 1920-е годы природопользование арктических зверобоев Чукотки находилось у критического уровня, а в 1930-е годы — даже превысило его. Очевидный перепромысел наблюдался в благоприятные по условиям охоты годы: 1931, 1933, 1935, 1937 и т. п. Следовательно, высокая продуктивность жизнеобеспечения азиатских эскимосов в первые десятилетия XX в. находилась на грани (а порой и за гранью) *чрезмерной эксплуатации природных ресурсов*. Поэтому никак нельзя согласиться с распространенной точкой зрения, что традиционный промысел северных охотников не оказывал заметного воздействия на экосистемы и не был способен нарушить экологическое равновесие⁶⁴.

Принципы традиционного жизнеобеспечения. Подведем итоги. Реконструированная модель жизнеобеспечения вряд ли укладывается в хрестоматийный комплекс представлений об эскимосских коллективах как стабильных экологических обществах, живущих в равновесии со средой обитания за счет регулирования своей численности и нагрузки на экосистему. Азиатские эскимосы первых десятилетий XX в., напротив, выглядят весьма динамичным этносом с эффективным промысловым хозяйством, высокой территориальной и демографической мобильностью и активным, временами — разрушительным воздействием на используемые ресурсы. Экономическая база эскимосского общества была в целом вполне достаточной для его устойчивого существования и расширенного воспроизводства; но положительный баланс жизнеобеспечения достигался за счет чрезмерной эксплуатации (перепромысла) важнейших используемых ресурсов.

Такое положение, конечно, легко объяснить тем, что эти ресурсы были катастрофически подорваны еще во второй половине XIX в. коммерческим промыслом американских судов и не могли восстановиться до исходного уровня. Согласно последним подсчетам, с 1849 по 1914 г. американские зверобои добыли в Беринговом море и прилегающей акватории Северного Ледовитого океана более 18 тыс. гренландских китов и около 150 тыс. моржей⁶⁵. Однако, с 1910-х годов судовой промысел в водах Чукотки не имел сколько-нибудь важного экономического значения или был ориентирован на другие виды. Динамика популяций морских животных определялась, следовательно, воздействием местного населения.

В 1930-е годы с улучшением снабжения и промыслового снаряжения береговые жители Чукотки в 1,5 — 2 раза увеличили нагрузку на популяции морских животных — моржей, китов, тюленей (табл. 8). Пожилые охотники с воодушевлением вспоминали, как с появлением подвесных моторов в 1930-е годы они стали успешно добывать моржей, белух, серых китов на открытой воде, что резко повысило размер добычи. Многие источники того периода также отмечают усиленную охоту на моржовых лежбищах, отмену ряда традиционных ограничений охоты⁶⁶.

Особенно примечательна роль азиатских эскимосов, которые в то время добывали 30 — 45 % морского зверя (составляя только

78

четверть берегового населения) и вели свой промысел в полтора-два раза эффективнее, чем приморские чукчи. Во всех крупных эскимосских поселках продукция морской охоты, как правило, превышала потребности в пище и корме собак. При невозможности полной утилизации большое количество мяса и жира регулярно портилось и пропадало. По рассказам информаторов, каждый год с началом нового сезона охоты люди чистили ямы для хранения мяса, выбрасывая старые запасы и закладывая свежую продукцию. Старое мясо не использовалось даже на корм собакам: при успешности новой охоты корма всегда было вдоволь. Поэтому во всех старых поселках верхний слой почвы представляет сплошную гумус-ную массу мощностью до нескольких метров в береговых обнажениях. Старые землянки, овраги и ложины использовались

как помойки, заполнялись огромным количеством костей, неиспользованного жира и мяса морских животных.

Дает ли это основание говорить о «сознательном регулировании» эскимосским обществом своей хозяйственной деятельности, нагрузки на осваиваемые ресурсы? Но ведь арктический охотник никогда специально не занимался регулированием эксплуатируемых популяций, а был их активным потребителем, глубоко уверенным в своем праве и физической возможности убивать животных для обеспечения своих потребностей. И не случайно охотники-эскимосы стремились получать от своей среды не удачно необходимое количество пищи, а всю доступную им добычу. При резкой сезонной и годовой изменчивости условий промысла это приносило двух-трехкратный избыток потребления в удачные годы. Но этот избыток постоянно чередовался с нехваткой пищи в сезоны неудачной охоты и в зимние месяцы.

Не следует, однако, считать жизнеобеспечение азиатских эскимосов нерациональным или хищническим. Столь же «нерационально» использовали в те годы запасы морского зверя и эскимосы американской стороны Берингова пролива, в особенности жители расположенных на проходных путях морских животных островов Св. Лаврентия, Кинг, Крузенштерна и др.⁷ Можно сказать, что и ранее XIX в., до появления американских китобоев и широкого распространения огнестрельного оружия, коренное население Чукотки оказывало весьма заметное воздействие на популяции промысловых животных. Яркий пример того — древнее поселение Масик (Мечигмен) на берегу Мечигменского залива, в развалинах которого мы насчитали до 1,5 тыс. (!) черепов убитых серых китов — почти исключительно сосунков и годовалых детенышей⁶⁸. Севернее Масика в заброшенном поселке Раупелян мы обнаружили ритуальную выкладку из 40—50 черепов белых медведей. Аналогичные скопления черепов и костей других промысловых животных: гренландских китов, моржей и даже нерп — известны во многих пунктах на побережье Чукотского п-ова. По очень осторожной оценке, даже в условиях доконтактного аборигенного жизнеобеспечения местные зверобои могли ежегодно изымать до 1/3—1/2 величины прироста стад крупных морских животных, проходящих вдоль берегов Чукотки.

/у

Не укладываются в приведенную схему и данные о динамике численности и воспроизводстве эскимосских коллективов в первые десятилетия XX в. Построенные генеалогии отдельных семей и целых общин позволяют распространить установленную модель репродукции с высокой рождаемостью, высокой смертностью и неустойчивым, но положительным естественным приростом по крайней мере до середины XIX в. Обилие заброшенных древних селений на побережье Чукотки также свидетельствует если и не о прямых скачках численности, то уж бесспорно о высокой подвижности эскимосского населения, резких колебаниях осваиваемого им ареала.

Все эти факты явно отражают некоторый набор устойчивых хозяйственно-культурных и демографических приспособлений (адаптаций) арктических охотников на морского зверя, которые можно считать принципами этой модели природопользования. Вряд ли стоит подробно останавливаться на тех из них, что хорошо известны по литературе и не раз цитировались ранее: пластичности и комплексности (всеядности) в использовании ресурсов, оптимизации трудовых затрат при освоении территории, создании крупных запасов пищи и др.⁷⁰ К этому списку теперь можно добавить новые черты, которые вытекают из реконструкции систем жизнеобеспечения азиатских эскимосов в 1920—1930-е годы.

1. При высокой оседлости и жестком закреплении сравнительно небольших по площади хозяйственных территорий азиатские эскимосы сохраняли удивительную мобильность размеров и структуры общин, более мелких социально-хозяйственных объединений (поселков, стойбищ, промысловых бригад). Такая «открытость» социальных норм, регулирующих концентрацию и группирование населения, была исключительно эффективной формой адаптации в условиях нестабильности и резких колебаний основных промысловых ресурсов.
2. Даже в условиях очень высокой плотности населения на побережье сохранялось некоторое количество свободных угодий, служивших буферными зонами между соседними общинами. Территории угасших или распавшихся общин длительное время не подлежали активному освоению или использовались как резерв в случае неудачной охоты у главных поселений.
3. Динамика численности эскимосских коллективов определялась не сознательным регулированием прироста (за счет инфанти-цида, аборт, войн и т. п.) или низкой рождаемостью, а постоянной подвижностью населения и очень высокой смертностью, особенно взрослой, трудоспособной части общины, высоко уязвимой к голоду, эпидемиям и производственному травматизму⁷¹.
4. При быстром старении и ранней смертности людей пожилого возраста сменяемость генеалогических поколений, репродуктивных и трудоспособных когорт в эскимосских общинах была очень быстрой. В бесписьменном обществе это увеличивало нагрузки и потоки информации в

процессе социализации детей и подростков; требовало более раннего включения в производственную деятельность подрастающего поколения. Одновременно воз-

80
пастала хрупкость межпоколенной культурной преемственности. Это делало возможным как резкие социально-хозяйственные модификации, так и быструю утрату накопленных культурных достижений.

5. В условиях постоянной кооперации и взаимопомощи реальными хозяйственными структурами внутри общин были небольшие устойчивые группировки мужчин-охотников с приоритетом использования определенных угодий или ресурсов. Возможности общины поэтому измерялись не столько ее размерами и территорией, сколько числом и степенью согласованности главных производственных «ячеек».

6. В обычный год уровень охотничьей добычи должен был заметно превышать потребности населения. Такой чрезмерный промысел был необходим для создания *избыточных резервов*, служащих гарантом, своего рода «запасом прочности» на случай неудачи следующего сезона⁷². Впрочем, создание избыточных резервов скорее нужно считать психологическим стереотипом, важным стимулятором социальной, ритуальной и репродуктивной жизни охотничьего коллектива, поскольку оно не избавляло население от регулярных голодовок.

7. При ориентации охоты на более доступные объекты добычи: детенышей и молодых особей, кормящих и беременных самок, животных на залежках и лежбищах — нагрузка на эксплуатируемые популяции была намного выше, чем можно полагать по численности, плотности и техническим возможностям аборигенного населения. Поэтому локальный перепромысел ресурсов в условиях традиционного жизнеобеспечения мог быть вполне обычным явлением.

8. С удлинением исторической ретроспективы и использованием большего числа косвенных данных и экстраполяции происходит неизбежное сглаживание реальной динамики жизнеобеспечения. Так возникает иллюзия стабильности и «равновесного» регулирования. Как показывает пример эскимосов, эта видимая стабильность скрывает динамизм расселения, резкие подъемы и спады энергетических процессов, скачкообразный характер получения продукции и демографического воспроизводства. Последний вывод имеет решающее значение. Исходя из принципа экосистемной стабильности, такое поведение человеческого коллектива в сочетании с чрезмерной эксплуатацией промысловых ресурсов должно неизбежно вести к экологическому кризису и краху системы жизнеобеспечения. Однако, как показывает проведенная реконструкция, именно этот тип хозяйственно-экологической организации обеспечивал устойчивое воспроизводство эскимосских коллективов в первые десятилетия XX в. В более широкой исторической ретроспективе та же модель жизнеобеспечения поддерживала преемственность их культурного комплекса на берегах Берингова пролива более двух тысячелетий. Возникает неизбежный вопрос: в какой мере трансформированное общество азиатских эскимосов начала XX в. сохранило черты исходной модели жизнеобеспечения, существовавшей до широких

6 И. И. Крупник

81

контактов с европейцами? Разумеется, данные 1920—1930-х годов не могут дать количественную оценку механизма доконтактно-го жизнеобеспечения из-за различий многих хозяйственно-демографических показателей. Но они открывают нам основу для анализа — первый синхронный срез, от которого возможны уходящие в прошлое реконструкции различной степени полноты и достоверности. Наша задача в таком случае, пользуясь археологическими или документальными источниками, найти в поведении древних морских охотников сходные (или, наоборот, различные) принципы адаптации по сравнению с такими же у их потомков, зверобоев начала XX в. Этот поиск будет предложен читателю в главах 6 и 7. Но у нас имеется и другая возможность: сравнить разные синхронные модели арктического природопользования, т. е. попытаться выявить универсальные механизмы арктического жизнеобеспечения на примере северных обществ с другими типами хозяйственно-экологической организации. И здесь наиболее предпочтительный объект — кочевники-оленоводы Северной Евразии, представители принципиально иной модели культурной адаптации к арктической среде обитания.

¹ Гондатти, 1898, 30—31; Миллер, 1897, 134—135; см. подробнее: Вдовин, 1954.

² Подробнее о социальной и территориальной организации азиатских эскимосов см.: Членов, 1973, 6-14, Крупник, Членов, 1979, 20-24.

Анализ этих карт и археологических источников см.: Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 77—94; Крупник, 1983.

⁴ Burch, 1975, 10-13; Ray, 1975, 105; Shinkwin, Pete, 1984.

⁵ Основная часть используемых в этой главе документальных материалов была собрана в ходе совместных исследований автора и М. А. Членова в 1971—1987 гг. Предварительный обзор этих источников см.: Крупник, 1980; 1983; Крупник, 1981.

⁶ См.: Арутюнов, Крупник, Членов, 1982; Членов, Крупник, 1983; 1984; Крупник, 1983 и др. В тексте эскимосские названия поселков и общин приведены в русской фонетической адаптации, принятой в источниках 1920—1930-х годов.

⁷ Наиболее полные описания и сводки см.: Меновщиков, 1959; Народы Сибири, 1956; Орлова, 1941; Шнакенбург, 1939; Bogoras, 1904; Нооер, (1856) 1976; Hughes, 1984; Nelson E., 1899.

⁸ Taylor W., 1966, 119.

⁹ Схемы трофических связей в эскимосских экосистемах см.: Boughcy, 1973, 159; Freeman, 1984, 37; Kemp, 1971.

¹⁰ Крупник, 1977, 11-13.

¹¹ Подробнее об этом говорится в главе 6. ¹² Ионин, 1959.

- Членов, Крупник, 1984, 90.
 Богословская, Вотрогов, 1982, 37; Krupnik, 1984, 109—110.
 Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 84—87. См. подробнее главу 6.
 Сводки данных о плотности населения см.: Testart, 1982, 530; Weyer, 1932, 109—110; Yesner, 1980, 731.
 Богораз, 1925, 29; Малори, 1973, 48-50; Харрисон и др., 1968, 411-415; Weyer, 1932, 126, 132 и др.
¹⁸ Carr-Saunders, 1922; Weyer, 1932; Balicki, 1967; Birdsell, 1968; Kjellstrom, 1974/75; см. подробнее: Крупник, 1988а.
¹⁹ Анализ источников: Крупник, 1981, 5—10; Крупник, 1983.
²⁰ Патканов, 1911, 129-130; Красильников, 1928.
²¹ См. расчеты по возрастной плодовитости: Крупник, 1987а.
²² Byard, 1981, 70-75; Ellana, 1983, 144-147, 163-165.
 82
²³ Богораз, 19016.
 » Yesner, 1980, 731; baughlin, Harper, 1979, 9; Харпер, 1980, 56-57.
²⁵ Laughlin, 1966, 485-487.
²⁶ Carr-Saunders, 1922, 105.
²⁷ Ару^Т»^{НОВ}, Крупник, Членов, 1982, 54. Для аляскинских эскимосов то же: КП-тагх, 1986.
²⁸ Великов, 1927, 120; Вдовин, 1965, 258-269; Кириллов, 1908, 1776; Старокадом-ский, 1946, 115; Суворов, 1914, 193 и др.
 Весной 1908 г. жители Имтука и Сирени-ков приобрели у американской шхуны «Герман» 114 различных наименований товаров: от деревянных сборных домов, китобойных вельботов и ружей до зеркал, утюгов и театральных биноклей — на общую сумму 5,4 тыс. долларов (копия судового журнала: SS «Herman» Trade Book, 1909 — любезно прислана мне д-ром Дж. Бокстосом).
²⁹ «1 кг мяса морского зверя на человека в день» (Экономический очерк, 1939, 90), «около двух тонн мяса на семью в год» (Документы экономического обоснования, 1946, 9) и т. п. Материалы специальных медицинских обследований (Астринский, Навасардов, 1970; Зайцев А., 1970 и др.) относятся к современному периоду.
³⁰ Foote, 1965, 272 — 278; 1970а, 310. Нормы Д. Фута представляются несколько заниженными (ср.: Харрисон и др., 1968, 345; Rodahl, 1954, 24; Kemp, 1971, 107—108; Draper, 1977 и др.). В предварительных расчетах я брал норму потребления для взрослых мужчин 3500 ккал/день (Крупник, 1976в, 36; 1978, 29—30), что дает цифру 911 тыс. ккал на человека в год в среднем для всего коллектива.
³¹ Foote, 1965, 275.
³² Кнопфмиллер, 1940, 211 (800 кг); Разумовский, 1931, 106 (840 кг); Докладная записка, 1923, 11 («жир от 100 нерп», т. е. 1000-1200 кг); Зенкович, 1938, 61 («3 кг в день», т. е. 1095 кг) и др. Для Американской Арктики см.: Kemp, 1971, 108; Mikkelsen, 1944, 165 и др.
³³ Считая, что зимой расходуется 4,5 кг жира в день (две лампы круглосуточно); весной и осенью — 2,3 кг (одна лампа круглосуточно), летом — 1,2 кг.
³⁴ Безумов, 1960, 40; Материалы Анадырской земэкспедиции, 1951; Экономические обзоры, 1939, 90 и др. Для американских эскимосов оценки: Burgess, 1974, 154; Foote, 1970а, 310; Freeman, 1969/70, 168; Kemp, 1971, 108.
³⁵ Зенкович, 1938, 61; Морзвербойный промысел, 1934, 52; Розанов, 1931, 54; см. сводку: Крупник, 1976г, 26.
³⁶ Гондатти, 1898, XXIII—XXIV. В другом, уже отмеченном случае в 1908 г. жители Имтука и Сиреников отдали за 268 мешков муки, 60 винтовок с патронами, 1 т сухарей и галет и прочие товары на сумму 5,4 тыс. долл. 2023 фунта китового уса (продукцию двух небольших китов), 80 кг моржового клыка (1/3 своей годовой добычи), 288 песцовых, 58 оленьих и 2 медвежьих шкуры.
 Обзор статистики добычи морского зверя на Чукотке см.: Крупник, 1980, 66—68; 1984, 212—222.
 Материалы Чукотской земэкспедиции, 1938, 113—119. Сведения о закупке продовольственных товаров для 40 эскимосских семей из семи поселков хранятся в рукописном фонде М. О. Кнопфмиллер (19406).
 Наибольшее содействие оказали: А. И. Ратхугье (1907—1977, Сиреники), Утых-тыкак (1914-1976, Имтук), А. Кукильгин (1922-1985, Имтук), М. Юхак (1927-1979, Имтук), В. Нутаугье (1914, Сиреники), П. Напаун (1912-1983, Аван), В. Акка (1922, Урелики), Ю. Пухлюк (1922; Аван), Н. Анагикак (1922-1976, Урелики), В. Анкатагин (1925-1979, Аван), В. Тиято (1922-1985, Чаплине), В. Тагитутак (1922, Сиклюк), И. И. Ашкамакин (1911, Чаплино), П. Нутатагин (1921, Кивак), Тнануфан (1911-1984, Наукан), В. Гухугье (1922, Наукан) и др. — во всех случаях указано место рождения информантов.
^o Foote, 1965, 350-364; 1967; Burgess, 1974; Kemp, 1971; Hall, 1971. Крупник, 1976г, 33-37, 78; 1978, 34.
² Арсеньев, 1927, 36; Вдовин, 1965, 303-305; Караев, 1926, 139-142; Морзвербойный промысел, 1934, 39 и др. " Итоги переписи, 1929, 281; Розанов, 1931, 56.
 Расчетная калорийность привозных продуктов питания, полученных эскимосами Авана в 1895 г. (Гондатти, 1898, XXIII), составила более 22 млн ккал, или 20 % годовых энергетических потребностей общины. В 1900 г. в Чаплино было куплено
 б*
 83
 400 мешков муки для собственного потребления, что могло обеспечить 17 % годовых энергетических потребностей. В 1908 г. жители Имтука и Сиреников приобрели со шхуны «Герман» продуктов питания общей калорийностью в 60,8 млн ккал (45 % годовых потребностей).
⁴⁵ Кнопфмиллер, 19406, тетр. 3.
⁴⁶ Marquette, Bockstoce, 1980, 15; Богословская, Вотрогов, Крупник, 1984, 202—206; Krupnik, 1987, 21-23.
⁴⁷ Рассчитано по: Орлова, 1936, 49.
⁴⁸ Burch, 1985, 114-116; Foote, 1970b, 265-266; Kemp, 1971, 100.
⁴⁹ Весной и летом на зиму сушили пласты нарезанного тюленьего и моржового мяса. После осенней охоты на китов и моржей каждая семья заготавливала на зиму 350—400 кг ферментированного моржового мяса и 150—200 кг китового мяса с жиром. Запасы корма для собак и жира для отопления делались дважды в год. Летом на зиму заготавливали съедобные растения, ягоды, водоросли, продукты моря, консервируя их с тюленьим жиром и кровью.
⁵⁰ Ср.: Testart, 1982, 527-530.
⁵¹ Яблоков, Белькович, 1967, 176.
⁵² Braham, 1984, 51; Fraker, 1984, 26-28.
⁵³ Крупник, 1980, 68-69; Krupnik, 1987, 23-24.
⁵⁴ Зенкович, 1938, 60; Кнопфмиллер, 1940а, 138; Кибальчич, 1984, 19; Фау, 1982, 256-261.
⁵⁵ Крупник, 1980, 67, 69-70.

⁵⁶ Документы экономического обоснования, 1946, 76.

⁵⁷ Федосеев, 1965, 210; 1984, 143; Крупник, 1984, 217.

⁵⁸ Методику оценки см.: Крупник, 1980, 77—78.

⁵⁹ Исследования Л. С. Богословской (1981 — 1987 гг.).

⁶⁰ На всем пространстве мыса Дежнева сейчас гнездится 2 — 2,5 тыс. пар кайры (Томкович, Сорокин, 1983, 134). Если эскимосы «Наукан» собирали прежде по 50 — 60 яиц на семью, их общий сбор мог превышать 3 — 3,5 тыс. яиц, или весь прирост птичьей колонии.

⁶¹ Будыко, 1967, 32-33; Уатт, 1971, 133-135; Martin P., 1973, 971.

⁶² Федосеев, 1974, 102-103; Кибальчич, 1984, 24; Braham, 1984, 51-52. Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 84, 165-166; Крупник, 1980, 78; Maher, Wili-movsky, 1963, 19 — см. главу 7.

⁶⁴ Foote, 1965, 299-303; Laughlin, 1972, 382; Laughlin, Harper, 1979, 2-4.

⁶⁵ Bockstoce, Botkin, 1980a, 1980b.

⁶⁶ Гапанович, 1923, 324; Липранди, 1933, 58; Никулин, 1941, 42; Петрухин, 1926, 56; Шнакенбург, 1939, 56 и др.

⁶⁷ Виноградов, 1949, 188-189; Перри, 1976, 84-86; Collins, 1940.

⁶⁸ Членов, Крупник, 1984, 94.

⁶⁹ См. подробнее: Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 114 — 122.

Fitzhugh, 1972; Foote, 1970b; Taylor W., 1966; Testart, 1982; Yesner, 1980. Так, зимой 1934 г. на о. Врангеля умерло от голода и болезней 17 из 55 приехавших эскимосов (Минеев, 1946), в большинстве своем взрослые люди. В катастрофическом 1900 г. на о. Св. Лаврентия от эпидемий, простудных заболеваний, несчастных случаев на море погибли 32 взрослых (23 женщины и 9 мужчин) и 12 детей (Lettingo, 1901, 101). Подобные примеры легко продолжить. См. подробнее: Testart, 1982, 527.

Глава 3

ОЛЕНЕВОДЫ-КОЧЕВНИКИ ВНУТРЕННЕЙ ТУНДРЫ

Этнографическая литература XIX—начала XX в. оставила нам яркий образ кочевников-олeneводоv Крайнего Севера. Их называли «самым здоровым», самым «процветающим» племенем аборигенов Сибири, подчеркивая экономическое и социальное благополучие олeneводоv по сравнению с другими группами населения¹. Тундровые кочевники были наименее доступны власти русской администрации, стойко сохраняли черты своего прежнего быта и общественного устройства. Воинственные олene чукчи (а вместе с ними береговые чукчи и эскимосы) единственные среди народов Сибири в XVII—XVIII вв. оказали успешное сопротивление казачьим отрядам и сумели отстоять свой особый статус в составе Российской империи. И в XIX в. многие группы олeneводоv: западносибирские ненцы, тундровые энцы, нганасаны, чукчи, коряки, кочевые чуванцы — несмотря на старания православных миссионеров, придерживались своих старых верований и обычаев и успешно сопротивлялись христианизации.

Сами олeneводы также подчеркивали свое особое положение среди других групп населения Севера. Их поговорки: «Наша еда вокруг нас на ногах ходит», «Наша еда растет, пока мы спим»², — отражали реальное осознание большей стабильности олeneводческого хозяйства по сравнению с прочими типами арктического жизнеобеспечения — охотой, рыболовством, морским промыслом. Олeneводы не знали ужасающих голодовок, от которых периодически страдали жители береговых селений, не раз спасали оседлых охотников и рыболовов от голодной смерти.

Относительное благополучие олeneводоv по сравнению с большинством групп оседлого населения Севера продемонстрировали местные нехозяйственные и экономические обследования 1920—1930-х годов, Приполярная перепись 1926/27 г. Однако с середины 30-х годов, с развертыванием коллективизации тундрового населения, взгляды на традиционное олeneводство изменились. Искусственно подчеркивались архаизм и отсталость кочевого хозяйства, пронизывающий его дух эксплуатации и «классовой борьбы», нищета широких масс тундрового населения. Приток фактических материалов по экономике традиционного олeneводства почти прекратился и возобновился лишь в последнее десятилетие³.

традиционного тундрового оленеводства, сравнить его с другими типами аборигенного природопользования. Однако количественный анализ всего северного оленеводства — слишком сложная задача из-за многообразия его локальных — экологических и этнических вариантов на огромных пространствах тундр Северной Евразии. Фактически это был хозяйственно-экологический континуум, на одном полюсе которого находилось крупностадное товарное оленеводство коми-ижемцев, ориентированное на внешний рынок, а на другом — различные комплексные формы природопользования, сочетавшие мелкостадное, натуральное оленеводство с морским промыслом (чукчи Чукотского п-ова, ненцы островов и побережья Баренцева моря, северной части Ямала, часть береговых саамов) или охотой на диких оленей (основная часть нганасан, тундровых энцев, северных селькупов, эвенков, якутов, тундровых юкагиров). В советской этнографической литературе весь этот континуум принято именовать «хозяйственно-культурным типом оленеводов тундры». Попытки его стратификации, выделения локальных или типологических вариантов только начинаются⁴. Ждут современного экологического осмысления и многочисленные карты, классификации, развернутые описания традиционного тундрового оленеводства, оставленные авторами 1920—1930-х годов. Трудоемкость такой задачи с неизбежностью требует крупного самостоятельного исследования.

Начать его можно с анализа наиболее специализированной модели тундрового оленеводческого жизнеобеспечения, распространенной в конце XIX—начале XX в. на западе и крайнем востоке Северной Евразии: у европейских и западносибирских ненцев и у оленных чукчей, осваивавших пространства Чаунской, Анюйской и Колымо-Индигорской низменностей. Для этой модели было характерно преобладание продуктивного потребительского оленеводства крупностадного типа, постоянно кочевой образ жизни; равнинный облик осваиваемой территории обуславливал большие площади пастбищ и протяженные путем кочевания⁵.

В рамках такой формы природопользования, занимавшей территорию с кочевым населением в 10—12 тыс. человек, мы рассмотрим подробнее три ограниченных ареала: крайний северо-восток Большеземельской тундры, восточную часть Чаунской низменности и внутренние районы юго-востока Чукотского п-ова. Первый ареал в начале XX в. осваивала смешанная группа из тундровых большеземельских, зауральских, озырянившихся колвинских ненцев и небольшого числа коми-ижемцев. Большинство представителей этой группы и их потомков (около 600 человек) живут сейчас в поселке Усть-Кара Ненецкого автономного округа Архангельской области. Традиционная модель природопользования карских ненцев была восстановлена по рассказам информантов старшего поколения летом 1974 г.⁶

86

Два рассматриваемых ареала чукотского оленеводства описаны в основном по архивным и литературным источникам 1920—1930-х годов. Для чаунских чукчей использованы также материалы посемейной переписи русского миссионера А. Аргентова в 1850 г.; для чукчей Чукотского п-ова — воспоминания оленеводов и охотников старшего поколения, живущих в поселках Сиреники, Новое Чап-лино и Янракинот Чукотского автономного округа (полевые данные 1975—1981 гг.). Последняя группа особенно интересна тем, что она непосредственно контактировала с жителями эскимосских селений, описанных в предыдущей главе. Это позволяет нам сравнить взаимоотношения оленеводческой и приморской систем жизнеобеспечения со стороны как оседлого, так и кочевого населения.

Особенности традиционного природопользования. Благодаря описаниям этнографов и путешественников XIX—начала XX в., архивным и статистическим источникам 1920—1930-х годов традиционное тундровое оленеводство освещено лучше и подробнее других типов аборигенной экономики Крайнего Севера⁸. Поэтому здесь отметим лишь те его особенности, которые необходимы для реконструкции балансов традиционного жизнеобеспечения.

В отличие от поселений морских зверобоев, где совместные охота и раздел добычи вели к относительно равномерному потреблению базовых продуктов питания (мяса и жира морских животных), община кочевников-оленеводов не представляла единого экономического и социального целого. В условиях индивидуальной собственности на домашних оленей благосостояние каждой семьи, а, значит, уровень ее хозяйства и степень благополучия, находились в прямой зависимости от размеров оленьего поголовья. Статистические источники 1920—1930-х годов выявили очень резкие различия в питании, составе рационов богатых и бедных хозяйств. Так, у европейских ненцев потребление оленьего мяса в малоимущих семьях составляло около 90 кг на человека в год, или 43 % от уровня богатых оленеводов; в пересчете на килокалории это могло обеспечить семье не более 1/8 ее нормы годовых энергетических

потребностей. У оленных чукчей потребление мяса в семьях богатых оленеводов было в 2,5 раза выше, а у коряков — даже в 3 раза выше, чем в семьях бедняков⁹.

Следовательно, реконструкция балансов жизнеобеспечения оленеводов требует дифференцированной оценки производства и потребления по основным имущественным группам кочевого населения. Накануне коллективизации 5—10 % самых зажиточных семей владели основной частью поголовья (30—40 % у ненцев Больше-земельской тундры, 50—70 % у чукчей Чаунской тундры и Чукотского п-ова), в то время как 2/3 остальных семей имели минимальное количество оленей, не достаточное для самостоятельного кочевания. Для большинства из них единственной возможностью существования было неравноправное объединение с зажиточными семьями на условиях совместного выпаса стада и получения части продукции за счет богатых оленеводов. Причины и стимулы такого

87

объединения подробно анализировались в источниках 1930-х годов¹⁰. Другой возможностью было активное использование промысловых ресурсов для получения максимума потребительской или товарной продукции со своих хозяйственных территорий.

Первый вариант в целом был шире распространен среди оленных чукчей, второй — у европейских ненцев. В обоих случаях кочевая община была совокупностью достаточно независимых микрогрупп — семей и стойбищ со своими микровариантами жизнеобеспечения в зависимости от размеров оленьего поголовья, количества трудоспособных членов, их навыков и даже определенных семейных традиций. Значит, главной особенностью традиционного жизнеобеспечения тундровых оленеводов надо признать *неравномерность* использования ресурсов среды обитания и заметное *неравенство* в потреблении. Все же общая тенденция выдерживалась строго и постоянно: с увеличением числа собственных оленей в жизнеобеспечении резко сокращалась роль охоты, рыболовства, собирательства и морского промысла — за счет все более узкой специализации на оленеводстве. Значит, чем меньше оленей было у тундрового оленевода, тем более полноценно использовал он ресурсы своей территории: рыбу, дичь, промыслового зверя, растительные продукты. Напротив, владельцы крупных стад сами почти не занимались охотой и рыболовством, предпочитая выменивать необходимую им продукцию на мясо, шкуры или живых оленей¹².

При сходстве этой главной тенденции в системах жизнеобеспечения ненцев и чукчей имелись свои локальные, культурные и исторические отличия. Так, у оленеводов-ненцев вторым по важности видом деятельности было рыболовство, которое поддерживало существование малоимущих семей в течение основной части года. У оленных чукчей, особенно у северных и северо-восточных групп, ближе к побережью Северного Ледовитого океана, рыболовство имело несравненно меньшее значение; его роль в жизнеобеспечении занимали мясо и жир морских животных. Кочевники получали их обычно от береговых зверобоев в обмен на продукты оленеводства. Многие малоимущие семьи чукчей-оленеводов сами занимались морским промыслом для собственного потребления. У ненцев (кроме полусоседских жителей побережья Югорского п-ова, островов Вайгач и Новая Земля — см. главу 6) морской промысел был развит слабо и велся ради товарной, а не потребительской продукции. Заметные различия существовали и в использовании продуктов собирательства. У чукчей растительная пища была очень важной статьёй рациона, и почти каждая семья заготавливала на зиму до 100—150 кг ягод, листьев, стеблей тундровых растений. В питании оленеводов-ненцев роль растительной пищи была минимальной¹³. Зато ненцы в большом количестве потребляли покупные продукты: муку, хлеб, сухари, сахар, масло и др. С покупными продовольственными товарами тундровые европейские и западносибирские ненцы познакомились еще в XVI—XVII вв. Уже в конце

88

XVIII в. ежегодное потребление муки у европейских ненцев оценивал ось в 5—10 пудов (80—160 кг) на человека, в середине XIX в. — в среднем 8 пудов (128 кг) на человека¹⁴. В начале XX в. средняя семья ямальских ненцев-оленеводов из 6 человек ежегодно покупала около 1000 кг муки и печеного хлеба, 80 кг масла, 30 кг сахара¹⁶.

Эти и другие особенности жизнеобеспечения оленеводов отражены в статистических источниках 1920—1930-х годов.

Использование пастбищ и организация жизнеобеспечения. Судя по сообщениям большого числа источников XIX—первой половины XX в., в традиционном северном оленеводстве существовала устойчивая система землепользования с постоянным или длительным закреплением пастбищ и маршрутов кочевания¹⁶. Как и у оседлых зверобоев, в начале XX в. угодья использовались соседской (европейские ненцы, чукчи) или реже родовой общиной (ямальские ненцы). В некоторых районах (на о. Колгуев, п-ове Ямал) было отмечено распределение общинных пастбищ между индивидуальными хозяйствами¹⁷. В любом случае в пределах общинной территории у каждого стойбища или отдельно кочующего оленевода было «свое» пастбище (место стоянки) для летнего выпаса, осеннего забоя и

праздника, которое могло устойчиво сохраняться за ним в течение длительного времени. Система традиционного землепользования у тундровых кочевников базировалась на обычном праве оленеводческих народов¹⁸. Все же она была достаточно гибкой. Имеются сведения, что маршруты кочевий и все возможные изменения в использовании пастбищ определялись оленеводами на основе взаимных договоренностей, обычно на год или один-два сезона вперед¹⁹. Нарушения издавна установленных границ встречались крайне редко и предполагали определенные наказания (не всегда, впрочем, соблюдавшиеся). Закрепленность территории за определенными группами, общинами и даже отдельными крупными оленеводами активно поддерживалась также царской администрацией, видевшей в этом возможность лучшего управления и налогообложения кочевого населения тундры. Низшей единицей — землепользователем могла быть отдельная семья, но чаще стойбище — временное или длительное объединение 2—5 семей, т. е. 10—25 человек, как правило, связанных узами родства или свойства. Группа из 8—12 близко расположенных стойбищ (100 — 250 человек) составляла следующий социальный уровень. В. Г. Богораз, именовавший такое объединение оленеводов «околом», подчеркивал, что входящие в него семьи почти всегда были группой родственников, «разветвившихся от общего корня» и связанных свойством и традициями взаимопомощи²⁰. Семьи и стойбища оленеводов, кочующие в бассейне одной реки или тяготеющие к определенному центру — фактории (200—600 человек), образовывали группу более высокого уровня — обычно со своим самоназванием, локальным самосознанием и даже эле-

89

ментами внутриэтнического выделения. Б. О. Долгих называл такие совокупности «территориальными группами»²¹.

Реальным субъектом традиционного природопользования следует, видимо, считать *группу соседних стойбищ*, которая в конце XIX — начале XX в. фактически была семейно-родственной соседской общиной. Именно этот относительно стабильный хозяйственный и демографический коллектив осуществлял контроль над своей территорией с устойчивыми семейными или стойбищными маршрутами кочевий и участками выпаса. Стойбища с их более текучим составом образовывали гибкие низовые элементы общины (по терминологии В. Р. Кабо — «хозяйственные группы»). Примечательно, что в 1920—1930-е годы группы соседних стойбищ, как и общины оседлых зверобоев, стали основным звеном местной администрации и кооперирования кочевого населения («туземные, затем кочевые» Советы, товарищества по совместному выпасу оленей и т. п.). Такие кочевые общины насчитывали в среднем 120—180 человек (от 60 до 300 человек) и состояли обычно из 5—12 хозяйственных групп-стойбищ. Общее количество подобных «ячеек» традиционного природопользования не превышало, по-видимому, 50—70 для всех оленных чукчей, 40—50 — для ненцев и коми Большеземельской тундры между р. Карой и р. Печорой и 40—50 — для ненцев и коми Северного Зауралья, включая и п-ов Ямал.

Детальные физико-географические описания территорий тундровых оленеводов можно найти в материалах специальных землеустроительных и геоботанических экспедиций, работавших в 1920 — 1930-е годы в различных районах Севера²². Эти же исследования впервые подробно охарактеризовали традиционную систему землепользования, существовавшую в северном оленеводстве вплоть до коллективизации. Суть ее состояла в закономерном, последовательном чередовании сезонно используемых угодий-пастбищ: зимних, ранне- и поздневесенних, летних и т. д. В пределах своих хозяйственных территорий оленеводы совершали регулярные, ежегодно повторяющиеся миграции. В равнинной части арктических тундр эти миграции имели обычно меридиональное направление: весной от границы леса на север, к морскому побережью, а осенью — на юг, в обратном направлении. Протяженность кочевых маршрутов различных групп оленеводов определялась в первую очередь шириной тундровой зоны, т. е. расстоянием между берегом моря и границей леса. У европейских ненцев она увеличивалась с запада на восток: от 150—200 км в Канино-Тиманской тундре до 450 — 600 км в восточной части Большеземельской тундры и Северном Зауралье²³. У оленных чукчей длина ежегодных кочевок росла в обратном направлении: 50—100 км на Чукотском п-ове, 100—150 км в верховьях Анадыря и 200—400 км в западной части Чаунской тундры²⁴.

Однако в каждой оленеводческой общине наблюдалась заметная неравномерность кочевания: зажиточные семьи обычно совершали более дальние миграции, чем семьи бедняков.

90

При маршрутах более 150—200 км оленеводы, как правило, проводили 4—5 месяцев на зимних пастбищах (здесь они совершали лишь небольшие передвижения один-два раза в месяц в зависимости от размеров стада); 2—3 месяца — на летних и раннеосенних пастбищах примерно с той же мобильностью; 3—4 месяца — на так называемых «проходных путях»²⁵. В последнюю часть года, за исключением коротких периодов отела, забоя или праздников, ежедневные передвижения могли составлять до 10—15 км и более. В таком случае у кочевников существовало закрепление только летних и зимних пастбищ, иногда также стоянок для отела и забоя оленей. Зато проходные пути

использовались одновременно несколькими группами и могли свободно изменяться в зависимости от конкретных условий года.

Устойчивое закрепление участков зимнего и летнего выпаса нарушалось только в крайне неблагоприятные годы, когда семьи оленеводов, спасаясь от гололеда, обильных снегопадов, бескормицы или эпизоотии, собирались на известных для каждого района пастбищах-«убежищах» или уходили на территории родственных групп. Так закрепленность определенных территорий в традиционной системе землепользования сочеталась с возможностью кратковременной смены осваиваемых угодий в экстремальных условиях. Это также было регламентировано обычным правом кочевников и господствующими нормами внутри- и межобщинной

97
взаимопомощи

и т. д.

Выбор и качество зимних пастбищ оценивались оленеводами, исходя из удобств выпаса, качества кормовых ресурсов и расстояния до зимней ярмарки или торговой фактории. Требования к летним пастбищам учитывали также близость источников топлива и водоснабжения, обилие кровососущих насекомых, эпизоотическую опасность. Поскольку для большинства семей оленеводов важную роль в годовом цикле жизнеобеспечения играл период летнего рыболовства, охоты или морского промысла, летние стоянки у «рыбных» рек и озер также включались в систему закрепляемых общинных и семейных угодий. Неудивительно, что кочевники всегда были более постоянны в выборе мест летних пастбищ²⁸.

В 1974 г. в Усть-Каре пожилые информанты-ненцы почти всегда могли точно назвать места своих летних семейных стоянок в 1930-е годы и даже описать все их топографические приметы сорокалетней давности.

Плотность кочевого населения, его нагрузку на осваиваемую территорию можно рассчитать по данным 1920—1930-х годов для крупных административных районов и отдельных кочевых группировок (туземных или кочевых Советов). У европейских ненцев она составляла в среднем 0,025—0,038 чел./кв. км, а у оленных чукчей — 0,008—0,013 чел./кв. км²⁹. Значит, средняя площадь территории, используемой кочевой общиной в 100—200 человек, была равна 3—8 тыс. кв. км в ареале ненецкого и 8—15 тыс. кв. км — в ареале чукотского тундрового оленеводства.

91

Плотность поголовья оленей у чукчей была в среднем в 1,5—2 раза ниже, чем у европейских ненцев и коми: соответственно 30—90 оленей у чукчей и 80—120 голов оленей у ненцев и коми на 100 кв. км пастбищ³⁰. Считается, что эта величина определяется продуктивностью тундровых угодий и обычно соответствует предельной емкости *критического*, т. е. наименее доступного из сезонных типов пастбищ³¹. Превышение этого предела неминуемо вело к перевыпасу, деградации кормов и последующей гибели оленей от бескормицы в первый же неблагоприятный год. Поело таких скачков численность поголовья возвращалась на прежний или даже более низкий уровень.

Заметно большая плотность населения и поголовья оленей, меньшие размеры территорий кочевых общин у европейских ненцев по сравнению с оленными чукчами весьма примечательны. Они указывают на очевидные различия адаптации двух оленеводческих народов — представителей единого хозяйственно-культурного типа и внешне сходной системы традиционного жизнеобеспечения.

Демография кочевого коллектива. Доступная нам информация о демографической структуре и динамике общин тундровых оленеводов, к сожалению, намного скромнее, чем по оседлому населению Крайнего Севера. Посемейные списки для XIX—первых десятилетий XX в. имеются по отдельным разрозненным группам (до начала XX в. они представлены преимущественно церковными документами — «исповедными росписями»). Регистрация рождаемости, смертности и прироста кочевого населения началась в большинстве районов только в 1930—1940-е годы и вплоть до 1950-х годов была малонадежной. Поэтому основные характеристики демографических процессов в оленеводческих общинах чаще приходится получать путем косвенных подсчетов и интерполяций. В табл. 15 и 16 приведены показатели половозрастной структуры европейских ненцев и оленных чукчей по разным спискам и переписям соответственно за 1883—1932 и 1850—1937 гг. Как видно, обе популяции тундровых кочевников отличались весьма высокой долей детей (40—45 %), повышенной долей стариков (6—10 %), особенно по сравнению с оседлыми зверобоями, но зато относительно пониженной долей лиц трудоспособного и репродуктивного возраста. Значит, в условиях традиционного жизнеобеспечения на каждого мужчину-работника у тундровых оленеводов обычно приходилось больше нетрудоспособных лиц, чем в поселках приморских зверобоев.

Наиболее разительным выглядит контраст между ненцами и чукчами по общему соотношению мужчин и женщин в популяции, в особенности среди взрослого населения. У ненцев в трудоспособном возрасте (16—59 лет) на 100 женщин приходилось 115 мужчин; у оленных чукчей (и коряков) соотношение было обратным: 88—90 мужчин на 100 женщин. Сравнение по этому показателю большого числа тундровых народов Евразии показы-92

Таблица 15. Демографические показатели кочевого населения: европейские ненцы (1883—1932 гг.)

	1883 (1)	1897 (2)	1920 (3)	1926 (4)	1931 (5)	1932 (6)
Общая численность (чел.)	421	2759	1612	1325	338	1022
Средний размер домохозяйства (чел.)	—	—	—	6,6	5,4	5,9
% мужчин	51,8	52,7	53,3	52,9	51,5	52,0
% женщин	48,2	47,3	46,7	47,1	48,5	48,0
% трудоспособного населения *	57,2	59,0	53,5	50,9	48,2	47,2
% трудоспособных мужчин	29,9	31,7	27,7	27,2	26,0	26,3
Число едоков на взрослого мужчину (включая его самого)	3,3	3,2	3,6	3,7	3,8	3,8
% детей до 16 лет	32,3	32,6	44,5	43,3	47,2	45,5
% нетрудоспособных стариков **	10,5	8,4	4,4	5,8	5,9	10,3
Число мальчиков на 100 девочек ***	114,3	107,3	137,2	96,0	100,0	104,5
Число мужчин на 100 женщин в трудоспособном возрасте	109,6	115,9	107,5	114,6	117,3	108,3

Группы: 1 — каянские ненцы (Якобий, 1893); 2 — ненцы Большеземельской тундры (Бабушкин, 1930); 3 — население Нижнепечорского самодийского волостного округа (Бабушкин, 1930); 4 — ненцы Большеземельской тундры (Бабушкин, 1930); 5 — население 1-го тунсовета Большеземельского района (Сводная таблица, 1932); 6 — население Большеземельской тундры, ненцы и коми (Экономика БЭТ, 1934):

* 1, 2, 4 — 16—39 лет; 3, 5, 6 — фактически работавшие;

** 1, 2, 4 — свыше 60 лет, 3, 5, 6 — свыше 55 лет;

*** 1, 2, 4 — 0—9 лет; 3 — 0—5 лет; 5, 6 — 0—8 лет.

вает, что оленеводческие группы не представляли единства: олен-ные чукчи сближались со своими соседями, приморскими охотниками — эскимосами и береговыми чукчами, а ненцы — с охотниками-оленеводами селькупами и нганасанами³². Следовательно, эти различия скорее имели культурно-генетический (?), нежели хозяйственно-адаптационный характер.

Исходя из демографической структуры, можно реконструировать средний половозрастной состав общины тундровых оленеводов при ее условной численности 150 человек. У ненцев такая община включала: 33—35 мужчин трудоспособного возраста, 3—5 юношей и подростков, 30 трудоспособных женщин, 8—12 стариков и 65 — 70 детей до 16 лет. Примерно таким же был состав общины У оленных чукчей, но с обратным соотношением трудоспособных мужчин и женщин.

Как мы помним, однако, община оленеводов не образовывала компактную группу и постоянно распадалась на 8—12 самостоятельных микроколлективов-стойбищ. Судя по данным переписей 1920—1930-х годов, среднее чукотское стойбище насчитывало 20,7 чел.

Таблица 16. Демографические показатели кочевого населения: оленные чукчи (1850—1937 гг.)

	1850 (1)	1926 (2)	1926 (3)	1933 (4)	1937 (5)
Общая численность (чел.)	1385	2081	268	138	1411
Средний размер домохозяйства (чел.)	4,1	...	5,8	...	4,6
% мужчин	51,2	48,0	46,0	44,8	47,2
% женщин	48,8	52,0	54,0	55,2	52,8
% трудоспособного населения *	51,8	50,8	38,4	51,3	55,3
% трудоспособных мужчин	25,7	24,2	17,2	23,1	23,7
Число едоков на взрослого мужчину	3,9	4,1	5,8	4,3	4,2
% детей до 16 лет	44,6	40,8	—	42,3	38,3
% нетрудоспособных стариков	3,5	8,4	—	6,5	6,7
Число мальчиков на 100 девочек **	108,1	94,2	—	90,9	76,0
Число мужчин на 100 женщин в трудоспособном возрасте	98,0	91,0	80,7	81,8	81,5

*Группы: 1 — чаунские чукчи (Аргентов, 1850); 2 — кочевое население Чукотского района (Поселенцы-итоги, 1928); 3 — население Чаунского тузовета (Итоги переписи, 1929); 4 — якутская кочевая группа (Архипьев, 1957); 5 — кочевое население Чаунского района (Шмит, 1939); * 16—59 лет; ** 1, 4 — 0—9 лет; 2, 5 — 0—7 лет.*

и состояло из 4 семей-домохозяйств (фактически 3,8), а ненецкое — только 13,6 чел. и 2,5 хоз.³³ Значит, чукотская община обычно распадалась на меньшее число более крупных производственных объединений, чем ненецкая того же размера. Велика была у ненцев и доля небольших стойбищ, состоящих из членов одной семьи (40 % в 1933 г.). Большие размеры и устойчивость чукотских стойбищ по сравнению с ненецкими можно, видимо, объяснять двумя причинами: более крупными размерами оленних стад у чукчей (в среднем около 1000 голов на стойбище против 400—500 голов у ненцев) и пониженной долей трудоспособных мужчин в популяции, что вызывало прямую нехватку пастухов.

Высокий процент детей в общинах тундровых оленеводов при заметном численном перепаде между возрастными когортами указывает на высокую рождаемость, очень высокую детскую смертность, ускоренную обновляемость состава коллектива. Этот вывод хорошо подтверждается имеющимися фрагментарными сведениями о воспроизводстве кочевого населения. У оленеводов-ненцев, по данным серии обследований 1920—1930-х годов, общий коэффициент рождаемости составлял 50—65 ‰ и с учетом пониженной доли женщин репродуктивного возраста (18—20 %) был близок к физиологически максимальному (табл. 17). Он сочетался с очень высоким уровнем смертности (40—60 ‰) особенно детской и младенческой, уносившей в первый год жизни до 30 и даже 50 % новорожденных³⁴. В 1920—1930-е годы, судя по составленным генеалогиям устькарских ненцев, каждая женщина рожала в среднем по 8—9 детей, но как и в поселках морских охотников, лишь двое-трое из

Таблица 17. Оценки уровня рождаемости у европейских ненцев (1923—1933 гг.)

Ареал, год	Учтенная численность (чел.)	Родилось за год детей	Из них девочек	Общий коэффициент рождаемости, ‰/‰	
				фактич.	исправл. *
Большеземельская и Малоземельская тундры, 1923	1512	90	40	60	65
Большеземельская тундра, 1924—1925	851	56	26	65	65
Большеземельская тундра, 1925—1926	851	53	27	62	62
Малоземельская и Канино-Тиманская тундра, 1924—1925	2224	101	40	46	53
Малоземельская и Канино-Тиманская тундра, 1925—1926	2303	97	36	42	52
Ненецкий округ в целом, 1932	2005	110	56	55	55
Ненецкий округ в целом, 1933	2138	132	66	62	62

* Считая в среднем частоту рождений 105 мальчиков на 100 девочек.
 Источники: Плетцов, 1925, 14; Похозяйственная перепись, 1929, 226—227; Сапрыкин, Сивильников, 1926, 65; Крайний Север, 1935, 9—15.

них доживали до взрослого возраста. Все же в относительно благоприятные годы, без эпидемий или стихийных бедствий, в общинах оленеводов-ненцев наблюдался прирост населения на уровне 5—10 %.

Для оленных чукчей из-за отсутствия прямых демографических данных показатели естественного прироста можно определить лишь косвенным путем. Так, у чаунских чукчей в 1850 и 1937 гг. средний размер одной годовой когорты в группе детей до 8 лет составлял 30 — 35 человек на 1000³⁵.

Поскольку смертность детей до 1 года была у чукчей не ниже 30—35 % родившихся, реальный коэффициент рождаемости скорее всего приближался к 50—55 ‰, т. е. был таким же или чуть меньшим, чем у европейских ненцев³⁶. Из 53 новорожденных младенцев и детей в возрасте до 1 года, зарегистрированных в 1850 г. на группу из 1350 чаунских чукчей, 23 % числились первыми в своей семье, 21 % — вторыми, 46 % — третьими и четвертыми и 10 % — пятыми и более (максимально: 7-й живой ребенок у матери 47 лет)³⁷. Эти цифры очень хорошо подтверждают весьма авторитетное мнение В. Г. Богораза о высокой плодовитости и общей «жизнестойкости» оленных чукчей по сравнению с соседними народами³⁸.

Источники XIX—начала XX в. не регистрировали у тундровых кочевников каких-либо следов искусственного ограничения роста населения; тот же В. Г. Богораз специально подчеркнул отсутствие у чукчей практики инфантицида. Нет сведений о распространении инфантицида и в других традиционных оленеводческих группах Северной Евразии. Примеры имен близнецов или случаи выхаживания недоношенных 7—8-месячных младенцев скорее свидетельствуют против существования инфантицида у абори-
95

ригенов Северной Сибири (во всяком случае в ситуациях, обычных для населения Американской Арктики³⁹).

Основные пики смертности у чукчей, судя по семейным спискам, демографическим пирамидам и составленным генеалогиям, приходились на первые годы жизни и возраст 40—45 и 55—65 лет. В. Г. Богораз специально подчеркивал обилие стариков и их преклонный возраст в оленеводческих стойбищах по сравнению с береговыми поселками⁴⁰. Уменьшение доли трудоспособных мужчин среди чукчей следует, по-видимому, объяснять спецификой чукотского оленеводства и крайне тяжелыми условиями выпаса стад. Как известно, у чукчей не было пастушеских собак; в летние месяцы оленей не использовали в упряжках, и мужчины кочевали со стадами по тундре, перенося свое имущество на себе. Все это должно было резко увеличивать физические нагрузки на взрослых мужчин-пастухов, вызывать их повышенную смертность. И все же, как и у ненцев, в годы без эпидемий или катастрофических нарушений условий выпаса и привычных путей кочевания в общинах оленных чукчей за счет высокой рождаемости должен был наблюдаться положительный естественный прирост. Такой тип воспроизводства явно не соответствует распространенному в прошлом мнению о «вымирании» или стабилизации оленеводческих народов в результате их якобы пониженной плодовитости или неспособности к быстрому росту⁴¹. Правда, согласно переписям и оценкам конца XIX—начала XX в., численность европейских ненцев и оленных чукчей была относительно стабильной (см. главу 5). Но это означает лишь, что главным фактором регулирования роста у кочевого арктического населения была не низкая рождаемость, а резкие всплески смертности в отдельные неблагоприятные годы. Следовательно, здесь мы имеем тот же тип традиционной демографической динамики, как и в общинах оседлых морских зверобоев-эскимосов, описанных в предыдущей главе.

Популяции домашних животных. Олени. Все благосостояние арктических кочевников, их возможности передвижения и существования в суровых условиях тундры полностью зависели от стад домашних оленей. В среднем на каждое хозяйство у ненцев и чукчей приходилось по 180 — 250 оленей⁴²; небольшая община из 8—12 стойбищ имела общее стадо в 5—10 тыс. голов.

Популяции домашних оленей испытывали ежегодные циклические колебания численности и биомассы, контролируемые деятельностью человека. После отела численность поголовья обычно увеличивалась в полтора раза, с тем, чтобы к следующей весне за полный хозяйственный цикл вновь опуститься до исходного низкого уровня. Регулировались в течение года и размеры выпасаемых стад (с максимумом в летние месяцы и минимумом весной, в период отела) и их половозрастная структура. В значительной мере все эти особенности популяционной динамики домашних оленей унаследованы от экологии диких северных оленей, которая была лишь

96

частично изменена человеком в процессе одомашнивания и контролируемого выпаса.

В источниках 1920 — 1930-х годов отражены характерные различия в половозрастном составе и общей продуктивности оленьих стад у мелких и зажиточных оленеводов⁴³. У малоимущих семей не менее четверти стада (иногда до 30—40 %) составляли взрослые ездовые олени-самцы и ежегодный приплод был низким — не более 35—40 % от величины исходного поголовья. Напротив, крупные зажиточные хозяйства могли держать больше самок (важенок) и за счет этого получать ежегодно более высокий приплод — 50-55 %.

В среднем в обычный год стада у тундровых оленеводов могли увеличиваться на 10—15 %.

Теоретически это должно было создавать кочевникам большой избыток продукции. Однако даже в

лучшем случае продуктивность традиционного оленеводства составляла, по некоторым оценкам, лишь 2/3 возможной при рациональной, научно обоснованной системе хозяйства⁴⁴.

Собаки для жизнеобеспечения тундровых оленеводов имели несравненно меньшее значение. В первые десятилетия XX в. у ненцев и чукчей было примерно равное количество собак: в среднем 3,47 на семью у большеземельских ненцев и 3,68 — у западных оленных чукчей⁴⁵. Но различия в направлениях собаководства определяли распределение животных по семьям и стойбищам. У ненцев преобладало пастушеское собаководство; поэтому пастушеские лайки имелись почти в каждом хозяйстве и число их обычно увеличивалось с ростом поголовья оленей. У чукчей, напротив, совсем не было пастушеских собак и преобладали ездовые, причем зависимость была скорее обратной: в стойбищах с меньшим количеством оленей обычно бывало больше транспортных собак. В среднем на каждое чукотское стойбище приходилась одна полная упряжка (8—10 животных), хотя фактическое распределение по семьям и стойбищам было крайне неравномерным.

Пищей собакам служили отходы продукции при разделке оленьих туш и рыбы. Большинство кочевников не заготавливало специально корм для собак на зиму, и потому в отличие от поселений морских зверобоев мы можем не выделять собак как самостоятельный компонент этноэкосистемы при расчетах балансов жизнеобеспечения оленеводческих общин.

Производственно-бытовой инвентарь. Постоянно мобильный образ жизни тундровых кочевников наложил сильнейший отпечаток на развитие их материальной культуры, способствовал значительному упрощению у них многих предметов производства и быта. Основными и единственными «профессиональными» орудиями оленеводов были ременной аркан и специальная пастушеская палка у чукчей. Лучшим считался аркан из шкуры лахтака (морского зайца); заготовки для него кочевники обычно приобретали у береговых зверобоев. При отсутствии лахтачьих ремней аркан Делали из полос оленьей кожи.

97

К концу XIX в. огнестрельное оружие уже имелось у всех тундровых оленеводов: у ненцев — русское, у чукчей — преимущественно американское. Обеспеченность оружием была гораздо ниже, чем в поселках морских зверобоев: в 1926 г. на каждую семью оленеводов приходилось одно ружье или винтовка (у большеземельских ненцев в среднем 1,2; у чаунских чукчей — 1,1)⁴⁶. Из-за слабого развития охоты у тундровых кочевников роль огнестрельного оружия в их жизнеобеспечении была невелика и потребность в патронах незначительна.

Набор готовых железных изделий и инструментов у оленеводов даже в начале XX в. был очень ограниченным⁴⁷; капканы, топоры, другие изделия обычно приобретались у приезжих торговцев или через посредство оседлого населения. Нарты, лодки, прочие предметы из дерева оленеводы чаще всего изготавливали сами; готовые деревянные лодки ненцы покупали у русских, хантов или коми. Сети и неводы для ловли рыбы в XIX—начале XX в. ненцы делали из приобретаемой у русских конопляной пряжи; оленеводы-чукчи добывали мелких тюленей с помощью самодельных ременных сетей, а рыбу — сетками из оленьих сухожилий или тонких полос

оленьей кожи, а также запорами и крючками.

Главным средством транспорта у кочевников были оленьи нарты, которые имелись в каждом хозяйстве в довольно большом количестве: в среднем 25 шт. на семью у большеземельских ненцев и 17 — 20 шт. — у чаунских чукчей⁴⁹. У чукчей каждое стойбище имело дополнительно 1 — 2 собачьи нарты. Все виды нарт изготавливались самими оленеводами при помощи простейших инструментов и без каких-либо железных скреплений. Дерево для нарт, байдар, лодок, шестов для жилища (лиственницу, ель и березу) заготавливали во время зимних кочеваний у северной границы леса или в ходе специальных дальних поездок раз в два-три года. Упряжь делали из оленьей кожи и лахтачьих ремней, а костяные детали — из оленьего рога или кости, в редких случаях — из моржового клыка или бивня мамонта.

Одежду, обувь, покрывки для жилищ, постели кочевники изготавливали из шкур домашних оленей. У каждой семьи оленеводов для каркасного переносного жилища (чума или яранги) обычно имелось два комплекта покрывок: летние и зимние (впрочем, лет ними покрывками чаще всего служили старые зимние). Ненцы и коми, кочевавшие ближе к границе леса, часто покрывали летний чум большими полотнищами вываренной бересты, прошитыми оленьими жилами. Бересту заготавливали во время зимних стоянок или выменивали у хантов. По рассказам пожилых информантов, такие покрывки служили не менее 10—15 лет, в то время как покрывки из оленьих шкур надо было менять через два-три года.

У всех оленеводов для каждого члена семьи ежегодно стремились сшить полный комплект новой зимней одежды и обуви из шкур телят осеннего забоя. Богатые оленеводы-чукчи имели даже два комплекта на каждую зиму и обменивали потом поношенную одежду в поселках береговых

зверобоев или в русских селениях⁵⁰.

98

В конце XIX в. ненцы, а с начала XX в. также и чукчи стали шить верхнюю летнюю одежду из покупных тканей: ситца или сукна, которые выменивали у русских купцов. Оленеводы-ижемцы и озы-рянившиеся ненцы почти всю летнюю одежду шили из покупных тканей. Для летней обуви оленеводы-чукчи делали подошвы из шкур тюленей; заготовки для них выменивали у оседлых зверобоев или делали из шкур животных, добытых самими кочевниками в летние месяцы.

Как видно из этого краткого обзора, к началу XX в. в жизнеобеспечении тундровых кочевников уже достаточно широко использовались многочисленные покупные предметы и изделия, а также различные виды сырья, приобретаемые у оседлого населения. Все же традиционная экономика ненцев и в особенности чукчей отличалась большой автономностью и могла удовлетворять основные потребности кочевников почти полностью за счет продуктов собственного производства.

Потребности кочевой общины. Расчет основных потребностей общины тундровых оленеводов в пище, шкурах, топливе, товарной продукции велся по той же методике, что и при составлении балансов жизнеобеспечения приморских зверобоев-эскимосов.

В литературе имеется несколько оценок фактической калорийности рационов северных оленеводов — ненцев, чукчей, саамов и др.⁵¹ Но для лучшей сопоставимости расчетов я остановился на тех же нормах потребления, которые были приняты выше для приморских зверобоев: 3000 ккал в день для взрослого мужчины, 2500 ккал — для женщин и стариков и 2000 ккал — для детей. Исходя из рассчитанной выше половозрастной структуры кочевой общины*, средняя норма составила 2425 ккал на человека у ненцев и 2400 у чукчей, или соответственно 885 125 и 876 000 ккал в год. Однако, как и в случае с эскимосами, эту норму удобнее округлить до цифры 900 тыс. ккал в год.

У всех тундровых оленеводов основной и наиболее предпочитаемой пищей считалось мясо домашних оленей, а также внутренности и свежая кровь убитых животных. Полную калорийность туши взрослого тундрового оленя (40 кг мяса и 25 кг других съедобных продуктов) можно оценить в 52,1 тыс. ккал, а теленка (30 кг мяса и 15 кг внутренностей) — в 47,1 тыс. ккал⁵².

Учитывая, что в прошлом оленеводы стремились забивать в пищу молодых или, напротив, старых и ослабевших животных, можно принять среднюю цифру калорийности одной туши в 49 тыс. ккал. Значит, если бы все пищевые потребности удовлетворялись за счет продуктов оленеводства, на каждого члена семьи надо было ежегодно забивать 18,5 оленей (17 взрослых или 19 телят), или 95—100 голов в среднем на хозяйство.

* У ненцев: 28 % мужчин, 22 % женщин, 7 % стариков и 43 % детей; у чукчей: 23 % мужчин, 28 % женщин, (> % стариков и 43 % детей — см. табл. 14 и 15.

7*

Таблица 18. Оценки средних норм забоя домашних оленей у арктических оленеводов

Группа	Источник	Приводимая оценка	Пересчитано за год (голов)	
			на 1 человека	на 1 семью
Анадырские чукчи, начало 1930-х годов	1	4 оленя в месяц на семью, или 48 шт. в год	10—12	48
Чукчи и коряки, конец 1920-х годов	2	1 олень в неделю на семью	10	54
Чаунские чукчи, 1930-е годы	3	50 голов на семью в год	8—10	50
Анадырские чукчи, 1930-е годы	4	1 олень на семью на 4—5 дней	12—15	70—90
То же	5	В среднем 70—80 голов на семью в год	13—15	70—80
Пенжинские коряки, начало 1930-х годов	6	10 оленей в год на человека	10	50—60
Коряки кочевые	7	1 олень в неделю в семье батраков	9	54
То же	7	1 олень на три дня в семье кулаков	20	122
То же, 1920-е годы	8	5 голов на едока в год	5	25—30
Долганы, 1930-е годы	9	Не менее 40 голов на семью в год и более	7—8	40+
Тазовские селькупы, 1920—1930-е годы	10	Два лесных оленя на семью из 5 человек в месяц; тундровых оленей — в два раза больше	10	48
Скандинавские саамы, 1950-е годы	11	10 оленей на человека в год	10	50—60

Источники: 1 — Друри, 1933, 75; 2 — Богораа, 1932, 47; 3 — Архинчев, 1957, 57; 4 — Васильев В. Н., 1936, 99; 5 — Анадырский край, 1935, 44; 6 — Крылов, 1936, 53; 7 — Бляббин, 1933, 39; 8 — Сергеев, 1934, 116; 9 — Попов, 1935, 201; 10 — Лебедев, 1978, 17; 11 — Foote, 1965, 297.

Эту цифру интересно сравнить с известными оценками *реальной нормы забоя оленей* для собственного потребления в разных группах тундровых оленеводов в 1920—1930-е годы (табл. 18). Аналогичную оценку для разных имущественных групп кочевников — ненцев и чукчей на 1920—1930-е годы удалось сделать по воспоминаниям информантов старшего поколения (табл. 19). Получается, что семья из 5—6 человек забивала в год 35 — 70 оленей для собственного потребления (без учета праздников, угощений и т. п.) в зависимости от своего имущественного положения⁵³

Если эти цифры справедливы, то продукция оленеводства удовлетворяла лишь 40—70 % ежегодной нормы пищевых потребностей тундровых кочевников. Использование продуктов охоты, рыболовства, собирательства, покупных товаров было в таком случае жизненно необходимым. Лишь в семьях зажиточных оленеводов потребление оленьего мяса обеспечивало энергетические потребности или приближалось к этой норме (табл. 19). Другие виды пищи

Таблица 19. Сезонная динамика забоя оленей в пищу у тундровых оленеводов. 1920—1930-е годы (Реконструкция по полевым материалам автора, 1974, 1975 гг.)

Хозяйства по размеру поголовья	Нормы забоя на семью в месяц (голов)				Общий расход за год
	зима (ноябрь—апрель)	весна (май—июнь)	лето (июль—август)	осень (август—сентябрь)	
Ненцы					
бедные	2	0 *	0	5—6	25—27
средние	3—4	0	0	6—8	33—44
закиточные	6—8	3—4	3—4	8—10	67—87
В среднем по общине **					32—39
Чукчи					
бедные	3—4	0 *	0	6—8	33—44
средние	6—8	1—2	1—2	8—10	60—80
закиточные	10—12	3—4	3—4	10—12	96—116
В среднем по общине **					45—59

* При отсутствии других продуктов питания в пищу забивались яловые важенки (2—3 головы в месяц или 5 голов за весну);

** с учетом реального имущественного расслоения: ненцы — 55 % бедных, 35 % средних и 10 % закиточных хозяйств; чукчи — 75 % бедных, 10 % средних и 15 % закиточных хозяйств.

в том случае обеспечивали разнообразие рациона или подчеркивали его престижность.

Ежегодные потребности кочевников в оленьих шкурах на пошив одежды, обуви, изготовление и ремонт жилища, бытовые нужды были определены по различным литературным оценкам и сообщениям информантов старшего поколения. Принятая при расчетах цифра для семьи из 5 человек составила 40 шкур в год, что следует считать *минимальной необходимой нормой* ⁵⁴.

Реальный расход, особенно в закиточных или многочисленных семьях, был, видимо, заметно выше ⁵⁵.

Для отопления и освещения своих жилищ тундровые оленеводы использовали древесное топливо со своих хозяйственных территорий, а также плавник, сушеный мох и кости животных. У чукчей внутренняя часть яранги (полог) отапливалась лампой-жирником, в которой сжигался костный жир, вытопленный из костей оленей. В прибрежных районах, где был возможен летний промысел морского зверя или регулярные контакты с оседлыми зверобоями, оленеводы-чукчи использовали для отопления жир морских животных. Из-за отсутствия каких-либо оценок его расхода можно УСЛОВНО считать, что половина полученного кочевниками жира морских млекопитающих шла в пищу, а другая половина — на отопление.

Все готовые товары: огнестрельное оружие, патроны, железные изделия, ткани, муку а также большую часть продукции морского промысла (ремни, шкуры, заготовки для подошв, мясо и жир морских животных) оленеводы приобретали в обмен на добытую ими пушнину или мясо и шкуры своих домашних оленей.

101

Многие семьи большеземельских ненцев заготавливали также на продажу рыбу и сдавали русским купцам продукцию своего эпизодического морского промысла. Расход продукции для продажи или обмена на факториях можно очень условно оценить по средним нормам закупок товаров оленеводами согласно Приполярной переписи 1926/27 г. У ненцев Большеземельской тундры средняя сумма закупок составила 478 руб. на каждую семью, что было эквивалентно общей стоимости 6 песцовых, 20 оленьих шкур, 3 ц оленины (6 — 8 туш оленей) и 1 ц рыбы. У чукчей восточных районов Колымского округа, куда входила в то время территория Чаунской тундры, средняя сумма закупок на семью была 172 руб., что по местным ценам было эквивалентно стоимости 3 песцовых и 10 оленьих шкур ⁵⁶.

Принятые таким образом для расчетов средние нормы расхода мяса и шкур домашних оленей на продажу (7 туш и 20 шкур у ненцев, 10 шкур на каждую семью у чукчей) выглядят достаточно скромными. В 1924 г., например, по данным местного нехозяйственного обследования, большеземельские ненцы продали в среднем на семью по 24 пуда оленьего мяса, или по 9—10 туш, и по 39 шкур ⁵⁷. Оленеводы-чукчи, кроме того, расходовали часть мяса и шкур на обмен с береговым населением. Известные оценки колеблются от 0,4 % наличного поголовья (чаунски!? чукчи, 1937 г.) до 4 % (в целом для всех чукчей-оленеводов Камчатского округа в 1926 г.) и даже 11 % (чукчи внутренних районов Чукотского п-ова в 1931 г.) ⁵⁸. Условно можно принять среднюю норму расхода мяса и шкур на продажу для чаунских чукчей 5 туш (2 % поголовья) и 10 шкур на семью, для чукчей Чукотского п-ова — 15 туш (6 % поголовья) и 15 шкур. Следовательно, суммарная норма расхода на обмен и продажу была близкой у обоих оленеводческих народов. По этим средним цифрам строился

далее расчет балансов жизнеобеспечения оленеводческой общины.

Продукция оленеводческого хозяйства. Точная оценка производства за конкретный календарный год — необходимое звено для построения балансов жизнеобеспечения. Все расчеты балансов были сделаны на примере четырех общин тундровых оленеводов: усть-карской группы болыпеземельских ненцев (30 семей, 144 человека в 1926 г.), куветской (46 семей, 221 человек в 1926 г.) и ичуньской (47 семей, 226 человек в 1937 г.) групп чаунских чукчей и кчаун-ской группы оленных чукчей Чукотского п-ова (30 семей, 139 человек в 1937 г.). Все они были реальными группировками кочевого населения — «туземными» или кочевыми Советами в моменты переписи 1926 г.» и нехозяйственных описей 1937 г. К сожалению, исходные данные для реконструкции балансов жизнеобеспечения выбранных общин крайне ограничены. Если для азиатских эскимосов удалось найти подробные ежегодные цифры добычи морских животных за 1920 — 1930-е годы, то аналогичные сведения о движении оленьего поголовья или фактической продукции оленеводства имеются по крупным административным райо-

102

нам или территориальным группам лишь за отдельные годы, причем достоверность этой статистики невелика. Поэтому большинство показателей производства оленеводческих общин пришлось определять путем интерполяции более широких цифр, что естественно, отразилось на строгости проведенных расчетов.

Прежде всего следовало учесть имущественное расслоение выбранных кочевых общин и разделить входившие в них семьи на три категории: мелких оленеводов (с личным поголовьем менее 150 оленей), средних (151—500) и крупных (свыше 500 голов). Для устькарских ненцев это сделано по средним цифрам расслоения ненецких кочевых хозяйств Большеземельской тундры в 1924 г.; для куветских и ичуньских чукчей — по аналогичным данным для Чаунского района в 1937 г.; для кчаунской группы имеются конкретные сведения по всем хозяйствам и стойбищам за 1937 г.⁵⁹

Динамика поголовья и условный объем продукции оленеводства вычислялись сначала по этим имущественным категориям, затем сводились в целом по общинам. Для этого предварительно была реконструирована половозрастная структура стада и все показатели ее годовой динамики: приплод, потери от болезней и хищников, расходы на собственное потребление и продажу. Для устькарской группы реконструкция сделана условно на 1926 г. по средним цифрам Приполярной переписи 1926/27 г. по ненецким хозяйствам Большеземельской тундры; для куветской группы — по цифрам той же переписи за 1926 г. для всех оленных чукчей Камчатского округа; для ичуньской группы использованы сведения по Чаунскому району за 1937 г.; для кчаунских чукчей — данные по восточной части Чукотского района за 1931 г. (табл. 20)⁶⁰.

Учитывая, что оленеводы-чукчи старались использовать также мясо павших и затравленных волками оленей (оставлять мясо в тундре у чукчей считалось зазорным), к норме забоя для собственного потребления в трех чукотских общинах условно добавлена половина от числа туш погибших оленей и телят (считая калорийность новорожденного теленка равной 0,1 калорийности взрослого оленя).

Оленеводы-ненцы не ели мяса умерших животных, кроме телят, павших при отеле.

Реконструкция продукции промыслов: охоты, рыболовства, собирательства — была проведена по оценкам и воспоминаниям оленеводов старшего поколения (устькарские ненцы и кчаунские чукчи), восстановленным с их слов рационам 1920—1930-х годов⁶¹, конкретным данным Приполярной переписи 1926/27 г. (куветские чукчи) и по местной статистике за 1937 г. (ичуньские чукчи). Вся продукция промыслов также рассчитывалась отдельно по имущественным категориям оленеводов, а затем в целом по общинам (табл. 21). Для определения калорийности Добываемых животных использованы те же оценки Д. Фута с некоторыми дополнениями (табл. 10), которые взяты в главе 2

Для реконструкции балансов жизнеобеспечения азиатских эски-

103

Таблица 20. Реконструкция динамики стада и поступления оленеводческой продукции в общинах тундровых оленеводов

	Устькарские ненцы, 1926 г.	Куветские чукчи, 1926 г.	Кчаунские чукчи, 1931 г.	Ичуньские чукчи, 1937 г.
Число домохозяйств	30	46	30	47
У них оленей на начало года (голов)	6300	12 270	7896	12 290
Приплод	3045	5443	3995	6305
Убыль за год	1526	4038	3198	4626
<i>В том числе:</i>				
Забито на еду	1056	1371	1160	3146
Отдано за работу		—	—	80
Продано и обменено		812	838	60 **
Погибло при отеле	269	1544	639	504
Погибло от разных причин			561	836
Потерялось	201	241	—	—
<i>Итого на конец года</i>	7839	13 781	8693	14 049
Продукция (10 ³ ккал):				
Забито на еду	45 444	67 179	56 840	154 154
Туши павших оленей	—	37 829	15 288	21 707
Продано и обменено	—	39 788	41 062	6860 **
Норма расхода на обмен и продажу (10 ³ ккал)	6300	11 270	22 050	11 515
Степень обеспеченности годовых энергетических потребностей * (%)	35,1	52,8	57,7	86,5

* Внутреннее потребление (без расходов на продажу и обмен).

** Данные занижены.

мосов. Так вся продукция оленеводов оказалась полностью сопоставимой с добычей оседлых приморских охотников.

Следующим шагом было вычисление доли и калорийности покупных продуктов питания, из которых выбраны четыре важнейших: мука, хлебопродукты (хлеб, сухари, галеты), сахар и сливочное масло *. Для устькарских ненцев, ичуньских и кчаунских чукчей использованы оценки потребления или закупок по воспоминаниям оленеводов — ненцев и чукчей старшего поколения; по устькарской группе эти цифры были скорректированы по фактическим данным похозяйственного обследования Большеземельской тундры в 1924 г.⁶²

Общее количество полученных кочевниками оленьих шкур можно оценить по рассчитанному числу забитых оленей для собственного потребления и на продажу. Кроме того, можно условно считать, что оленеводы использовали еще половину

* Поскольку в это число не вошел чай, а также ряд более редких товаров (конфеты, алкогольные напитки и др.), вычисленная доля покупных продуктов в потреблении оленеводов оказалась несколько ниже фактической.

Таблица 21. Продукция промыслов общин тундровых оленеводов (1926—1937 гг., оценка)

	Устькарские ненцы, 1926 г.	Куветские чукчи, 1926 г.	Кчаунские чукчи, 1931 г.	Ичуунские чукчи, 1937 г.
Охота				
дикие олени	23	—	—	—
лоси	7	—	—	—
свежкие бараны	—	27 *	—	—
бурые медведи	—	2 *	1	?
зайцы	455	114	242	97
гуси	1050	400	245	58
утки	1045	114	253	119
куропатки	3550	1460	980	245
Морской промысел				
моржи	—	28 *	—	3
лахтаки	—	23 *	—	7
нерпы	—	274 *	—	315
Рыболовство (кг)	29 605	3900	3950	3538
Собирательство (кг)				
съедобные растения	2480	6900	4500	6700
птичьи яйца	223	?	?	?
Итого вся продукция в 10³ ккал	36 109	74 761	8169	38 807
Доля от вычисленной нормы пищевых потребностей общины (%)	27,8	37,6	6,6	19,1

* Фактическая добыча согласно Приполярной переписи 1926/27 гг.

шкур павших или затравленных оленей и ³/₄ шкурок погибших при отеле телят (выпоротков), которые были ценной товарной продукцией.

Сложнее учесть объем продуктов морского зверобойного промысла, поступавших к кочевникам от береговых жителей. Количество это явно зависело от успешности охоты в береговых поселках и должно было резко колебаться от года к году и по периодам (см. главу 2). К сожалению, прямые сведения об этом в документальных источниках единичны⁶³; оценки моих информантов, чукчей и эскимосов, были весьма противоречивы. Среднюю оценку удалось сделать только для кчаунских оленных чукчей условно на 1931 г., посчитав, что каждая семья кочевников получила при обмене не менее 50 кг мяса и 50 кг жира морских животных, что обеспечило 5 % ее годовых энергетических потребностей.

Анализ балансов жизнеобеспечения. Расчет балансов жизнеобеспечения тундровых оленеводов строился в том же порядке, что описан в главе 2 для общин арктических зверобоев. Но было одно отличие: балансы рассчитывались сначала для трех имущественных групп кочевого населения (мелких, средних и крупных оленеводов) и лишь затем сводились к общему для всего

Таблица 22. Балансы жизнеобеспечения общин тундровых оленеводов (1926—1937 гг.)

	Устькарские ненцы, 1926 г.	Куветские чукчи, 1926 г.	Кчаунские чукчи, 1931 г.	Ичуньские чукчи, 1937 г.
Общие потребности в пище (10 ³ ккал)	129 600	198 900	125 100	203 400
Расход продукции оленеводства на продажу или обмен (10 ³ ккал)	6300	11 270	22 050	11 515
% от потребностей	4,9	5,7	17,6	5,7
Вся продукция (10 ³ ккал)	157 103	222 252	135 162	222 698
Степень обеспеченности потребностей (%)	121,2	111,7	91,9	103,6
Доля в жизнеобеспечении* (%)				
олeneводства	35,1	62,5	57,7	80,8
охоты	10,3	3,8	2,1	0,4
морского промысла	—	30,4	—	15,5
рыболовства	16,4	1,4	2,3	1,3
собирательства	1,1	2,1	2,2	2,0
покупных товаров	53,4	1,3	4,4	3,9
обменной продукции	—	—	6,5 **	—
Фактическая доля продукции, ушедшей на обмен или продажу (% от потребностей)	—	10,3	32,8	—
Сальдо баланса жизнеобеспечения (%)	+16,3	+1,4	-24,8	+3,8

* При полном потреблении продуктов охоты, рыболовства, собирательства и т. п., но без продукции оленеводства, ушедшей на обмен или продажу.

** Расчет по заниженным данным.

коллектива (табл. 22, 23а—в). Это позволило оценить разницу в жизнеобеспечении кочевников в зависимости от их имущественного положения.

Согласно реконструкции, три общины из четырех: устькарская, куветская и ичуньская — имели в расчетные годы (соответственно 1926, 1931 и 1937) положительное сальдо баланса жизнеобеспечения. Это значит, что поступление продукции в целом превышало их потребности, включая и необходимые расходы на продажу или обмен. В первом приближении это можно рассматривать как свидетельство высокой эффективности аборигенного оленеводческого хозяйства, благополучия кочевого населения. Особенно устойчивым выглядит положение устькарских ненцев, среди которых все три имущественные категории оленеводов имели положительное или близкое к нейтральному расчетное сальдо потребления (табл. 23а—в). Однако первое впечатление здесь обманчиво. У мелких и средних оленеводов положительный баланс жизнеобеспечения мог достигаться только за счет очень высокого потребления покупных продуктов пи-

Таблица 23. Структура балансов жизнеобеспечения арктических оленеводов (по имущественным группам)
а. Мелкие оленеводы (имеющие до 150 оленей)

	Устькарские ненцы, 1926 г.	Куветские чукчи, 1926 г.	Кчаунские чукчи, 1931 г.	Ичуньские чукчи, 1937 г.
Число домохозяйств	17 (71) *	34 (163)	23 (99)	35 (168)
У них оленей (голов)	1203	2098	621	2118
Степень обеспеченности годовых энергетических потребностей (%)	100,2	59,4	26,6 **	46,6
В том числе за счет продуктов:				
Оленеводства	12,4	21,8 ***	6,4	20,0
Охоты	15,9	4,5	3,0	0,5
Морского промысла	—	28,6	—	18,4
Рыболовства	23,2	1,7	3,9	1,9
Собирательства	1,6	2,1	2,3	2,1
Обмена	—	—	7,0 **	—
Покупных товаров	47,1	0,7	4,1	3,7
Общее сальдо баланса жизнеобеспечения (%)	+1,5	-44,8	-74,6 **	-55,6

* В скобках — общее количество людей;

** расчеты по заниженным данным;

*** включая поступления за работу от богатых оленеводов;

**** включая необходимые расходы на обмен и продажу.

б. Средние оленеводы (имеющие 151—500 оленей)

	Устькарские ненцы, 1926 г.	Куветские чукчи, 1926 г.	Кчаунские чукчи, 1931 г.	Ичуньские чукчи, 1937 г.
Число домохозяйств	10 (52) *	5 (24)	3 (18)	5 (24)
У них оленей (голов)	2659	1632	1070	1632
Степень обеспеченности годовых энергетических потребностей (%)	120,9	170,7	74,8 **	133,4
В том числе за счет продуктов:				
Оленеводства	39,7	78,9	60,2	108,2
Охоты	6,1	2,6	0,7	0,2
Морского промысла	—	34,8	—	16,8
Рыболовства	12,5	0,8	1,3	1,9
Собирательства	0,8	2,1	1,7	2,1
Обмена	—	—	5,0 **	—
Покупных товаров	61,8	1,8	5,9	4,2
Общее сальдо жизнеобеспечения *** (%)	+20,0	+76,6	-3,8 **	+28,4

тания или же получения дополнительной оленеводческой продукции от более зажиточных хозяйств. При этом покупное продовольствие в целом обеспечивало устькарским ненцам свыше половины калорийности их рационов, намного опережая по значению продукцию оленеводства и всех видов промыслов

107

в. Крупные оленеводы (имеющие более 500 оленей)

	Устькарские ненцы, 1926 г.	Куветские чукчи, 1926 г.	Кчаунские чукчи, 1931 г.	Ичуньские чукчи, 1937 г.
Число домохозяйств	3 (21) *	7 (34)	4 (22)	7 (34)
У них оленей (голов)	2438	8540	6205	8540
Степень обеспеченности годовых энергетических потребностей (%)	159,5	227,0	298,6	406,5
В том числе за счет продуктов:				
Оленеводства	100,1	218,7	288,3	399,3
Охоты	1,3	1,7	0,2	0,1
Морского промысла	—	—	—	—
Рыболовства	3,4	0,8	0,7	1,1
Собирательства	0,6	2,1	1,8	1,4
Обмена	—	—	5,5 **	—
Покупных товаров	54,1	3,7	4,1	4,6
Общее сальдо жизнеобеспечения **** (%)	+54,4	+162,8	+301,8	+391,0

(табл. 22). Такое положение свидетельствует о сильнейшей зависимости жизнеобеспечения европейских ненцев от дополнительных «внешних» источников питания, что прямо указывает на недостаточность собственных ресурсов в сложившейся к началу XX в. системе природопользования. Балансы подтвердили и высказанный выше тезис о пониженной доле продуктов оленеводства в питании тундрового населения в первые десятилетия XX в. Если считать, что реальное потребление составляло у устькарских ненцев 100—110 % условных энергетических потребностей (т. е. наблюдался избыток пищи) и все покупное продовольствие потребляли сами кочевники, тогда доля продукции оленеводства в их рационе не превышала по калорийности 15 % у малообеспеченных, 20—25 % у средних и 40—50 % у зажиточных оленеводов. Даже в условиях взаимопомощи, частых угощений, гостеваний и других форм перераспределения такие цифры для бедных и средних по достатку семей кочевников означали недостаток свежего оленьего мяса — наиболее предпочитаемого и престижного из всех традиционных продуктов питания.

Особенно остро нехватка свежего мяса должна была ощущаться в летние месяцы, когда бедные и даже обеспеченные оленеводы переходили на питание рыбой, чтобы уменьшить забой своих оленей. Этот вывод подтверждается воспоминаниями старших по возрасту оленеводов, сделанными с их слов реконструкциями семейных рационов устькарских ненцев для периода 1920—1930-х годов. Важнее, однако, другой вывод: в начале XX в. устькарские ненцы оказались в таком положении, когда для получения энергетически более эффективного покупного продовольствия

108

они были вынуждены продавать не только товарную продукцию своих промыслов (пушнину, жир морского зверя, ценную рыбу), но и необходимые им самим продукты оленеводства. При близкой продажной цене (соответственно 17,5 и 14,6 руб. за 1 ц в 1926 г.) каждый центнер купленной муки обеспечивал кочевникам 350 тыс. ккал, а центнер своей оленины — только 100—

180 тыс. ккал.

То же показывает реконструированный баланс необходимых, полученных и проданных оленьих шкур в устькарской общине по основным имущественным группам оленеводов. Весь условно рассчитанный забой (1050 голов) даже с учетом использования половины шкур павших оленей (135 шт.) мог едва удовлетворить собственные потребности коллектива (1200 шкур), но не оставлял никаких излишков для продажи. Значит, продажа устькарскими ненцами оленьих шкур при существовавшем в начале XX в. размере поголовья шла в ущерб собственным потребностям кочевого населения. Так еще раз получают подтверждение многочисленные рассказы оленеводов старшего поколения. Все они вспоминали тяжелую жизнь основной массы кочевников Большеземельской тундры в первые десятилетия XX в., нехватку или экономию мяса и покупных продуктов питания, постоянный недостаток шкур на пошив одежды и ремонт жилища.

В принципе близкая ситуация наблюдалась и в трех рассмотренных общинах оленных чукчей. Правда, их жизнеобеспечение по сравнению с устькарскими ненцами гораздо меньше зависело от покупного продовольствия, которое обеспечивало всего 1,5—4,5 % калорийности рационов. Очевидна и более узкая оленеводческая специализация традиционного хозяйства чукчей и большее потребление ими собственной продукции. Однако даже при максимальном использовании всех продуктов оленеводства (включая утилизацию мяса и шкур павших и затравленных волками оленей) положительный или хотя бы нейтральный баланс жизнеобеспечения был возможен только за счет интенсивного морского промысла или обмена продукцией с береговым населением.

Во всех трех чукотских общинах рассчитанное производство в группе мелких оленеводов (составлявших по численности около 3/4 населения) обеспечивало менее половины энергетических потребностей — ср. табл. 23а. Поэтому устойчивое существование для них было возможно только при условии совместного кочевания с зажиточными семьями, имевшими ежегодно значительные излишки продукции оленеводства. Расчеты балансов полностью подтверждают отмеченную исследователями 1920—1930-х годов экономическую необходимость для малоимущих оленеводов присоединяться к владельцам более крупных стад, что на конкретном примере семей и стойбищ ичуньских чукчей было проиллюстрировано И. С. Архин-

чьевым⁵

109

Подтвердился и другой вывод. Сложившееся к началу XX в. глубокое расслоение оленных чукчей, концентрация основного поголовья в руках небольшой части зажиточных хозяйств привели к появлению в тундре огромной прослойки малоимущих, нуждающихся оленеводов — своего рода трудового «излишка» кочевого населения. Казалось бы, эта ситуация свойственна всем традиционным кочевым обществам, где имела личная или семейная собственность на скот и размеры отдельных семей были недостаточны для самостоятельного выпаса крупного поголовья. Однако у оленных чукчей социально-имущественная дифференциация зашла столь далеко, что превратилась в фактор, угрожающий достаточно хрупкому равновесию между потребностями и реальным производством

тундрового населения. В таких условиях любое внешнее влияние или неблагоприятное изменение обстановки могли легко вызывать прямую нехватку ресурсов для большинства членов кочевой общины.

Одной из форм такого внешнего деструктивного влияния, как ни удивительно, было существование рядом многочисленного берегового населения, постоянно заинтересованного в получении оленеводческой продукции. Анализ балансов жизнеобеспечения совершенно по-новому освещает взаимоотношения между кочевыми жителями тундры и оседлыми охотниками побережья, как и саму роль обмена с береговыми зверобоями в жизнеобеспечении некоторых групп оленеводов. Там, где у кочевников-чукчей были возможны регулярные контакты с оседлым населением, обмен оленины на мясо и жир морского зверя постепенно становился необходимой заменой своей продукции на более калорийные «внешние» источники питания, т. е. играл ту же роль, что и покупка продовольственных товаров у европейских ненцев⁶⁶.

В наибольшей степени эта зависимость проявлялась в общинах оленеводов, кочевавших достаточно близко от береговых селений и связанных с оседлыми зверобоями отношениями многолетнего партнерства. В 1931 г., по данным местного учета, оленеводы Чукотского п-ова забили для обмена с береговыми жителями около 11 % своего поголовья домашних оленей, т. е. в среднем по 25—30 оленей на семью, или всего на 1/4 меньше, чем для собственного потребления. Цифра эта почти вдвое выше той нормы обмена, которую я условно принял при расчете балансов для кчаунской общины. Это значит, что каждая семья морских охотников Чукотки смогла получить в тот год по 6—8 туш оленей в обмен на продукцию морского промысла и покупные товары.

В 1937 г. члены только трех оленеводческих общин внутренней части Чукотского п-ова: кчаунской, ионивеевской (204 человека) и инемнейской (110 человек) — отдали с обмен береговым жителям свыше 1600 туш забитых оленей⁶⁷. При этом

НО

в некоторых малооленных стойбищах, расположенных ближе к побережью, доля продукции, ушедшей на обмен, поднялась до 15—30 % поголовья, намного превысив как естественный уровень прироста стада, так и забой оленей кочевниками для собственного потребления.

Эти и другие стойбища прибрежных оленеводов фактически существовали за счет «дотаций» берегового населения, регулярно поставлявшего в тундру мясо и жир морских животных. Судя по рассчитанной структуре баланса, положительное сальдо жизнеобеспечения у общины кчаунских чукчей могло быть достигнуто только за счет потребления этого привозного мяса и жира, роль которых в питании оленеводов могла подниматься до 30—35 %. Мои информанты, курупкинские оленные чукчи юго-востока Чукотского п-ова, вспоминали, как в 1920—1930-е годы к ним в стойбища в течение зимы по нескольку раз приезжали охотники-эскимосы из береговых селений, привозя на упряжках мясо и жир морских животных.

Стремясь получить необходимые им олени шкуры и высокоценное оленье мясо, морские зверобои должны были буквально «высасывать» прибрежные общины оленеводов. Так на стыке оленеводческой и береговой моделей природопользования возникали симбиотически связанные системы жизнеобеспечения и появлялись кочевники, живущие в значительной мере за счет привозимой им пищи береговым населением. И хотя в каждом конкретном случае обмен, казалось, происходил с явной выгодой для оленеводов⁶⁸, суммарная нагрузка была для них более обременительной. Ведь они были вынуждены отдавать остро необходимую им свою продукцию за прямые излишки морского промысла оседлых жителей — ремни, шкуры, жир морских животных. Значит, в некоторых районах Чукотки именно оленеводы были в *большей зависимости* от оседлых охотников, а не наоборот, как обычно считается в этнографической литературе. Лишь один автор 1920-х годов (правда, из наиболее осведомленных) пришел к подобному заключению и специально подчеркнул, что «кочующим много хуже, чем береговым, и они у вторых постоянно в неоплатном долгу»⁶⁹.

Там же, где регулярные контакты с береговыми охотниками были невозможны, оленеводы вынуждены были сами заниматься сезонным морским промыслом. У чаунских оленных чукчей, уходивших на зиму от побережья далеко в глубь тундры, положительный баланс жизнеобеспечения достигался в значительной мере за счет летней добычи оленеводами морских животных — в основном мелких тюленей, но также лахта-ков и моржей. Куветской и ичуньской общинам, например, летняя морская охота обеспечивала до 15—30 % годовой калорийности их расчетного пищевого рациона. В более южных районах и внутренней части Чукотки, где не было возмож-

111

ностей для морского зверобойного промысла, ту же роль для семей мелких и средних оленеводов повсеместно играло летнее рыболовство.

Итак, при всех различиях систем оленеводства у ненцев и чукчей организация их жизнеобеспечения в начале XX в. была сходной. Общими для нее были пониженная доля в рационах собственной

оленоводческой продукции; зависимость благосостояния основной массы кочевников от развития промыслов, наличия покупных или обменных продуктов питания; жизненная необходимость в кооперации, взаимопомощи, объединении более зажиточных и малоимущих хозяйств. Без этого имевшееся в тундре поголовье домашних оленей не могло удовлетворить потребностей кочевого населения. К началу XX в. в рассмотренных нами оленеводческих общинах уже не наблюдалось гармоничного «равновесия» между численностью населения и используемыми ресурсами. В этом жизнеобеспечение кочевников не отличалось от положения оседлых зверобоев на побережье. * * * Подведем итоги. Рассчитанные по данным 1920—1930-х годов балансы жизнеобеспечения отразили состояние самой развитой, специализированной формы тундрового оленеводческого хозяйства накануне коллективизации. Хотя выбор четырех кочевых общин можно считать случайным, оценки их производства и потребления строились в большинстве случаев на средних цифрах по крупным географическим или административным районам. Это повышает представительность полученных выводов. Мы должны признать, что в первые десятилетия XX в. большинство тундровых оленеводов поддерживали свое существование либо за счет неполноправного объединения с более зажиточными семьями, либо за счет дополнительного притока продуктов питания: массовой закупки продовольствия (большеземельские и европейские ненцы в целом), активного морского промысла (чаунские и в целом северные оленные чукчи), обмена с оседлым населением (чукчи Чукотского п-ова) или рыболовства (чукчи внутренних и южных районов Чукотки).

Теоретически такая нестабильность оленеводческого жизнеобеспечения могла объясняться тремя причинами: 1) внезапным падением продуктивности кочевого оленеводства (например, за счет падения поголовья домашних оленей); 2) невысокой численностью стад по сравнению с более богатыми пастбищными ресурсами; 3) непрерывным ростом тундрового населения, превысившего «критический» уровень для своей модели природопользования. *

Первое предположение вряд ли справедливо. К концу 1920— началу 1930-х годов оленеводы Крайнего Севера уже оправались от экономических последствий гражданской войны, дестабилизации рынка, нарушения привычных торгово-обменных связей. Численность поголовья домашних оленей в большинстве север-

112

ных районов была очень высокой. Превысить ее удалось в целом по всему Крайнему Северу только в начале 1960-х годов, а в Ненецком и Чукотском округах — на короткий период лишь в 1970-е годы. По экологическим условиям второе и третье десятилетия XX в. были сравнительно благоприятными для развития аборигенного оленеводства как на западе, так и на крайнем востоке тундровой зоны Евразии (см. ниже главу 5). Значит, рассчитанную продуктивность оленеводческого хозяйства мы можем считать высокой, если не максимальной.

Не выдерживает критики и второе предположение. К концу 1920-х годов поголовье домашних оленей в тундрах Чукотки и Европейского Севера уже достигло своей предельной численности — во всяком случае, если судить об этом по современным оценкам оленеемкости используемых пастбищ⁷¹. Пределы экстенсивного роста поголовья были, по-видимому, исчерпаны, и повышение продуктивности аборигенного оленеводства было возможно лишь при превращении его в высокотоварную форму хозяйства, при организации принципиально новой системы землепользования. Это неминуемо потребовало бы радикальных перемен в структуре жизнеобеспечения (в первую очередь — оседания значительной части кочевников), что и произошло в последующие десятилетия.

Очевидно, главной причиной нарушения равновесия между наличными ресурсами и численностью оленеводческого населения был медленный, но неуклонный прирост кочевых народностей Северной Евразии. У большеземельских ненцев к началу коллективизации отчетливо проявлялись уже все признаки такого нарушения: повышенная плотность кочевания, перевыпас пастбищ, массовые закупки оленеводами продовольствия. У оленных чукчей эти явления были выражены в более сглаженном виде. Но здесь острота ситуации — при меньшей плотности кочевого населения — усиливалась за счет имущественного неравенства и большей неравномерности потребления. В принципе модели жизнеобеспечения ненцев и чукчей можно рассматривать как разные варианты эволюции крупностадного тундрового оленеводства под давлением постепенного роста населения в рамках внешне стабильной формы природопользования.

Подсчеты балансов жизнеобеспечения свидетельствуют, что в первые десятилетия XX в. как на арктическом побережье, так и во внутренних тундрах Северной Евразии не наблюдалось «гармонии» человеческих коллективов со своей средой обитания, строгого равновесия между природными ресурсами и численностью населения. В этих условиях, на мой взгляд, оседлые зверобои находились даже в более выгодном положении. Хотя положительный баланс их жизнеобеспечения поддерживался фактически за счет чрезмерной эксплуатации промысловых ресурсов, приморские жители в целом обеспечивали себя необходимой продукцией и излишками сырья для обмена с оленеводами.

С улучшением снабжения и материальной базы промысла в начале 1930-х годов они смогли почти вдвое повысить продуктивность своего хозяйства. Для тундровых оленеводов возможности столь резкого увеличения производства в рамках традиционной модели природопользования были к тому времени исчерпаны.

Энергетические оценки продукции, получаемой общинами оленеводов и морских охотников со своих территорий, опровергают мнение о высокой продуктивности крупностадного тундрового оленеводства по сравнению с другими типами аборигенной северной экономики ⁷². В действительности оно в этом отношении многократно уступало морскому зверобойному промыслу (а также, очевидно, и интенсивному рыболовству). Сравнить эффективность двух систем жизнеобеспечения лучше всего в энергетических показателях — например, рассчитав энергетическую ценность всей полученной коллективом продукции со своей хозяйственной территории и сопоставив ее с общим количеством поступившей на эту же территорию солнечной энергии в ккал в год.

Такое соотношение можно считать своеобразным КПД системы жизнеобеспечения. У куветских чукчей, например, в 1926 г. этот показатель составил лишь 0,0000014 % (14×10^{-9}), а у устькарских ненцев - 0,0000035 % (35×10^{-9}) - табл. 24. Для общины эскимосов Сиреников он был в 150—500 раз (!) выше: 0,00048 % (4800×10^{-9}) в тяжелом по условиям промысла 1930 г. и 0,00078 % (7800×10^{-9}) в исключительно благоприятном 1937 г.

По этим цифрам можно сравнить эффективность кочевой и оседлой моделей арктического природопользования с некоторыми типами традиционного жизнеобеспечения в других регионах мира (табл. 24) ⁷³. Как видно, в благоприятные годы арктический зверобойный промысел по своей продуктивности был вполне сопоставим с ранними формами тропического земледелия, хотя мог поддерживать меньшую численность и плотность населения. Такой вывод хорошо согласуется с известным тезисом об исключительном богатстве ресурсной базы северного приморского типа жизнеобеспечения, возможности возникновения на основе оседлого морского промысла и (или) рыболовства развитых форм социальной организации и культуры ⁷⁴.

В то же время различия в продуктивности и плотности населения кочевой и оседлой моделей арктического природопользования убеждают нас в том, что они представляют принципиально разные стратегии адаптации традиционного общества к арктической среде обитания. Так, для приморского оседлого природопользования главным принципом был выбор максимально продуктивных небольших территорий и акваторий с очень высокой концентрацией нескольких видов используемых ресурсов. Стратегией кочевого природопользования надо, напротив, считать стремление к расширению используемой территории для уменьшения нагрузки коллектива на неустойчивые ресурсы тундровой зоны.

114

Таблица 24. Энергетическая эффективность традиционных систем жизнеобеспечения

Группа	Тип хозяйства	Энергетическая эффективность		Плотность населения (чел./кв. км используемой территории)
		%	$\times 10^{-9}$	
Куветские чукчи *	Арктическое крупностадное оленеводство	0,0000014	14	0,012
Устькарские ненцы *	То же	0,0000035	35	0,034
Эскимосы Сиреников *, 1920-е гг.	Арктический зверобойный промысел	0,00048	4 800	2—4
Эскимосы Сиреников *, 1937 г.	То же	0,00078	7 800	2—4
Индийцы Амазонии **	Мобильная охота и собирательство	0,000026	260	0,4
Папуасы тсембага Новой Гвинеи ***	Подсечно-огневое мотыжное земледелие	0,00117	11 700	23,8
Додо Северной Уганды **	Мотыжное земледелие + кочевое скотоводство	0,0014	14 000	27,4
Индийцы кечуа Перуанских Анд †	Мотыжное земледелие + отгонное скотоводство	0,00135	13 490	—
Бенгальцы Западной Бенгалии	Интенсивное орошаемое земледелие + молочное животноводство	0,0163	163 000	191,6

* Расчеты автора;

** , *** , † — подсчитано по: Odum, 1967 (**); Rapport, 1971 (***) ; Ellen, 1982 (†).

Представляет ли в таком случае кочевое и оседлое аборигенное хозяйство принципиально разные

формы арктического жизнеобеспечения, своеобразный итог специализированной эволюции, завершившейся гибелью или деградацией промежуточных, менее эффективных и устойчивых вариантов? Чтобы ответить на такой вопрос, необходима более широкая историческая ретроспектива, где развитие двух названных моделей природопользования прослеживалось бы на фоне длительной социальной и экологической динамики в тундрах Северной Евразии.

Этим вопросам посвящены дальнейшие главы книги. В них я попытаюсь ответить, в какой мере исторические материалы по эскимосам, ненцам, чукчам, другим тундровым народностям подтверждают выводы балансового анализа их систем жизнеобеспечения в 1920—1930-е годы. Иными словами, нам предстоит восстановить путь исторической эволюции, который привел формы аборигенного природопользования на севере Евразии к состоянию, отраженному в проведенной выше реконструкции.

115

- ¹ Богораз, 1931, 93—94; 1932, 33; 1934, 19; Гапанович, 1925, 51—52; Мельников, 1925, 161; Патканов, 1911, 127, 170 и др.
- ² Богораз, 1931, 93; Сергеев, 1955, 56.
- ³ Ср.: Васильев, 1976; Головнев, 1986а; 1986б; Конаков, 1985; Крупник, 1976а; Лебедев, 1978; 1980 и др.
- ⁴ Головнев, 1986а; 1986б.
- ⁵ Более полную характеристику на примере западносибирских тундровых ненцев см.: Головнев, 1986б, 181—183.
- ⁶ Крупник, 1976а.
- ⁷ Аргентов, 1850.
- ⁸ Наиболее полные описания оленеводческого хозяйства большеземельских ненцев см.: Бабушкин, 1926; 1930; Керцелли, 1911; Плетцов, 1925; Экономика Большеземельской тундры, 1934; кочевых чукчей см.: Архинчеев, 1957; Друри, 1936; Иоффе, 1937; Орловский, 1928а; 1928б; Шмит, 1939; Вогогас, 1904 и др.
- ⁹ Экономика Большеземельской тундры, 1934, 180; Билибин, 1933, 39; Гарусов, 1967, 55.
- ¹⁰ Бабушкин, 1930, 159; Плетцов, 1925, 12; Анадырский край, 1935, 36; Архинчеев, 1957, 74; Шмит, 1939, 6.
- ¹¹ Ср.: Архинчеев, 1957; Богораз, 1931; Крайний Север, 1935; Крылов, 1936; Маслов, 1934; Терлецкий, 1934.
- ¹² См. подробнее: Крайний Север, 1935, 56—64; 112—115; Крупник, 1976а, 75—76; Лебедев, 1978, 24—25; Сергеев, 1955, 20.
- ¹³ Крупник, 1976а, 71—72.
- ¹⁴ Лепехин, 1805, 227; Иславин, 1848, 33. См. также: Бахрушин, 1956, 87; Вопросы и ответы, 1787, 33; Колычева, 1956, 86.
- ¹⁵ Евладов, 1927, 8.
- ¹⁶ Для европейских и сибирских *ненцев* см.: Андреев, Игошина, Лесков, 1935, 179; Артеев, 1926, 141—143; Бабушкин, 1930, 7, 65; Витюгов, 1923, 10—11; Вербов, 1939, 45, 63—64; Керцелли, 1911, 91, 97; Куратов, 1925, 40; Лепехин, 1805, 225; для *чукчей* см.: Анадырский край, 1935, 39—40; Богораз, 1934, 12; Вдовин, 1965, 160; Шмит, 1939, 116, 140 и др.
- ¹⁷ Броднев, 1959, 71; Житков, 1913, 206—207; Жилинский, 1923, 47; Подэкрат, 1936, 73—74.
- ¹⁸ См.: подробнее: Ефименко П. Я., 1878, 217; Броднев, 1959, 71; Миценко, 1975, 39.
- ¹⁹ Жилинский, 1923, 46; Попов, 1952, 44; Шмит, 1939, 92.
- ²⁰ Богораз, 1931, 97; 1941, 192.
- ²¹ Долгих, 1946, 57—59; Долгих, Левин, 1951, 105—106.
- ²² Для территорий Большеземельской и Чаунской тундры, Чукотского п-ова и сопредельных ареалов см.: Андреев, 1933; Андреев, Игошина, Лесков, 1935; Городков, 1926; Друри, 1933; 1936; Иоффе, 1937; Орловский, 1928б; Шмит, 1939 и др.
- ²³ Семериков, 1933, 6—8; Терлецкий, 1934, 43.
- ²⁴ Анадырский край, 1935, 40; Вдовин, 1965, 159; Шмит, 1939, 56; полевые материалы автора, 1975.
- ²⁵ Для большеземельских ненцев это были: декабрь—начало апреля (зимние пастбища), июль—сентябрь (летние и раннеосенние пастбища) и два промежуточных периода миграций: апрель—июнь и октябрь—ноябрь.
- ²⁶ Бабушкин, 1930, 65; Шмит, 1939, 22.
- ²⁷ Броднев, 1959, 71; Полевые материалы автора, 1974.
- ²⁸ Семериков, 1933, 5; Шмит, 1939, 54; «Каждый оленевод встает на лето на свои определенные места к рыбным озерам, в которых тот или иной хозяин добывает рыбу из года в год» (Евладов, 1929, 55).
- ²⁹ Вычислено по: Населенные пункты, 1928; XXXVII; Итоги переписи, 1929; Похозяйственная перепись, 1929, 30, 114; Бунаков, 1934, 57—58; Гассовский, 1939, 26; Семериков, 1933, 29. У ненцев карской территориальной группы плотность населения достигала 0,037, у чаунских чукчей — только 0,007—0,011 чел./кв. км.
- ³⁰ Вычислено по тем же источникам, а также: Анадырский край, 1935, 33; Васильев В. Н., 1936, 10—14; Иоффе, 1937, 13—17; Шмит, 1939, 5—6.
- ³¹ Андреев, Игошина, Лесков, 1935, 352—353; Юдин, 1969, 8.

116

- ³² Этот вопрос специально рассмотрен в отдельной работе: Кгурпик, 1985, 120—127.
- ³³ Итоги переписи, 1929, 74—85; Крайний Север, 1935, 114—121.
- ³⁴ Данные текущего учета см.: Плетцов, 1925, 14; Похозяйственная перепись, 1929, 226—227; Крайний Север, 1935, 9—15 и др.
- ³⁵ Вычислено по: Аргентов, 1850; Шмит, 1939, 148.
- ³⁶ 30 % в 1925 г. (Итоги переписи, 1929, IV) и 32 % в 1939 г. (Сведения, 1931, 1). См. также: В. А., 1935, 60—64.
- ³⁷ Вычислено по данным А. Аргентова, 1850.
- ³⁸ Bogoras, 1904, 35; Богораз, 1932, 33; 1934, 19—20.
- ³⁹ См. подробнее: Крупник, 1988а, 78—80.
- ⁴⁰ Богораз, 1931, 99—100; 1934, 21.
- ⁴¹ Итоги переписи, 1929, II—IV; Красильников, 1928, 97—100; Патканов, 1911, 130; Сергеев, 1934, 32; Терлецкий, 1932, 48, 51.
- ⁴² Точные цифры по административным районам, территориальным группам и отдельным общинам могут быть вычислены по данным многих источников: Бабушкин, 1926; Друри, 1933; Итоги переписи, 1929; Населенные пункты, 1928; Плетцов, 1925; Шмит, 1939 и др.
- ⁴³ Фактические данные о динамике и структуре поголовья в традиционном оленеводстве ненцев и чукчей см.: Крайний Север, 1935, 72; Плетцов, 1925, 13—14; Соколов, 1935, 63—66; Терлецкий, 1930, 56—57; Шмит, 1939, 11—12; Экономика Большеземельской тундры, 1934, 121—124 и др.
- ⁴⁴ Преображенский, 1953; Рочев, 1969.
- ⁴⁵ Похозяйственная перепись, 1929, 129, 134.
- ⁴⁶ Итоги переписи, 1929, 74—81; Похозяйственная перепись, 1929, 33—37.
- ⁴⁷ Ср.: Богораз, 1901, 32—36; Bogoras, 1904, 209—216; Хомич, 1966, 82—84.
- ⁴⁸ Хомич, 1966, 80; Bogoras, 1904, 146.
- ⁴⁹ Итоги переписи, 1929, 74—81; Похозяйственная перепись, 1929, 33—37.
- ⁵⁰ Богораз, 1941, 178—179.
- ⁵¹ Алексеева и др., 1972, 24—25; Астринский, Навасардов, 1970, 205—207; Данишевский, 1968, 102—105; Добронравова, Куинджи, 1962, 112—114; Зайцев А., 1970, 200; Øgrim, 1970, 50 и др.
- ⁵² Эти цифры получены на основании расчетов по данным об убойном весе, выходе и калорийности мяса у различных половозрастных групп домашних оленей — Крупник, 1976г, 62—63. Исходные показатели см.: Анадырский край, 1935, 32; Архинчев, 1957, 57; Жигунов, 1961, 320—325; Кудея, 1973, 44; Макридина, 1956, 57; Мухачев, 1969, 111 и др.
- ⁵³ Интересно, что семье аляскинских эскимосов (6—7 человек) — охотников на карibu требовалось добывать ежегодно 65—75 диких оленей (Campbell, 1978, 191; Foote, 1965, 296—297).
- ⁵⁴ Это количество условно распределялось следующим образом: у ненцев — 16 шкур на одежду, 10 — на ремонт чума, 14 — на постели и бытовые нужды; у чукчей — 12 шкур на одежду, 16 — на полог и ремонт яранги, 12 — на бытовые нужды (Крупник, 1976г, 61).
- ⁵⁵ Другие оценки: Лебедев, 1978, 17; 25 шкур лесного или 50 шкур тундрового оленя; Суслов, 1930, 33; 36,5 шкур (при пошиве новой одежды раз в два года); Foote, 1965, 297—298; 57—65,5 шкур диких оленей для семьи охотников на карibu.
- ⁵⁶ Вычислено по: Похозяйственная перепись, 1929, 54, 106, 234—237.
- ⁵⁷ Плетцов, 1925, 17.
- ⁵⁸ Архинчев, 1957, 58; Оленеводство, 16; Орловский, 1928а, 47; Похозяйственная перепись, 1929, 148—149.
- ⁵⁹ Материалы Анадырской экспедиции, 1939; Плетцов, 1925, 10; Шмит, 1939, 6.
- ⁶⁰ Бабушкин, 1930, 100; Итоги переписи, 1929, 208—210; Оленеводство, 16; Похозяйственная перепись, 1929, 148—149; Шмит, 1939, 12; Экономика Большеземельской тундры, 1934 и др.
- ⁶¹ Крупник, 1976а, 81—85.
- ⁶² Плетцов, 1925, 19—20. См. также: Евладов, 1927; Митусова, 1925; Сапрыкин, Синельников, 1926; и др.
- ⁶³ Исключение составляют данные по Чукотскому району за 1937 г.: Кнопфмиллер, 1940б; Терлецкий, 1967, прил. 5.

⁶⁴ Полевые материалы автора, 1974 — см.: Крупник, 1976а.

⁶⁵ Архинчев, 1957.

⁶⁶ Поскольку калорийность мяса морских животных (1400—1700 ккал/кг) и особенно жира (7500 ккал/кг) заметно выше, чем мяса домашних оленей, забиваемых оленеводами для собственного потребления (1000—1200 ккал/кг).

⁶⁷ Цифры получены с картодиаграммы: Терлецкий, 1967, прил. 5.

⁶⁸ «За убитого целого оленя полагается в обмен мешок из тюленьей шкуры, наполненный жиром (примерно 50 кг. — И. К.), или же шкура большой нерпы; за шкуру взрослого старого оленя (для полога. — И. К.) дают шкуру малого тюленя, но за шкуру шестимесячного теленка (для одежды. — И. К.) платят 3—4 тюленьих шкуры. За белую или пеструю шкуру теленка дают 6-7 шкур» (Свердруп, 1930, 266).

⁶⁹ Караев, 1926 (4), 149. А. И. Караев — бывший торговый агент фирмы Свенсона, живший на Чукотке с 1912 г.

⁷⁰ Ср.: Дмитриев, 1925, 110—111; Народное хозяйство, 1972, 810; Сыроечковский, 1975, 20-26; 1982, 69; Устинов, 1956, 15.

⁷¹ Сыроечковский, 1975, 23-24; Устинов, 1956, 15 и др.

⁷² Ср.: Богораз, 1931, 93; 1941; Сергеев, 1955, 42.

⁷³ Список этнических групп и систем жизнеобеспечения, пригодных для такого сопоставления см.: Ellen, 1982, 126—127.

⁷⁴ Аверкиева, 1974, 134—140; см. подробнее: Арутюнов, Крупник, Членов, 1981; Suttles, 1968; Testart, 1982; Yesner, 1980.

Глава 4

ДИНАМИКА АРКТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ

В предыдущих главах мы рассмотрели системы жизнеобеспечения аборигенов севера Евразии на одном синхронном срезе первых десятилетий XX в. Теперь нам предстоит оценить их эволюцию в исторической ретроспективе, используя иные источники и методы анализа. Но суть нашего подхода остается прежней. Сама концепция «системы жизнеобеспечения» предполагает, что динамика такой системы определяется совокупным действием двух групп факторов: социально-исторических, прежде всего этнокультурных процессов, и изменчивости среды обитания. Правда, между этими двумя линиями не всегда легко провести строгое причинно-следственное разделение. Все же мы должны рассматривать их в отдельности, поскольку подчинены они разным закономерностям: общественного, или исторического развития, с одной стороны, и эволюции природной среды — с другой.

В идеале такой путь предполагает построение двух достаточно независимых исторических шкал: социальной и природной, с их последующей синхронизацией и поиском взаимных связей. Однако задача эта более сложна, чем кажется с первого взгляда. Этническая и хозяйственная история большинства народов Крайнего Севера может быть восстановлена в относительно достоверном виде лишь с появлением надежных письменных источников, т. е. за последние три — четыре столетия. Этот рубеж выглядит серьезным информационным барьером, который отделяет область догадок и реконструкций от реального «этнографического прошлого», вполне доступного для документального анализа и даже непосредственного полевого изучения.

Благодаря многолетним усилиям историков и этнографов этнокультурная динамика в тундровой зоне Евразии за последние 300—400 лет известна с достаточной подробностью. Введенный в этнографическую науку массив документальной исторической информации, который открывается русскими и западноевропейскими источниками XV — XVII вв., выглядит поистине впечатляющим. По своему богатству он намного превосходит имеющиеся документальные материалы по всем этническим группам Зарубежного Севера, кроме, возможно, эскимосов Западной Гренландии и Лабрадора и скандинавских саамов. Для обоих описанных

119

в предыдущих главах регионов арктической зоны Евразии — тундр Европейского Севера и Крайнего Северо-Востока Сибири — имеется несколько обстоятельных этноисторических монографий, суммирующих доступные письменные, этнографические, археологические и фольклорные источники¹. Благодаря им мы можем, пусть и с некоторыми пробелами, восстановить основные этапы культурно-хозяйственного развития всех трех выбранных народов — эскимосов, ненцев и чукчей, начиная примерно с XVI — XVII вв.

Двигаясь далее в глубь веков, мы вступаем в область арктической «доистории». Здесь нашими ориентирами становятся обобщенные палеоэтнографические реконструкции либо фрагментарные и порой весьма спорные археологические материалы, либо еще более дискуссионные методы палеолингвистического анализа. Линии этнокультурной эволюции арктических народов заполняются разрывами и пропусками, порой во много столетий. Хронологическая шкала становится все более зыбкой; но даже здесь мы можем проследить основные этапы развития аборигенных систем природопользования, что я попытаюсь показать читателю в последующих главах.

К сожалению, история природной среды, т. е. экологическая динамика, на Крайнем Севере Евразии за

последние столетия изучена несравненно слабее. Для этой территории нет пока сводных или региональных работ, сопоставимых с известной монографией К. Вибе об истории климата и животного мира Гренландии². Имеющиеся данные в большинстве слабо систематизированы и, как правило, не соотношены с основными этапами этнокультурной истории аборигенов Крайнего Севера.

Между тем все современные исследования природной среды Арктики свидетельствуют, что именно для этой области свойственна сильнейшая, возможно — максимальная на Земле изменчивость экологических условий. Наряду с общей биоклиматической экстремальностью эта особенность признается сейчас главной экологической чертой северной среды обитания³. Расположенные на краю эйкумены арктические и субарктические экосистемы крайне чувствительны к мельчайшим изменениям природных условий. Сложная климатическая цикличность, хрупкость всех биотических связей вызывали (и вызывают) здесь постоянную нестабильность биологических ресурсов: от подлинных, хотя и весьма кратковременных «взрывов» живого вещества до столь же резких биологических кризисов и массовых падений численности промысловых популяций.

Эта нестабильность биологических ресурсов — основы человеческого жизнеобеспечения в Арктике была особенно характерна для внутриконтинентальных тундровых экосистем с их относительно бедной видовой структурой и короткими пищевыми цепями. Но не менее остро она проявлялась порой и в прибрежных экосистемах, динамика которых определялась ежегодными приливами-миграциями морских млекопитающих, лососевых рыб,

колониальных видов птицы. Вступавший в такую систему связей человек поневоле становился свидетелем, а часто и жертвой этих бесконечных колебаний окружающей среды.

«История Гренландии, — как образно писал датский зоолог Ц. Вибе, — это бесконечная хроника периодов процветания и упадка, следовавших друг за другом в быстрой последовательности. Устные, как и письменные свидетельства последних веков и археологические находки последних 4 — 5 тысячелетий открывают одну и ту же картину: периоды процветания продолжительностью в несколько десятков, в крайнем случае — сотен лет неминуемо сменялись длительными периодами спада. И тогда отдельные поселения, части острова или вся Гренландия обезлю-девали и надолго оставались незаселенными. . . Климатические колебания периодически заставляли морских животных и птиц искать новые угодья. . . оставляя Человека позади, умирающим от голодной смерти»⁴.

В полной мере эта картина была справедлива для всей территории Арктики. Такой экологический фон создавал совершенно особые условия для развития аборигенных систем природопользования. Поэтому успешное и стабильное освоение человеком Крайнего Севера Евразии, от внутриконтинентальных лесотундр до островов и океанических побережий, было возможным лишь при использовании специфических форм хозяйственной, культурной и социальной адаптации. Но прежде чем обратиться к ним, мы должны заполнить существующие пробелы и восстановить, пусть в самых общих чертах, основные элементы экологической динамики в арктической зоне Евразии за доступный период времени.

Наилучшим образом эту динамику можно проследить по истории *изменения климата*. Это тем более важно, что ведущая роль климата в эволюции всей природной среды Арктики давно считается общепризнанной⁵. Затем по имеющимся источникам мы последовательно рассмотрим: повторяемость различных экстремальных природных явлений, ритмичность биологических процессов, т. е. колебания численности промысловых арктических животных, популяционные циклы домашних животных на Крайнем Севере. Так мы получим основные элементы природно-экологического фона, необходимые нам для реконструкции путей развития аборигенных форм природопользования.

Изменения климата Арктики. В настоящее время накоплено уже немало свидетельств о многократных и весьма заметных изменениях климата приполярной зоны Евразии за последние два тысячелетия. К сожалению, эти данные пока слабо систематизированы и не сведены в единую схему или систему региональных шкал, как сделано для ряда других территорий. Это объясняется недостаточной палеогеографической изученностью Сибирской Арктики, трудностью применения здесь обычных методов реконструкции климатов недавнего прошлого — использования пись-

121

менных документов и хроник, фольклорных источников, многослойных археологических памятников с точными датировками. Мало помогают здесь и употребляемые географами обобщенные схемы «новейших» изменений климата Арктики. Обычным для них интервалом является вся голоценовая эпоха, т. е. последние 12 тыс. лет, которые чаще всего делятся на четыре больших этапа: позднеледниковье, послеледниковье, голоценовый оптимум и современное похолодание, или на пять—семь более коротких периодов с округленными до тысячелетий подпериодами в соответствии с известной шкалой Блитта-Сернандера. Эти шкалы могут весьма удачно использоваться при археологических реконструкциях древней истории Арктики и прилегающих бореальных районов, но по своему уровню подробности они явно недостаточны для корреляции с

этнокультурной динамикой народов Крайнего Севера. Для ее поздних этапов, освещенных письменными источниками последних четырех-пяти столетий, несоответствие масштабов двух шкал: палеогеографической и этноисторической, становится очевидным. Здесь необходимы гораздо более детальные схемы изменений климата с интервалами периодов в столетия и даже десятилетия.

Трудности создания такой подробной климатической шкалы для обширной территории Арктической Евразии понятны не только профессионалам-географам. Последнее слово здесь будет принадлежать палеоклиматологам: им предстоит связать разнородные и противоречивые свидетельства из разных точек Арктики в единую, согласованную конструкцию. Пока же для целей нашего исследования нам необходимо опереться хотя бы на предварительную схему, составленную на основе доступного круга источников. Имеющиеся в ней лакуны отчасти можно заполнять сведениями по Зарубежной Арктике или корректировать более надежными данными об изменениях климата в умеренных широтах за последнее тысячелетие. Конечно, такой синтез — вынужденный прием, но при отсутствии других данных он остается единственно оправданным. Предлагаемая ниже схема описывает изменения климата арктической части Евразии за последнее тысячелетие (граф. 3). В ней выделяется 20 сравнительно коротких внутривековых периодов продолжительностью от 30 до 80 лет, для которых условно показаны два альтернативных состояния климата — потепление и похолодание. Информацию об изменениях других компонентов природной среды частично дают прилагаемые к основной шкале графики. Для характеристики периодов и определения их хронологических границ были использованы следующие источники.»

1. Исторические свидетельства о состоянии ледовитости и условиях плавания в евразийском секторе Арктики: для Баренцева и Карского морей они известны с XVI в.; для Северной Европы, Исландии и Гренландии — с X в.; для северо-востока Сибири — только с XVIII—XIX вв.⁷

122

2. Графики изменения скорости прироста деревьев (дендро-граммы) вдоль полярной границы леса, в зоне лесотундры и северной тайги: для севера Западной и Средней Сибири, норвежской Лапландии они охватывают период с XII в.; для Кольского п-ва — с XIV в.; для большинства других районов Северной Евразии — с XVI-XVII вв.⁸

3. Сведения об условиях лесовозобновления, динамике полярной границы леса и вертикального предела древесной растительности в горах Крайнего Севера: для Лапландии и севера Западной Сибири — обобщено с XII в.; для других районов Северной Евразии — с XVI-XVIII вв.⁹

4. Сведения о состоянии горного, материкового и подземного оледенения — графики изменений изотопно-геохимического состава ледников: для Полярного Урала и Скандинавии — с XVII в.; для ледников Шпицбергена и Северной Земли — с XI в.; для других районов Евразии — с XVIII—XIX вв.¹⁰

5. Сообщения письменных источников и результаты инструментальных наблюдений: для арктической части Евразии — с XVIII—XIX вв., для сопредельных территорий (Русский Север, Скандинавия) — с XV—XVI вв.; для Гренландии — с начала XVIII в."

Возникает, разумеется, немало трудностей при соединении и корректировке подобных материалов. Но для нас важен главный вывод: в последнем тысячелетии климат и в целом экологическая обстановка в арктической части Евразии не оставались стабильными и испытывали регулярные, достаточно заметные колебания. Эти колебания были порой явно ощутимы в пределах одной человеческой жизни и потому могли закрепляться в устной традиции. Значит, коренные обитатели тундр и побережий Северной Евразии были свидетелями происходившей на их глазах постоянной перестройки природной среды.

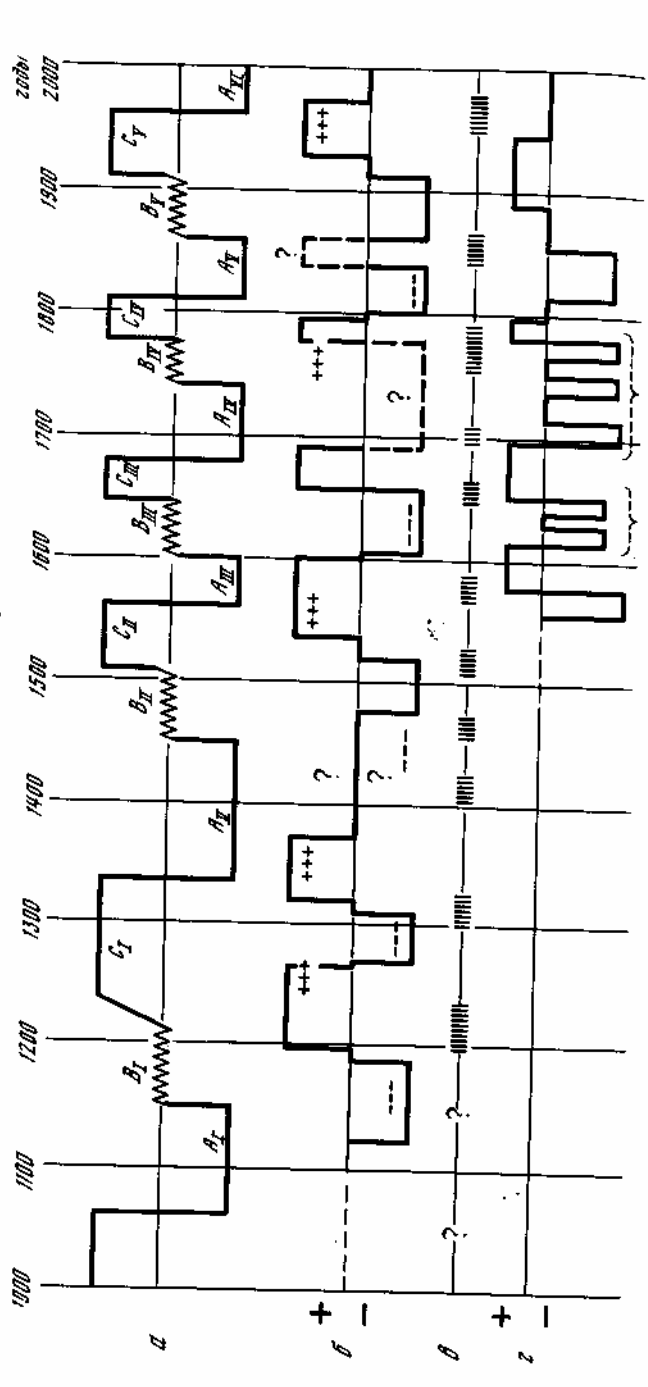
Достаточно надежной предлагаемую схему изменений климата мы можем считать для последних четырех-пяти столетий, т. е. для времени, хорошо отраженного в письменных источниках.

Конечно, такая схема как любая генерализованная шкала не способна отметить все локальные климатические сдвиги на огромных пространствах тундр Евразии от Кольского п-ва до Чукотки. Давно установлено, что наступление одних и тех же климатических фаз в разных районах Арктики не было синхронным, причем наибольшие расхождения (асинхронность) отмечались между крайними точками Евразии — Европейским Заполярьем и Северо-Востоком Сибири¹².

Предлагаемая шкала в большей мере отражает условия западного и отчасти центрального секторов Евразийской Арктики; ее применение для Северо-Востока Сибири должно корректироваться историческими свидетельствами или дополнительными источниками (см. табл.

25). Выделенные климатические интервалы в пределах первой половины нашего тысячелетия более условны, и здесь надежнее оперировать крупными климатическими фазами — вековыми и 123

График 3. Изменения природной среды Арктики в текущем тысячелетии
a — схема изменения климата Гренландии по К. Вибе (Vibe, 1967); *A* — фазы сухого, холодного и стабильного климата; *B* — фазы нестабильного влажного климата с высокой ледовитостью; *C* — фазы потепления климата и таяния льдов; *b* — периоды наступления (+) леса на тундру (по: Швятов, 1979); с максимулов (+ + +) и минимумов (— — —) прироста деревьев на северной границе леса в Евразии (Швятов, 1975); *e* — периоды возобновления леса на южной границе тундры в Лашландии (по: Lamb, 1977), совпадают с фазами потепления и увлажнения климата; *z* — периоды повышенного (+) и пониженного (—) прироста хвойных деревьев на северной границе леса в Ев-

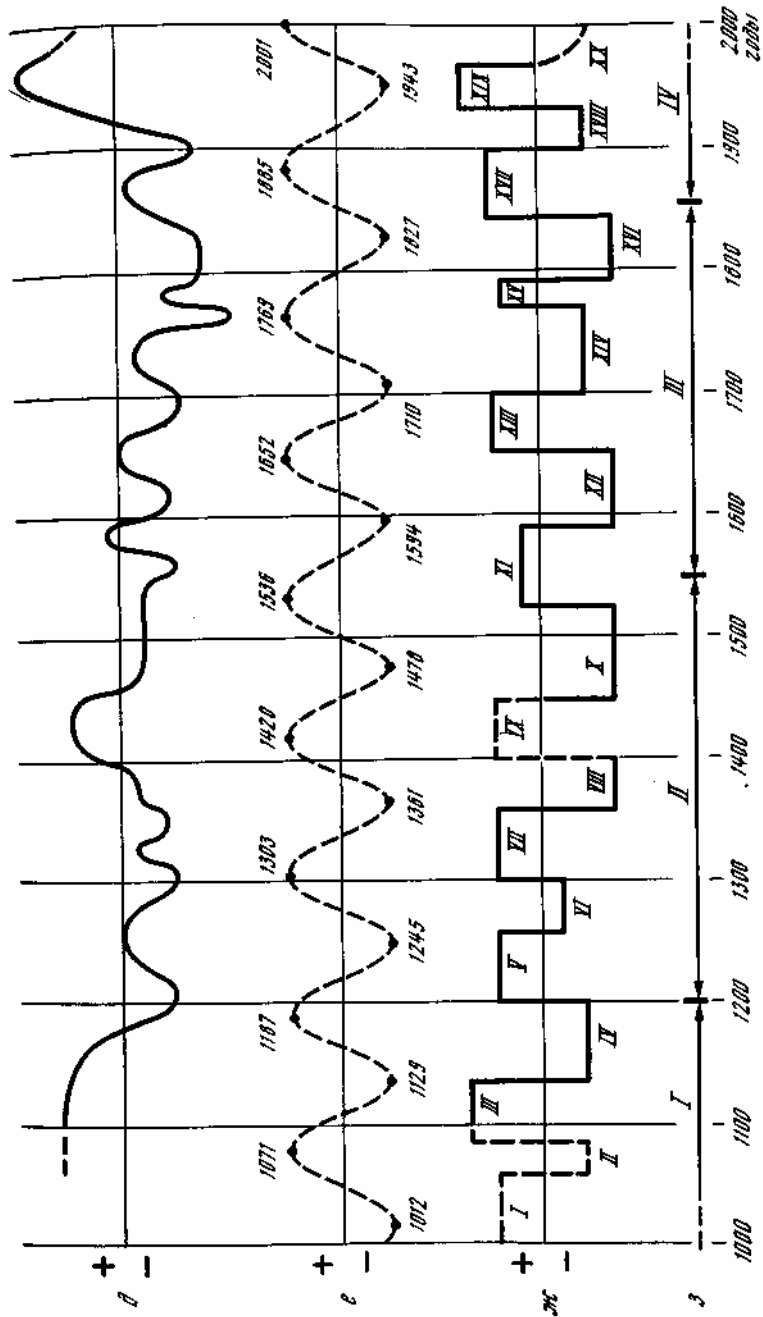

Таблица 25. Сопоставимость внутривековых изменений климата в западном, центральном и восточном секторах Евразийской Арктики * (1720—1975 гг.) (по аномалиям прироста деревьев на северной границе леса — Ловелиус, 1979)

Годы	№ периода, см. график 3	Западный сектор	Центральный сектор	Восточный сектор	Годы	№ периода, см. график 3	Западный сектор	Центральный сектор	Восточный сектор
1720—1729		—	—	—	1830—1839		+	+	—
1730—1739		—	—	—	1840—1849		—	—	+
1740—1749	XIV	+	+	—	1850—1859		—	+	—
1750—1759		—	—	—	1860—1869	XVII	+	—	+
1760—1769		—	—	—	1870—1879		—	+	—
1770—1779		+	+	—	1880—1889		+	—	—
1780—1789	XV	+	—	+	1890—1899		+	+	+
1790—1799		—	—	—	1900—1909		+	—	—
1800—1809		—	—	—	1910—1919	XVIII	—	+	+
1810—1819	XVI	+	—	+	1920—1929		—	—	+
1820—1829		—	—	+	1930—1939		—	—	—
					1940—1949	XIX	+	+	—
					1950—1959		—	—	—
					1960—1969	XX	+	+	+
					1970—		+	+	+

(+) — положительные аномалии; (—) — отрицательные аномалии.

* Опорные точки (Ловелиус, 1979): Западный сектор — Мурманск, Архангельск, Нарьян-Мар, Надым; Центральный сектор — Погалоно, Хатанга (Красноярский край), Булуя (Якутская АССР); Восточный сектор — Чекурдах, Черский (Якутская АССР), Марково (Чукотский АО).

сверхвековыми. В целом эпоху с IX—X до конца XII в. нужно считать временем значительного общего потепления Арктики — оно получило название «малый» или «средневековый климатический оптимум». В XIII—XV вв. климатические условия значительно ухудшились; это время нестабильности и быстрой перестройки природной среды считается переходным к следующей фазе длительного похолодания Арктики (с XVI по середину XIX в.), известной как «малый ледниковый период». Улучшение климата с середины прошлого века принято именовать «современным потеплением» Арктики. Эти основные климатические фазы последнего тысячелетия были характерны для всей арктической области¹³.

Предлагаемая шкала и в некоторых частных деталях хорошо коррелирует с имеющимися схемами изменений климата Гренландии, Скандинавии, Баффиновой Земли, Аляски и других частей Зарубежной Арктики¹⁴. Это создает основу для более широких, общеплярных реконструкций и сопоставления основных этапов культурно-хозяйственной истории всего населения Арктической области.

Анализируя ход изменений климата, многие авторы выделяют в различных районах Арктики климатические или связанные с ними природные циклы разной продолжительности: длительностью в 5-6, 11, 22, 30-50, 50-60, 80-90, 160-180, 250-300

126

и более лет¹⁵. Сходные циклы, как известно, отмечаются также на сопредельных территориях и во многих других регионах мира. В таком случае предлагаемая шкала (табл. 25) отражает прежде всего средние по продолжительности изменения климата: внутри-вековые (в 30 — 50 и 50 — 60 лет) или кратные им — в 80—120, 160—180 лет. Более кратковременные колебания при таком историческом масштабе не фиксируются и связанные с ними природные изменения рассматриваются ниже.

Очень важно оценить степень изменения экологической обстановки в Арктике в ходе климатических циклов разной продолжительности. Инструментальные наблюдения последних двух столетий и палеогеографические реконструкции показывают, что изменения среднегодовых температур могли составлять 2—3° для больших циклов (1800-, 900- и даже 250—300-летних) и 1 — 2° — для средних и малых (50—60, 80—120 лет и др.)¹. При этом существенно сдвигались границы основных фенологических сезонов, сроки вскрытия и замерзания рек, менялся уровень ледо-витости арктических морей. В периоды больших потеплений полярная граница леса продвигалась на 100—150 км к северу, сокращая площадь тундровой зоны. В периоды похолоданий наблюдалась обратная картина.

Наиболее резкая перестройка всей природной среды Арктики наблюдалась в эпоху большого потепления (голоценового климатического оптимума) около 5—6 тыс. лет назад. Тогда среднегодовая температура была выше современной на 3—5°; границы всех растительных зон

сдвинулись к северу на 200—400 км, так что участки леса на Таймыре доходили почти до крайней северной точки Евразии — мыса Челюскин. Собственно зона тундры сохранялась лишь узкой, разорванной полосой вдоль побережья Северо-Восточной Сибири¹⁷. Эту эпоху мы можем рассматривать как своеобразную модель для реконструкции экологических изменений в периоды потеплений последнего тысячелетия, пусть даже не столь значительных по своим масштабам. Подобные климатические сдвиги оказывали огромное влияние на ход биологических процессов в северных экосистемах, определяя обилие и темпы воспроизводства используемых человеком промысловых ресурсов. Итогом неизбежно были глубокие преобразования в жизнеобеспечении и системах природопользования аборигенных коллективов.

Экстремальные природные явления. Периодическая повторяемость экстремальных природных явлений в различных районах мира: суровых зим, засух, наводнений, бурь, сильных штормов — была отмечена и проанализирована на большом статистическом материале еще в XIX—первой половине XX в.,¹⁸ В начале нашего столетия русский климатолог М. А. Боголепов установил по данным русских летописей и западноевропейских хроник XI — XVII вв. сложную систему 5—6-, 11- и 33-летних циклов «возмущений» климата, т. е. периодов особой неустойчивости погод-

ных условий¹⁹. К сожалению, для территории Арктики сопоставимые источники отсутствуют или пока не введены в научный оборот. По большинству районов мы располагаем лишь разрозненными свидетельствами начиная с конца XVIII — первой половины XIX в., которые еще требуют отбора и систематизации.

Между тем сама возможность регулярной повторяемости экстремальных природных явлений в Арктике не подлежит сомнению. На сопредельных территориях с гораздо более благоприятными условиями, например на севере или в центре Русской равнины, в каждом из последних столетий отмечены *десятки* необычных явлений природы — засух, бурь, пожаров, особо суровых зим. Есть все основания полагать, что на Крайнем Севере частота подобных экологических «нарушений» могла быть еще большей. Здесь я ограничусь лишь наиболее яркими примерами, оперируя преимущественно сведениями по Европейскому Северу и Крайнему Северо-Востоку Сибири, а также некоторым сопредельным территориям.

Суровые, многоснежные зимы. Установлено, что особо холодные снежные зимы повторяются на Русской равнине, как правило, через 3—5 лет, на юге Западной Сибири и в Казахстане — через 10—12 лет²⁰. Для интересующих нас районов Крайнего Севера известны единичные упоминания о суровых, многоснежных зимах — например, в 1894/95 г. на Колыме, в 1896 г. на Камчатке, в 1909/10 г. в Больнеземельской тундре.²¹ Правда, по данным о длительности стояния ледового покрова на Северной Двине у Архангельска с середины XVIII в. устанавливается хорошо заметная 10—12-летняя периодичность лет, или интервалов с холодными зимами. В XX в. это были: 1903 — 1905, 1915 — 1918, 1929-1932, 1943-1945, 1958-1960 гг. Близкий 11-летний цикл аномально низких январских температур отмечен для Кольского п-ова за 1880—1960 гг.; в Западной Гренландии известен еще и половинный, 4—6-летний цикл особенно суровых зим²².

Важным, хотя и косвенным источником для реконструкции повторяемости особо суровых зим на Крайнем Севере Евразии могут служить сведения об обилии льдов и условиях летней навигации в Арктике. Еще в 1595 г. русские промышленники в Карском море сообщили голландским мореплавателям экспедиции В. Баренца, что количество льдов в проливах вокруг Новой Земли различается год от года и неблагоприятные условия навигации объясняются суровостью предыдущей зимы²³. При совпадении двух суровых зим подряд ледовая обстановка в Карском море на третий год становилась исключительно неблагоприятной для судоходства.

Исторические свидетельства о состоянии ледовитости Карского моря тщательно систематизированы начиная с XVI в. За наиболее полно освещенный источниками период 1860 — 1950 гг. здесь известно 9 многолетних подъемов ледовитости, которые скорее всего можно связывать с сериями особо суровых зим: около 1862 г., в 1871-1873, 1882-1886, 1891-1892, 1902-1903, около 1912,

128

1925—1928, 1934 — 1935, 1944 — 1946 гг. Как видно, такие серии холодных зим устойчиво повторяются через 8—10 лет. Аналогичные подъемы ледовитости отмечены и в других северных морях: в Чукотском — через 14 лет, Восточно-Сибирском — через 11 лет, в море Лаптевых — через 9 лет; хотя исторические свидетельства здесь более фрагментарны и ограничены.

Интересно, что местная периодичность суровых зим может, по-видимому, складываться с более крупными фазами похолодания Арктики. Результатом этого могли быть отмеченные в источниках исключительные по своей суровости зимы (на Европейском Севере — 1643, 1764/65, 1847 гг.) или же продолжительные периоды очень высокой ледовитости, которые повторялись, например на Карском море в среднем через столетие: в 1620-е, 1730-е, 1820-е и конце 1910-х — начале 1920-х годов²⁵.

Более подробные сведения можно собрать о периодичности *зимних гололедиц*. Известно, что для всех видов арктических животных зимние потепления и гололедицы намного опаснее экстремально холодных температур. Поэтому в теплые, неустойчивые зимы обычно наблюдается массовая гибель диких копытных и зимующих в Арктике видов птиц.

Особенно подвержены гололедицам западная и восточная оконечности Северной Евразии — тундры Европейского Севера и Чукотского п-ова, а также арктические острова и морские побережья. Все же особо сильные гололедицы, охватывающие территории в десятки тысяч квадратных километров, происходят с определенной регулярностью. Так, на о. Колгуев они наблюдались в 1911 — 1912, 1920—1921 и 1931 — 1933 гг.; на северо-востоке Большеземельской тундры, в районе Усть-Кары — в 1947, 1960 и 1971 гг.; на Новой Земле — в 1899—1900 и 1917—1918 гг.²⁶, т. е. либо через 10—12, либо через 20—25 лет. По всей вероятности, они связаны с климатическими циклами соответствующей продолжительности.

При совпадении нескольких климатических циклов зимние гололедицы могут в отдельные годы приобретать катастрофический характер. Оленеводы Большеземельской тундры вспоминают три периода очень сильных гололедиц, повторившихся примерно через двадцать лет: в начале 1930-х, 1950-х и 1970-х годов. На Чукотском п-ове сильные гололедицы наблюдались в начале 1920-х, конце 40-х и начале 70-х годов, т. е. в среднем через 25 лет.

Данные о повторяемости экстремально *жарких лет* на Крайнем Севере единичны. Известно, например, что летом 1887 г. в низовьях Печоры или в 1931 г. в Малоземельской тундре температура поднималась до 30° и более. На северо-востоке Большеземельской тундры июльские максимумы +29 — 30° С наблюдались в 1943, 1954, 1957, 1963 и 1974 гг., или опять же в среднем с 10—12-летней регулярностью²⁷. Существуют, видимо, и более короткие циклы максимумов летних температур: 5—6-летние и даже 3-летние, которые фиксируются по низкой ледовитости северных морей.

9 И. И. Крупник

129

Так, полное отсутствие льдов в Карском море было отмечено летом 1920, 1923 . . . 1929, 1932, 1935, 1938, 1941 и 1943 гг.²⁸

Еще одним указанием на повторяемость жарких лет может служить периодичность *пожаров*, возникающих в тундре, лесотундре и северной тайге в особо засушливые годы. Летние пожары могут начинаться даже без всякого влияния человека: в Канадской Арктике описан почвенный горизонт со следами страшных пожаров, датируемый серединой II тысячелетия до н. э. Он известен на всем пространстве от Аляски до Гренландии и связывается

с периодом резкого потепления климата .

33-летняя периодичность больших пожаров на Русской равнине была установлена по данным летописей XVI—XVII вв. М. А. Бого-леповым. Для северной части таежной и лесотундровой зон, по-видимому, более характерна 20-летняя периодичность крупных пожаров, которые повторялись на Аляске в 1871, 1891, 1910 . . . 1947 и 1969 гг.; в низовьях Оби — в 1826, конце 1840-х и 1867 гг.; на севере Архангельской области — в 1614, 1647, 1668, 1688—1690, 1710, 1735, 1756, 1790, 1800, 1825, 1840, 1860, 1877, 1899, 1920 гг.³⁰ За последние два—три столетия на севере Евразии было отмечено несколько катастрофических пожаров, охвативших территории в сотни тысяч квадратных километров (в лесотундре к востоку от Колымы в 1776 г., в бассейне нижнего Енисея и далее на восток вплоть до междуречья Лены и Индигирки в 1859 г.; на всем пространстве севера таежной зоны в середине 1730-х, середине 1930-х, начале 1970-х годов)³¹.

Более отрывочны сведения о повторяемости экстремально *холодных летних месяцев*. Так, на северо-востоке Большеземельской тундры годы с устойчивыми летними заморозками (июльский минимум ниже — 1,5 °С) повторялись группами через 8—10 лет: в 1947, 1948 и 1949; 1959 и 1960; 1968 и 1970 гг.³² Аналогичные группы холодных лет известны и на Чукотке (в начале 1920-х и особенно в начале 1960-х годов). Они сопровождалась большим количеством льдов в летние месяцы, холодными ветрами, штормами, резким ухудшением условий охоты.

Местному населению издавна были знакомы и более короткие колебания летних температур, связанные с малыми циклами ледовитости арктических морей, — трех- или четырех — пятилетние. «По словам чукчей, сидящих у мыса Шелагского, в состоянии льдов здесь наблюдается известная периодичность: каждые четыре года (по другому сообщению — пять лет) льды приваливают к берегу, а затем наступает период, когда они отходят»³³. И хотя регулярность летнего прихода льдов неодинакова в разных частях Арктики, существование такой периодичности, по-видимому, реальный факт для многих районов Крайнего Севера³⁴.

Уже первая систематизация источников выявляет определенную повторяемость экстремальных природных явлений, выделяющихся даже на фоне общих суровых погодных условий Арктики. В отдельные годы эти ритмы «возмущений климата» могли складываться и тогда частота и интенсивность нарушений привычного

режима погоды резко усиливались. Такие наложения особо опасных явлений природы отмечались по средневековым летописям и хроникам на Русской равнине, побережье Северного моря, в ДРУ^{ГИХ} частях Западной Европы. Разумеется, они должны были наблюдаться и в Арктике.

В качестве примера можно привести период 1921—1926 гг. на Чукотском п-ове. Побережье и внутренние районы Чукотки были охвачены тогда сильнейшими гололедицами, от которых гибли стада домашних оленей. И на морском берегу из-за обилия льдов, сильных ветров, штормов охота на морского зверя в сезоны 1922, 1923 и 1925 гг. была неудачной. Незадолго до этого, около 1915 г., катастрофические осенние штормы почти разрушили поселок Унгазик на мысу Чаплина, так что часть его жителей, бросив свои жилища, рассеялась по всему юго-восточному побережью Чукотки вплоть до устья Анадыря и о. Святого Лаврентия³⁵.

Очевидно, подобные периоды в истории Арктики были не столь уж редким явлением. Они должны быть отмечены в источниках, фольклоре, устной традиции местного населения. В 1975 г. я записал в поселке Сиреники фольклорный текст, повествующий о массовой гибели предков сиреникцев в результате шторма, унесшего в море на льдинах всех взрослых мужчин-охотников. Сюжеты стихийных бедствий достаточно популярны в эскимосском фольклоре и несомненно отражают реальное восприятие жителями Севера своей крайне неустойчивой среды обитания.

Колебания численности животных. Ритмичность биологических процессов, т. е. периодические изменения численности животных и прироста растений, — характерная черта общей организации живой природы. С исключительной яркостью она проявляется и в экосистемах Крайнего Севера. Литература о колебаниях численности промысловых животных Арктики и Субарктики огромна, и нет возможности изложить ее на нескольких страницах, не перегружая читателя. Поэтому я ограничусь максимально краткими очерками по основным промысловым видам евразийской Арктики, игравшим в прошлом ключевую роль в жизнеобеспечении местного населения.

Наиболее важным промысловым животным Арктики всегда был *дикий северный олень* (*Rangifer tarandus*). Охота на него известна с глубокой древности, однако ее продуктивность определялась своеобразной популяционной динамикой этого вида с его очень резкими подъемами и спадами численности и колебаниями ареала.

Сведения об изменениях численности диких оленей на севере Евразии обильны, хотя слабо систематизированы. Массовая гибель животных не раз наблюдалась, например, в результате экстремально суровых, многоснежных зим, катастрофических гололедиц или эпизоотии³⁶. Русский священник-миссионер А. Аргентов в середине XIX в. встретил в долине р. Анюй на северо-западе Чукотки «целые поляны», усеянные костями погибших от эпизоотии животных³⁷.

131

Некоторые авторы устанавливают для популяций дикого оленя достаточно регулярные 10-(10—15)- или 20-летние циклы численности и связывают их со сроками восстановления ягеля или периодическими колебаниями климата³⁸. Еще отчетливее проявляются для дикого оленя более крупные, внутривековые циклы продолжительностью в 50—90 лет. Они подробно описаны К. Вибе для Западной Гренландии, где периоды максимума численности оленьих стад пришлись на 1720—1740, 1830—1840, 1910—1920 и 1960-е годы, совпадая с фазами сухого и холодного климата.

Соответственно минимумы численности оленей 1760—1810, 1860—1900, 1920—1950 гг.) К. Вибе связывает с эпохами потепления и общей неустойчивости климата Гренландии³⁹. Популяционные колебания с периодичностью в 60—90 лет отмечены и для стад дикого северного оленя на Аляске, в Канадской Арктике⁴⁰. Близкую динамику мы вправе ожидать и в тундрах Северной Евразии.

Для одного из интересующих нас районов — Крайнего Северо-Востока Сибири внутривековые циклы численности диких северных оленей восстанавливаются по источникам почти за три с половиной столетия. К моменту появления русских на Северо-Востоке в середине XVII в. поголовье диких оленей было, очевидно, немногочисленным⁴¹. Оно резко увеличилось в первой половине XVIII в. и оставалось высоким вплоть до начала XIX в. К 1810—1820-м годам относятся первые сообщения о внезапных «недоходах» стад диких оленей на Колыме. Но затем поголовье восстановилось, и массовая добыча животных местными жителями опять стала обычным явлением.

Новое сокращение численности диких оленей на Колыме стало ощущаться с 1840-х годов, а уже в 1860-е годы массовые переправы оленьих стад через р. Колыму и ее притоки во время сезонных миграций (так называемые «плави») полностью прекратились. Олени были еще обильны в бассейне Анадыря, но и здесь неоднократно наблюдались случаи «недохода» животных, обрекавшие на голод местное население (в 1877, 1889 и 1894 гг.). Положение изменилось с середины 1890-х годов, когда поголовье диких оленей на северо-востоке вновь стало быстро увеличиваться. Тогда же возобновилась регулярная охота на «плавах» в низовьях Колымы и среднем Анадыре, устойчиво сохранявшаяся до 1905—1910 гг. Затем опять последовало очень резкое сокращение численности животных, когда от крупных многотысячных популяций внезапно остались разрозненные группировки в десятки—сотни голов. Эти осколки прежних стад просуществовали до 1950—1960-х годов и затем снова с,тали

увеличиваться⁴².

Свидетельства подобных колебаний численности диких оленей известны и для других частей тундровой и лесотундровой зон Евразии: севера Якутии, Корякин, Таймыра, Западной Сибири, Кольского п-ова.⁴³ К сожалению, они недостаточно полны, чтобы с уверенностью синхронизировать популяционные циклы на всем пространстве арктической области. Все же представляется возмож-

132

ным говорить о периодах высокой численности дикого северного оленя в Евразии и о периодах, неблагоприятных для этого вида, когда его численность и ареал стремительно сокращались (как было, скажем, во второй половине XIX или во второй четверти XX в.). Совпадение этих периодов соответственно с фазами похолодания и потепления климата Арктики на большей части ареала дикого оленя как в Евразии, так и в Северной Америке выглядит вполне обоснованным.

Специально хотелось бы отметить, что при общем сокращении поголовья диких оленей в Арктике за последние 200 — 300 лет в результате развития оленеводства и увеличения охотничьего промысла, *периодичность* популяционных циклов во многих районах не связана непосредственно с интенсивностью истребления оленя человеком⁴⁴. Лучший пример здесь — нынешнее увеличение численности дикого оленя на севере Средней Сибири, где только таймырская популяция «дикаря» возросла в 60 — 70-е годы до 575 тыс. голов, несмотря на активное хозяйственное освоение территории и резко возросший отстрел животных⁴⁶.

Наконец, имеются отрывочные свидетельства существования еще более продолжительных, многовековых колебаний численности диких оленей в Арктике. Они известны для Гренландии, островов Канадского архипелага, севера Западной Сибири, внутренних районов Аляски⁴⁶. В двух последних случаях речь идет о заметном сокращении стад диких оленей на большой территории в конце I — начале II тысячелетия н. э., в период потепления «малого климатического оптимума». Несколько лучше известна историческая динамика численности и ареала *лося* (*Alces alces*) — другого важнейшего промыслового вида Северной Евразии. У лося циклические колебания продолжительностью в 60—90 лет выражены даже четче, чем у северного оленя. Так, в лесной зоне Европейской России периоды высокой численности лосей наблюдались во второй половине XVIII в., в 1850 — 1880 и 1940—1960-е годы, чередуясь с резкими спадами популяции в первой половине XIX в. и в 1890 — 1920-е годы, когда звери полностью исчезали на огромных территориях⁴⁷.

В пределах арктической полосы Евразии циклы численности лося лучше всего восстанавливаются опять-таки на Крайнем Северо-Востоке Сибири. Во второй половине XVIII в. лоси были повсеместно обильны в тундре и лесотундре вплоть до устья Колымы, водораздела Малого Анюя и Чауна, среднего течения Анадыря и Пенжины. Начиная с 1810-х годов их численность стала быстро уменьшаться, и в 1820 — 1830-е годы добыча лося в Колымском крае считалась большой редкостью. Звери вновь появились в низовьях Колымы в середине XIX в.; но затем опять последовало резкое сокращение их ареала, так что к концу XIX в. лоси совершенно исчезли в бассейнах нижней Колымы, Анадыря, Гижиги и Пенжины. Восстановление популяции началось в первые десятилетия XX в., и к 1960-м годам лоси вновь заселили свой

133

прежний ареал и даже вышли к побережью Северного Ледовитого океана и Охотского моря, т. е. достигли границ в период максимума второй половины XVIII в.⁴⁸

В других районах севера Евразии расширение ареала лося в зону тундры и лесотундры после популяционного спада конца XIX — начала XX в. было еще более заметным. Если в конце прошлого века охотники северной Карелии и Кольского п-ова практически не встречали лосей, то уже в 1930-е годы животные продвинулись на север на 500 км и стали регулярно выходить к побережью Баренцева моря. До 1940 г. лосей не было и на территории Ненецкого округа, а в 50—60-е годы они уже освоили всю зону восточноевропейской тундры до берегов Ледовитого океана. На левобережье нижнего Енисея в 1950—1960-е годы лоси продвинулись к северу на 450—500 км, до 67 — 68° с. ш., заселив огромные пространства, где их не было со второй половины XIX в.

Расширение ареала и увеличение численности лосей со второй четверти XX в. происходило также на Аляске, где лоси стали появляться у берегов Северного Ледовитого океана, и в скандинавских странах⁵⁰. По-видимому, крупные популяционные циклы у лося развиваются достаточно синхронно в разных частях Арктики и охватывают обширные, не связанные между собой ареалы. Периоды подъема популяции лося на севере Евразии в конце XVII в., во второй половине XVIII в., в 1850 — 1880-е и в 1930—1960-е годы хорошо совпадают с фазами потепления климата Арктики. В такие периоды лоси активно заселяли лесотундровую и даже тундровую зону вплоть до 72 — 73° с. ш., выходя на очень широком фронте к побережью Северного Ледовитого океана⁵¹.

Вероятно, к предшествующим эпохам древних потеплений можно относить находки костей лося на Новосибирских островах, на Оленеостровском могильнике в Кольском заливе и в исторических

слоях на мысе Шмидта на севере Чукотки⁵². В этом отношении лось и северного оленя надо считать животными-«антагонистами»: экологические условия, благоприятные для оленя, являются неблагоприятными для лося и наоборот. В отличие от оленей лоси очень плохо переносят холодные многоснежные зимы, зато быстро увеличивают свою численность и ареал в теплые годы и особенно после лесных пожаров⁵³.

Такие же взаимоотношения связывают представителей двух важнейших пушных видов Крайнего Севера — *песца* и *лисицу*. Периодические колебания численности обоих видов были описаны еще в первые десятилетия XX в.; их традиционно связывают с циклами основной добычи хищников — лемминга (для песца), полевки и зайца-беляка (для лисицы). Известно, что «урожаи» леммингов в тундре регулярно повторяются через три — четыре года⁵⁴. Пики численности песца имеют ту же периодичность, но приходятся обычно на следующий год после максимума леммингов. Помимо 3—4- и 10—12-летних циклов для обоих видов характерны, очевидно, и более крупные 20—30-летние колебания, которые охватывают обширные регионы⁵⁵.

134

В период потепления климата Арктики лисица, как и лось, быстро распространяется на север, в зону тундры. При этом она активно вытесняет песца и даже занимает его норы⁵. Напротив, песец, подобно дикому северному оленю, процветает в холодные климатические фазы, благоприятные для более северных, собственно арктических видов.

Резкие колебания численности известны и для других пушных зверей Арктики. У *зайцев*, например, периодические вспышки популяции чередуются с катастрофическими эпизоотиями («заячьими морами»). Продолжительность такого цикла составляет в разных районах от 8 до 12 лет; поэтому многие авторы связывают его либо с 11-летним ритмом солнечной активности, либо с примерно такой же повторяемостью экстремально холодных и сырых летних месяцев, благоприятных для развития эпизоотии. По пушным заготовкам на севере Якутии устанавливается трехлетняя периодичность пиков численности *горностая*. На северо-востоке Сибири отмечены периодические «набеги» *волков*, повторяющиеся в среднем через 20 лет (на Колыме и Анадыре — в 1820-е . . . 1860-е, 1880-е годы, в самом начале XX в., в начале 1920-х и середине 1930-х годов)⁵⁸. Наконец, имеются разрозненные сведения о колебаниях численности *бурых медведей*, которые в отдельные годы заходят далеко в глубь тундры вплоть до берегов Ледовитого океана. Возможно, эти заходы связаны с периодическими 9—12-летними максимумами животных в более южных

бореальных районах

Такая же изменчивость характерна и для популяций *водоплавающих и морских колониальных птиц* в тундровой зоне Евразии. В разных районах Арктики отмечаются резкие подъемы и спады птичьих базаров, ежегодных скоплений линной птицы, изменения ареалов гнездований⁶⁰. Их связывают обычно с колебаниями погодных условий в период кладки и гнездования или с эпизоотиями. Для Западной Гренландии К. Вибе установил достаточно четкий 25—30-летний цикл популяции обыкновенной гаги (*Somateria mollissima*) с подъемами численности около 1805, 1830, 1855, 1885 и 1925 гг., разделенными резкими спадами⁶¹.

Более регулярный характер имеют колебания численности *внутриконтинентальных тундровых птиц*. На Европейском Севере давно отмечены периодические «урожаи» белой куропатки, повторяющиеся в среднем через 10—12 лет. Они чередовались с катастрофическими спадами, которые порой принимали облик массовой гибели огромных птичьих стай в океане — в середине 1880-х, конце 1890-х, в 1906 — 1907 и 1916 гг.⁶² Примерно такую же 10—12-летнюю периодичность имеют циклы белой куропатки в бассейне Анадыря, в Канадской Арктике, Исландии и Гренландии⁶³. У *хищных тундровых птиц* (полярных сов, канюков и др.) описаны 3—4- и 10-летние колебания, связанные с популяционными циклами их основной добычи — леммингов, полевок и зайцев. Промысловым птицам лесотундры и северотаежной зоны — *серой куропатке*, *глухарю*, *тетереву* — свойственны 6 — 10-летние циклы

135

с популяционными спадами в экстремально суровые зимы или в годы с катастрофическими заморозками в период гнездования⁶⁴.

Отчетливо выражена в Арктике и популяционная динамика промысловых видов *морских млекопитающих*. Считается, что для морских животных с их относительно медленными темпами размножения и высокой продолжительностью жизни не характерны малые циклы численности в 5—6 или 10—12 лет. Но, как показывают многолетние наблюдения местных охотников и статистика промысла, в добыче морского зверя существуют очень заметные колебания. Они определяются погодными

условиями каждого промыслового сезона, и в первую очередь сроками начала охоты, возможностью выходов в море, обилием животных в осваиваемой прибрежной зоне. На Чукотке, например, в годы с длительным ледовым покровом или частыми летними штормами, сильными ветрами охота на морского зверя всегда бывает неудачной.

Резкие годовые колебания добычи гренландских китов, моржей, различных видов тюленей и даже белых медведей местными охотниками отмечены во многих районах Арктики⁶⁵. И все же надежнее для морских животных реконструируются длительные изменения («пульсации») их ареалов, связанные с климатическими циклами средней и многовековой продолжительности. В эпохи потепления Арктики обычно происходит сдвиг миграционных путей морских млекопитающих на север, в более холодные воды, а в эпохи похолодания — подобное же смещение их на юг, в субарктические широты. Подробнее всего такие циклы были описаны К. Вибе для Гренландии, где выявляются своего рода «волны обилия» разных видов морской промысловой фауны⁶⁶. Они как бы периодически пульсируют с севера на юг, двигаясь вдоль побережья в зависимости от ледовой обстановки и климатических условий. Многие археологи успешно воспользовались этой схемой для реконструкции многовековой динамики условий аборигенного промысла в других районах Арктики — у берегов Северной Аляски, п-ова Лабрадор, островов Канадского Арктического архипелага (см. далее главу 6). Скорее всего близкая динамика складывалась и в основных центрах аборигенного приморского хозяйства на севере Евразии, в первую очередь на побережье Баренцева и Карского морей и у берегов Чукотского п-ова. Такие же изменения характерны и для популяций основных видов *промысловых рыб* Крайнего Севера. В эпохи потепления Арктики ареалы более теплолюбивых видов сдвигаются далеко на север. Так, в 1930-е годы у берегов Гренландии появилась неизвестная здесь ранее сельдь, а треска, обитавшая в начале XX в. лишь у южной оконечности острова, поднялась до 72° с. ш. Та же картина наблюдалась в Баренцевом и Белом морях, северной части Тихого океана. Но с началом похолодания в 40—50-е годы теплолюбивые виды отступили к югу, зато в больших количествах вновь появились холодноводные треска, сайка, мойва. Парал-

136

I

дельно в Гренландии стали расти и уловы лосося, а в 60-е годы возобновились угасшие с конца XIX в. лососевые промыслы у берегов Северной Норвегии и Фарерских островов⁶⁷.

Аналогичные колебания восстанавливаются по источникам по крайней мере с XVIII—XIX вв. Они происходят на фоне более коротких 4- и 8—12-летних циклов важнейших промысловых рыб, которые известны во многих районах Евразийской Арктики: на Кольском п-ове, севере Камчатки, в бассейнах Колымы и Анадыря. На Колыме, например, катастрофические¹ недоходы рыбы наблюдались в 1810-1813, 1821-1822, 1829-1831, 1844-1845, 1850-1854 . . . 1905 и 1911-1916 гг., на Анадыре - в 1867, 1877 и 1888 гг.⁶⁸ Есть все основания полагать, что этот биологический «маятник» действует в Арктике с незапамятного времени. Список примеров подобных колебаний арктической фауны можно продолжить на многих страницах. Но и приведенных фактов, на мой взгляд, достаточно, чтобы ощутить постоянный динамизм биотической среды Крайнего Севера. Ее непрерывные изменения выглядят результатом сложной системы биологических пульсаций разной продолжительности, из которых важнейшими являются циклы в 3—5, 10—12, 20—25 и 50—80 лет. Поскольку колебания численности многих животных тесно связаны между собой, совпадения популяционных циклов нескольких видов приводят порой к подлинным «взрывам» животного мира тундры и изобилию промысловых ресурсов. Но точно так же совпадения нескольких популяционных минимумов могут вызывать регулярные биологические кризисы и массовую гибель одновременно многих промысловых животных.

Такие «кризисы жизни» известны в ряде районов Крайнего Севера. Н. Л. Гондатти, например, описал по воспоминаниям местных старожиллов гигантский мор, охвативший в начале 1880-х годов в бассейне Анадыря практически все виды промысловой фауны*. Чаще всего подобные кризисы приходились на годы с экстремальными погодными условиями, когда и без того нарушался привычный цикл аборигенного жизнеобеспечения. Так было, в частности, в конце 1810-х—начале 1820-х годов в низовьях Колымы, где несколько раз подряд совпали годы катастрофического недохода рыбы и резкого сокращения поголовья диких оленей и лосей. Особенно страшными для местного населения были 1821—1822 гг., когда из-за неблагоприятных погодных условий и начавшегося падежа ездовых собак нельзя было использовать другие промысловые ресурсы.

Число подобных примеров из разных районов Арктики легко умножить⁷¹. Важно подчеркнуть, что при усилении пресса охоты на несколько видов ценных промысловых животных в XVIII —

* «Тотчас же за спадом воды стала везде появляться уснувшая рыба, в особенности Щука; затем стали падать сороки (самая распространенная здесь птица), лисицы, росомахи, волки, медведи, и в течение целого года везде находили их трупы десятками, так что после этого года зверь почти исчез»¹.

XIX вв. *одновременные* падения численности многих популяций вряд ли объясняются перепромыслом. Для местного населения они представлялись в полной мере биологическими «стихийными бедствиями», которые наступали внезапно и могли в самый короткий срок полностью разрушить сложившуюся систему природопользования.

Эпизоотии домашних животных. В полной мере эта неустойчивость распространялась и на популяции домашних животных Крайнего Севера — собак и домашних северных оленей. Источники XIX — первой половины XX в. полны описаний массовых падежей домашних животных, вызывавших, по словам очевидцев, неопишуемый ужас у местного населения. «Олени во время эпизоотии падают по всей тундре целыми тысячными стадами. Образуются колоссальные кладбища, громадные местности, зараженные страшной болезнью. Падают и валятся олени, где попало. Оленеводы в панике, обращаясь в один день из богачей в нищих, бегут от павших стад на остающихся единичных оленях, лишь бы остаться в живых. . . Никто не зарывает этих кладбищ ... и в результате вся тундра инфицирована костями павших животных»⁷².

Наиболее подробная статистика изменений общей численности и повторяемости эпизоотии *домашних оленей* имеется для тундр Европейского Севера (табл. 26). В конце XIX—начале XX в. гибель животных у оленеводов — ненцев и коми Архангельской губернии составляла в обычные годы 5—10 % поголовья; в годы с эпизо-отиями и экстремальными погодными условиями она могла подниматься до 30—40 и даже 50 %. Особый урон местному оленеводству наносили массовые эпизоотии сибирской язвы и некробацил-леза («копытницы»). Только за 25 лет (1885—1910 гг.) от них погибло более 500 тыс. домашних оленей (при средней численности поголовья около 300—350 тыс.)⁷³.

Первые сведения об эпизоотиях домашних оленей на Европейском Севере относятся к XVIII в., но надежные свидетельства о размерах потерь поголовья собраны со второй половины XIX в.

Таблица 26. Потери северного оленеводства от эпизоотий: 1875—1933 гг. (Большеземельская, Малоземельская и Качино-Тиманская тундры)

Годы	Потери (тыс. голов)	Эпизоотии	Годы	Потери (тыс. голов)	Эпизоотии
1875	...	Сибирская язва	1907	147,1	Сибирская язва
1886	150	То же	1910	...	Копытница
1887	74	»	1912	4,4	Сибирская язва
1896	118,8	Копытница	1915	15,5	То же
1898	75,3	Сибирская язва	1916	19,0	Копытница
1899	15,5	То же	1924	15—20	Сибирская язва
1902	16,4	»	1925	25—40	То же
1903	17,1	Разные болезни	1926	около 20	Разные болезни
1905	12,5	То же	1933	около 30	Копытница

138

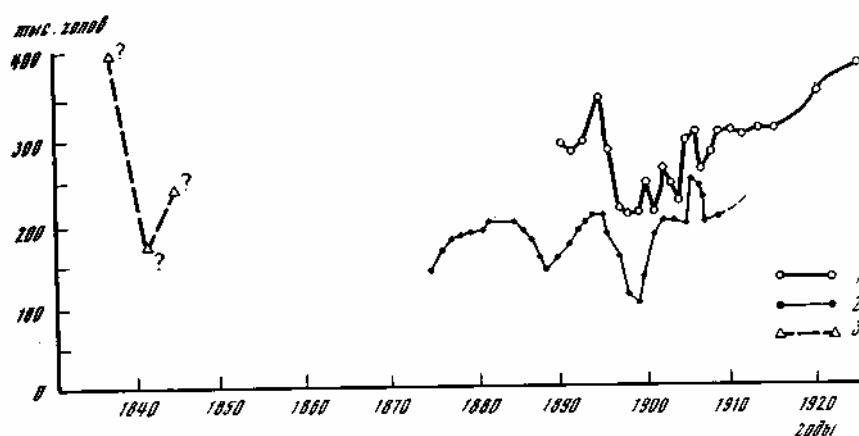

График 4. Динамика численности домашних оленей в Большеземельской тундре. 1875—1925 гг.

Оценки или учеты поголовья: 1 — Большеземельская тундра в целом; 2 — только Мохченская волость; 3 — спорная или приближенная оценка

Массовые падежи оленей от эпизоотии отмечаются в начале 1830-х, середине 1840-х ... в 1874-1875, 1886-1888, 1896-1898, 1907 гг.; в гораздо меньших масштабах — также в 1915—1916 и 1925 гг.

Циклический характер наступления эпизоотии со средним интервалом около 10 лет очевиден; на него впервые указал Н. Н. Эккерт на примере катастрофических вспышек сибирской язвы в 1887, 1897 и 1907 гг. Весьма отчетливо он выглядит и на графиках динамики поголовья оленей (граф. 4)⁷⁴.

Отмечено, что вспышки сибирской язвы развиваются в тундре в годы с жарким, влажным летом, и поэтому их регулярность можно связывать с 11-летним климатическим (солнечным) циклом или же близким к нему внутренним ритмом бактерии-возбудителя. Эпизоотии некробациллеза («копытницы») также почти всегда приходится на жаркие годы и в прошлом обычно совпадали со вспышками сибирской язвы⁷⁵.

В ареале тундрового оленеводства на Северо-Востоке Евразии сибирская язва отсутствует. Но и здесь массовые падежи домашних оленей были обычным явлением. Правда, связаны они были либо с летними вспышками копытницы, либо еще чаще — с гибелью животных в годы зимних и весенних гололедиц. На Чукотке, например, они пришлись на конец 1890-х, 1900-х, на 1919 — 1923, конец 1920-х годов, т. е. повторялись также примерно через 10 — 15 лет⁷⁶.

Интенсивность эпизоотии и массовых падежей домашних оленей была подвержена, видимо, и более крупным, внутривековым и даже вековым колебаниям. Так, в тундрах Европейского Севера наиболее тяжелыми были три вспышки сибирской язвы: в 1886 — 1887, 1896—1897 и 1907 гг. Но затем в 1910—1920-е годы, еще

139

до начала широкой вакцинации оленей, интенсивность эпизоотии естественным образом понизилась. Судя по всему, предыдущий период сильных эпизоотии в восточноевропейских тундрах пришелся на 30 — 40-е годы XIX в., а промежуточные между ними 1850—1870-е годы (как и 1910—1920 гг.) отличались заметно более спокойным развитием оленеводства.

Некоторые авторы видят определенную регулярность и в повторяемости в Арктике падежей ездовых собак. Сведения об этом суммированы для Западной Гренландии, п-ова Лабрадор, Канадского Севера⁷⁷, но для территории севера Евразии они не систематизированы. Все же для отдельных районов отчетливо выделяются повторяющиеся вспышки массовых падежей ездовых собак: например, на Чукотке в начале 1890-х, в 1901 — 1904, 1908—1915, 1920 и 1933 гг.⁸ Более детальный анализ источников, возможно, позволит в дальнейшем продлить этот ряд. * # *

Приведенные факты, думаю, вполне достаточны для подтверждения главного вывода: в условиях Арктики невозможно говорить о каком-либо устойчивом, среднем уровне среды обитания. Всякое среднее состояние служит здесь лишь кратковременным переходом от «плохого» к «хорошему» или обратно в ход?-, непрерывных колебаний всех компонентов арктических экосистем. Сменяющие друг друга эпохи процветания и упадка, о которых так ярко писал К. Вибе на примере Гренландии, можно четко связывать с периодами изобилия промысловых ресурсов и периодами их скудности, порой острой недостаточности. Как мы видим, ничто в Арктике не оставалось неизменным: звери и птицы, льды и климат, море и тундра находятся здесь в вечном, никогда не прекращающемся движении. Подобная изменчивость экологической обстановки была постоянным фоном существования человека на Крайнем Севере. Поэтому, достигнув старости, любой житель Арктики должен был сохранять память о целом ряде пережитых им природных отклонений. Однако вне пределов индивидуальной человеческой памяти оставались еще более длительные вековые природные колебания, которые приводили к периодической смене привычной среды обитания, увеличению одних и уменьшению других используемых человеком ресурсов.

Все это говорит о сложности экологических процессов и специфике внутренних связей в экосистемах Арктики. Привычный для более низких широт *гомеостаз*, т. е. возвращение к исходному состоянию, стремление к постоянству всех функциональных условий, становится "трудно достижимым и эволюционно невыгодным для живых существ Крайнего Севера. Более сложные и стабильные экосистемы, в которых множество видов хищников эксплуатируют широкое разнообразие биологических ресурсов, сохраняются здесь только у самых богатых жизнью участков морских побережий, ближе к южным границам приполярной области. Зато

140

на огромных территориях арктических тундр распространяются относительно молодые и бедные экосистемы с упрощенной внутренней структурой, малым количеством видов и высокой напряженностью всех конкурентных и пищевых связей.

Именно эти арктические экосистемы в наибольшей степени подвержены постоянным внутренним колебаниям. По сравнению с более богатыми экологическими зонами умеренных и низких широт в Арктике интервалы всех природных циклов сокращаются, а амплитуды колебаний заметно увеличиваются. В короткие популяционные циклы низших консументов (леммингов, полевок, сайки) оказываются втянутыми все сколь-либо значимые промысловые звери и птицы, численность которых синхронно колеблется на огромных территориях. Более того, внутри самой арктической области с усилением общей суровости и континентальности окружающей среды от Скандинавии до Якутии наблюдается та же тенденция: усиление амплитуды и общей резкости («катастрофичности») всех биологических пульсаций⁷⁹.

Поэтому совершенно очевидно, что в Арктике в целом получают преимущество те виды животных и

растений, которые способны не только переносить резкие нарушения окружающей среды, но и быстро восстанавливать свою численность в последующие более благоприятные периоды. Экологи называют такие виды «живущими под действием г-отбора» (г — принятый в экологии символ для обозначения скорости прироста популяции), подчеркивая особую роль быстрого прироста в устойчивости их существования⁸⁰

Другой важной формой адаптации живых существ Арктики является их постоянная мобильность и огромные размеры используемой территории. Чтобы выдержать неблагоприятные изменения своей среды, арктические виды, по образному выражению М. Данбар, остро «нуждаются в пространстве». Большие пространственные размеры арктических экосистем становятся как бы источником их силы, позволяя быстро восстанавливать участки, наиболее страдающие от регулярных экологических нарушений⁸¹.

Этим хорошо объясняется и очень высокая миграционная подвижность почти всех видов фауны Арктики, которые относительно слабо привязаны к определенным местам обитания. Все они не только регулярно совершают сезонные или длительные перемещения в более низкие широты, но и в каждый сезон года могут легко менять осваиваемые угодья. Поэтому расширение ареала в целом резко увеличивает общую стабильность арктической популяции и наоборот: сужение используемой территории само по себе становится угрозой для ее существования.

По мнению экологов, соблюдение этих двух условий: возможности быстрого прироста и изменения своей территории — делает арктические экосистемы достаточно устойчивыми к внешним потрясениям⁸³. В этом отношении природная среда Арктики безусловно менее стабильна, но ничуть не менее хрупка, чем поражающая обилием живых существ экосистема влажного тропи-

141

ческого леса или, напротив, еще более бедная ресурсами пустыня. В естественной обстановке арктические экосистемы как бы пульсируют во времени и пространстве, легко «рассыпаясь» на одной территории, но неизменно возобновляясь на другой. С возвращением прежних условий они способны быстро восстанавливать на старом месте былую пространственную и видовую структуру за счет высокой мобильности и темпов прироста основных биологических компонентов.

Два направления экологических изменений в Арктике имеют, на мой взгляд, решающее значение. Одно из них — его можно условно назвать «ось север — юг» — хорошо иллюстрируется описанными выше взаимоотношениями лося и дикого северного оленя.

В фазы периодических потеплений Арктики более теплолюбивые виды фауны и флоры активно распространяются на север, осваивая новые места обитания. На суше бореальные виды: лось, лисица, бурый медведь, волк, куница, выдра, боровые птицы — проникают в зону лесотундры и тундры и даже доходят до берегов Ледовитого океана⁸⁴. В море ледовые (пагофильные) формы китообразных и ластоногих: гренландский кит, морж, нарвал, белуха, мелкие тюлени — расширяют свои ареалы в высокоширотных, внутриконтинентальных секторах арктического бассейна, а им на смену на южные окраины Арктики приходят более теплолюбивые виды. Но с наступлением очередного похолодания, «биологический маятник» как бы отклоняется в другую сторону, и с севера на юг начинают двигаться процветающие холодно-любивые виды арктической фауны — белый медведь, песец, нарвал, северный олень, белуха, сайка и др.

Колебания эти, однако, столь же преходящи, сколь и неизменны, как неизменны вызывающие их причины, которые определяют общие флуктуации экологической обстановки в Арктике. Поэтому для большинства ее регионов можно выделить «теплые» экологические фазы с одним составом ресурсов и «холодные» фазы — с другим составом (или численным соотношением) основных промысловых видов. Правда, в каждом конкретном случае эти фазы могут иметь неодинаковую продолжительность или интенсивность в результате наложения нескольких разновременных природных ритмов.

Другую ось экологических изменений в Арктике можно обобщенно назвать «тундра—берег». Если судить по приводимым в этой главе данным, как во внутренней тундре, так и на морском побережье существуют свои периоды, более или менее благоприятные для разных форм аборигенного природопользования. Они связаны с меняющимся обилием промысловых ресурсов, режимом погоды и ледового покрова, повторяемостью различных природных явлений. Думаю, что отмеченные выше в главе 3 различия в организации береговых и внутриконтинентальных систем жизнеобеспечения аборигенов Севера отражают именно эту специфику в общей ритмике жизни двух биомов.

142

А человек?! Подчинялись ли жители Крайнего Севера тем же экологическим закономерностям, которые сформировали их сложную и неустойчивую среду обитания? Или у них благодаря опыту цюгих поколений были выработаны особые культурные и социальные механизмы для смягчения или даже изменения своей среды и успешной борьбы за существование? Как вообще в таких усло-виях

протекала хозяйственная эволюция северных народов, застывших», как было принято считать, в своем развитии и сохранивших в течение тысячелетий самые простые формы материальной культуры? Теперь, думается, мы подготовлены к поиску ответов на подобные вопросы. В последующих главах мы попытаемся сделать это на примере тех же основных форм аборигенного природопользования, связав «историю людей» и «историю природы» Арктики в рамках единых концепций этноэкологического анализа.

- ¹ Васильев В. И., 1979а; Вдовин, 1965; Гурвич, 1966; Долгих, 1970; Лашук, 1958; Очерки истории Чукотки, 1974; Арутюнов, Крупник, Членов, 1982.
- ² Vibe, 1967.
- ³ Крючков, 1976, 131—133; Рутс, 1985, 3—4; Тихомиров, 1971, 41—42; 1974, 241, 260; Успенский, 1970, 738; Banfield, 1975, 546—547; Dunbar, 1973b, 179, 185; Macpherson, 1981, 104 и др.
- ⁴ Vibe, 1967, 13.
- ⁵ Говорухин, 1947, 324.
- ⁶ Ср.: Диков, 1979, 218—219; Косарев, 1974, 27—39; Хлобыстин, 1973, 14—16; Хлобыстин, Левковская, 1974, 238—240; McGhee, 1972, 49—53.
- ⁷ Берг, 1956б, 172; Жилинский, 1919, 38—45; Итин, Сибирицев, 1936, 178—185; Ле Руа Ладюри, 1971, 79; Назаров В. С., 1947, 654; 1949, 16—34; 65—69; Lamb, 1977, 518 и др.
- ⁸ Адаменко, 1963, 103—118; Ловелиус, 1979, 58, 64, 79—81; Молчанов, 1976, 53—55; Полозова, Шиятов, 1976, 16—19; Турманина, 1970, 171; Шиятов, 1975, 49; Lamb, 1977, 222 и др.
- ⁹ Акимов, Братцев, 1957, 91; Андреев В. Н., 1956, 34—41; Ловелиус, 1970, 63—64; Норин и др., 1971, 1276—1277; Рябцева, 1970, 116; Шиятов, 1967, 273—275; 1979, 22—23.
- ¹⁰ Адаменко, 1963; Вайкмяэ и др., 1984, 193; Карлен, 1982, 113—114; Котляков, Троицкий, 1985, 134; Чижов, 1976, 33—34, 47—51, 94—96; Denton, Karlen, 1973, 185.
- ¹¹ Берг, 1938, 431—434; Бетин, Преображенский, 1962, 75—83; Карлен, 1982, 114; Чижов, 1976, 152; Шнитников, 1969, 26; сводки: Борисенков, Пасецкий, 1983; Vibe, 1967; Weidick, 1982.
- ¹² Ср.: Вайкмяэ, Пуннинг, 1982, 33; Итин, 1936, 80, 89; Хотинский, 1977, 180—184.
- ¹³ Адаменко, Ловелиус, 1976, 294—295; Bryson, Wendland, 1967, 280; Kelly et al., 1984, 30—33; общие схемы для высоких и умеренных широт Северного полушария см.: Борисенков, Пасецкий, 1983, 23—34; Ле Руа Ладюри, 1971; Мовин, Шишков, 1979, 343—379; Шнитников, 1968, 173—184; Lamb, 1966, 7—11; Золотокрылин и др., 1986 и др.
- ¹⁴ Andrews et al., 1981; Andrews, Miller, 1979; Nichols, 1975; Stanford, 1976; Vibe, 1967; 1981; Weidick, 1982.
- ¹⁵ См. подробнее: Адаменко, Ловелиус, 1976, 295; Ловелиус, 1970, 64; Максимов И. В., 1954, 45—49; Прик, 1968, 14; Шиятов, 1967, 275; 1975, 47, 49 и др.
- ¹⁶ Гриббин, Лэм, 1980, 106, 109; Норин, 1974, 1259; Andrews et al., 1981, 165—167; Bradley, 1973, 233.
- ¹⁷ Авенариус и др., 1978, 45—50; Гричук, 1973, 114—124; Марков и др., 1981, 234; по Канадской Арктике — Nichols, 1972.
- ¹⁸ См. подробнее: Борисенков, Пасецкий, 1983, 7—12; Чижевский, 1973, 38—39, 102—110.

- ¹⁹ Боголепов, 1908, 58; 1921, 9—10; 1928, 23—27.
- ²⁰ Насимович, 1955, 326; Формозов, 1946, 76—82. На северо-западе Европейской части СССР в первой половине XX в. наиболее суровыми были зимы 1916/17, 1928/29, 1939/40, 1940/41, 1941/42 и 1946/47 гг. — Формозов, 1959, 192.
- ²¹ Насимович, 1955, 326, 356.
- ²² Ср.: Шнитников, 1969, 22, 26; Прик, 1968, 14; Vibe, 1967, 27.
- ²³ Жилинский, 1919, 39.
- ²⁴ Жилинский, 1919, 40—45; Итин, Сибирцев, 1936; Назаров В. С., 1947; 1949, 27—28, 65—69 и др.
- ²⁵ Берг, 1943, 18; 19566, 172; Назаров В. С., 1947, 653.
- ²⁶ См.: Гептнер и др., 1961, 354; Насимович, 1955, 325; Подэкрат, 1936, 101—102; Формозов, 1946, 77—78 и др.
- ²⁷ Данные метеостанции Усть-Кара.
- ²⁸ Бурке, 1936, 86; Итин, 1936, 89; Назаров В. С., 1947, 654.
- ²⁹ Nichols, 1975, 69.
- ³⁰ Le Resche et al., 1974, 149; Кириков, 1960, 23; Вакуров, 1975, 5.
- ³¹ Вакуров, 1975, 6—7; Кириков, 1960, 23—24.
- ³² Данные метеостанции Усть-Кара.
- ³³ Толмачев, 1911 — цит. по: Итин, 1936, 78.
- ³⁴ См. подробнее: Назаров В. С., 1949, 20—23, 27.
- ³⁵ Айвангу, 1935, 53; Крупник, 1983, 82—83.
- ³⁶ Гептнер и др., 1961, 353—354; Кишинский, 1975, 164—165; Наумов Н. П., 1933, 53. Для Американской Арктики — Bergerud, 1974, 760; Bergerud et al., 1984; Гренландия — Meldgaard, 1986.
- ³⁷ Михель, 1938, 78.
- ³⁸ Гептнер и др., 1961, 356; Наумов Н. П., 1933, 7; Семенов-Тян-Шанский, 1948а, 9—10; Формозов, 1935, 58—60.
- ³⁹ Vibe, 1967, 163—179. Новейшую сводку см.: Meldgaard, 1986.
- ⁴⁰ Burch, 1972, 356, 357; Haber, Walters, 1980, 648—649; Hemming, 1975, 164; Yesner, 1980а, 23.
- ⁴¹ См. подробнее: Михель, 1938, 67—77; Портенко, 1941, 77—84; а также: Кириков, 1960, 106; 1966, 237—240; Кишинский, 1967, 146.
- ⁴² Зайцев И., 1966, 9; Обухов, 1967, 17.
- ⁴³ См.: Вершинин, 1972; Гептнер, 1960; Друри, 1949; Кириков, 1960; 1966; Наумов Н. П., 1933; Скрябин, 1967 и др.
- ⁴⁴ Ср.: Vibe, 1967, 166—174; Nellemann, 1969/70, 150 (для Гренландии); Burch, 1972, 356 (для Аляски) и др.
- ⁴⁵ Забродин, 1976, 11—12; Сыроечковский, 1982, 63—67.
- ⁴⁶ Андерсон, 1981, 75—76; Файнберг, 1971, 14; Хлобыстин, Грачева, 1974, 82—83; Bockstose, 1973, 798; 1979, 90.
- ⁴⁷ См. подробнее: Реймерс, 1972.
- ⁴⁸ Фактические данные: Вершинин, 1972, 116—119; Кишинский, 1967, 144—145; Михель, 1938, 83—88; Портенко, 1941, 87—89.
- ⁴⁹ Макридин, 1962, 1090—1091; Наумов Н. П., 1934, 64—65; Семенов-Тян-Шанский, 1948б, 92; Сыроечковский, 1974, 184—185.
- ⁵⁰ Лебедева, 1972, 302—303; Chesmore, 1968, 528; Le Resche et al., 1974, 147—152.
- ⁵¹ Макридин, 1962, 1091—1093; Chesmore, 1968, 528; Syroechkovsky, Rogacheva, 1974, 599.
- ⁵² Верещагин, 1967, 22; Семенов Тян-Шанский, 1948б, 91.
- ⁵³ Гептнер и др., 1961, 315; Реймерс, 1972, 82; Bishop, Rausch, 1974, 569; Le Resche et al., 1974, 149.
- ⁵⁴ Лэк, 1957, 255, 259—261; Северцев, 1941, 175—178; Chitty, 1950, 188; Siivonen, 1950, 11.21 и др.
- ⁵⁵ Назаров А. А., 1979, 102—106; Смирнов, 1967, 88—89; Vibe, 1967, 108—110, 135—143.
- ⁵⁶ Паровщиков, 1959, 224—226; Чиркова, 1967, 111—112.
- ⁵⁷ Лэк, 1957, 252—254; Наумов С. П., 1939, 73—75; Элтон, 1934, 55.
- ⁵⁸ Михель, 1938, 17—18, 44; Портенко, 1941, 14—15; Романов, 1941, 11 и др. Мы не касаемся здесь хорошо известных 4—5- и 10-летних циклов пушных зверей boreальной зоны — белки, рыси, соболя, куньцы, норки, ондатры и др., по-

- сколькo эти виды в прошлом играли минимальную роль в жизнеобеспечении тундровых народностей.
- ⁵⁹ Михель, 1938, 14—16; Романов, 1941, 118—119.
- ⁶⁰ Бланки и др., 1967, 220 (Кольский п-ов); Л. С. Богословская, личное сообщение, 1985 (Чукотский п-ов); Кречмар и др., 1978, 191 (о Колочин); Рахиллин, 1970, 165—166 (Капдалакшский зал.); Успенский, Кишинский, 1972, 227 (Ямал).
- ⁶¹ Vibe, 1967, 43—44.
- ⁶² Воронин, 1978, 147—148; Голяцын, 1888, 78; Формозов, 1935, 97—98. В 1916 г. такое число куропаток погибло к море, что «выброшенные утонувшие птицы в некоторых местах по берегам Большеземельской тундры образовали вал вышиной до 1 сажени» (Соловьев, 1927а, 21).
- ⁶³ Лэк, 1957, 267; Braerstrup, 1941, 72—74; Vibe, 1967, 150—151.
- ⁶⁴ Белых, Конечных, 1976, 46—47; Семенов-Тян-Шанский, 1938, 295—298.
- ⁶⁵ См.: Крупник, 1984, 220—222; Михель, 1938, 13; Портенко, 1941, 45; Freeman, 1969/70, 166; Maher, Wilimovsky, 1963, 20—22; Vibe, 1967, 51, 80.
- ⁶⁶ Vibe, 1967, 52—56, 64—66, 74—76.
- ⁶⁷ Подробнее см.: Берг, 1958, 147—149; Бурке, 1936, 87; Вебе, 1953, 166—168; Dunbar, 1973а, 3.
- ⁶⁸ Гурвич, 1966, 136—141, 150; Олсуфьев, 1896, 54—55.
- ⁶⁹ Гондатти, 1897, 140.
- ⁷⁰ Врангель, 1948, 227; Гурвич, 1966, 136—137.
- ⁷¹ Ср.: Керцелли, 1911, 48—50; Fitzhugh, 1972, 173; Martin C., 1978.
- ⁷² Мамадышский, 1910, 60—61; Сосунов, 1925, 35.
- ⁷³ Бабушкин, 1930, 167; Терлецкий, 1932б, 35.
- ⁷⁴ Терлецкий, 1932б, 14—15; Крупник, 1975, 29.
- ⁷⁵ Куратов, 1925б, 7; Наумов Н. П., 1933, 54; Сдобняков, 1933, 217.
- ⁷⁶ Вдовин, 1965, 167, 169; Докладная записка Караева, 1923, 15; полевые материалы автора, 1975.
- ⁷⁷ Braerstrup, 1941, 25; Chitty, 1950, 191—192.
- ⁷⁸ Вдовин, 1965, 188—189; Гондатти, 1898; VIII; Формозов, 1935, 72; Шмит, 1939, 115.
- ⁷⁹ Успенский, 1970, 738.
- ⁸⁰ См. подробнее: Одум, 1975, 332; Bettinger, 1980, 205—206. Противоположный тип популяционной динамики, характерный для сложных, стабильных экосистем, называют *K*-отбором, (где *K* — символ для обозначения предельной емкости местообитания — carrying capacity).
- ⁸¹ Dunbar, 1973b, 180, 185.
- ⁸² Dunbar, 1973b, 180; Bergerud et al., 1984, 19.
- ⁸³ Vanfield, 1975, 549; Dunbar, 1973b, 182.
- ⁸⁴ Ср.: Паровщиков, 1959, 222—226; Скробов, 1958, 104—105; Формозов, 1959, 191.

Глава 5

ПОЯВЛЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА В ТУНДРАХ ЕВРАЗИИ

Появление крупностадного оленеводства и его дальнейшее распространение в тундровой зоне Евразии — важнейший рубеж в истории культуры аборигенов Крайнего Севера. Именно этот процесс привел к становлению систем жизнеобеспечения тундровых оленеводов с их специфической структурой производства и распределения, особым типом природопользования, своеобразными демографическими процессами (описанными в главе 3). Фактически его можно считать одним из наиболее ярких и к тому же — хорошо документированных примеров перехода от преимущественно присваивающей, охотничьей экономики к подлинно производящему высокоспециализированному скотоводству.

Трудно переоценить значение всех этих событий в экономическом и социальном развитии народов Севера. К сожалению, из-за слабой археологической изученности и отсутствия серьезных документальных свидетельств ранее XVI—XVII вв. вопрос о времени и условиях зарождения в

тундрах Евразии крупностадного оленеводства¹ остается по существу открытым. Ясно лишь, что появление в тундровой зоне домашних оленей и продуктивного оленеводства как специализированной формы жизнеобеспечения относятся к сравнительно позднему времени². Более того, как я попытаюсь показать далее, эти два события, очевидно разделялись весьма продолжительным периодом и потому вполне могут рассматриваться независимо. Как известно, согласно наиболее распространенной сейчас точке зрения, в западную и центральную часть тундровой зоны Евразии оленеводство (первоначально транспортное, вьючно-верховое мелкостадного типа) было принесено с юга древними скотово-дами-самодийцами на рубеже I—II тыс. и. л. Правда, навыки использования прирученных (домашних?) оленей в качестве ман-щиков или даже транспортных животных могли уже быть к этому времени известны аборигенам тундровой зоны, охотникам на дикого северного оленя. В тундры Северо-Восточной Сибири — к юкагирам, корякам и чукчам — оленеводство (или, возможно, его навыки) проникло, как считается, несколькими веками позднее, очевидно, через древних тунгусов⁴. Весьма интересная точка зрения о возможности *самостоятельного зарождения оленевод-*

146

ства на северо-востоке Евразии пока, к сожалению, не имеет убедительных документальных или археологических подтверждений⁵.

Так или иначе, к моменту встречи с русскими в XVI—XVII вв. у большинства обитателей тундровой зоны Евразии: ненцев, предков тундровых энцев и части нганасан, юкагиров, северных эвенков, Кольских саамов, кочевых групп коряков и чукчей — преобладала комплексная система жизнеобеспечения с ведущей ролью промыслов (охоты и рыболовства) и вспомогательным, мелкостадным оленеводством.⁶ Домашние олени использовались тогда почти исключительно для транспорта и имелись в очень ограниченном количестве: максимальные известные по источникам XVII в. размеры отдельных стад не превышали 100 голов⁷. Следовательно, мясо для питания и шкуры для бытовых нужд и обмена поставляла охота на диких оленей, бывшая тогда основой жизнеобеспечения всех тундровых кочевников.

Быстрый рост поголовья домашних оленей в тундрах Евразии начинается только в XVIII в., причем почти одновременно в западной и восточной частях. Лучше всего мы можем проследить этот процесс на примере европейских и западносибирских (обдорских) ненцев, о которых в русских источниках XVI—XVIII вв. имеется относительно больше сведений, нежели о других тундровых народах Крайнего Севера. Архивные документы XVI—XVII вв., сообщения сибирских летописей и европейских путешественников свидетельствуют, что в течение всего XVII в. поголовье домашних оленей у ненцев было крайне малочисленным⁸. Владелец стада в 40 голов уже считался «сильным»; оленей очень берегли и забивали на мясо только при крайних обстоятельствах. Главную роль в жизни ненцев играли охота и рыболовство; мясо диких животных, в первую очередь диких оленей, служило им основной пищей; из шкур диких оленей и пушных зверей они шили одежду и обувь, делали покрышки для жилищ, платили ими ясак и другие подати⁹. Немногочисленные домашние олени, которые, возможно, имелись даже не у каждой семьи, использовались исключительно как транспортные и жертвенные животные, служили средством платежа, уплаты выкупа за невесту и т. п. Учитывая, что численность всех европейских ненцев к концу XVII в. оценивается примерно в 1400 человек, т. е. не более 300—350 семей¹⁰, общее поголовье домашних оленей в тундрах восточной части Европейского Севера вряд ли превышало тогда 10—20 тыс. голов.

Совершенно ясно, что системы жизнеобеспечения европейских ненцев XVII и XIX — начала XX в. различались не просто качественно, но принципиальным образом. В первом случае можно говорить об *отдельных скотоводческих элементах* в рамках промысловой, присваивающей экономики¹¹; во втором мы имеем дело с развитой формой производящего хозяйства в виде специализированного кочевого скотоводства с регулярным забоем домашних животных для собственного потребления (см. главу 3). С этих позиций ненцев XVI—XVII вв. было бы правильнее считать не

ю*

147

«оленеводами», а «поздними охотниками» и относить к особому хозяйственно-культурному типу «оленных охотников-рыболовов тундры и лесотундры», т. е. к промежуточной форме жизнеобеспечения между пешими охотниками на диких оленей и настоящими кочевниками-оленеводами.

Помимо ненцев XVI—XVII вв., такая система жизнеобеспечения, судя по источникам, существовала у скандинавских саамов, энцев, кочевых чукчей, нганасан (до середины — конца XIX в.), северных селькупов (до середины XIX в.), тундровых оленных юкагиров (до начала XX в.)¹². Наличие у всех эти

народностей немногочисленных домашних оленей нисколько не меняло общую промысловую ориентацию их природопользования. Как и у ненцев в XVII в., олени использовались ими почти исключительно для транспорта, а пищу, одежду, материал для жилища, бытовых нужд и обмена давали охота и рыболовство.

Однако со второй трети XVIII в. в западной и центральной части евразийской тундры, заселенной ненцами, начинается неожиданно быстрый рост численности домашних оленей. К концу XVIII в. только на Европейском Севере она оценивалась в 160 тыс. голов, так что богатые оленеводы-ненцы имели уже стада по 1000 и более оленей, средние — по 100—200, а малоимущие — не менее 20—30¹³. При всей условности и возможной преувеличенности таких оценок они несомненно свидетельствуют о гигантском скачке в развитии ненецкого оленеводства, происшедшем в течение 100 лет, или за 4—5 поколений.

Примерно такую же картину рисуют источники XVII—XIX вв. по другим народам тундровой зоны Евразии. Относительно позднее появление специализированного крупностадного оленеводства и связанной с ним системы жизнеобеспечения было последовательно отмечено для чукчей (середина XVIII в.), долган (конец XIX—начало XX в.), нганасан (конец XIX в.), коряков (XVIII в.), Кольских и финских саамов (конец XIX—начало XX в.), энцев (конец XVIII—XIX в.), северных групп якутов (конец XIX—начало XX в.), селькупов (вторая половина XIX в.), хантов (XVIII—начало XIX в.), коми-ижемцев (вторая половина XIX в.)¹⁴. В системе природопользования всех этих народностей охота на диких оленей, игравшая прежде решающую роль, постепенно отошла на второй план, а у европейских ненцев, коми, коряков и большей части оленных чукчей к концу XIX в. она почти исчезла, поскольку с ростом стад домашних оленей численность диких резко сократилась.

Такая общая схема истории оленеводства в тундрах Евразии принимается сейчас большинством исследователей. Однако нет единого мнения о том, чем же был вызван столь быстрый рост численности домашних оленей в XVIII—XIX вв. и какие причины сдерживали его до того времени. Иногда этот рост связывают с расширением границ Русского государства в XVI—XVII вв., прекращением межплеменных войн и установлением правопорядка, поддержкой русской администрацией «частнособственни-

148

ческих тенденций богатых оленеводов»¹⁵. При всей справедливости такого объяснения оно явно не может считаться единственным и окончательным. Известно, что в целом ряде центров крупностадного оленеводства в конце XVII — первой половине XVIII в. — например, на границах расселения коряков и чукчей, пустозерских и обдорских ненцев, энцев и восточных групп ненцев-юраков — межэтническая обстановка была крайне напряженной и столкновения северных народов как между собой, так и с русскими продолжались с неослабевающей силой.

Поэтому скорее здесь можно говорить о *благоприятной социальной тенденции*, нежели о главной причине зарождения крупностадного оленеводства в Евразии. Для отдельных народов в качестве такой главной причины называются свои местные факторы: ограбление соседей (для чукчей), постепенное истребление стад диких оленей или необходимость развития товарного пушного промысла (для ненцев и северных селькупов), переход к регулярным летним откочевкам в тундру (для энцев) и т. п.¹⁶ К сожалению, известная по источникам история народов Севера XVII — XVIII вв. не дает нам других удовлетворительных объяснений неожиданного роста поголовья домашних оленей и перехода тундрового населения от кочевой охоты к новой, более развитой форме жизнеобеспечения. В то же время быстрота появления крупностадного оленеводства и относительная синхронность этого процесса в весьма удаленных и заведомо не связанных частях Северной Евразии (Скандинавский Север, восточноевропейские и западносибирские тундры, Чукотка и Камчатка) неизбежно наводят на мысль о существовании каких-то общих закономерностей этого процесса и причин развития производящего оленеводческого хозяйства.

В поисках этих закономерностей некоторые исследователи попытались связать возникновение крупностадного оленеводства с какими-то изменениями экологической обстановки в тундровой зоне Евразии, и прежде всего — с изменениями климата¹⁷. Поскольку стада домашних оленей у народов Севера круглый год находились на «открытом выпасе», состояние и размеры поголовья были крайне неустойчивы. Как и при всяком экстенсивном кочевом скотоводстве, численность животных постоянно колебалась под влиянием неблагоприятных внешних факторов: повторяющихся гололедов, суровых многоснежных зим, эпизоотии (см. главу 4). Любое изменение экологической обстановки прямо отражалось на физиологическом состоянии животных, скорости прироста стад и, конечно, на качестве используемых пастбищ.

По моему глубокому убеждению, возникновение крупностадного оленеводства в тундрах Евразии является тем ярким примером в развитии исторически ранних форм жизнеобеспечения, где учет совокупного влияния экологических и социально-исторических факторов может принести очевидные

результаты. Однако, для того чтобы привлечение экологических данных для реконструкции истории северного оленеводства было плодотворным,

149

мы должны иметь ответы на два вопроса. Во-первых, какие именно изменения или состояния среды обитания следует считать экологически благоприятными (или неблагоприятными) для северного оленеводства; и, во-вторых, каким образом изменялась природная среда Крайнего Севера за последние столетия?

В настоящее время накоплено уже немало свидетельств о влиянии экологических факторов на традиционное северное оленеводство. Известно, что тундровый домашний олень очень хорошо приспособлен к низким зимним температурам, и его физиологическая «зона комфорта» доходит до $-25-30\text{ }^{\circ}\text{C}$ ¹⁸. Правда, в особенно суровые зимы олени чувствуют себя хуже и к весне бывают более истощенными.

Главное значение для домашнего (как и для дикого) оленя имеют погодные условия летнего, нагульного периода. Давно отмечена очень плохая приспособленность тундрового оленя к высоким летним температурам: уже при $+10\text{ }^{\circ}\text{C}$ олени чувствуют себя плохо, а при $+15\text{ }^{\circ}\text{C}$ и выше в их организме начинается ряд физиологических нарушений¹⁹. В такие дни олени перестают пастись, быстро теряют в весе, слабеют и становятся малоприспособленными для езды и перевозки грузов.

Очевидно, именно с этим связана традиция многих народов Севера — чукчей, коряков, до начала XX в. также долган и нганасан — не использовать оленей для транспорта в летнее время.

В теплые летние дни, особенно при малой облачности, слабом ветре и отсутствии осадков, резко усиливается деятельность кровососущих насекомых, что ведет к еще большей истощенности домашних оленей²⁰. После жаркого, сухого лета плохо проходит гон; стадо оказывается неподготовленным к дальним перекочевкам на зимние пастбища. В результате возрастает смертность оленей в зимние и весенние месяцы, рождается слабый приплод. Наконец, как было показано в главе 4, погодные условия летнего времени определяют характер и степень заболеваемости оленей: она оказывается минимальной в холодное и дождливое лето и резко возрастает в жаркое лето из-за общей истощенности и слабости животных.

Состояние погодных условий непосредственно влияет также на продуктивность оленьих пастбищ, а зимой — повторяемость гололедиц, мощность снежного покрова и образование плотного наста («убоя»), мешающего оленям добраться до корма. В жаркое, сухое лето значительно снижается по сравнению с сырым и прохладным скоростью прироста лишайников (ягеля), служащих наиболее питательным кормом. Сам ягель делается ломким и хрупким, так что вытаптываемость пастбищ животными резко возрастает. Наконец, в жаркие годы увеличивается опасность тундровых пожаров (см. главу 4), а на пожарищах для восстановления тундровых и лесотундровых ягельных пастбищ требуется несколько десятилетий²¹.

Все эти данные с определенностью показывают, что аборигенное тундровое оленеводство находилось в сильнейшей зависи-

150

мости от общей экологической обстановки на Крайнем Севере. Как видно, экологически благоприятными для домашнего северного оленя, а значит — в целом для состояния оленеводства, оказываются годы с холодными зимами, без сильных колебаний температур, умеренным количеством осадков и сырой, прохладной погодой в летние месяцы. Такие условия можно в целом связывать с периодами похолодания климата Арктики. Напротив, экологически неблагоприятными для тундрового оленеводства являются годы с теплыми, неустойчивыми зимами, частыми оттепелями, гололедицами, а также жаркой, ясной погодой в летние месяцы. Их, соответственно, можно связывать с эпохами потепления.

Крайне неблагоприятны для оленеводства, также и годы с неустойчивостью погодных условий, неожиданными сменами оттепелей и заморозков, обильными осадками. Такие условия соответствуют в целом эпохам перехода от потепления климата к его похолоданию.

С этих позиций мы можем теперь проанализировать исторический ход изменений климата тундровой зоны Евразии в последнем тысячелетии, опираясь на проведенную в главе 4 палеоклиматическую реконструкцию²². Для каждого из выделенных в ней 20 климатических периодов в течение последнего тысячелетия (граф. 3) можно сделать условную оценку благоприятности или неблагоприятности общей экологической обстановки для развития оленеводства. Практически вся первая половина последнего тысячелетия с продолжительными теплыми фазами, а затем началом резкого похолодания оказывается в целом экологически неблагоприятной для тундрового оленеводства. Зато наиболее благоприятные для него условия

складывались в конце XVI— начале XVII в., на протяжении большей части XVIII и в первой половине XIX в., а также в первые десятилетия XX в.

Вряд ли вызывает удивление, что эти периоды совпадают с реконструированными ранее (в главе 4) эпохами максимума диких оленей в тундровой зоне Евразии, поскольку по своим физиологическим характеристикам дикие и домашние олени очень близки между собой. Следовательно, в экологически благоприятные периоды создаются как бы естественные предпосылки для развития оленеводства, поскольку уменьшается смертность оленей, улучшаются их физическое состояние и темпы воспроизводства. Одновременно сокращается необходимость заботы домашних животных для собственного потребления из-за обилия охотничьих ресурсов и роста численности диких оленей. Однако возможность реализации благоприятных экологических предпосылок определялась, естественно, динамикой социальных процессов.

И здесь, казалось бы, мы можем найти объяснение известным фактам социальной истории народов Крайнего Севера. Действительно, первый известный период, экологически благоприятный для оленеводства (конец XVI—первая половина XVII в.),— это время обострения социальной обстановки на Севере, постоян-

151

ных войн, междоусобных конфликтов, интенсивных передвижений населения. Такие условия могут бесспорно считаться социально неблагоприятными для зарождения крупностадного оленеводства. Напротив, в следующий экологически благоприятный период, который можно считать в целом с начала XVIII до середины XIX в., уже отчетливо проявлялось действие стимулирующих социально-экономических факторов, связанных с укреплением государственной власти, развитием торговли на Севере, ослаблением межплеменных конфликтов. Такие условия несомненно способствовали развитию новых хозяйственных отношений, стабилизации и закреплению поголовья домашних оленей, накоплению опыта новой формы жизнеобеспечения и использования территории.

Быстрый рост крупностадного оленеводства в тундрах Евразии в течение XVIII в. можно поэтому считать результатом происходивших одновременно социально-экономических и экологических изменений. Они и привели к развитию сходных процессов в разных, заведомо не связанных между собой частях тундровой зоны Северной Евразии.

Каковы могли быть при этом «механизмы» столь быстрого увеличения численности домашних оленей у ненцев и чукчей в XVIII в. или у других народов в XIX — начале XX в.? Социальные факторы этого процесса уже не раз описывались в литературе. Поэтому я лишь перечислю главные из них: начало социально-имущественного расслоения среди коренных жителей Севера, поддержанное, а местами и стимулированное русской администрацией; распад прежних родовых коллективистских норм, а значит, и возможность накопления крупных стад в руках отдельных хозяев; возросшие потребности транспортного оленеводства и торговли; необходимость выплаты натуральных повинностей, активизации пушного промысла, несения транспортной оленевой службы по требованию русской администрации и др.²³ Примерно те же факторы называют зарубежные исследователи оленеводства у скандинавских саамов, которое стало крупностадным также только в XVIII в. К ним в данном случае добавляются отчуждение охотничьих угодий шведскими и норвежскими колонистами, быстрое истребление дикого оленя в результате хищнической охоты и высокого налогообложения, влияние интенсивного животноводства и наемного пастушества и др.²⁴

Не менее важны, видимо, были и чисто биологические механизмы прироста поголовья: резкое улучшение условий летнего нагула и сокращение летней и зимней смертности домашних оленей, а также прямое увеличение темпов прироста стада. Отмечено, что после благоприятного, значит — сравнительно холодного и сырого лета у оленей лучше проходит гон, сокращается число яловых важенок и даже приносят потомство самки-телята прошлого и текущего года рождения²⁵. Более быстрый прирост и общее улучшение физического состояния оленей могли дополнительно стимулировать стремление оленеводов к накоплению круп-

152

ных стад, превращению их в главное мерило богатства, социального престижа, а затем и важнейший источник дохода.

Этнографические источники XVIII—XX вв. по народам тундровой зоны Евразии позволяют проследить, как проходил этот переход от преимущественно промыслового природопользования с транспортным мелкостадным оленеводством к продуктивному, крупностадному оленеводческому жизнеобеспечению, рассмотренному в главе 3. Этот процесс был проиллюстрирован мной ранее на примере европейских и западносибирских тундровых ненцев²⁶. Несмотря на известную локальную специфику, в нем можно выделить ряд этапов, общих для большинства тундровых народов Крайнего Севера.

Первый из них — *начальный период* аборигенного тундрового оленеводства начался с появления

домашних оленей в зоне тундры и длился до XVII—XVIII, а в некоторых районах — до XIX — начала XX в. Он характеризовался, как уже отмечалось, смешанной промысловой формой жизнеобеспечения с преобладанием охоты и рыболовства. Пищей жителям тундры служило мясо диких оленей, птица и рыба; одежда и жилище изготовлялись из шкур диких оленей или других зверей, добываемых охотой. Немногочисленные домашние олени использовались только для транспорта и, возможно, некоторых ритуальных целей.

Следующий этап — *период зарождения* крупностадного оленеводства. Он начинается с быстрого роста поголовья домашних оленей и появления крупных стад — сначала в сотни, а затем и тысячи голов во владении отдельных хозяев или стойбищ. Этот процесс, однако, далеко не сразу привел к смене системы природопользования и переходу к производящему хозяйству. Многочисленные источники свидетельствуют, что на этом этапе в жизнеобеспечении тундровых кочевников ведущую роль по-прежнему играли охота и рыболовство, причем порой в ущерб интересам оленеводства²⁷. Годовой хозяйственный цикл тундрового населения все так же делился по сезонам в зависимости от преобладающего вида промыслов; пищу, материалы для изготовления жилища, бытовых нужд, обмена и выплаты повинностей, как и раньше, поставляла преимущественно охота на диких оленей, дополняемая другими видами охоты, морским промыслом и рыболовством.

Яркую характеристику жизнеобеспечения сибирских тундровых ненцев в середине XVIII в. дал В. Ф. Зуев, участник Академической экспедиции 1768—1774 гг. «Их (самоедов, т. е. ненцев. — *И. К.*) экономию можно разделить так, что рыболовство — их пропитание, а олени — богатство заключают. Оленные мужики, которые стадам своим счету не знают, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные. А богатый сносит тот же голод. . . а оленей своих бить жалеет»²⁸.

Интересно, что почти так же характеризуют источники жизнеобеспечение других групп европейских и западносибирских ненцев в XVIII в., оленных чукчей и коряков в первой половине — середине XVIII в., нганасан, части энцев и северных селькупов

153

в середине — конце XIX в., скандинавских саамов до конца XVIII в.²⁹ У всех этих народностей в то время поголовье оленей насчитывало многие тысячи голов, но домашние олени по-прежнему использовались только как транспортные животные. Их очень берегли и забивали в пищу только при самых крайних обстоятельствах, причем старались делать это особым способом, считая недопустимым проливать их кровь³⁰. Мясо промысловых животных, особенно диких оленей, считалось у кочевников более престижной и лакомой пищей, а к мясу домашних оленей относились сравнительно равнодушно³¹.

Эти факты рисуют странное, на первый взгляд, несоответствие социальной и жизнеобеспечивающей (производственно-пищевой) роли крупностадного оленеводства в начальный период его развития. Такое «несоответствие» можно объяснить лишь тем, что переход к крупностадному оленеводству у тундровых кочевников в XVIII в. не был напрямую вызван кризисом прежних видов деятельности или истощением традиционных пищевых ресурсов, как считали многие исследователи. Значит, зарождение производящего скотоводства (пусть и в такой своеобразной, «арктической» форме) не всегда бывает связано с кризисом охоты на крупных копытных или существованием уже развитого оседлого земледелия. В данном случае, как видно, оно началось в условиях промысловой экономики с очень давними элементами транспортного скотоводства, в сравнительно благоприятный период ее развития.

Отдельно следует отметить роль истребления диких оленей в развитии тундрового оленеводства. Часто утверждается, что численность диких оленей в тундрах Евразии уменьшалась параллельно с ростом домашних или даже резко сократилась еще до появления крупностадного оленеводства³².

С таким мнением трудно согласиться: в целом для тундровой зоны Евразии этот процесс был весьма продолжительным и имел ярко выраженный волнообразный характер. Как показывают материалы, приведенные в главе 4, в эпохи, благоприятные для северного оленя, параллельно с укреплением домашнего оленеводства росла и численность диких оленей. Такие сведения по некоторым районам Севера имеются для середины XVIII в., начала и самого конца XIX в. и особенно для середины XX в., когда в 1960 — 70-е годы во многих частях евразийской тундры (на Таймыре, в Северной Якутии, Кольском п-ове) наблюдался рост поголовья диких оленей.

Периодические увеличения численности диких оленей сыграли, видимо, важную роль в развитии крупностадного оленеводства, особенно в его начальный период. Изобилие охотничьих ресурсов обеспечило аборигенам тундры необходимое время для постепенной социальной перестройки общества охотников-олeneводов, выработки нового годового хозяйственного цикла и системы жизнеобеспечения, приобретения опыта выпаса и охраны крупных стад. Оленеводы начали регулярно убивать собственных домашних животных, питаться их мясом и одеваться в их шкуры

не сразу же при переходе от охоты на дикого оленя к такой же «охоте на
154

домашнего» (как считал в свое время В. Г. Богораз)³³, а лишь по прошествии некоторого периода, необходимого для ломки всех прежних психологических стереотипов и представлений, направленных на максимальное оберегание стад домашних оленей. Без этого становление продуктивного оленеводства как господствующей формы жизнеобеспечения в тундровой зоне было бы невозможным³⁴.

Такой *переходный период* в развитии крупностадного оленеводства, судя по этнографическим материалам, мог растягиваться на 80—150 лет, или время жизни нескольких поколений. Он занял, видимо, не менее 50—80 лет у европейских ненцев и оленных чукчей (с начала XVIII до конца XVIII в.); примерно столько же или чуть меньше — у оленных коряков (с конца XVII по вторую половину XVIII в.); около 100 лет — у сибирских ненцев (середина XVIII—вторая половина XIX в.), скандинавских саамов (конец XVII—конец XVIII в.) и нганасан (середина XIX — первая половина XX в.); около 150 лет — у тундровых энцев и ненцев низовьев Енисея (конец XVIII — начало XX в.). Его окончание можно фиксировать по появлению свидетельств о регулярном забое кочевниками своих домашних оленей на мясо и шкуры для собственного потребления³⁵.

На этой завершающей стадии элементы кризисной ситуации, по-видимому, ускорили переход к новой форме жизнеобеспечения. Почти у всех тундровых народов Евразии, освоивших крупностадное оленеводство, раньше или позже наступал момент, когда охота на диких оленей была уже не в состоянии обеспечивать потребности в пище и сырье для производства или обмена. Так появлялась необходимость в регулярном забое собственных домашних оленей, которая знаменовала превращение тундрового аборигенного оленеводства в форму подлинно производящей экономики. Чаще всего такой качественный скачок был действительно связан с прямым сокращением популяций диких оленей.

В главе 4 уже отмечалось, что колебания численности диких оленей в зоне тундры имеют циклический характер и далеко не всегда могут объясняться хищнической деятельностью человека, распространением огнестрельного оружия или другими чисто социальными причинами. В самом общем виде эпохи резкого сокращения численности диких оленей в Евразии совпадали с периодами, неблагоприятными и для аборигенного оленеводства, т. е. с фазами потепления или нестабильности экологической обстановки в Арктике. Быстрое уменьшение поголовья диких оленей среди прочего могло объясняться вытеснением их стадами домашних оленей в наиболее нестабильные приполярные и горные части ареала и занятием домашними оленями «пастбищ-убежищ» — лучших, наиболее безопасных участков, не затрагиваемых гололедицей, обильными снегопадами или пургой, особенно в период отела. Кроме того, в такие периоды популяции диких оленей больше страдали и от охотничьего промысла: как относительно — поскольку не могли с прежней быстротой восполнять понесенные

155

потери, так и абсолютно — из-за роста численности тундрового населения в предшествующую благоприятную эпоху.

Поэтому наблюдавшееся периодически сокращение или даже полное исчезновение диких оленей во многих районах Крайнего Севера, столь поражавшее исследователей-современников, лучше всего опять-таки объяснять *совокупным действием* неблагоприятных экологических изменений и резкого усиления антропогенного пресса на популяции. Согласно материалам, приводимым в главе 4, в тундровой зоне Евразии можно выделить четыре таких периода. На севере Скандинавского п-ова, в Канино-Тиманской и Малоземельской тундрах, на Корякском нагорье и в восточной части Чукотского п-ова дикие олени стали редкими уже к концу XVIII в. В Большеземельской тундре, низовьях рек Амгу эмы и Чауна они почти исчезли к середине XIX в. В конце XIX или самом начале XX в. прекратились массовые переправы мигрирующих оленьих стад («плави») на Колыме и ее притоках, среднем течении Анадыря. Резко уменьшилась численность оленей в бассейнах Таза и Турухана, на севере Камчатки, большей части Кольского п-ова. Наконец, уже в 1930-е годы поголовье диких оленей упало на Полярном Урале, полуостровах Ямал и Гыданский, во многих районах Северной Якутии. Напомню, что все эти периоды были неблагоприятны и для развития аборигенного оленеводства.

Тем более примечательно, что переход большинства народов тундр Евразии к продуктивному оленеводству происходил такими же циклическими «волнами». Такое совпадение вряд ли было случайным. Создается впечатление, что этот процесс почти синхронно шел от западной и восточной оконечностей тундр Евразии к ее центральному сектору. Раньше всего, очевидно в конце XVII — начале XVIII в., он охватил скандинавских саамов и часть оленных коряков, для которых некоторые источники уже тогда отмечали существование крупных оленьих стад и активное использование их для

собственного потребления³⁶.

К концу XVIII — началу XIX в. появляются сведения о регулярном забое своих оленей для питания канино-тиманскими и малоземельскими ненцами, а на другом конце Евразии — чукчами Чукотского п-ова³⁷. В середине XIX в. продуктивное оленеводство, по-видимому, вытеснило охоту и рыболовство в жизнеобеспечении основной части большеземельских и ямальских ненцев, центральных и западных групп оленных чулков; к концу XIX в. это произошло у северных селькупов, Кольских и северо-восточных финских саамов³⁸. В первые десятилетия XX в. завершился переход к продуктивному крупностадному оленеводству основной массы долган, тундровых энцев, нганасан, северных якутов-оленевонов³⁹. Таким образом, лишь к XX в. произошло соединение западного и восточного ареалов крупностадного оленеводства в Евразии, и этот тип природопользования стал господствующим на всем пространстве внутренней тундровой зоны.

Главным «пусковым механизмом» регулярных забоев оленеводами собственных домашних оленей при уменьшении в жизне-

156

обеспечении роли охоты представляется не острый недостаток пищи, а нехватка шкур для пошива одежды, обуви, изготовления покрывал жилища и других бытовых предметов⁴⁰. В случае нужды оленьё мясо можно было заменить птицей, рыбой, мясом морского зверя и даже покупной русской мукой (как это было, например, у европейских ненцев в XIX — XX вв.). Но оленьи шкуры являются практически незаменимым материалом для изготовления одежды и жилища в условиях Крайнего Севера. Важно при этом, что каждой семье тундровых кочевников требовалось не просто 40—50 оленьих шкур в год: для каждого из видов потребностей было необходимо известное количество сырья, полученного в строго определенные периоды года⁴¹. Недостаток в этот момент нужного на весь год числа шкур оленей ставил под угрозу жизненно важный для существования в Арктике процесс ежегодного обновления теплой зимней одежды, части покрывал жилища и бытового инвентаря. Такая угроза могла первоначально сниматься изготовлением менее качественной и менее престижной одежды из шкур пушных зверей, а впоследствии — забоем собственных домашних оленей.

В некоторых случаях переход к продуктивному крупностадному оленеводству был ускорен дополнительными факторами. У европейских, а затем и западносибирских тундровых ненцев и Кольских саамов начало повседневного использования в пищу мяса домашних оленей могло быть вызвано влиянием коми-зырянского (ижемского) оленеводства, которое с самого момента своего возникновения в конце XVIII — начале XIX в. было высокотоварной формой производящего хозяйства. Регулярные забои ижемцами большого числа домашних оленей для продажи мяса и шкур известны уже в первые десятилетия XIX в.⁴² Использование ими всех продуктов забоя оленей для собственного потребления, широкая продажа оленьего мяса и оплата им труда наемных работников несомненно должны были способствовать разрушению прежнего охранительного отношения ненцев и саамов к своим стадам и стимулировать развитие у них потребительского и товарного оленеводства. Для оленных чулков и коряков такую же стимулирующую роль в переходе к новой форме жизнеобеспечения сыграли, видимо, не столько военные столкновения и захват чужих оленьих стад (как порой утверждается в литературе), а обменные и торговые контакты с оседлыми жителями — эскимосами, приморскими чулками и коряками, смешанным обрусевшим населением Колымы, Гижиги и Анадыря. При сокращении поголовья диких оленей оседлые жители лишились важного источника питания, но главное — необходимого сырья для пошива теплой зимней одежды, которое они могли приобрести только у тундровых оленеводов. На Чукотском п-ове, например, дикие олени почти исчезли уже к концу XVIII в., и к этому же времени имеются совершенно определенные свидетельства устоявшегося обмена между береговым и кочевым тундровым населением⁴³. Не исключено, что имен-

157

но благодаря более интенсивным межэтническим контактам продуктивное крупностадное оленеводство стало доминирующей формой жизнеобеспечения на крайнем западе и востоке тундровой зоны Евразии намного раньше, чем на севере Средней и Восточной Сибири, где смешанная промыслово-оленевоновческая форма природопользования господствовала до второй половины XIX — начала XX в.

Широкое употребление в пищу и на бытовые нужды продукции собственных стад привело к существенным переменам в жизнеобеспечении тундровых кочевников. Прежде всего оно способствовало выравниванию потребления, ликвидации характерных для промысловой экономики резких сезонных перепадов количества и состава поступающей пищи, прекращению регулярных голодовок. Стабилизация жизнеобеспечения должна была несомненно отразиться на росте численности тундровых оленеводов. Такой рост действительно фиксируется по источникам XVII—XIX вв.

Лучше всего эти сведения систематизированы опять-таки для европейских ненцев⁴⁴. В течение XVI—XVII вв. при господстве у них промыслового жизнеобеспечения с охотой, рыболовством и

мелкостадным транспортным оленеводством общая численность европейских ненцев (по расчетам числа мужчин-плательщиков ясака) составляла около 1300—1400 человек. Видимо, эту цифру можно принять как некий «средний» уровень при данной модели жизнеобеспечения, отмеченный фрагментарными и не всегда надежными источниками.

По-видимому, на протяжении XVIII в. численность европейских ненцев медленно увеличивалась и к 1780-м годам достигла 1800—1900 человек. Но затем всего за каких-нибудь 80 лет (1780—1860 гг.) она возросла в три раза (!), после чего, достигнув цифры 5,5—6 тыс. человек, вновь относительно стабилизировалась и почти сто лет колебалась на этом уровне (граф. 5). Интересно, что этот «демографический взрыв», т. е. период максимального прироста, начался не с появлением у европейских ненцев крупных стад домашних оленей в первой половине XVIII в., а 50—80 лет спустя — с переходом к продуктивному оленеводству. При общем быстром росте всех европейских ненцев численность западных групп оленеводов (канинских и тиманских) особенно возросла в последние десятилетия XVIII в., а восточных (большеземельских) — в первой половине XIX в. Это хорошо соответствует сведениям о более раннем исчезновении диких оленей в западной части европейских тундр по сравнению с восточной и переходу канинских и тиманских ненцев к питанию мясом своим домашних оленей и покупной русской мукой уже в конце XVIII в.

Таким образом, за 150—180 лет, с конца XVII по середину XIX в., численность европейских ненцев, по исчислениям Б. О. Долгих, увеличилась примерно в четыре раза: с 1400 —1500 до 5500 — 6000 человек⁴⁵. Последующая динамика с середины XIX в. (табл. 27) определялась спадами численности населения в годы эпидемий или массовых падежей домашних оленей (в конце

158

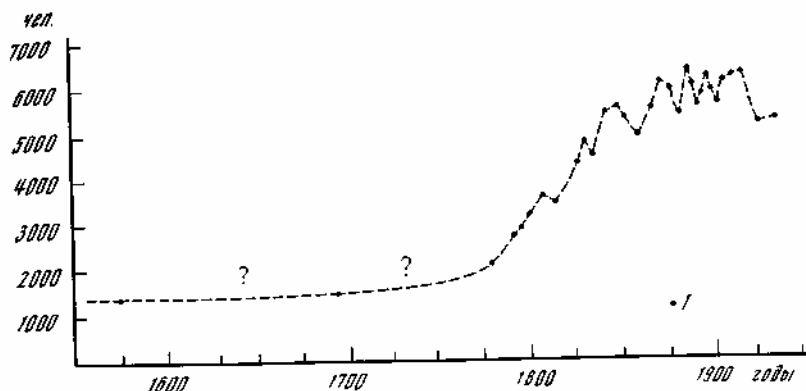

График 5. Динамика численности европейских ненцев. Конеч XVI — начало XX в.

1 — годы переписей, оценок или учетов населения (по: Долгих, 1970; Васильев, 1979; Крушник, 1976)

1870-х, 1880-х, начале 1900-х годов) за счет возраставшей смертности или оттока оленеводов за Урал в годы сильных эпизоотии. Именно такой тип демографического поведения кочевников восстанавливается по данным первых десятилетий XX в. (см. главу 3). Значит, цифру в 5,5—6 тыс. человек можно рассматривать как новый «критический уровень» для той же территории при более продуктивной системе природопользования.

Оценки по другим тундровым народам Евразии, к сожалению, менее надежны, но также подтверждают вывод о быстром росте кочевого населения с переходом к крупностадному оленеводству. Так, численность кочевых чукчей, по весьма условным расчетам Б. О. Долгих, могла составлять в XVII в. около 2 тыс. человек, а к концу XIX в. достигла 8,8 тыс. человек, после чего опять-таки относительно стабилизировалась⁴⁶. Следовательно, и здесь крупно-

Таблица 27. Динамика численности европейских ненцев (в скобках указано число мужчин)

Дата	Численность (чел.)	Дата	Численность (чел.)	Дата	Численность (чел.)
Середина XVI в.	1360	1839	4807 (2374)	1886	6267
Конец XVII в.	1400	1841	4495 (2390)	1893	5466
1781	1940 (976)	1844	5540	1897	6113 (3070)
1795	. . . (1512)	1848	5752	1902	5430
1798	. . . (1627)	1851	5580	1906	6093
1801	3100	1858	4907 (2530)	1913	6217
1811	. . . (1955)	1864	5668	1926	5235
1816	3323 (1935)	1873	6050	1933	5302
1835	4372 (2390)	1880	5598		

159

стадное оленеводство оказалось примерно в четыре раза более продуктивной формой природопользования, чем охота на диких оленей в сочетании с рыболовством и морским промыслом. Та же картина наблюдалась и у оленных коряков — чавчуженов. В середине XVIII в., в период активного перехода к производящему оленеводческому хозяйству, их численность составляла около 1200—1300 человек. К концу XVIII в. она возросла до 1,5 тыс. человек, а затем всего за 50—80 лет увеличилась в 2,5 раза — до 3,7—3,8 тыс. человек в конце XIX в., после чего вновь относительно стабилизировалась⁴⁷.

Прекращение заметного роста населения и сохранение его относительной стабильности на протяжении последующих десятилетий явно указывает, что со второй половины XIX в. специализированная оленеводческая форма природопользования вступает в следующую фазу — период *экономического доминирования* крупностадного оленеводства в тундровой зоне Евразии. Этот этап продолжался до 40—50-х годов нашего столетия, т. е. до начала широкой коллективизации и последующей реконструкции хозяйства кочевников. Характерная для него система жизнеобеспечения подробно рассмотрена в главе 3.

Быстрое увеличение численности оленеводческого населения в XVIII—XIX вв. шло не только за счет его высокого естественного прироста. Важным фактором был, видимо, отток в тундру берегового населения, привлеченного возможностями новой формы природопользования. Но этот процесс все же не мог быть продолжительным. При имущественной дифференциации оленеводов и накоплении крупных стад в руках отдельных богатых владельцев «свободные ниши» для ведения оленеводства оказались быстро заполнены. Уже в XVIII — начале XIX в. в тундре появляется прослойка разорившихся, обедневших оленеводов, вынужденных переходить к батрачеству, товарному рыболовству или морскому промыслу⁴⁹. Усилившееся хозяйственное расслоение жителей тундры вновь вело к некоторому увеличению оседлого или полуоседлого населения с преимущественно промысловым, но уже, как правило, товарным хозяйством. Так в тундрах Евразии возник еще один тип жизнеобеспечения — с опорой на рыболовство, пушную охоту и морской промысел, с активным потреблением покупного продовольствия и мелкостадным транспортным оленеводством. Некоторые его варианты будут подробнее рассмотрены в главе 6.

Процесс «вторичного» оседания и роста оседлого населения стимулировался достигнутой ранее относительной стабильностью поголовья домашних оленей. Правда, его динамику мы можем проследить в самом общем виде лишь для отдельных частей тундровой зоны Евразии: Скандинавского и Восточноевропейского Севера (с конца XVIII или даже начала — середины XIX в.), севера Западной Сибири (с середины XIX в.), Чукотки и Камчатки (с первых десятилетий XX в.). Она складывалась из чередования катастрофических падений численности животных в годы эпизоотии или неблагоприятных погодных условий и последующего

160

довольно быстрого ее восстановления до прежнего или близкого уровня.

Следовательно, итогом развития крупностадного оленеводства в Евразии оказалось не только вытеснение дикого оленя домашним на обширных пространствах тундровой зоны. Новым для тундровых экосистем стал особый тип динамики популяций домашних животных, характерный для всех типов кочевого экстенсивного скотоводства: с более высокой плодовитостью, повышенной плотностью выпаса и концентрации поголовья, очень резкими снижениями численности в годы массовых падежей и эпизоотии и быстрыми восстановлениями до некоторого «предельного» уровня⁵⁰.

Подводя итог описанного пути исторической эволюции оленеводства в тундровой зоне Евразии, можно сказать, что в течение последних столетий здесь произошла подлинная хозяйственно-экономическая революция. Она ознаменовала переход аборигенного населения от промысловой (присваивающей)

экономики с элементами «раннего», транспортного животноводства к высокоспециализированной продуктивной форме скотоводства. И хотя не так легко оценить сейчас, насколько этот процесс мог быть ускорен включением Севера в состав Русского государства, он несомненно должен считаться самостоятельным достижением обитателей тундры, закономерным результатом эволюции их систем природопользования.

В течение весьма короткого времени, XVIII—XIX вв., в тундровой зоне Евразии произошла радикальная перестройка структуры связей аборигенного населения со своей средой обитания. За этот срок здесь последовательно сменили друг друга три различные системы жизнеобеспечения: 1) мобильных охотников-рыболовов с транспортным вспомогательным оленеводством; 2) кочевых охотников с крупностадным транспортным оленеводством; 3) высокоспециализированных кочевников-олeneводов. В некоторых районах во второй половине XIX в. появилась еще одна форма жизнеобеспечения — с товарной охотой или рыболовством, активным потреблением покупного продовольствия и потребительским оленеводством. Учитывая огромное многообразие известных к XX в. этнических и региональных вариантов тундрового аборигенного оленеводства, можно лишь поражаться пластичности этой хозяйственно-экологической модели адаптации, ее способности к быстрым изменениям в своеобразных социально-исторических или природных условиях.

Столь явная способность к быстрому прогрессивному росту, во всяком случае — в отдельные отрезки времени, опровергает встречающиеся в литературе высказывания о «застывании» традиционного хозяйства народов Севера, замедлении темпов их исторической эволюции". Скорее напротив: характерные для Крайнего Севера быстрота и резкость экологических и социальных

И. И. Крупник

161

изменений привели к тому, что сложный процесс перехода к жизнеобеспечению за счет производящих форм хозяйства занял здесь по сути всего полтора—два столетия. В других районах мира, как известно, он потребовал значительно более долгого времени. Точно так же история обитателей тундр Евразии в XVIII — XIX вв. показывает нам, что процессы демографического развития на Крайнем Севере могут в отдельные периоды идти с не меньшей, если даже не большей скоростью, чем в экологически более благоприятных районах мира. Трудно найти другой хорошо документированный исторический пример, когда переход к производящему хозяйству вызвал бы четырехкратное увеличение численности кочевников всего за несколько поколений. Такие темпы роста, как у европейских ненцев или оленных чукчей конца XVIII — начала XIX в., тем более удивительны, что они наблюдались в традиционных обществах, живущих в экстремальной среде обитания, в условиях частых эпидемий, межплеменных конфликтов, отсутствия какой-либо медицинской помощи.

История появления крупностадного оленеводства в тундрах Евразии дает нам первые факты для анализа путей эволюции традиционных обществ на Крайнем Севере. Видимое в общей исторической ретроспективе их культурное и экономическое отставание следует, очевидно, объяснять не прямым замедлением темпов общественно-политического развития в 'экстремальной среде обитания, а какой-то специфичностью их форм проявления. Так, быстрота происходящих хозяйственных и социальных изменений определяется не просто «совокупным действием» социально-исторических и экологических факторов. Огромную роль играет *конкретное направление* действующих в данный момент тенденций социального и природного развития. В случае, когда эти тенденции действуют однонаправленно, процессы эволюции разительно ускоряются. Примерами таких совпадений социальных и экологических тенденций в истории крупностадного оленеводства мы можем считать скачкообразный рост поголовья домашних оленей в тундровой зоне в XVIII в., когда благоприятная экологическая обстановка сочеталась со стимулирующими социальными процессами, или столь же лавинообразные падения численности диких оленей в разные периоды XVIII — первой трети XX в. (экологически неблагоприятные условия, мощный охотничий пресс, вытеснение в наиболее уязвимые части ареала).

Напомним, что падение крупностадного товарного оленеводства на Аляске в 1930—1940-е годы, вызванное безусловно негативными социально-экономическими причинами, также пришлось на экологически неблагоприятный период для северного оленеводческого хозяйства.

Что же происходило в тех случаях, когда направления социального и экологического развития не совпадали или даже действовали «навстречу» друг другу? Можно полагать, что их влияние как бы складывалось и взаимно ослаблялось. Одним из таких

162

периодов безусловно можно считать конец XVI —первую половину XVII в., когда экологические условия в тундрах Евразии должны были, казалось, благоприятствовать росту численности домашних оленей, но социальная обстановка была крайне напряженной из-за массовых

передвижений населения и постоянных военных конфликтов.

Думаю, при желании мы можем найти и другие примеры подобных ситуаций. Но крупнотабунное оленеводство на севере Евразии слишком молодо, а ранние этапы кочевых форм природопользования в тундрах Евразии очень плохо отражены в документальных источниках и еще хуже известны по археологическим памятникам. Поэтому для анализа соотношения социально-экономических и экологических факторов в развитии традиционных обществ Крайнего Севера нам лучше обратиться к истории более древней и устойчивой формы арктического жизнеобеспечения — к приморскому зверобойному промыслу.

¹ Я искренне признателен Г. Н. Грачевой, обратившей мое внимание на этот термин вместо менее удачной формы «крупнотабунное оленеводство» ср.: Крупник, 1975; 1976 б).

² См. подробнее: Вайнштейн, 1972, 100—101; Шнирельман, 1980, 175—182.

³ Вайнштейн, 1972, 123; 1981, 119-123; Василевич, Левин, 1951, 78-81; Васильев В. И., 1979, 64 — 66; Максимов А. Н., 1929, 22—24; Шнирельман, 1977, 29-30 и др.

⁴ Василевич, Левин, 1951, 82-84; Гурвич, 1983, 114-115; Шнирельман, 1980, 180-181.

⁵ Вдовин, 1950, 79-81; 1973, 242; 1975, 146-147; Вольфсон, 1984, 38-50; Диков, 1975, 52; Золотарев, Левин, 1940, 184; Симченко, 1976, 77; 1978, 149—150.

⁶ Общественный строй, 1970, 39; Симченко, 1978, 150.

⁷ Вдовин, 1948, 70; Колычева, 1956, 79; Общественный строй, 1970, 98. Подробнее этот вопрос рассмотрен в специальной работе: Крупник, 19766.

⁹ Алексеев М., 1932, 273, 296; 1936, 201, 249, 272; Долгих, 1970, 25-26; Колычева, 1956, 78—80.

¹⁰ Колычева, 1956, 75; Долгих, 1970, 22; Васильев В. И., 1979, 78. " Ср.: Шнирельман, 1974, 50-51.

¹² Вдовин, 1948, 61; 1965, 12-16; 1975, 152-154; Гурвич, 1977, 51; Долгих, 1952, 6-80; 1970, 133-134; Лебедев, 1980, 86-87; Левин, 1958, 224; Попов, 1948; Юкагиры, 1975, 56-60; Meriot, 1984, 378-379.

¹³ Вопросы и ответы, 1787, IX, 4 — 5; Зуев, 1947, 32; Латкин, 1853, 106-107; Лепехин, 1805, 229.

¹⁴ См.: Вдовин, 1948, 61; 1965, 9-17; 1975, 153-155 (чукчи); Попов, 1948, 55; Долгих, 1952, 8—9; Грачева, 1983, 8 (нганасаны); Попов, 1934, 125, 138 (долганы); Левин, 1958, 224; Гурвич, 1983, 115 (коряки); Лукьянченко, 1971, 22, 30-33; Конаков, 1988, 50-52; Никкуль, 1975, 132 (саамы); Долгих, 1970, 134 (энцы); Гурвич, 1977, 51-52 (якуты); Лебедев, 1978, 16; 1980, 86-87 (селькупы); Козьмин, 1980, 171 (ханты); Жеребцов, 1982, 162 (коми) и др.

¹⁵ Гурвич, 1983, 115; Общественный строй, 1970, 54, 98-100.

¹⁶ Богораз, 1931, 108-112; Вдовин, 1948, 69-70; 1965, 17-20; Долгих, 1970, 134; Лебедев, 1980, 86—87 и др.

¹⁷ Leeds, 1965, 98; Очерки истории Чукотки, 1974, 70; Хлобыстин, Грачева, 1974, 84—85; Хлобыстин, Левковская. 1974, 240.

Гептнер и др., 1960, 306; Макарова, Сегаль, 1958; Панин, 1930, 60-64; Слоним, 1966, 46. ¹⁹ Давыдов, 1960, 71-74; Жигунов, 1961, 81-84-86; Сегаль, 1960, 239.

Керцелли, 1911, 52; Сдобников, 1933, 189. ²¹ Городков, 1926, 154-155; Сдобников, 1933, 217; Юдин, 1969, 9.

И*

- ²² Первый вариант этой схемы см.: Крупник, 1975.
- ²³ См. подробнее: Васильев В. И., 1976, 325—336; Вдовин, 1965, 9—12; 1975, 154—155; Лебедев, 1980, 86—91; Общественный строй, 1970, 54.
- ²⁴ Veach, 1981, 66—70; Vogel, 1974/75, 249—252.
- ²⁵ Сдобников, 1933, 209; Семериков, 1933, 15—16; Соловьев, 1927, 26.
- ²⁶ Крупник, 19766, 61—69.
- ²⁷ Ср.: Вдовин, 1965, 12—15; Вопросы и ответы, 1787, 30; Зуев, 1947, 35; Колычева, 1956, 77; Попов, 1948, 19.
- ²⁸ Зуев, 1947, 68.
- ²⁹ См. подробнее: Андреев А. И., 1947, 100; Вдовин, 1973, 230; 1974, 118; Вопросы и ответы, 1787, IX, 4—6; Георги, 1777, 7—9; Колониальная политика, 1935, 157; Крашенинников, 1949, 453; Стеллер, 1938, 130; Mériot, 1980, 55.
- ³⁰ Вдовин, 1974, 118; Грачева, 1983, 8; Косвен, 1962, 279, 282; Попов, 1948, 55, 95 и др.
- ³¹ Водогас, 1904, 72; Долгих, 1952, 8; Симченко, 1976, 84.
- ³² Друри, 1949, 25; Вдовин, 1965, 10; Гурвич, 1977, 52; Хлобыстин, Грачева, 1974, 81—82.
- ³³ Богораз, 1933, 243.
- ³⁴ Об этом, в частности, свидетельствуют отраженные в фольклоре случаи попадания домашних оленей в руки безоленных охотников, которые заканчивались гибелью или быстрым уничтожением захваченных стад.— ср.: Васильев В. И., 1979, 56.
- ³⁵ Косвен, 1962, 282; Этнографические материалы, 1978, 113, 125.
- ³⁶ Вдовин, 1973, 214—216; Гурвич, 1983; Шнирельман, 1980, 114; Mériot, 1980, 64—66.
- ³⁷ Вопросы и ответы, 1787, IX, 4—5; Этнографические материалы, 1978, 125.
- ³⁸ См. подробнее: Конаков, 1986; Лебедев, 1978; 1980; Лукьянченко, 1971; Никкуль, 1975, 132.
- ³⁹ Попов, 1935; 1948; 1952; Гурвич, 1977.
- ⁴⁰ Крупник, 19766, 66; Лебедев, 1980, 87.
- ⁴¹ Так, оленеводы-чукчи для пошива натальной меховой одежды использовали шкуры с очень коротким волосом от оленей, забитых в конце июля. Для пошива верхней одежды брались шкуры с более длинным волосом (забой начала августа), для изготовления полога — шкуры сентябрьского забоя.
- ⁴² Иславин, 1847, 71—72; Латкин, 1853, 117; Конаков, 1986, 46.
- ⁴³ Вдовин, 1965, 52; 1975, 154—155; Сарычев, 1952, 185; Этнографические материалы, 1978, 98.
- ⁴⁴ См. сводки: Бабушкин, 1930, 36; Васильев В. И., 1979, 75—85; Долгих, 1970, 22; Колычева, 1956, 82—84; Крупник, 19766, 67—69; Патканов, 1911, 48.
- ⁴⁵ Долгих, 1970, 22.
- ⁴⁶ Долгих, 1960, 554—555; Гурвич, 1966, 191, 275; Этническая история, 1982, 207—210.
- ⁴⁷ Вдовин, 1973, 217—223; Долгих, 1960, 563, 577; Этническая история, 1982, 206—207.
- ⁴⁸ Долгих, 1960, 551; Этническая история, 1982, 206.
- ⁴⁹ Васильев В. И., 1979, 143—144; Иславин, 1847, 64, 135 Крашенинников, 1949, 455.
- ⁵⁰ Т. Б. Долгих обратила мое внимание на важность накопленного в процессе перехода к крупностадному оленеводству опыта селекции, изменения половозрастного состава стада, многолетнего отбора наиболее продуктивных животных.
- ⁵¹ Ср.: Общественный строй, 1970, 5; Вдовин, 1973, 216; 1975, 143.

Глава 6

АДАПТАЦИЯ ПРИМОРСКИХ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

История морского зверобойного промысла в Арктике насчитывает много тысячелетий. Самые ранние следы охоты на морских животных в высоких широтах обнаружены на северном побережье Норвегии и Кольского п-ова и в восточной части Алеутского архипелага (стоянка Анангула). Они датируются

VIII—VI тыс. до н. э.¹ В более суровых, собственно арктических районах стоянки приморских охотников появляются около 4,5 тыс. лет назад: первоначально, видимо, на севере Аляски, откуда затем быстро распространяются на восток вплоть до канадских островов и севера Гренландии². Следовательно, уже четыре тысячи лет назад охота на морских животных позволила человеку освоить обширные, до того безлюдные пространства на берегах арктических морей и проникнуть в самый центр Полярного бассейна до 80—82° с. ш.

На крайнем севере Евразии история приморских систем жизнеобеспечения лучше всего изучена на примере древних культур азиатских эскимосов на Чукотском п-ове. Район Берингова пролива с его удивительным богатством морских промысловых ресурсов был одним из главных центров зверобойной культуры всей циркумполярной области. Непрерывное развитие оседлого приморского хозяйства продолжалось здесь около двух с половиной тысяч лет: с конца I тыс. до н. э. и вплоть до нашего времени. Возможно, этот период удастся удревить еще на целую тысячу лет благодаря недавней находке стоянки первобытных зверобоев на о. Врангеля; но на материке следы столь древних приморских культур пока не обнаружены.

Раскопки древнеэскимосских поселений и могильников показывают, что в течение последних двух тысяч лет жизнеобеспечение приморских жителей Чукотки — предков азиатских эскимосов и береговых чукчей — основывалось на развитом зверобойном промысле. Уже две тысячи лет назад древние охотники добывали тех же морских животных (китов, белух, моржей, тюленей), что и эскимосы начала XX в. Одновременно они активно использовали другие ресурсы своей среды обитания, дополняя морской промысел охотой на наземных животных, птиц, рыболовством, сбором продуктов моря и съедобных растений. Не менее двух тысяч лет назад возникли на побережье Берингова пролива и долговременные по-

165

селки оседлых зверобоев с крупными полуподземными жилищами. Вокруг этих поселков сформировались своеобразные антропогенные ландшафты, сохраняющие до наших дней следы человеческого обитания.

Опираясь на археологические материалы, в истории приморских систем жизнеобеспечения на Чукотском п-ве можно выделить несколько хронологических вариантов, которые мы вправе связывать с известными археологическими культурами древних эскимосов: древнеберингоморской, оквикской, бирнирской, пунук-ской, туле и т. п. В древнеберингоморско-оквикскую эпоху (конец I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.) главную роль в жизнеобеспечении морских охотников играла добыча моржа. Система жизнеобеспечения бирнирской культуры (середина I тыс. н. э.) ориентировалась преимущественно на промысел тюленей и диких оленей, о чем свидетельствуют преобладание небольших гарпунов и обилие орудий из оленьего рога. Пунукская модель (вторая половина I—начало II тыс.) отражает явную ориентацию на коллективную добычу крупных гренландских китов и общий расцвет китобойной аборигенной культуры. В системе жизнеобеспечения последующей культуры туле (середина II тыс.), как и этнографически известных азиатских эскимосов и береговых чукчей XVIII—XIX вв., вновь преобладал промысел ластоногих, хфтя охота на китов сохраняла важное значение³. Близкое соотношение дают нам балансы жизнеобеспечения эскимосских общин начала XX в. (см. главу 2), но с очевидным снижением роли китобойного промысла из-за хищнического истребления китов в водах Чукотки американскими судами во второй половине XIX в.

При этом за два с половиной тысячелетия приморское хозяйство эскимосов на Чукотском п-ове пережило несколько отчетливых периодов расцвета, чередовавшихся с этапами спада, вероятного снижения численности населения и даже культурного регресса. Последние можно связывать с серединой бирнирской эпохи (V—VII вв. н. э.), второй половиной эпохи туле (XIV—XV вв.) и XVIII—началом XIX в. Такое же «волнообразное» развитие с чередованием периодов подъема и упадка, расширения и сокращения ареала реконструируют археологи для истории эскимосских зверобойных культур на американской стороне Берингова пролива и о. Св. Лаврентия.

Нелинейный путь развития древнеэскимосских систем жизнеобеспечения требует объяснения. В последние 15—20 лет его чаще всего искали в изменениях арктической среды обитания, и в первую очередь в изменениях климата Арктики. В 60-е и особенно в 70-е годы казалось, «что это — универсальная и более тонкая система интерпретаций по сравнению с прежними теориями, связывавшими основные события в истории эскимосов с миграциями, диффузией культурных ценностей или вытеснением в новые места обитания.

Суть «экологической интерпретации» эволюции древнеэскимосских культур вкратце сводится к следующему. В суровых условиях Арктики жизнеобеспечение первобытных коллективов очень

166

зависело от любых изменений эксплуатируемых природных ресурсов. Состав и обилие этих ресурсов были непостоянны и колебались в зависимости от изменений климата. Эпохи потепления были более благоприятны для охоты на крупных морских животных — китов и моржей, поскольку в это время их количество в водах Арктики заметно увеличивалось. Это обеспечивало рост приморского населения и расширение ареала оседлой зверобойной культуры в приполярные широты.

Напротив, эпохи похолодания климата оказывались неблагоприятными для арктического зверобойного хозяйства, так как они сопровождались сокращением или даже полным исчезновением крупных животных в высоких широтах. В эти периоды роль охоты на китов и моржей в жизнеобеспечении эскимосов падала, но зато возрастало значение охоты на диких оленей, тюленей и рыболовства. Сокращалась численность оседлого берегового населения; происходило дробление некогда крупных, спаянных общин; коллективы становились более мобильными. Поэтому периоды похолоданий были благоприятными для развития континентальных вариантов эскимосских культур, или «континентальных» традиций в эскимосском жизнеобеспечении⁵.

Некоторые этапы истории приморской культуры азиатских эскимосов на Чукотском п-ве действительно хорошо описываются такой экологической интерпретацией. Так, наиболее характерные черты бирнирской системы жизнеобеспечения: преобладание добычи тюленей на льду, падение роли охоты на китов и моржей, нехватка моржового клыка и изготовление орудий из оленьего рога — можно рассматривать как свидетельства адаптации к более суровой экологической обстановке. Поэтому археологи давно уже связывают появление культуры бирнир на Чукотке, как и на севере Аляски, с похолоданием климата Арктики к середине I тыс. н. э.⁶ Зато становление в VIII — IX вв. культуры пунук и близкой к ней ранней фазы культуры туле на Аляске столь же единодушно объясняют потеплением климата Арктики в конце I тыс. н. э.⁷ Изобилие и доступность китов в арктических водах в эту эпоху предопределили расцвет эскимосского китобойного промысла, появление крупных долговременных поселений. Наконец, вытеснение пунукской традиции и распространение на Чукотке поздней фазы культуры туле в XIV—XVI вв. совпадают, по общему мнению, с новым похолоданием Арктики — эпохой «малого ледникового периода». Именно похолоданием климата археологи объясняли упадок китобойного промысла, возрастание охоты на тюленей и диких оленей-карибу, запустение крупных береговых поселков, наблюдавшиеся в это время во всем эскимосском ареале от Чукотки до Гренландии⁸. Несмотря на свою внешнюю убедительность, экологические концепции 60—70-х годов постепенно стали все больше вызывать критику из-за своей излишней прямолинейности. Так, колебания природных ресурсов Арктики они трактовали как однозначные,

167

альтернативные состояния: увеличение — уменьшение, полное исчезновение — быстрое размножение. Реальная динамика арктических экосистем, как мы видели выше, была более сбалансированной, и уменьшению численности одних видов промысловых животных обычно соответствовало увеличение численности других. Экологические объяснения не учитывали, как правило, и роль социально-исторических факторов в развитии эскимосского жизнеобеспечения или сводили их влияние к самым последним столетиям и периоду европейско-американской колонизации. Это оставляло в стороне такие важные механизмы динамики аборигенных обществ, как прирост численности населения, накопление производственных навыков, контакты с другими аборигенными коллективами и заимствование технологии, изменение среды под влиянием самого аборигенного промысла. Очевидно, что эти факторы играли свою роль на протяжении всей длительной истории арктического зверобойного хозяйства⁹.

Своеобразной реакцией на ограниченность чисто экологических интерпретаций стало появление более сложных, синтетических концепций, в частности идеи о «типах адаптации» — культурно-экологических комплексах, формирующихся в определенной среде обитания. Арктическое зверобойное хозяйство в таком случае виделось как главный элемент «северного приморского типа адаптации», т. е. особой формы жизнеобеспечения, чья экономическая база и общая культурная ориентация основывались на использовании водных и сухопутных ресурсов береговой зоны северных морей¹⁰. Нетрудно заметить, что такая идея имеет много параллелей с советской концепцией хозяйственно-культурных типов.

В рамках предложенной общей модели «северного приморского типа адаптации» некоторые ученые выделяют различные локальные, этнические или хронологические варианты. Они сменяли друг друга в эволюционной последовательности (по мнению одних авторов) либо в соответствии с изменениями климатических условий (как считают другие), либо в ходе миграций и перестройки этнической карты

Арктики. " Так или иначе, история арктических приморских культур представляется в таком случае как *адаптация*, т. е. активное, направленное приспособление к конкретным экологическим условиям на базе определенных технологических навыков и достижений.

Сейчас эволюцию арктических зверобойных культур скорее предпочитают видеть как *серию адаптаций*, т. е. как процесс последовательного накопления культурных и социальных механизмов, позволивших древним охотникам освоить полярные окраины эйку-мены. Некоторые из этих механизмов: гибкость системы жизнеобеспечения, экономия затрат труда и времени, ориентация на наиболее доступную добычу, создание долговременных запасов пищи — были рассмотрены выше на примере общин азиатских эскимосов первых десятилетий XX в. Анализ других адаптации требует более широкого исторического диапазона и привлечения археологи-

168

ческих и палеоэтнографических данных, в том числе результатов новейших исследований на Чукотке. *Цикличность и направленность эскимосского природопользования.* Как известно, выдвинутый еще в 60-е годы тезис об универсальности («всеядности») эскимосского хозяйства до сих пор остается центральным при анализе всех арктических систем жизнеобеспечения. В полной мере это относится и к древним обитателям побережья Чукотки, которые уже как минимум две тысячи лет назад научились использовать все виды промысловых ресурсов своей территории, сочетая добычу морских животных с рыболовством, сухопутной охотой и собирательством. Следовательно, уже две тысячи лет назад устойчивость их жизнеобеспечения основывалась на одновременном использовании нескольких морских и наземных пищевых цепей прибрежных экосистем.

Однако развитие эскимосского природопользования не могло отклоняться от общей линии эволюции человеческого хозяйства — последовательного перехода к использованию более продуктивных, стабильных (и одновременно — все более трудоемких) ресурсов среды обитания. Известно, что в любой экосистеме полезная продукция каждого трофического уровня составляет лишь около 10 % пришедшего количества вещества и энергии¹³. Поэтому переход к более простой и короткой пищевой цепи теоретически позволяет человеческому коллективу получить десятикратный объем пищевых продуктов. В некоторых случаях — например, при переходе от сухопутной охоты к рыболовству или от охоты и собирательства к земледелию — это служит решающим толчком в цепи дальнейших социальных изменений: роста населения, увеличения оседлости, усложнения социальной организации и т. п.

В эскимосском жизнеобеспечении наиболее эффективным элементом всегда была охота на самых крупных стадных морских животных — моржей и китов. Их добыча, хотя и требовала наиболее сложной технологии и организации промысла, обеспечивала максимальный объем продукции в относительно короткий отрезок времени. Это стимулировало затраты сил на создание крупных запасов пищи, благоприятствовало оседлости, концентрации населения, что неизбежно вело к усложнению социальной организации и общественной жизни. Значит, для эскимосского жизнеобеспечения охота на китов и моржей была наиболее прогрессивной формой освоения промысловых ресурсов — своего рода «высшей стадией» приморского арктического природопользования.

Такой взгляд дает нам ключ к объяснению неравномерности исторического развития эскимосского китобойного промысла, которая четко выявляется по археологическим материалам. Охота на китов началась на Чукотском п-ве как минимум на рубеже новой эры¹⁴. На поселениях и могильниках древнеберингоморской и оквикской культур найдены скопления китовой кости и уса, крупные поворотные гарпуны и сланцевые ножи для разделки убитых китов. Главным объектом охоты были, очевидно, гренланд-

169

Рис. 6. «Китовая аллея». Вкопанные черепа и столбы из челюстей гренландских китов (рисунок С. А. Богословского 1981 г.)

ские киты; кости более мелких — серых китов (*Eschrichtius robustus*) встречаются единицами. Зато на стоянках и погребениях бирнирской культуры (V—VIII вв.) кости гренландских китов практически отсутствуют, а число костей «маленьких» (серых) китов заметно возрастает. В памятниках пунукской культуры (IX—XIV вв.) вновь наблюдается обратная картина: останки «маленьких» китов исчезают, зато в огромном количестве встречаются кости и ус крупных гренландских китов, а также орудия их промысла: большие поворотные гарпуны, добойные копыпки, обломки сланцевых разделочных ножей.

К периоду позднего пунука относится и открытый на Чукотке в 1976 г. древний эскимосский культовый центр на о. Ытты-гран — святилище «Китовая аллея». При его строительстве силами многих охотничьих бригад были использованы кости не менее чем от 50—60 убитых китов¹⁵. Открытие этого памятника принципиально меняет наши прежние представления о коллективах оседлых полярных зверобоев. По своему характеру «Китовая аллея» скорее стоит в одном ряду с мегалитическими комплексами Западной Европы, сооружение которых требовало высокой социальной организации и прибавочного продукта, возможного на уровне раннеклассовых земледельческих цивилизаций. Значит, в периоды

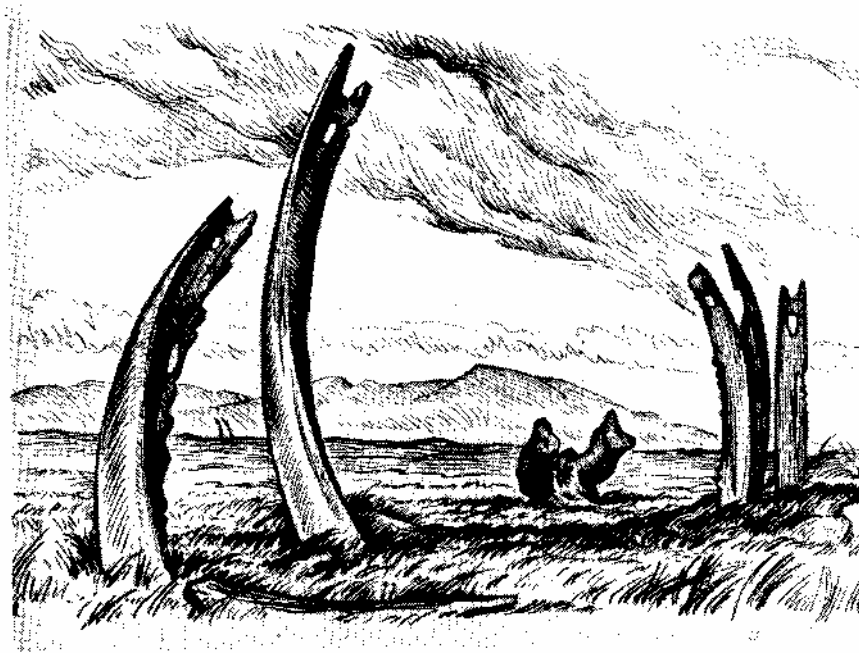

Рис. 7. Стоянка Масик (рисунок С. А. Богословского 1981 г.)

своего расцвета арктический китобойный промысел мог в некоторых районах обеспечить такие социальные условия

Эффективность аборигенного китобойного промысла, по-видимому, резко упала с похолоданием в XVI—XVIII вв., что привело к разрушению, а затем и полному забвению социальных структур, связанных с «Китовой аллеей». Добыча китов в этот период как на азиатской, так и на американской сторонах Берингова пролива сохранялась лишь в немногих, удачно расположенных поселках. Аборигенный промысел вновь оживает во второй половине XIX в. с появлением в Беринговом проливе американских китобойных судов. Заимствование эскимосами более совершенных европейских орудий охоты и повышенный спрос на ус гренландского кита позволили резко повысить интенсивность добычи. В некоторых крупных поселках: Унгазике, Имтуке, Аване, Наукане, Уэлене — три — четыре убитых кита в год вновь стали обычным явлением. Но пик этот продолжался очень недолго. С хищническим истреблением американскими судами поголовья китов к концу XIX в. аборигенный китобойный промысел опять приходит в упадок и сохраняется лишь в немногих поселках как престижный, но по сути второстепенный элемент жизнеобеспечения (см. главу 2). Близкий характер, с чередованием таких же периодов спада и расцвета имела история аборигенного промысла на американ-

171

ской стороне Берингова пролива. Правда, здесь в районе мыса Крузенштерна найдены следы еще одной древней культуры — «старокитобойной» (Old Whaling), с наиболее архаичными формами китовой охоты. Она датируется около 1450—1250 г. до н. э. и отделяется от следующего за ней хронологически периода древне-берингоморского китового промысла почти тысячелетним перерывом с преобладанием в жизнеобеспечении прибрежных охотников добычи тюленей и оленей-карибу¹⁸. Следовательно, в районе Берингова пролива мы имеем классическую *спиралеобразную эволюцию* системы природопользования с четырьмя фазами возрождения, или активизации, в благоприятных условиях (конец II тыс. до н. э., конец I тыс. до н. э., IX — X вв. н. э. и вторая половина XIX в.), разделенными достаточно очевидными эпохами спада или угасания. Все периоды подъема аборигенного китового промысла в той или иной степени были связаны с теплыми климатическими фазами Арктики, и здесь справедливость прежних «экологических интерпретаций» не подлежит сомнению. Но упадок китового промысла в периоды похолодания Арктики вовсе не был вызван полным исчезновением китов в полярном бассейне. Его основой скорее было нарастающее разрушение годового цикла китобойных общин из-за сокращения сроков флоты, ухудшения ледовой обстановки, изменения путей миграций животных. «Плохие годы» с неудачным промыслом и голодовками постепенно складывались в «плохие времена», когда ненадежность старой системы жизнеобеспечения становилась очевидной¹⁹. При этом эпизодическая или вполне регулярная охота на китов могла сохраняться даже в холодные фазы в некоторых пунктах побережья. Но для большинства остальных приморских общин она требовала теперь слишком больших и зачастую напрасных затрат труда и

времени.

В этих условиях прежде менее эффективные виды промысла: охота на тюленей или диких оленей-карибу — становились более продуктивными и надежными с точки зрения расхода трудовых усилий. Традиционная комплексность и гибкость приморского хозяйства, а также естественное увеличение ресурсов ластоногих и северных оленей в холодные фазы Арктики (см. главу 4) лишь облегчали переориентацию природопользования.

Но с неизбежно наступавшей сменой экологической тенденции охота на крупных животных вновь восстанавливала свои позиции, причем происходило это на более высоком технологическом уровне за счет накопления культурных достижений. Если, судить по остаткам промысловых орудий и количеству костей животных, добыча китов в период пунука — раннего туле (IX—XII вв.) велась намного интенсивнее, чем в древнеберингоморскую эпоху, а в первые века нашей эры — активнее, чем в период «старокитобойной» культуры. Наконец, уже на наших глазах произошел новый расцвет китобойного промысла эскимосов Аляски, когда в 60—70-е годы за каких-нибудь 10—15 лет добыча китов, число охотников

172

и количество поселков с китобойными бригадами увеличилось в два—три раза²⁰.

Динамика численности и размещение берегового населения. Очевидно, что всякое изменение в устоявшейся системе природопользования ставило разные места обитания в неодинаковое положение. Менялись обилие и возможности использования разных промысловых ресурсов — и одни уголья теряли свою важность, а другие, напротив, становились более ценными. Значит, для каждой фазы в истории приморских систем жизнеобеспечения наибольшую ценность представлял свой характерный набор промысловых угодий. Американские археологи смогли показать это на примере древних эскимосских поселений на Аляске²¹; сходную реконструкцию можно сделать и для Чукотского п-ва. Так, для бирнирковского типа адаптации с преобладанием промысла тюленей и охоты на диких оленей удобными были открытые побережья с рано замерзающими лагунами и свободным доступом во внутренние тундровые районы. Для пунукской системы природопользования явно были предпочтительнее участки ближе к путям сезонных миграций крупных морских животных — острова, полуострова, выступающие мысы. К ним и приурочено большинство пунукских поселений. В XVI—XVIII вв., когда эскимосы постепенно оставили обширные районы на побережье Чукотки, они сконцентрировались на двух гористых оконечностях полуострова. Причина этого не только преимущество пунукской модели расселения, но и труднодоступность этих районов, их удаленность от основных путей кочевания оленеводов-чукчей.

Сравнивая размещение древних и традиционных поселений азиатских эскимосов, можно с определенностью выделить прибрежные ареалы, где население держалось постоянно и даже концентрировалось в кризисной ситуации. В самом общем виде такими ареалами-«убежищами» на протяжении всей истории азиатских эскимосов были северо- и юго-восточный выступы Чукотского п-ова. Наряду с такими зонами существовали прибрежные районы, которые, видимо, осваивались оседлыми охотниками только в определенные периоды. К ним относятся окраинные области древнеэскимосского ареала вдоль берегов Чукотского и Восточно-Сибирского морей, северного и западного побережий Анадырского залива и, возможно, низменный участок в районе Мечигменского залива. Здесь мы вправе ожидать длительных перерывов в освоении территории, резких смен культурных традиций.

Наличие свободных промысловых ниш, известных местному населению, было важным резервом приморской системы жизнеобеспечения. В результате ареал оседлой зверобойной культуры на побережье Чукотки как бы постоянно пульсировал. В благоприятные периоды происходило расширение территории, занятой приморскими охотниками, а при ухудшении обстановки — напротив, быстрая концентрация населения в самых продуктивных нишах, где располагались более крупные и стабильные поселки. Цикл

173

миграций на этом мог не закончиться: при дальнейшем ухудшении промысловой ситуации население могло вновь рассредоточиться по побережью мелкими группами для эффективного использования всех доступных ресурсов. Такие поселения были, однако, недолговечны, и их жители обычно опять собирались в немногих нишах-«убежищах». Отсюда при благоприятном изменении обстановки они могли начать новый цикл расселения.

Несколько таких циклов миграций восстанавливаются по данным устной традиции эскимосских общин Чаплина (Унгазика) и Сиреников (Сирыныха) в период конца XVIII — первой половины XX вв.²² Многие древние и традиционные поселки на побережье Чукотки имели как минимум две (Уэлькаль, Сянлик, Синрак, Кынлирак, Имтук и др.) или даже три (Сиклюк, Кигинин, Кивак, Ырырак) волны заселения, разделенные продолжительными разрывами. Новые поселенцы при

этом, как правило, не осознавали прямой генетической связи с прежними обитателями. Столь гибкая модель расселения — с постоянными миграциями, оттоками и переливами групп приморских охотников вдоль побережья — могла быть весьма эффективной формой адаптации в нестабильной арктической среде обитания. Неясно лишь, была ли она изначальной чертой приморских систем природопользования или возникла на каком-то этапе при достижении определенного уровня численности и плотности берегового населения.

То, что на протяжении истории азиатских эскимосов происходил рост численности населения, менялись количество и размеры береговых поселков, мы хорошо знаем на примере наиболее обследованного юго-восточного выступа Чукотского п-ова²³.

Древнеберингоморское население этого региона составляло, очевидно, всего несколько сотен человек, т. е. было в два — три раза меньше чем в XVIII—начале XX в. Это население было разбросано по нескольким далеко отстоящим поселкам среднего или даже малого размера. Значит, мы можем предположить известную социальную и экономическую автономность небольших древне-берингоморских общин, разделенных пустынными участками побережья на расстояние в одно- двухдневное плавание.

Для периода развитого пунука (X — XII вв.) археологи единодушно отмечают заметный рост берегового населения, увеличение размеров и общего числа приморских поселков²⁴. Появляются крупные общины с устойчивой социальной организацией, прибавочным продуктом, способным обеспечить культовое строительство и поддержание межобщинных ритуальных центров типа «Китовой аллеи». Неслучайно на «Китовой аллее» мы обнаружили около 150 ям-хранилищ для мяса, причем в некоторых из них даже сохранились остатки неиспользованных запасов пищи²⁵.

Но даже в пунукскую эпоху, при наличии крупных сгустков населения между ними, очевидно, оставались обширные участки пустого побережья. Плотное и равномерное заселение юго-восточной Чукотки, с большим числом средних поселков и стойбищ, разделенных интервалами в 5—15 км, можно относить только к

174

концу XVIII — началу XIX в., т. е. к сравнительно позднему времени.

С этого периода численность берегового населения колебалась в пределах 800—1200 человек с несколькими хорошо документированными спадами и быстрыми подъемами до прежнего или близкого уровня.

Изменение промысловых орудий и методов охоты может считаться еще одним механизмом адаптации оседлого зверобойного хозяйства в нестабильной среде обитания. Его конкретные формы были в свое время рассмотрены С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым на примере эволюции наконечников гарпунов из Уэленского и Эквенского могильников²⁶. Главный вывод авторов, как известно, сводился к тому, что эволюция орудий и технологии эскимосского зверобойного промысла имела спиралеобразный, а не однолинейно-поступательный характер. Хотя весь комплекс традиционных промысловых орудий эскимосов сложился по сути еще в древне-берингоморскую-оквикскую эпоху, за две тысячи лет наблюдалось несколько отчетливых периодов его упрощения и даже возврата к исходным, более примитивным формам. Такая же схема развития — с яркими вспышками, сменявшимися обращением к более примитивным, казалось бы, давно пройденным вариантам, реконструируется и для истории эскимосского декоративно-прикладного искусства²⁷.

В самые тяжелые периоды у отдельных групп арктических приморских охотников была возможна даже полная деградация некоторых видов промысла и утрата важнейших технологических элементов полярной зверобойной культуры. Наиболее известный пример — полярные эскимосы северо-западной Гренландии, утратившие в условиях полной изоляции «малого ледникового периода» XVI — XVIII вв. кожаные каркасные лодки, лук и стрелы, остроги для лова рыбы.

Потеря этих важнейших технологических достижений вызвала у них деградацию промысла морских животных на открытой воде, охоты на диких оленей, летнего рыболовства²⁸. Резко сократилось и число используемых пищевых продуктов, а мясо карибу и белой куропатки вообще считалось у полярных эскимосов «нечистым» и непригодным в пищу людям.

Но тот же пример полярных эскимосов Гренландии свидетельствует, что с налаживанием культурных контактов восстановление утраченных навыков и перестройка устоявшейся системы жизнеобеспечения могли занимать всего несколько лет. Этнографические материалы XVIII—XX вв. от Чукотки до Гренландии открывают удивительную восприимчивость эскимосских охотников к новым, более совершенным орудиям труда и методам промысла. Так было в эпоху туле, когда

появление собачьих упряжек сделало возможным для эскимосов далекие передвижения в зимние месяцы. Так было в XIX — XX вв., когда железные гарпуны, огнестрельное оружие, парусные деревянные лодки, а затем и моторные суда были освоены при жизни одного поколения, вызвав сложную

175

цепочку технологических и социальных инноваций, но не изменив самой сути аборигенного жизнеобеспечения²⁹.

Мне самому во время работы в эскимосских поселках неоднократно доводилось слышать рассказы пожилых охотников, как с появлением в 1930-е годы подвесных моторов они стали преследовать на байдарках по открытой воде моржей, белух и серых китов. Догнать и убить этих животных на веслах или под парусом прежде было невозможно, но потребовалось всего два—три года, чтобы успешно освоить новые методы охоты. Столь быстрое восприятие технологических инноваций в традиционной системе жизнеобеспечения говорит о каких-то глубинных особенностях местной культуры, ее подготовленности к быстрой перестройке всем опытом предшествующих поколений.

Из подобных примеров мы видим, как в развитии приморских систем жизнеобеспечения постоянно взаимодействовали три группы факторов: экологическая динамика среды обитания, внутренняя эволюция технологии промыслов и «внешнее» влияние — либо прямо на коллективы морских зверобоев, либо косвенно, на используемые ими ресурсы. При этом действие таких факторов было зачастую разнонаправленным и независимым друг от друга. Динамика экологической обстановки в целом имела циклический характер, так что относительно неблагоприятные периоды регулярно сменялись более благоприятными. Внутреннее развитие технологической базы жизнеобеспечения было, напротив, однолинейным и направленным на повышение продуктивности жизнеобеспечения и оптимизацию использования ресурсов. Для азиатских эскимосов это развитие вело к увеличению роли охоты на китов и моржей, что обеспечивало избыток продовольствия, рост населения и расширение осваиваемого ареала.

Сложнее оценить действие «внешних» социальных факторов, особенно в условиях интенсивных контактов приморских охотников с представителями неаборигенных культур. Чаще всего оно было глубоко противоречивым, так как несло самые разные, зачастую непредсказуемые инновации. При этом одновременно происходили освоение новых, более эффективных орудий промысла и гибель населения от занесенных эпидемических заболеваний; появлялись дополнительные источники продовольствия и хищнически истреблялись традиционно используемые ресурсы; распадались старые формы социальной организации и развивались новые структуры для поддержания связей с внешним миром. Все эти противоречивые процессы документированы историками XVII — XIX вв. в различных районах Арктики, в том числе и на побережье Чукотки.

К сожалению* в нашем распоряжении нет разработанной исто-рико-этнографической методики для оценки совокупного действия трех названных групп факторов — экологической динамики, внутреннего накопления технологии и внешнего социального влияния на аборигенные системы жизнеобеспечения. Существуют, правда, несколько критериев, позволяющих отразить конечный результат

176

такого многофакторного развития. Наиболее очевидные из них — движение численности населения, динамика осваиваемого ареала и изменение продуктивности жизнеобеспечения (т. е. колебания баланса потребностей и добываемой продукции человеческих коллективов).

В табл. 28 для примера проанализирована история южной группы азиатских эскимосов в XVIII—первой половине XX в. Она разбита на шесть периодов в соответствии с предложенной схемой изменения климата Арктики, с учетом интенсивности «внешних» контактов, состояния технологической базы промысла, динамики численности населения и т. п.

И вновь мы видим, что развитие приморских систем жизнеобеспечения не было однолинейным и определялось сложением разных, порой противоречивых социальных и экологических тенденций. При совпадении благоприятной социальной и экологической обстановки (как было в 1930-е годы) наблюдался рост приморского населения, расширение осваиваемого ареала, быстрое увеличение продуктивности жизнеобеспечения. При совпадении неблагоприятных тенденций (например, в первой половине XVIII в.) происходило сокращение ареала, падение численности эскимосского населения. Зато при действии разных «по знаку» экологических и социальных тенденций они как бы гасили друг друга, хотя все же негативное влияние внешних социальных факторов, как правило, было более заметным. Так, хищнический американский промысел морских животных в 1850—1890-х годах вызвал кризис эскимосского жизнеобеспечения даже в сравнительно благоприятной экологической обстановке и привел к катастрофическому голоду, охватившему около 1880 г. береговое население по обоим сторонам Берингова пролива.

Такая особенность аборигенного зверобойного хозяйства вполне объяснима его привязанностью к

небольшим, интенсивно осваиваемым территориям и огромной зависимостью благосостояния от коротких «пиков» производства продукции. Значит, по сравнению с кочевой внутриконтинентальной моделью жизнеобеспечения приморские системы оказываются *более уязвимыми* в условиях интенсивных культурных контактов. Правда, освоение новых орудий и высокопродуктивных методов охоты порой позволяло нейтрализовать или хотя бы отсрочить кризис аборигенных форм оседлого природопользования. При временном ослаблении внешнего влияния (как было на Чукотке в начале XX в.) аборигенные системы могли отчасти регенерироваться и тогда возникали «вторичные» традиционные формы жизнеобеспечения. Они успешно использовали заимствованную промысловую технологию при прежних методах освоения природных ресурсов. Примером такой регенерации можно считать описанную в главе 2 систему жизнеобеспечения азиатских эскимосов начала XX в., где аборигенная основа природопользования причудливо сочеталась с зависимостью от внешнего рынка, применением европейского снаряжения и товарной ориентацией многих добываемых ресурсов.

177

Таблица 28. Факторы динамики жизнеобеспечения азиатских эскимосов в XVIII — начале XX в.

Периоды (годы)	Климатическая фаза	Внешнее влияние	Изменение технологий промысла	Численность населения (чел.)	Динамика ареала	Баланс жизнеобеспечения
1700—1770	Похолодание	Военные столкновения с казачьими отрядами	Начало проникновения металлических орудий	900—1200	Сокращение	?
1770—1790	Потепление	Эпизодические контакты с русскими, меновая торговля через оленных чукчей	Широкое освоение металлических изделий	?	?	?
1790—1840	Похолодание	Эпизодические контакты с русскими	Стабилизация промыслового комплекса	750—1000	Сокращение	?
1840—1900	Потепление	Мощный пресс американских китобоев, активные контакты, занос эпидемий	Освоение огнестрельного оружия, вельботов, китобойного сваряжения	1050—1250	Сокращение, концентрация населения	?
1900—1925	Похолодание	Ослабление контактов	Стабилизация промыслового комплекса	1000—1200	Расширение как выход из кризиса	Нейтральный или отрицательный
1925—1940	Потепление	Активные контакты, улучшение снабжения, начало коллективизации	Освоение рудоторгов, резкая интенсификация добычи	750—800 *	Расширение	Положительный с большим превышением

* Без учета 250—300 иммигрантов за пределы ареала (Крупник, 1993, 85—92).

178

История приморской культуры в Западной Арктике. | Эти выводы о многофакторности и цикличности развития приморских систем жизнеобеспечения помогут нам приоткрыть еще одну

страницу прошлого Арктики — историю аборигенной зверобойной культуры на противоположном конце Северной Евразии — на побережье Баренцева и Карского морей. Эволюция оседлых приморских культур на островах и побережье Западной Арктики почти совершенно не изучена, хотя экологические условия здесь в целом более благоприятны для жизни человека, а запасы промысловых морских животных были, очевидно, столь же обильны, как и на Чукотском п-ове. Об этом свидетельствуют описания многотысячных стад китов, моржей, тюленей, которые оставили нам авторы XVI—XVIII и даже XIX вв.³¹

Следы специализированной морской охоты в западном секторе Арктики известны с очень давнего времени. Морским промыслом активно занимались носители культуры комса в северной Норвегии (8000—2500 гг. до н. э.) и близкие к ним охотники культуры «арктического палеолита» на северном побережье Кольского п-ва. К эпохе неолита и ранней бронзы (111—I тыс. до н. э.) относятся остатки крупных долговременных поселений или многолетних сезонных стоянок с мощным культурным слоем и огромным количеством костей морских животных. Судя по костным останкам, главную роль в жизнеобеспечении играла добыча гренландского тюленя, а также лахтака, нерпы, моржа, белухи, нарвала, использование выкинутых на берег (?) китов в сочетании с рыболовством и охотой на тундровых и лесных животных и птиц. Неолитические петроглифы северной Норвегии и побережья Белого моря сохранили яркие сцены охоты на белух, моржей и китов (?) с больших многоместных лодок с гребцами и гарпунерами, вонзающими гарпуны в плывущих морских животных³³.

Далее к востоку, в Припечорье и Северном Приобье, появление морского зверобойного промысла датируется более поздним временем — I тыс. до н. э. Носителей оседлой устьеполуйской культуры в Северном Приобье, которые на рубеже новой эры вели активную охоту на моржей, белух и тюленей, неоднократно сравнивали (или даже прямо связывали) с древними обитателями Аляски или даже историческими эскимосами и приморскими чукчами³⁴.

Своего расцвета аборигенный морской промысел в Западной Арктике достиг, видимо, в конце I — начале II тыс. н. э. К этой эпохе, аналогичной пунукскому времени в Северном Беринго-морье, относятся находки, отражающие его проникновение далеко на восток, в бассейн Карского моря: раскопанные приморские поселения на Вайгаче и мысу Тиутей-Сале на Ямале; стоянки у устьев рек Пясидай и Таз, в бухте Находка; возможно, также кучи старых черепов моржей, белых медведей, тюленей в исторических ненецких жертвенниках на побережье п-ова Ямал и др.³⁵

Существование в Западной Арктике оседлого приморского населения подтверждается сообщениями средневековых источников: от весьма смут-

12*

179

ных упоминаний древних скандинавов и арабских географов IX — XIII вв. до вполне конкретных описаний начала XVI в. «югры» и «корелы» на берегу Ледовитого океана, которые ловят тюленей, китов и моржей, а также целым пластом ненецкого фольклора о людях-карликах «сиртя» (сихиртя)³⁶. Наконец, сохранилось несколько прямых свидетельств западноевропейских полярных путешественников XVI—XVII вв., заставших якобы на побережье Баренцева моря оседлых морских охотников, живших в землянках и жилищах из «рыбьих кож»³⁷.

Все эти факты хорошо известны, и существование в Западной Арктике в I — II тыс. н. э. какого-то оседлого приморского населения можно считать вполне доказанным. Но столь же хорошо известно, что в XVIII—XIX вв. здесь такого населения уже не было и морской зверобойный промысел не играл сколь-нибудь значимой роли в жизни аборигенов западных тундр — саамов и ненцев. Следовательно, гибель или медленное угасание местной зверобойной культуры, радикальная смена традиции природопользования между XV — XVI и XVIII—XIX вв. требуют своего исторического объяснения. Как полагал первооткрыватель приморской культуры на п-ове Ямал В. Н. Чернецов, морская охота в Западной Арктике была вытеснена более эффективным типом аборигенной экономики — «саным оленеводством... на данном этапе развития техники более совершенным, дающим большую обеспеченность при равной затрате сил»³⁸. Поэтому древние самодийцы, которые пришли в Арктику с этим «саным оленеводством», смогли без труда оттеснить оседлых зверобоев в самые глухие районы — Ямал, Вайгач, Новую Землю, где те и просуществовали по XVI—XVII вв. В большинстве же эти оседлые охотники, по мнению В. Н. Чернецо-ва, были истреблены или ассимилированы самодийцами уже к середине II тыс. н. э.

Сейчас более популярна точка зрения Г. Н. Прокофьева (дополненная Б. О. Долгих, а затем В. И. Васильевым). Согласно ей оседлые аборигенные группы как бы «сплывались» с пришельцами-самодийцами и стали частью двухкомпонентных северосамодийских этносов, передав им элементы своей приморской культуры³⁹.

Обе гипотезы, объясняя социальные механизмы контактов, оставляют, однако, открытой

экологическую основу взаимодействия двух столь разных систем природопользования. Если крупно-стадное продуктивное оленеводство появилось на северо-западе Евразии только в XVIII в. (см. главу 5), то принесенное в тундру древними самодийцами кочевое охотничье-олeneводческое хозяйство вряд ли было более «совершенным», чем оседлый морской промысел эскимосского типа. Мала была, как мы видели, и численность кочевого населения, жившего в XVI—XVII вв. за счет кочевой охоты с мелкостадным, транспортным оленеводством. Группы тундровых кочевников вполне могли периодически грабить поселки оседлых зверобоев (как было, например, на Чукотке, 180

судя по преданиям о войнах тундровых чукчей с береговыми эскимосами). Но они не могли вытеснить оседлых жителей из занимаемой экологической ниши, тем более предложить им альтернативные источники существования. Скорее должен был идти обратный процесс оседания части кочевников на побережье. Так опять же было на Чукотском п-ове, где выход к побережью кочевников приводил, как правило, к усвоению ими более эффективной приморской системы природопользования и появлению оседлого чукотского населения.

Историю угасания оседлой приморской традиции в Западной Арктике можно реконструировать на основе предложенных выше схем развития оседлой и кочевой моделей арктического природопользования. Конечно, такая реконструкция будет в известной степени гипотетической из-за скудности документальных и особенно археологических источников. И все же мы можем представить себе ситуацию следующим образом ⁴⁰.

В конце I—начале II тыс. новой эры, в период «малого климатического оптимума», во всей Арктике установились условия, благоприятные для приморского зверобойного хозяйства. Ледовая обстановка способствовала сдвигу миграционных путей морских животных в высокие широты, а также во внутреннюю часть арктического бассейна ⁴¹. В это время происходит расцвет китобойной культуры пунук в Северном Берингоморье и проникновение эскимосских китобоев культуры туле на острова Канадского Арктического архипелага. Норманские колонисты из Западной Гренландии успешно плавают на север и ведут промысел моржей и тюленей вплоть до залива Диско на 70° с. ш. ⁴² В Западной Арктике летние ареалы китов, моржей, тюленей могли также сместиться в восточную часть Баренцева и в Карское море, что способствовало процветанию и росту приморского населения. Следы его деятельности и являются стоянки на побережье Ямала, недавно найденные поселения и жертвенники на Вайгаче, где Л. П. Хлобыстиным были обнаружены металлические предметы, включая арабские и саса-нидские монеты и нагрудные иконки новгородского типа.

Но помимо оседлых береговых зверобоев во внутренних тундровых районах, очевидно, сохранялись группы мобильных охотников. Они жили за счет добычи дикого оленя, рыболовства и эпизодического морского промысла. Такой была, видимо, система жизнеобеспечения обитателей стоянок севера Западной Сибири (Находка, Хэйбидя-пэдар и др.) и внутренней части Большепезе-мельской тундры ⁴³. Их ближайший этнографический аналог — эскимосы внутренней части Северной Аляски XIX в. («нунатарми-уты»), выходявшие в летние месяцы на берег моря, а на зиму поднимавшиеся по долинам рек во внутреннюю тундру.

Проникновение в Западную Арктику в ходе нескольких волн миграций древних самодийцев несомненно привело к усилению этого континентального тундрового населения. Появление с одной из этих волн в конце I—начале II тыс. н. э. транспортного оленеводства (пусть первоначально и в скромных размерах) повы-

181

сило продуктивность кочевого хозяйства, облегчив передвижение охотников или целых коллективов на дальние расстояния.

Но до конца «теплой» экологической фазы, т. е. до XIII—XIV вв., морской промысел был явно более надежной формой жизнеобеспечения, чем кочевая охота и рыболовство. Общины оседлых зверобоев могли подвергаться языковой или культурной ассимиляции возросшим тундровым населением, но скорее приморские и континентальные группы длительное время сосуществовали друг с другом, поддерживая брачные и обменные связи. Их отражением мы можем считать дошедшие до XX в. предания ненцев об их прошлых браках с «сиртя» ⁴⁴. Примерно так же взаимодействовали на Чукотке оседлые зверобои с обитателями внутренней тундры, когда за счет языковой ассимиляции и смешанных браков происходило постепенное превращение части эскимосов в приморских чукчей при сохранении старой модели хозяйства.

Положение изменилось с началом следующей эколого-климатической фазы в Арктике (XIII—XV вв.), ознаменовавшей постепенный переход к похолоданию «малого ледникового периода». С усилением похолодания в XV—XVI вв. произошла перестройка путей миграций морских животных, сдвиг их ареалов в более южные и западные (приатлантические) районы. Все это должно было подорвать устойчивость приморского жизнеобеспечения в континентальном секторе Западной

Арктики на п-ове Ямал, Обском Севере и даже в восточной части Баренцева моря. Фактически здесь мог происходить тот же кризис приморского оседлого населения, который охватил в середине II тыс. жителей побережья Чукотки или островов Канадской Арктики. Там его следствием был упадок аборигенного китового промысла, атомизация общин берегового населения и уход морских охотников из наименее благоприятных — высокоширотных и континентальных частей побережий⁴⁵.

Но в то же самое время (XV—XVI вв.) в водах Западной Арктики разворачивается коммерческий зверобойный промысел русских поморов и европейских промышленников. Первые попытки скандинавских промышленников заниматься добычей морского зверя на арктическом побережье Норвегии и Кольского п-ва относятся, видимо, еще к IX—X вв., новгородцев на Белом и Баренцевом морях — к XII—XIII вв.⁴⁶ Но первоначальная нагрузка на стада морских животных была невелика и вряд ли существенно влияла на продуктивность аборигенного зверобойного хозяйства. Русские промыслы активизировались в XV—XVI вв., а на рубеже XVI—XVII вв. голландские и английские промышленники наткнулись на огромные стада китов и моржей у берегов Шпицбергена, а также Новой Земли, Вайгача и близ устья Печоры, где уже охотились русские зверобойные артели.

На короткий период воды Баренцева моря стали мировым центром коммерческого зверобойного промысла. В первой половине XVII в. здесь ежегодно вели добычу десятки крупных европейских судов из разных стран — голландских, английских, датских,

182

французских, немецких — с тысячами матросов. Значительная часть взрослого мужского населения Русского Севера в XVII—XVIII вв. уходила летом на морские промыслы на побережье Белого и Баренцева морей вплоть до Новой Земли и Шпицбергена (Груманта). Считается, что только у Мурманского берега во второй половине XVII в. ежегодно охотились почти 8 тыс. русских лодок с 30 тыс. промышленников⁴⁸.

Естественно, что аборигены Западной Арктики не могли конкурировать с хорошо организованным европейским и русским коммерческим зверобойным промыслом. В первой трети XVII в. только суда, принадлежавшие «Северной голландской компании», ежегодно добывали у берегов Шпицбергена по 300—400 гренландских китов; количество убитых моржей исчислялось многими сотнями и тысячами. Не менее интенсивно вели промысел и русские поморы: остатки их поселений на Шпицбергене до сих пор поражают огромными скоплениями раздробленных моржовых черепов, покрывающими десятки метров пляжей⁴⁹.

Именно это сочетание неблагоприятной экологической тенденции и сильнейшего внешнего социального пресса привело к деградации, а затем и гибели аборигенных приморских поселений на берегах Баренцева и Карского морей. Наиболее продуктивные угодья вдоль основных миграционных путей морских животных у побережий Шпицбергена и о. Медвежий, берегов Кольского п-ва, устья Печоры, проливов из Баренцева в Карское море были заняты европейскими промышленниками и русскими поморами. В наихудшее положение попали аборигены восточной части Западной Арктики (Северного Приобья, Ямала, Новой Земли), которые вели свой промысел на конечных отрезках миграций морских животных. Мощная нагрузка на популяции промысловых видов привела не только к резкому сокращению численности животных: их стада перестали проникать в периферийные части ареалов. Жизнь здесь за счет морского промысла для аборигенов стала невозможной.

Особенностью истории Западной Арктики стало не только очень быстрое, хищническое истребление европейцами промысловых ресурсов, используемых местным населением. Сыграли свою роль и тесные связи береговых жителей с кочевниками внутренней тундры. Поэтому приморских жителей Западной Арктики правильнее сравнивать не с эскимосами Чукотки или Аляски, а с береговыми чукчами, которые всегда гораздо легче переходили к кочевому тундровому хозяйству. Уход с побережья заметно облегчился для них ощущением языкового единства с обитателями внутренней тундры, постоянным брачным обменом, наличием в береговых поселках большого числа недавних кочевников или их потомков.

Такую же ситуацию мы вправе предложить и для Западной Арктики, где приморское население к XVI—XVII вв., очевидно, уже было частью самодийского этнического мира. Поэтому правильнее будет говорить не об ассимиляции зверобоев-автохтонов

183

оленоводами-самодийцами (как считал В. Н. Чернецов), а о переходе берегового населения от приморской к континентальной системе жизнеобеспечения с преобладанием охоты на диких оленей и

рыболовства.

Массовый отток береговых охотников в тундру должен был повысить численность и плотность кочевого населения, его нагрузку на осваиваемые ресурсы. Отсюда, видимо, и проистекали постоянные вспышки межплеменных конфликтов на Европейском и Западно-Сибирском Севере, которые фиксируются источниками XVI — XVII вв. Но, с другой стороны, избыток трудовых ресурсов в тундре мог ускорить развитие крупностадного оленеводства за счет лучшего окарауливания стад и появления более крупных кочевых коллективов⁵⁰. Можно говорить и о наступлении более благоприятных экологических условий в тундровой зоне, поскольку с усилением похолодания в XVII — XVIII вв. начался подъем популяции диких оленей. Увеличение числа диких и домашних оленей могло первоначально стать дополнительной «нишей» для возросшего тундрового населения. И лишь 100—150 лет спустя, во второй половине XVIII в., потомки бывших береговых зверобоев, давно смешавшиеся с обитателями внутренней тундры, совершили переход к продуктивному, крупностадному оленеводству (о котором рассказывалось в главе 5),

Но вплоть до XIX — XX вв. в устной традиций европейских и ямальских ненцев, Кольских саамов сохранялась память о былой приверженности отдельных родов или фамилий к морскому промыслу⁵¹.

По-видимому, аборигенная морская охота в Западной Арктике никогда полностью не прекращалась.

Но ее интенсивность определялась уже не столько динамикой экологических условий, сколько размерами конкурирующего западноевропейского и русского промыслов. Поэтому, когда в конце XVII в. европейские китобои перестали посещать Баренцево море (истребив здесь стада гренландских китов), а к концу XVIII — началу XIX в. упали и промыслы русских поморов, сразу же началось частичное восстановление зверобойного хозяйства коренного населения. Во второй половине XVIII в. русские источники подтверждают, что европейские ненцы стали заниматься морским промыслом, якобы «под влиянием русских»⁵². Думаю, что здесь правильнее говорить о возрождении прежних традиций природопользования, которые спорадически сохранялись на протяжении XVII—XVIII вв. Теперь мы имеем этому не только документальные, но и археологические подтверждения⁵³.

К середине XIX в. большинство членов в русских зверобойных артелях, промышлявших у берегов Новой Земли, Вайгача, Колгуева, составляли европейские ненцы. Их охотно набирали русские купцы на зверобойные суда и считали отличными моряками⁵⁴. Во второй половине XIX в. на островах восточной части Баренцева моря — Новой Земле, Вайгаче, Колгуеве — при поддержке архангельских купцов появляются постоянные поселения ненцев-зверобоев⁵⁵. Так через полтора-два столетия после своей гибели оседлые

184

приморские системы жизнеобеспечения вновь возродились в Западной Арктике.

В первые десятилетия XX в. около 600—800 человек, или 10 %, европейских ненцев активно занимались морским промыслом⁵⁶. Память о прежней жизни ненцев-зверобоев в районе Югорского Шара была вполне жива еще в 1970-е годы у старшего поколения обитателей поселка Усть-Кара.

Основную часть промышленников в конце XIX—начале XX в. составляли разорившиеся оленеводы, которые жили на побережье в чумах по несколько семей. Они занимались добычей лахтаков, мелких тюленей, моржей, а также рыболовством, охотой на линную птицу и промыслом песка. На китов и белух ненцы в то время уже не охотились. Продукцию морского промысла — сало, шкуры, моржовые клыки они сдавали русским купцам, а сами питались мясом и жиром морского зверя, рыбой и птицей. В большом количестве употреблялись в пищу покупные продукты — мука, масло, хлеб, и др.; оленье мясо выменивалось у богатых оленеводов⁵⁷.

Помимо оседлых ненцев-промышленников в летние месяцы к Югорскому Шару стекались для промысла семьи оленеводов со всей Большеземельской тундры, а также русские поморы-«пусто-зеры». Они объединялись в артели и уходили на лодках на Вайгач и Новую Землю. Сезонные охотники сами не питались мясом морского зверя, а сдавали его за деньги и товары купцам вместе с моржовыми клыками, жиром, тюленьими шкурами или оставляли на корм собакам и приваду для песцов. Не употребляли в пищу мясо морских животных и саамы Кольского п-ва, которые в начале XX в. еще вели в нескольких поселках товарный промысел тюле-

л

Конечно, зверобойное хозяйство ненцев и саамов в XIX — начале XX в. резко отличалось от прежних аборигенных систем жизнеобеспечения. Оно сформировалось под сильным влиянием русского поморского промысла, унаследовав многие его традиции и методы добычи зверя. Резко преобладала индивидуальная охота на берегу или на припае с помощью огнестрельного оружия; использовались деревянные лодки и шлюпки русского типа. Очень велики были потери раненых и утонувших животных; даже убитые звери часто разделялись и использовались неполностью. Тем не менее в 1920-е годы на долю местных зверобоев приходилось 4/5 всех морских животных, добываемых на северо-востоке Архангельской губернии. При этом средние нормы добычи у ненцев-охотников были тогда в два — три раза выше, чем у русского поморского населения⁵⁹. И только строительство

новых поселков в 1940—1950-е годы и быстрое уменьшение промысловых ресурсов в Западной Арктике вновь сделали этот тип хозяйства нерентабельным. Морской промысел саамов сейчас, по-видимому, полностью прекратился; некоторые охотники-ненцы в поселках на побережье Баренцева и Карского морей еще занимаются добычей тюленей для собственного потребления, причем в последние годы этот промысел даже несколько активизировался⁶⁰.

185

Подведем итог нашего сравнения истории приморских систем жизнеобеспечения на восточной и западной оконечностях Северной Евразии. Мы видим, что динамизм и гибкость в освоении среды обитания были главной стратегией всех арктических коллективов независимо от их экономической ориентации и времени существования. Итоговый ход культурной и хозяйственной эволюции определялся, однако, сочетанием (сложением) действующих в каждый момент экологических и социальных изменений. Продолжительная история арктического зверобойного промысла по сравнению с тундровым оленеводством продемонстрировала относительную хрупкость, меньшую устойчивость приморских систем жизнеобеспечения. Привязанные к узким зонам (или периодам) повышенной концентрации ресурсов, они оказались особенно уязвимы перед лицом неблагоприятных социально-исторических потрясений. Отсюда своеобразная сбалансированность оседлой и кочевой моделей арктического природопользования, столь различных по своему уровню продуктивности.

Нетрудно заметить также, что эти две главные модели аборигенного природопользования в Арктике по-разному реагировали на сходные изменения экологической обстановки. Так, периоды потепления были в целом более благоприятными¹ для оседлого населения, осваивавшего приморские экосистемы. В это время происходил общий сдвиг к северу миграционных путей морских животных и лососевых рыб, открывались новые угодья, сокращалась продолжительность малопродуктивного зимнего сезона. Но эти же фазы приносили трудности обитателям внутренней тундры — кочевым охотникам и оленеводам, поскольку совпадали с минимумами популяционных циклов северного оленя, вспышками эпизоотии, тундровых пожаров, ухудшением условий выпаса и восстановления оленьих пастбищ.

Обратная картина наблюдалась в холодные экологические фазы Арктики. Спускавшаяся на юг кромка льдов блокировала высокоширотные и континентальные участки побережий, заставляя их обитателей уходить в тундру и искать новые средства к существованию. Но если на берегу похолодание обычно вело к ухудшению условий охоты, голодовкам и обнищанию населения, то во внутренней тундре начинался рост поголовья диких, а в последние столетия — также и домашних оленей, укреплявший благосостояние кочевников.

Эти постоянные маятникообразные колебания имели для аборигенов высоких широт огромное значение. Они способствовали выработке особой *стратегии природопользования*, которая заключалась в *параллельном развитии двух* (или нескольких) *моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования*. Любые экологические сдвиги оказывались неблагоприятными для одной из этих моделей, но одновременно резко повышали продуктивность другой, расширяли спектр и оби-

186

лие доступных ресурсов. Это облегчало аборигенному населению переход к новому образу жизни, а привычная комплексность и гибкость хозяйственной структуры делали менее болезненным изменение прежней модели природопользования.

Поэтому в целом историю природопользования аборигенов Арктики мы можем представить как постоянный «перелив» населения от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, т. е. от охоты и оленеводства к морскому промыслу или рыболовству и обратно в зависимости от конкретной динамики экологической или социальной обстановки. «Я был поражен, — писал в 1905 г. о кочевых чукчах Колымского округа С. А. Бутурлин, — той степенью духовной и бытовой эластичности, которую они . . . выказали, переходя без замедления от привычного бродячего пастушества к полуседлому рыболовству. Всего несколько лет назад можно было проехать от Колымы до Чаунской губы, не встречая у моря чукчей; теперь же повсюду на берегу виднеются их руды (яранги. — И. Я.)»⁶¹. Столь же быстрый и массовый характер имела миграция к побережью охотников на карибу из внутренних районов Аляски в период минимума стад диких оленей во второй половине XIX в.⁶² Известны и обратные примеры: уход части берегового населения Чукотки в тундру и ассимиляция его оленеводами в XVIII—начале XIX в. и во время голода 1880-х годов; превращение береговых групп канадских эскимосов в высокоспециализированных охотников на карибу (эскимосы-карибу) в период похолодания XVII—XVIII вв.;

исчезновение в то же время на побережье Восточно-Сибирского моря оседлого населения с эскимосской зверобойной культурой («шеллаги»), на смену которому пришли группы кочевников-оленеводов⁶³. Теперь мы можем добавить сюда и угасание оседлой аборигенной культуры в Западной Арктике и переход ее носителей к кочевой охоте, а затем и продуктивному крупностадному оленеводству.

Результатом такого постоянного «перелива» населения Арктики от кочевого образа жизни к оседлому и обратно стала сложная, но экологически очень эффективная форма *дуального природопользования*, позволявшая аборигенным коллективам выдерживать самые резкие колебания своей среды обитания. Условием ее успешного существования было наличие в пределах одной территории двух исходных моделей жизнеобеспечения — кочевой и оседлой. При этом «противофазность» их развития нередко вела к тому, что одна из моделей могла в данный момент находиться в кризисном, рудиментарном или регрессирующем состоянии. Но с последующей сменой экологической тенденции именно эта рудиментарная форма могла естественно обеспечить технологическую, культурную и демографическую основу для быстрого восстановления хозяйственной традиции.

Там, где этот принцип устойчиво соблюдался — на Чукотке, севере Скандинавии, северо-западе Аляски, — сохранялась непрерывность или, точнее, длительная культурная преемственность аборигенного природопользования. Это обеспечило поступательное

187

развитие аборигенных этносов и их культур в общей исторической перспективе. В других районах, например в Гренландии, в силу специфики местных условий была возможна только одна модель жизнеобеспечения. Там, как и следовало ожидать, наблюдались очень большие хронологические разрывы между разными эскимосскими культурными традициями. Но бывало и так, что в условиях глубокого экологического или социального кризиса одна из исходных моделей жизнеобеспечения — оседлая или кочевая — деградировала и полностью исчезала. Тогда разрушалась вся система дуального природопользования и даже короткого разрыва было достаточно для потери многих технологических навыков, орудий и методов промысла, других культурных достижений.

Так случилось, как мы видели, в западном секторе Арктики, на побережье Баренцева и Карского морей в XVII—XVIII вв. Хотя разрыв в существовании оседлых систем жизнеобеспечения составлял здесь не более 150—200 лет, за этот срок произошли необратимые нарушения культурной традиции. За это время аборигенное население утратило навыки коллективной охоты на самых крупных морских животных — китов и белух, опыт строительства полуподземных жилищ с каркасом из китовых костей или бревен, гончарство, использование кожаных лодок и гарпунов из моржового клыка, методы бессолевой консервации мяса, отопления жилища с помощью лампы-жирника и т. п.⁶⁴ Эти и другие адаптивные достижения, по-видимому, развивались конвергентно во всех культурах приморских охотников высоких широт. Неудивительно, что возродившееся уже на иной, коммерческой основе хозяйство зверобоев-ненцев в конце XIX—начале XX в уступало по своей продуктивности жизнеобеспечению эскимосов или береговых чукчей и очень зависело от внешних источников существования.

Конечно, «волнообразная» модель эволюции с чередованием периодов подъема и упадка, расцвета и регресса характерна для любой культуры во всякой среде обитания. В этом вряд ли можно видеть уникальность исторического пути аборигенов Арктики. Но частота и резкость подобных чередований зависят уже от конкретных социально-исторических и экологических условий. Очевидно, что глубина и регулярность экологических потрясений неодинаковы в арктических и умеренных или тропических широтах, что не могло не отразиться на особенностях развития здесь ранних форм человеческой культуры.

Рассмотренная нами история северного оленеводства и арктического зверобойного промысла явно доказывают способность коренных обитателей Севера к быстрому демографическому и хозяйственному росту, в благоприятные периоды времени. Но крайняя нестабильность их среды обитания и ограниченность ресурсной базы вели к тому, что фазы кризисного состояния были здесь более частыми и глубокими, чем в других районах мира. В специфических условиях Арктики «волнообразность» развития, свойственная эволюции всякой культуры, приобретала особенно резкий характер.

188

Утонченное искусство древнеберингоморских эскимосов и гигантские комплексы петроглифов Залавруги и Пегтымеля, многолюдные поселки пунукских китобоев и святилище «Китовая аллея», поселение Масик и пляжи о. Сомерсет в Канадской Арктике с их сотнями и тысячами черепов убитых китов — вот те немногие из известных нам вершин «арктической цивилизации», которые сменились фазами упадка или совсем исчезли из аборигенной традиции последующих веков.

Значит ли это, что видимая нам в дальней перспективе стабильность арктических обществ есть лишь

отражение скудности наших знаний и недостатка источников? Или мы, историки, находимся в плену собственных иллюзий о «замедленности» темпов развития аборигенов Севера?! Ведь очевидно, что освоение Арктики древними охотниками было процессом активного, последовательного расширения первобытной эйкумены. Оно явно было возможным только при условии расширенного демографического воспроизводства и избытка важнейших жизненных ресурсов. Если это так, то нам недостает еще каких-то важных элементов, чтобы понять своеобразие исторического развития арктических обществ с их многотрудным путем хозяйственной и социальной эволюции.

- ¹ Fitzhugh, 1975, 354—355; Gjessing, 1975, 88—89; Laughlin, 1980, 62—79.
- ² Айгнер, 1986, 88—90; Anderson D., 1984, 84—85; Maxwell, 1984.
- ³ Хозяйственно-экологическую характеристику древнеэскимосских культур Чукотки см.: Руденко, 1947; Арутюнов, 1982, 94—96; Арутюнов, Сергеев, 1975, 192—196; Диков, 1979, 169—226; Очерки истории Чукотки, 1974, 48—64; Ackerman, 1984, 108—115.
- ⁴ Андерсон, 1981, 70—78; Bandi, 1969, 67—83; Bockstoce, 1973, 793—803; Giddings, 1960, 125—128; Giddings, Anderson, 1986, 311—325; McGhee, 1969/70, 175—182.
- ⁵ См. более развернуто: Bockstoce, 1973; 1979; Fitzhugh, 1972; Fitzhugh, Lamb, 1986; Gilberg, 1974/75; McGhee, 1969/70; 1972; 1984; Malaurie, 1972.
- ⁶ Диков, 1979, 215—218; Anderson D., 1984, 90—91; Bockstoce, 1979, 89—96; Stanford, 1976, 90.
- ⁷ Андерсон, 1981, 74; Диков, 1979, 218—222; Очерки истории Чукотки, 1974, 62—63; McGhee, 1969/70, 175.
- ⁸ Айгнер, 1986, 93—94; Андерсон, 1981, 75—78; Арутюнов, 1982, 96; Диков, 1979, 222—225; McGhee, 1969/70, 180.
- ⁹ Ср.: Андерсон, 1981, 78—80; Fitzhugh, Lamb, 1986, 357—360; McGhee, 1983, 23.
- ¹⁰ Fitzhugh, 1975, 343.
- ¹¹ Fitzhugh, 1972, 157—167; 1975, 341—344; McGhee, 1972, 40; Васильевский, 1985, 54—56; McCartney, Savelle, 1985, 39—40.
- ¹² Taylor, 1966, 119 — ср.: Laughlin, 1963, 637; Burch, 1980, 275; Крупник, 1985а, 105—108.
- ¹³ Одум, 1975, 87, 101; Boughey, 1971, 225.
- ¹⁴ См. подробнее специальную работу: Крупник, 1987.
- ¹⁵ Описание памятника см.: Арутюнов, Крупник, Членов, 1979; 1982; Членов, Крупник, 1984.
- ¹⁶ Арутюнов, Крупник, Членов, 1981, 99—100.
- ¹⁷ Marquette, Bockstoce, 1980, 14—16; Крупник, 1987, 21—25.
- ¹⁸ Giddings, 1960, 127; 1973, 242—245; McCartney, 1984, 85; Anderson D., 1984, 88—89; Giddings, Anderson, 1986, 317.
- ¹⁹ Ближайшую схему для Канадской Арктики см.: McCartney, Savelle, 1985, 51.
- ²⁰ Dugham, 1979; Marquette, Bockstoce, 1980.
- ²¹ Андерсон, 1981; Bockstoce, 1979.

- ²² Членов, Крупник, 1983, 132—139; Крупник, 1983, 68—84.
- ²³ Крупник, 1981а, 106—109; 1983, 85—93.
- ²⁴ Арутюнов, 1982, 95; Арутюнов, Сергеев, 1975, 196; Диков, 1979, 219; Askerman, 1984, 112.
- ²⁵ Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 36—40.
- ²⁶ Арутюнов, Сергеев, 1969; 1975; Арутюнов, 1982, 95—97.
- ²⁷ McGhee, 1976.
- ²⁸ Файнберг, 1968, 168—169; Gilberg, 1974/75, 159—167.
- ²⁹ Примеры см.: Freeman, 1974/75; Hall, 1978.
- ³⁰ Наиболее полные сводки: Вдовин, 1965; Васильев В. И., 1976; 1979; Гурвич, 1966; Этническая история, 1982; для американских эскимосов: Burch, 1975; 1980; Gulløv, 1985; Kaplan, 1985; Kay, 1975; VanStone, 1962.
- ³¹ Ван-Линсхоттен, 1915, 485, 488; Дергачев, 1877, 38; Латкин, 1853б, 51; Перри, 1976, 77—80; Чапский, 1939, 62—65 и др.
- ³² Гурниа, 1951, 147—148; 1953, 378—380; 1973, 53; 1982, 117; Gjessing, 1975, 88—93.
- ³³ Ср.: Равдоникас, 1938, рис. 79—81; Савватеев, 1985, 32, 35.
- ³⁴ Лашук, 1958, 23; Мошанская, 1953, 81—82; 1965, 41—42; Чернецов, 1953, 237; Larsen, Raineu, 1948, 158; Moberg, 1975, 104.
- ³⁵ Житков, 1913, 53, 70, 227; Лашук, 1968, 178—181; Хлобыстин, 1987, 40—42; Чернецов, 1935.
- ³⁶ Алексеев М. П., 1932, 80; Берг, 1956, 212, 215; Васильев В. И., 1970, 151; 1979, 48; Лашук, 1958, 53—54; 1968, 178; Хомич, 1966, 31—32 и др.
- ³⁷ Ван-Линсхоттен, 1915, 576; Де Ламартиньер, 1912, 53, 91 — см. подробнее: Васильев В. И., 1970.
- ³⁸ Чернецов, 1935, 131.
- ³⁹ Прокофьев Г. Н., 1940, 67—76; Долгих, 1964, 8; 1970, 52—54; Васильев В. И., 1979, 64—73; 1980, 54—63.
- ⁴⁰ Предварительное изложение этой схемы см.: Крупник, 1981б.
- ⁴¹ McGhee, 1969/70; 1984, 370—371; McCartney, Savelle, 1985.
- ⁴² McGovern, 1979, 178—180.
- ⁴³ Лашук, 1968, 191; Чернов, 1951, 109.
- ⁴⁴ Чернецов, 1935, 125; Хомич, 1970, 66; 1976, 58—59.
- ⁴⁵ Айгнер, 1986, 93—94; Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 153—157; McGhee, 1969/70, 180—182; 1984, 374—376.
- ⁴⁶ Белов, 1956, 28—31; Томплин, 1957, 55—56; Чапский, 1939, 63. Начало скандинавскому промыслу в Баренцевом море положил, как считается, в конце IX в. знаменитый Оттар, добывший за время своего плавания 56 моржей (Перри, 1976, 77).
- ⁴⁷ О европейском промысле в Западной Арктике в XVI—XVII вв. см.: Английские путешественники, 1938, 107—108; Белов, 1956, 50—62, 66—69; Ван-Линсхоттен, 1915, 485; 490—495; Кит, 1973, 78—79, 87—91; Перри, 1976, 77—79; Чапский, 1939, 63—64; Nasquebord, 1981, 97—128; Scammon, 1968, 189—201.
- ⁴⁸ Жилкинский, 1917, 16.
- ⁴⁹ Старков, 1986, 245.
- ⁵⁰ Об этом см.: Лебедев, 1980, 88—89.
- ⁵¹ Например, род Вылка в Большеземельской тундре или Яптик — на Ямале (Иславин, 1847, 132, 134; Чернецов, 1935, 132; Васильев В. И., 1979, 55—57). То же для кольских саамов Харлиных, которые считали себя «из рода тюленя» (Лукьянченко, 1971, 50).
- ⁵² Вопросы и ответы, 1787, VII, 32; Колычева, 1956, 79; Лепехин, 1802, 242.
- ⁵³ Андреев А. И., 1947, 95; Белявский, 1833, 258; Георги, 1777, 7; Зуев, 1947, 80; Колычева, 1956, 79; Шумкин, 1987, 44—45.
- ⁵⁴ Иславин, 1847, 94; Латкин, 1853б, 53.
- ⁵⁵ Историю их возникновения см.: Книпович, 1895, 16—20; И. М., 1907, 23—29; Григорова, 1936, 163—165; Подзкрат, 1936, 84—87; Васильев В. И., 1979, 151—152.
- ⁵⁶ На Новой Земле — около 180 чел., Колгуеве — 150 чел., Вайгаче — 50 чел., в районе Хабарова — 100—200 чел. Добычей морского зверя занимались также многие семьи оленеводов Большеземельской тундры, Колгуева и западного побережья Ямала.

- ⁵⁷ Крупник, 1976а, 75—76. Примерно так же жили ненцы-промышленники на Новой Земле и Колгуеве — И. М., 1907, 26—27; Григорова, 1936, 163—164; Подзкрат, 1936, 88—91.
- ⁵⁸ Лукьянченко, 1971, 52, 54.
- ⁵⁹ Похозяйственная перепись, 1929, 46—47; Результаты промыслов, 1923, 99—100; Крупник, 1986, 215—216.
- ⁶⁰ Лукьянченко, 1971, 52—53; материалы автора 1974 г. (с. Усть-Кара); О промысле... 1987, 6—7.
- ⁶¹ Бутурлин, 1907, 71.
- ⁶² Amaden, 1979, 397—400; Burch, 1972, 356—358; Spencer, 1959, 134—135.
- ⁶³ Богораз, 1934, 14—17; Вдовин, 1965, 180, 199; Окладников, Береговая, 1971, 141—143; Burch, 1978, 21—23.
- ⁶⁴ Описания традиционных коллективных охот ненцев на китов и белух в XVII—XVIII вв. см.: Алексеев М. П., 1936, 273; Зуев, 1947, 80; описания жилищ из китовых костей и бревен см.: Ван-Линсхоттен, 1915, 576 (1595 г.), Алексеев М. П., 1936, 285 (1647 г.); Де Ламартиньер, 1912, 46, 53 (1653 г.).

Глава 7

АБОРИГЕННЫЙ ОХОТНИК В ЭКОСИСТЕМАХ АРКТИКИ

В 1982 г., изучая культурное наследие эскимосов Северной Аляски, американские археологи провели посемейный опрос жителей поселка Барроу. К их глубокому изумлению, в этом крупном эскимосском центре с населением около 3 тыс. человек не нашлось ни одного человека, чьи предки жили в Барроу в конце XIX в. Всего за сто лет произошла полная смена культурной и генеалогической традиции, хотя численность эскимосов устойчиво росла¹.

Факт этот, столь поразивший археологов, был давно известен этнографам. «Поселок на мысе Смита (Барроу. — Ц.- К.) насчитывал около 400 обитателей в 1880 г.; примерно столько же живет здесь и сегодня», — писал в 1908 г. В. Стефанссон. «Но по словам эскимосов, только четыре человека из числа современных жителей принадлежит к прежнему племени мыса Смита. Еще у 20 человек один из родителей происходит из этого племени. Высокая смертность последних лет почти выкосила местных обитателей . . . и теперь среди четырех сотен эскимосов на мысе Смита их доля составляет не более 7 %. Разница была восполнена за счет иммигрантов, большинство которых прибыло из внутренней тундры»².

Можно ли в таком случае считать непрерывной традицию эскимосского населения на мысе Барроу? Но такие же демографические и культурные «разрывы» обнаруживаются и в других районах Арктики. В 1955 г. среди более 300 жителей эскимосского поселка Гэмбелл на о. Св. Лаврентия американский этнограф Ч. Хьюз нашел лишь одного человека, чьи предки восходили к исконной общине Гэмбелла середины XIX в. Все остальные были выходцами из других поселков на острове, заброшенных после голода 1880 г., или потомками мигрантов с Чукотки³. В середине XIX в. в дельте р. Маккензи проживало около 2 — 2,5 тыс. эскимосов. Но через сто лет среди 1,5-тысячного эскимосского населения этого района осталось всего два-тои десятка их прямых потомков, а основную часть составляли недавние переселенцы с севера Аляски⁴.

Подобные примеры в истории жителей Арктики далеко не единичны. Составляя родословные (генеалогии) и списки членов общин азиатских эскимосов конца XIX—первой половины XX в., я не раз поражаюсь текучести их состава, быстрым изменениям основных социальных компонентов.

Мощные семьи, процветавшие

192

группы охотников и целые поселки могли появиться и исчезнуть за два—три десятилетия в результате миграций, эпидемий, неравномерного прироста отдельных родственных линий⁵. Такой же динамизм социальной структуры был открыт недавно для коренного населения Таймыра — авамских нганасан XVII—XIX вв. Оказалось, что их традиционная родовая система сложилась только в середине XIX в. за счет вымирания одних фамилий, слияния и быстрого разрастания других, в условиях постоянных эпидемий, голодовок, скачков численности населения⁶.

Конечно, мы должны считаться с тем, что динамизм традиционных обществ Арктики в XIX—начале XX в. мог заметно усилиться в обстановке активных этнических контактов, влияния более развитых культур. Огромные людские потери от занесенных эпидемий и голодовок, хищническое истребление промысловых ресурсов, появление новых центров и стимулов миграций вызвали мощные передвижки аборигенного населения, перестройку всей его социальной структуры. Во многих районах осколки прежних этно-территориальных группировок смешивались между собой, образуя быстро разрастающиеся новые общности. Этот процесс подробно описан для большинства этнических групп севера Сибири, а также эскимосов Аляски, Гренландии или Лабрадора⁷. Его отражением в известной мере стало то демографическое поведение северных народов, которое было рассмотрено в первых главах книги на примере азиатских эскимосов, ненцев и чукчей.

Но вряд ли будет правильным полагать, что до появления европейцев аборигены Арктики жили в условиях стабильного «золотого века», где не было голода, вынужденных миграций, войн или тяжелых болезней. Как справедливо писал американский этнограф Э. Берч, «большинство из нас привыкло видеть в традиционном или аборигенном состоянии нечто абсолютно неизменное, застывшее, как будто только вторжение европейцев внезапно изменило прежнюю картину»⁸.

Порой из-за скудности или отсутствия прямых данных кажется удобным видеть арктические группы стабильными обществами, с глубокой исторической преемственностью, постоянной численностью и социальной структурой. Однако археологические и палеоантропологические материалы снова и снова восстанавливают глубокие «разрывы» в древних культурных традициях, которые еще недавно казались непрерывными линиями эволюции.

Так, антропологический анализ останков из эскимосского могильника на мысе Барроу выявил полную смену населения на рубеже культур бирнир и туле, т. е. между VIII — IX вв. н. э., хотя общая этнокультурная преемственность сохранялась. Максимальные расхождения показывают древние и современные краниологические серии из эскимосских могильников северо-восточной Чукотки и мыса Хоуп на Аляске, хотя и здесь мы как будто имеем дело с ненарушенной этнокультурной традицией. Глубокие хронологические разрывы устанавливаются между основными фазами древнеэскимосских культур в Гренландии: Индепенденс I —

13 И. И. Крупник

193

Индепенденс II — саркак — ранний и поздний дорсет — туле. В периоды этих разрывов население либо мигрировало в другие районы, либо вымирало, и тогда значительные части Гренландии полностью обезлюдели⁹.

Еще большим «слоеным пирогом» видится история внутренних районов Северной Аляски.

Различные культурные комплексы (денби, Нортон, ипиутак, каиюк, тукту и др.) сменяли здесь друг друга без какой-либо генетической преемственности, как будто в разное время и с разных сторон сюда периодически проникали группы мигрантов, которые через какое-то время исчезали, не оставив потомков¹⁰.

Но, пожалуй, наиболее поучительным оказался опыт, связанный с открытием «Китовой аллеи». Древнее святилище, действовавшее не более 4—6 столетий назад, не имело, казалось, никаких параллелей в этнографически известной культуре эскимосов Чукотки XIX — начала XX в. Скорее оно выглядело наследием какого-то иного пласта, с почти аналогичной материально-хозяйственной базой, но другими нормами ритуальной и духовной жизни. Причины столь глубокого забвения «Китовой аллеи» оставалось искать в смене этнокультурной традиции, активных миграциях древних эскимосов и появлении новой системы их племенного деления между XV (?) и XVII — XVIII вв."

Анализ таких культурных и демографических «разрывов» может стать весьма продуктивным для понимания особенностей исторического развития обитателей Арктики. Еще недавно поселки древних эскимосов на побережье Чукотки казались устойчивыми социумами, существовавшими непрерывно с периода древнего берингоморья и чуть ли не до исторического времени. Размеры их оставались как бы неизменными, а если и увеличивались, то лишь на фоне столетий и тысячелетий. Американский антрополог А. Харпер реконструировал для древних алеутов за последние 9 тысяч лет (!) средний годовой прирост населения на уровне 0,3 ‰ (с колебаниями от 0,2 до 0,7 ‰) • Это значит, что община в 100 человек увеличивалась на 1 человека за 30 лет и на 3 человека — за целое столетие. Маленькие стабильные коллективы древних охотников могли, таким образом, в течение столетий поддерживать «демографическое равновесие» с ресурсами своей среды обитания¹³.

Стоит ли говорить, что подобная историческая модель разительно отличается от известных фактов демографии традиционных арктических популяций с их высокой рождаемостью, очень высокой смертностью, резкими скачками численности, отмеченными в источниках X—VI II—начала XX в. Кроме того, модель «минимального прироста» не может объяснить, за счет каких людских ресурсов осуществлялись передвижки населения и целые волны миграций, покрывались потери от болезней, голодовок, войн или стихийных бедствий. Очевидно, что все эти явления сопровождали древнего человека с самого начала освоения им территории Арктики.

194

Сейчас скорее вызывают улыбку безапелляционные заявления о том, что накануне контактов с европейцами «здоровье эскимосов было хорошим, если не исключительным» и что эскимосы «достигли исключительно эффективного приспособления к неблагоприятной среде и процветали — кроме некоторых обычных болезней (?), присущих всему человечеству»¹⁴. Как известно, уже первые европейские путешественники отметили широкое распространение среди эскимосов

глазных, респираторных и психических болезней, психической отсталости и мускульно-скелетных дефектов. Судя по патологическим нарушениям, 10 % людей, погребенных на Эквенском древнеэскимосском могильнике, страдали тяжелыми формами остеоартрозов и спондилезов и фактически были полными инвалидами, не способными охотиться и выполнять домашнюю работу.

Некоторые позднепунукские захоронения на о. Св. Лаврентия говорят о недостатке питания и даже прямом физическом вырождении. Согласно реконструкции медико-санитарной обстановки, коренное население Чукотки задолго до прихода русских страдало от многочисленных простудных, кожных и желудочно-кишечных заболеваний, туберкулеза и, возможно, даже от венерических болезней¹⁵. Наконец, на всей территории Арктики известны примеры вымирания целых общин от голода или пищевых отравлений, массовой гибели охотников в море и больших групп населения — от несчастных случаев и стихийных бедствий¹⁶. Азиатские эскимосы имеют даже специальное слово *каванахтукаг мит* («непроснувшиеся») для обозначения погибших от голода или болезней людей, чьи кости в изобилии встречались в развалинах старых землянок. В свете таких фактов вряд ли справедливо говорить о «демографической стабильности» коренных жителей Севера, их непрерывной культурной преемственности на протяжении многих столетий. Напротив, история аборигенов Арктики поражает обилием «разрывов» и кризисов, смен этнокультурной традиции, глубиной экологических и социальных потрясений. Письменные источники XVII—XVIII вв. рисуют эту историю как сплошную цепь различных бедствий: эпидемий и голодовок, междоусобных конфликтов, падежей диких и домашних животных, закабаления и спаивания и даже прямого истребления в ходе европейской колонизации. Этот печальный мартиролог восстановлен в деталях для юкагиров и нганасан, кереков и коряков Охотского побережья, атапасков-кучинов и йеллоунайфов, эскимосов о. Святого Лаврентия и внутренних районов Аляски, многих других северных народностей.

Но даже в столь тяжелых условиях общая численность коренного населения Арктики со времени начала контактов с европейцами заметно увеличилась. Для середины XVII в. Б. О. Долгих, опираясь на ясачные списки и некоторые другие источники, оценил численность всех народов Сибири в 207 тыс. человек; по Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. она составила

уже

195

822 тыс. человек¹⁸. В середине XVII в. в арктической полосе Евразии проживало, видимо, около 30 тыс. человек (без Кольских и скандинавских саамов и русских поморов); к началу XX в. это население выросло более чем в два раза — до 63 тыс. человек¹⁹. При этом многие группы Арктики, как мы видели в предыдущих главах, не только в три — четыре раза увеличили свою численность и расширили этническую территорию (ненцы, чукчи, коряки-оленоводы), но и перешли к новой, более продуктивной форме природопользования — крупностадному оленеводству.

Более тяжелые потери в ходе европейской колонизации понесло коренное население Американской Арктики, особенно эскимосы севера Аляски и некоторых районов Канадского побережья. Но зато численность эскимосов Западной Гренландии, несмотря на периодические голодовки и эпидемии, увеличилась с конца XVIII до начала XX в. в 2,5 раза: с 5 до 12,5 тыс. человек²⁰. Сравнение этих примеров развития жителей Крайнего Севера с судьбой аборигенов Австралии, индейцев Северной и Южной Америки, охотников-собираателей тропической Африки еще более подчеркивает жизнеспособность арктических народов.

Однако причины такой жизнеспособности напрасно искать в модели «минимального прироста», как и в концепциях «предельной емкости» или слабансированных гомеостатических экосистем. Для объяснения «устойчивого» состояния традиционных обществ Арктики в их суровой среде обитания эти концепции могут предложить лишь один социальный механизм — сознательное ограничение прироста населения за счет особых норм демографического поведения, в первую очередь регулярного детоубийства (инфантицида). С этим тесно связан и другой популярный тезис, согласно которому охотники Крайнего Севера всегда использовали ресурсы своей среды обитания самым бережливым, рациональным образом и добывали строго ограниченное количество пищи, необходимое им для пропитания. Аргументы подобных концепций нам уже известны: распространение инфантицида у некоторых групп эскимосов Американской Арктики; обычаи «добровольной смерти», убийства больных и стариков; характерное для всех северных народностей очень бережное отношение к добываемой пище и свойственные им ритуальные или рациональные традиции оберегания промысловых ресурсов.

Реальность названных традиций не вызывает сомнения; она подтверждена большим числом надежных этнографических источников и прямых наблюдений²¹. Но столь же реальными выглядят и другие

факты, приводимые на страницах этой книги: высокая рождаемость и быстрые темпы прироста арктических народов в отдельные периоды их истории, активное воздействие на среду обитания, интенсивная нагрузка на используемые ресурсы. Как справедливо отметил Э. Вейер, нормы сексуального поведения у эскимосов всегда были направлены на *максимальное увеличение рождаемости*²². В условиях тяжелейшей борьбы за существование, где каждый непродуктивный член общины становился обузой для

196

всего коллектива, дети, старики и инвалиды пользовались и пользуются у народов Севера глубокой заботой и вниманием. Как известно, у всех жителей Арктики самым тяжелым несчастьем традиционно считалась бездетность и, наоборот, обилие детей обычно укрепляло престижность семьи. В источниках и посемейных списках XVIII — начала XX в. мы постоянно встречаем семьи с большим числом малолетних детей, что было бы невозможно в условиях жесткого регулирования прироста населения. В одной из предшествующих работ я специально рассмотрел влияние детоубийства (инфантицида) на демографическую структуру аборигенных групп Северной Евразии по документальным источникам XVIII — начала XX в.²³ Как известно, некоторые авторы провозглашают инфантицид формой адаптации (!) арктических народностей, универсальной стратегией освоения экстремальной среды обитания. Согласно крайней точке зрения, систематический инфантицид был главной формой демографического регулирования всех древних и традиционных обществ, где сознательно уничтожалось от 15 до 50 % (!) новорожденных детей, в первую очередь девочек²⁴.

Статистические данные по 25 аборигенным популяциям арктической зоны Евразии: от саамов и европейских ненцев до чукчей, коряков и азиатских эскимосов — решительно опровергают подобные представления. Они не только не подтверждают существование единого «арктического» типа половозрастной структуры как универсальной генетической или эволюционной адаптации в экстремальной среде обитания, но, напротив, указывают на вариативность, мозаичность основных демографических показателей. В освещенный источниками период XVIII — начала XX в. мы не находим никаких следов активного инфантицида у народов Крайнего Севера Евразии или, точнее, его сколь-либо заметного влияния на структуру сибирских популяций. На широком арктическом фоне инфантицид (и особенно убийство новорожденных девочек) выглядит своеобразной *культурной традицией* лишь некоторых групп американских эскимосов, не имеющей широкого экологического или демографического объяснения. Не отрицая само существование в прошлом инфантицида в Арктике (как и во многих других традиционных обществах от Австралии до средневековой Исландии), мы вправе теперь гораздо критичнее отнестись к этому излюбленному аргументу сторонников «равновесия» арктических народов со своей средой обитания.

Логика нашего исследования приводит нас к иному выводу. Либо характер взаимоотношений традиционных обществ Арктики с окружающей средой не постоянен, так что периоды «гармонии» и «экспансии» чередуются в зависимости от конкретных социальных или экологических условий, либо, что более вероятно, в нестабильной арктической среде вообще не может быть равновесия человеческого коллектива с его экосистемой.

Как отмечалось в главе 4, привычный для более низких широт экосистемный гомеостаз становится трудно достижимым или эво-

197

люционно невыгодным для живых существ Крайнего Севера. Всякое состояние «равновесия» здесь неустойчиво, кратковременно и неминуемо должно сдвинуться в ту или иную сторону в ходе сложной системы постоянных экологических изменений. И если арктические животные могут компенсировать потери в периоды кризисов резким, скачкообразным увеличением своей плодовитости в благоприятные фазы развития (условия г-отбора), то человеческие коллективы с их более медленными темпами воспроизводства должны обладать в такой среде специфическими формами экологического и хозяйственно-демографического поведения.

В этих условиях возможность постоянного высокого прироста аборигенных обществ Арктики оказывалась, на мой взгляд, более результативной формой адаптации, нежели стремление к стабильности и поддержанию равновесия со средой обитания. Перед лицом неминуемых и постоянно ожидавшихся экологических нарушений такое самоограничение было бы непозволительной роскошью, особенно в моменты благоприятной социально-экологической ситуации. Отсюда и проистекают многие черты традиционного хозяйственно-демографического поведения северных народностей: их стремление к экспансии, расширению осваиваемой территории, мощная нагрузка на используемые ресурсы, высокая рождаемость, которая при ранней и очень высокой смертности вела к быстрому обновлению популяций.

Именно такая возможность *расширенного воспроизводства человеческих коллективов* в любой, даже самый короткий отрезок времени создавала традиционным обществам Арктики повышенный

«запас прочности». Благодаря ему они могли не только переносить эпохи кризисов, оскудения фауны, прямого культурного регресса, но и восстанавливать и даже увеличивать свою численность с наступлением благоприятной обстановки. Как показывает история ненцев, чукчей, гренландских эскимосов XVII — XIX вв., аборигены Арктики были вполне способны к трех — четырехкратному численному росту за время жизни нескольких поколений.

Не надо забывать, что для быстрого увеличения арктического населения было достаточно скромного, по современным масштабам, превышения рождаемости над смертностью. При устойчивом приросте на уровне 5 ‰ (или 5 человек на 1000 ежегодно) община способна увеличить свою численность за 460 лет в 10 раз (!). Прироста в 4 ‰ достаточно, чтобы она за 577 лет в 10 раз расширила свою территорию, если при этом сохраняется прежняя плотность расселения². Значит, для объяснения примеров экспансии арктических популяций вовсе не обязательно оперировать столетиями и тысячелетиями: тот же эффект мог достигаться в короткие периоды благополучного социально-экологического развития. Несколько десятилетий быстрого устойчивого прироста создавали в арктических общинах тот «демографический взрыв», который позволял в короткий срок вновь осваивать заброшенные угодья,

198

восстанавливать некогда опустевшие поселки и затем толкал десятки людей на поиск новых мест обитания.

К сожалению, мы никогда не узнаем, каким был по размерам приток мигрантов, двинувшийся, по гипотезе Л. П. Хлобыстина, 6—8 тыс. лет назад из таежной зоны на Крайний Север Евразии. На фронте длиной многие тысячи километров разрозненные группы охотников на дикого оленя вышли к берегам Ледовитого океана и начали осваивать пространства евразийской тундры от Кольского п-ова до Чукотки²⁶. При «минимальном приросте» и «равновесии» со средой обитания невозможно представить, как возник этот поток и как на его основе сформировалось исторически известное население арктической зоны, насчитывавшее к моменту прихода русских на Крайний Север не менее 30 тыс. человек.

Этот же поток, возможно, привел далее и к заселению Американской Арктики. Согласно последней гипотезе канадского археолога Р. Мак-Ги, предки эскимосов могли проникнуть в Гренландию и на арктическое побережье Северной Америки не с востока, через Берингов пролив, а с запада — двигаясь вдоль берегов и островов Северной Евразии через льды Полярного бассейна. Мак-Ги рисует путь миграции от устья Лены на север Таймырского п-ова и далее через цепь островов Северной Земли, Земли Франца-Иосифа, архипелага Шпицберген до северо-восточного побережья Гренландии²⁷.

Такой путь через льды и острова высокой Арктики вдоль 82° с. ш. выглядит беспрецедентным по трудности в истории освоения эйкумены. Правда, для древних охотников эта область не была безжизненной ледяной пустыней. Здесь в изобилии встречались уже известные им промысловые ресурсы: тюлени, белые медведи, стада диких оленей, колонии морских птиц. Но даже если группы мигрантов были немногочисленны, они несомненно должны были обладать огромной стойкостью и способностью к быстрому приросту. Без таких качеств переход из Сибири в Гренландию и заселение полярных окраин Северной Америки были заведомо невозможны. По-видимому, нам предстоит переоценить демографическую основу и ряда более близких событий в истории народов Арктики. Каков, например, мог быть по размерам поток мигрантов с о. Св. Лаврентия на побережье Чукотки, который привел к гибели межплеменного союза с центром на «Китовой аллее»? Если справедливы наши реконструкции социального облика ее строителей (а это могли быть десятки или даже сотни мужчин-охотников из разных поселков)²⁸, то сокрушившая их волна переселенцев должна была насчитывать сотни людей. Точно также заселение эскимосами туле побережий Канадской Арктики, Лабрадора и Гренландии в X — XIII вв., сопровождавшееся ассимиляцией более древних обитателей этой территории, потребовало, видимо, многих сотен мигрантов, двигавшихся небольшими группами с побережья Северной Аляски²⁹. Причем в обоих рассматриваемых случаях в путь пускалось какое-то «избыточное» население, поскольку

199

преемственность между главными местными центрами устойчиво сохранялась.

Очень быстрый рост населения следовало ожидать и на вновь осваиваемых землях, а также в ходе самой миграции для восполнения неизбежных потерь. В некоторых районах такой прирост фиксируется по археологическим источникам. Так, численность эскимосов туле после освоения ими богатого ресурсами побережья Лабрадора возросла, по оценке, с XV по начало XVIII в. в

шесть раз (!), что превратило эти полупустынные берега в один из самых густонаселенных районов Арктики. Археологи считают, что в момент норманнской колонизации Гренландии и до XIII—XIV вв. эскимосов вообще не было в центральной и южной частях острова. Но к концу XVIII в., т. е. 400—500 лет спустя, их насчитывалось здесь более 5 тыс. человек, причем численность эта уже несколько уменьшилась за счет эпидемий, занесенных в XVII —первой половине XVIII в.³⁰

К сожалению, в нашем распоряжении пока нет прямых данных для реконструкции демографических процессов в аборигенных северных обществах в эпохи крупных миграций. Но уже известны несколько попыток их математического моделирования. Американский антрополог Р. Боттино просчитал недавно с помощью ЭВМ шесть возможных демографических «сценариев» заселения древними эскимосами арктического побережья Северной Америки с востока от Берингова пролива (т. е. противоположно схеме Р. Мак-Ги) в зависимости от разных показателей рождаемости, смертности, скорости миграций, наличия или отсутствия инфантицида. Наиболее близкой к исторической реальности оказалась модель с высокой рождаемостью, средним уровнем смертности и отсутствием инфантицида³¹. Конечно, это не является прямым доказательством преобладания у древних эскимосов той или иной формы демографического поведения. Но так или иначе, все расчеты решительно опровергают модель «минимального прироста» и «гомеостатического» существования как исходную или универсальную для аборигенов Арктики. Более надежным примером служит реконструированная по архивным документам XVII—XIX вв. и генеалогиям демографическая история авамских нганасан — самой северной аборигенной группы в Евразии³². Ее последние три столетия характеризуются чередованием резких спадов численности, главным образом от катастрофических эпидемий и голодовок, и последующих периодов очень быстрого подъема. «Демографические взрывы» у нганасан явно имели восстановительный характер, и как минимум трижды — в конце XVII —начале XVIII, в конце XVIII и во второй половине XIX в. — численность этой народности возрастала в полтора раза за два—три десятилетия. Такой рост при жизни одного поколения компенсировал понесенные ранее потери от опустошительных эпидемий и голодовок.

Способность нганасан к столь быстрому росту в короткие периоды времени свидетельствует об отсутствии механизма «само-

ограничения» у арктической популяции в экстремальных условиях или по крайней мере об очень гибком демографическом поведении. Поражает удивительная многодетность нганасан: не менее 30 % семей имели в конце XVIII в. по пять и более живых детей (максимально 12), так что доля детей и подростков достигала 45 — 50 %, т. е. была выше, чем у эскимосов, ненцев и чукчей в начале XX в. Будущие исследования покажут, в какой мере подобное демографическое поведение было характерно для других северных народов, в особенности тех, кто, подобно ненцам, чукчам или эскимосам Гренландии, смог заметно увеличить свою численность за последние столетия. Признавая направленную на расширенное воспроизводство модель демографического поведения аборигенов Арктики, мы не должны удивляться примерам их интенсивного, порой даже хищнического воздействия на используемые природные ресурсы. Такой характер аборигенного природопользования прямо диктовался, на мой взгляд, нестабильностью северной среды обитания. Это хорошо видно при сопоставлении промысловой тактики охотников Арктики и жителей бореальных лесов Сибири и Северной Америки или прибрежных рыболовов и охотников северо-западного побережья Америки, Алеутских островов, Камчатки и Сахалина, чье жизнеобеспечение базировалось на более стабильных ресурсах лососевых рыб и морских животных. Две черты наиболее ярко характеризовали традиционные формы природопользования в арктической зоне: резкая годовая цикличность доступных ресурсов и непредсказуемость будущего обилия добычи. В отличие от обитателей более южных районов арктический охотник получал свою основную продукцию в короткие «пики» сезонных миграций животных, когда несколько недель или даже дней чрезвычайно интенсивного промысла должны были обеспечить его пищей на длительный период. Неудивительно, что жители Арктики были так заинтересованы в создании *избыточных запасов продовольствия*: они не могли быть уверены в благоприятности следующего промыслового сезона³⁴.

Многие традиционные методы охоты и ряд промысловых установок народов арктической зоны, по образному выражению П. Н. Третьякова, были направлены на «овладение целым стадом животных»³⁵, т. е. на получение максимума продукции. Таким был излюбленный способ добычи эскимосами овцебыков и небольших стай белухи³⁶. Та же ориентация на массовую добычу

проявлялась при охоте на дикого оленя на переправах («поколках») или при летней облавной охоте на линную птицу, когда за короткий срок убивались сотни и тысячи особей. Итоговый размер добычи порой настолько превышал потребности коллектива, его возможности консервации и транспортировки пищи, что значительная ее часть портилась и пропадала. Свидетельства таких массовых охот с огромным количеством убитых животных имеются для всей Северо-Восточной Сибири, канадской лесотундры, побережья Гренландии, внутренних районов Аляски³¹.

201

Столь же расточительно велся порой и аборигенный морской промысел. «Я видел лежбище на Земле Гека у устья Анадыря, — пишет А. В. Олсуфьев. — Прикочевавшие сюда чукчи были уверены, что к концу года перебьют здесь всех моржей (около 80). Но при этом они рассчитывали воспользоваться не более как 20, зная, что остальное число придется на раненых, погибших в море»³⁸.

Как показывают балансы жизнеобеспечения эскимосских общин (см. главу 2), в отдельные благоприятные годы приморские охотники добывали в полтора — два раза больше продукции, чем могло быть использовано населением. Весной, в период хода морского зверя, промысел и разделка велись круглые сутки, до полного изнеможения добытчиков. Огромное количество мяса и жира закладывалось доверху в ямы-хранилища; излишки скармливались собакам или выбрасывались прямо на пляже. Как вспоминают пожилые эскимосы, запасов мяса с избытком хватало до следующей весенней охоты, и если она начиналась вовремя и опять была удачной, старое мясо попросту выбрасывали в овраги или заброшенные землянки.

В прошлом эскимосские охотники преследовали всех крупных морских животных, подходивших близко к берегу: старых и молодых, детенышей и кормящих самок — хотя об^ьшю могли различить их с дальнего расстояния. Но главную часть добытых моржей, китов, белух, как уже отмечалось в главе 2, составляли молодые неполовозрелые особи или самки с детенышами³⁹.

Ориентация на добычу кормящих самок и детенышей была наиболее характерна для эскимосского китового промысла. У эскимосов Аляски встретить самку кита с маленьким детенышем всегда считалось большой удачей, поскольку охотникам не составляло труда убить обоих животных. Мясо новорожденных китят и эмбрионов издавна было большим лакомством; известно, что в периоды изобилия зверя охотники специально преследовали только молодых китов и детенышей и даже отгоняли от берега взрослых животных⁴⁰. По обеим сторонам Берингова пролива сохранились предания о том, как зверобой подкарауливали во льдах самок во время родов и убивали сначала появившегося детеныша, а затем — обессиленную китиху⁴¹.

Кости молодых китов и детенышей преобладают в развалинах жилищ и поселений древнеэскимосских китобоев во многих частях Арктики. На пляжах канадского острова Сомерсет археологи обнаружили несколько десятков стоянок эпохи туле, содержащих в общей сложности кости от 1000 до 1500 убитых гренландских китов. 97 % из них принадлежали детенышам в возрасте 1 — 2 лет. В ограде эскимосского кладбища в Пойнт-Хоупе, построенной в конце XIX в. из многих десятков китовых челюстей со старых захоронений и землянок, большинство костей принадлежит совсем маленьким или новорожденным особям⁴².

Ярким свидетельством направленной охоты древних зверобоев на детенышей китов служат остатки древних поселений в районе

202

Мечигменского залива на восточном побережье Чукотки. В течение столетий здесь процветала особая приморская культура, носители которой специализировались на добыче детенышей серого кита — главным образом сосунков и однолеток. Самым впечатляющим памятником этой культуры «охотников на китят» является поселение Масик в вершине Мечигменского залива. По нашим подсчетам, здесь было убито не менее 1,5 тыс. маленьких китов, чьи черепа были уложены в фундаментах полуподземных жилищ, составляли ограды мясных ям, кольцевые и линейные выкладки, имевшие когда-то ритуальное значение. Аборигенный промысел детенышей серого кита сохранялся в Мечигменском заливе вплоть до середины XX в., и до 40—50-х годов охотники никогда не преследовали взрослых китов, считая их слишком опасными и тяжелыми для последующей транспортировки и разделки⁴³.

Ориентация на более легкую и доступную добычу, охота на овладение большой группой животных, направленный промысел детенышей или кормящих самок и другие промысловые установки жителей Арктики объективно увеличивали нагрузку на используемые ресурсы. Невозможно предположить, чтобы обитатели высоких широт, обладавшие, по общим отзывам, глубоким знанием своей среды обитания, не представляли себе последствий таких методов природопользования. Напротив, судя по всему, население Севера осознавало разрушительное действие своего хозяйства на используемые ресурсы. Об этом свидетельствуют многочисленные промысловые обряды, направленные на оберегание и «восстановление» дичи, и общий охранительный характер промысловой этики северных

народов. Недаром у чукчей, юкагиров, эвенов, нганасан, эскимосов Аляски внезапный недоход диких оленей или рыбы всегда считался «наказанием» за прошлое безрассудное истребление животных или несоблюдение принятых норм бережного отношения к добыче⁴⁴,

Раньше свидетельства хищнического истребления дичи местными охотниками стремились объяснять влиянием европейской колонизации, внедрением огнестрельного оружия или притоком пришлого населения⁴⁵. Но теперь известно немало примеров локальных экологических кризисов, вызванных древними обитателями Арктики или традиционными общинами, не втянутыми в систему коммерческого промыслового хозяйства. Эти кризисы выразились в сокращении ареалов, резком падении численности или даже полном истреблении отдельных видов животных на обширных территориях.

В середине XIX в. группы эскимосов-карибу наткнулись на процветающие стада овцебыков в верховьях рек Телон и Казан в центральной части Канадской Арктики. Овцебыки для эскимосов всегда были более легкой добычей, чем карибу: в отличие от карибу они не убегают при виде человека, а выстраиваются в круг, охраняя самок с телятами. Поэтому охотники могут приблизиться к стаду и без труда убивать животных с близкого расстояния. Немедленно начался хищнический перепромысел популяции, и к началу XX в.

203

овцебыки были истреблены в условиях сохранения традиционной эскимосской системы ценностей и опыта природопользования⁴⁶.

Охота эскимосов на овцебыков т- раз приводилась как пример хищнического освоения человеком крайне уязвимых ресурсов Арктики⁴⁷. При этом луки и копья были не менее эффективным средством истребления, чем кремневые ружья или нарезные винтовки. Между 1850 и 1900 г. группа эскимосов, перебравшаяся на о. Бэнкс в Канадской Арктике, полностью истребила местную популяцию овцебыков, вообще не имея огнестрельного оружия и каких-либо контактов с европейцами. Археологи обнаружили на острове около 150 эскимосских стоянок с останками более 3 тыс. животных. В предгорьях хребта Брукса на севере Аляски овцебыки были выбиты эскимосами за 200 лет до появления европейцев и огнестрельного оружия⁴⁸.

На южных окраинах Субарктики задолго до появления европейцев древние алеуты истребили стеллерову корову (*Rythina Stelleri*), которая исчезла на всех островах Алеутского архипелага, сохранившись к середине XVIII в. только на необитаемом острове Беринга⁴⁹. Помимо овцебыков и стеллеровой коровы крайне уязвимыми к действию аборигенного промысла были и некоторые другие промысловые животные, которые, по выражению американского эколога А. Макферсона, добывались методом «массовых избиений»⁵⁰. Среди них он перечисляет: дикого оленя-карибу, исполинскую гагарку (*Pinguinus impennis*), полностью истребленную в Канадской Арктике и в Гренландии в XIX в., крупные виды тундровой линной птицы, арктического гольца и др. Когда же под влиянием внутренних популяционных циклов или перепромысла численность наиболее уязвимых видов сокращалась, пресс интенсивной охоты обрушивался на другие ресурсы. Именно так были истреблены эскимосами в конце XIX в. стада снежных баранов-толсторогов (*Ovis dalli*) на севере Аляски, когда уменьшение численности оленей-карибу лишило местных охотников основного источника существования⁵¹.

Подобные свидетельства можно рассматривать как примеры экстремальных ситуаций в многовековой истории взаимоотношений человека и природы Крайнего Севера. Но известны некоторые формы аборигенного жизнеобеспечения, в которых «чрезмерная охота» была как бы имманентно заложена в систему природопользования. Одна из них описана для канадских индейцев чипевайев, живших на границе леса и тундры и известных под названием «поедатели карибу». Дважды в год через их территорию проходили мигрирующие стада карибу, которые давали чипевайям основную пищу и шкуру» для изготовления одежды и жилища. Осенью, накануне подхода оленьих стад, индейские общины разбивались на множество мелких коллективов (хозяйственных групп), встававших по фронту, перпендикулярному линии миграции карибу. Где бы ни прошел основной поток животных, на его пути оказывались одна или несколько групп охотников. Задачей этих людей было убить как можно больше карибу, пока не подойдут остальные

204

⁵²

группы и добыча не будет распределена внутри всего коллектива В короткий срок эти 5—10 добытчиков и члены их семей должны были забить, разделать и обработать много сотен и даже тысяч (!) оленей, необходимых всей общине. В таких условиях массовые потери были неизбежны, что налагало свой отпечаток на промысловую этику и ритуальные традиции чипевайев.

Элементы той же стратегии природопользования обнаруживаются у многих групп арктических охотников на дикого оленя — от нганасан и жителей долины Анадыря до эскимосов Аляски и Гренландии. Описания их традиционных облавных охот с убийством сотен и тысяч животных и огромными непродуктивными потерями на удивление очень сходны⁵³. Этот факт вряд ли случаен:

эпизодическая «чрезмерная добыча», очевидно, становится закономерной при эксплуатации столь нестабильного ресурса, как популяции северных оленей-карибу с их резкими колебаниями численности, путей миграций и сроков подхода промысловых стад. Такая система природопользования как будто не имеет аналогий у охотников бореальной зоны или оседлых охотников и рыболовов, осваивавших более устойчивые и богатые экосистемы речных долин и морских побережий умеренного пояса.

Свидетельства такого же изначально заложенного перепромысла мы находим и в некоторых моделях приморского жизнеобеспечения в Арктике. По реконструкции археолога Д. Стэнфорда, эскимосы культуры бирнирк на побережье Северной Аляски и Чукотки около 500—900 гг. н. э. жили за счет интенсивной добычи тюленей и оленей-карибу. За короткий срок они полностью выбивали поголовье тюленей в радиусе 10—20 км вокруг своего поселения и затем перемещались в новые угодья. Такую тактику полного истребления промысловых стад Э. Берч образно назвал «найти и уничтожить». Она создает охотничью культуру с очень высокой мобильностью, но и огромной потребностью в экспансии при росте численности населения. Поэтому переход от культуры бирнирк к туле Д. Стэнфорд рассматривает как результат перепромысла и истребления тюленей вдоль побережья Северной Аляски, что вынудило бирниркцев искать новые угодья и иные источники существования⁵⁵.

Здесь мы вновь сталкиваемся с очевидным противоречием: реальная нагрузка северных охотников на используемые ресурсы не соответствовала ни нормам «рационального» природопользования, ни этике промыслового поведения аборигенных народностей. Меньше всего мне хотелось бы представить жителей Севера как безжалостных хищников, слепо разрушающих свою экосистему. Но для анализа их жизнеобеспечения столь же мало пригодными кажутся перенесенные со страниц учебников экологии концепции «взаимного регулирования» или идеи «гармоничности», «исконной экологичности» аборигенных обществ в противовес разрушающей природную среду индустриальной цивилизации. Все это явно выглядит современной идеализацией.

Традиционный охотник никогда не занимался регулированием

205

своих промысловых ресурсов в понимании современной экологии. Он был прежде всего их активным потребителем, глубоко уверенным в своем праве и физической возможности убивать животных для собственного пропитания. Интуитивно или вполне сознательно он порой находил более или менее рациональные формы эксплуатации промысловых стад. Иногда это совпадение было случайным (?) или диктовалось совсем другими соображениями — удобством добычи и транспортировки, экономией усилий на передвижение к районам промысла и т. п.

Наилучшим примером такой стратегии арктических охотников служит направленный промысел детенышей некоторых видов животных. Для большинства крупных млекопитающих с их относительно медленными темпами размножения именно взрослые, репродуктивные особи, а не детеныши являются наиболее уязвимой частью популяции. Выживание взрослых животных становится критическим условием для благополучия и устойчивого воспроизводства стада, поскольку даже небольшое увеличение их смертности способно приостановить рост поголовья⁵⁶.

С точки зрения экологии такая направленная добыча детенышей выглядит наиболее рациональной: она позволяет изымать больше продукции с наименьшим ущербом для популяции. Значит, сколь ни безжалостной была охота эскимосов на , новорожденных и годовалых китят, моржей, тюленей, объективно она являлась интуитивно-рациональной формой природопользования.

Интуитивно-рациональную основу можно найти и во многих других формах использования ресурсов народами арктической зоны. Но бережливость аборигенного природопользования, по справедливой оценке знатока хозяйства ненцев В. П. Евладова, «имеет место, пока дело не касается пропитания. Там, где охрана богатств природы противоречит условиям существования людей, там эта охрана отступает на второй план». Такой подход, очевидно, наиболее объективен для понимания этики и поведения арктических народов в их крайне нестабильных экосистемах. Поэтому при оценке исторической роли аборигенного охотника следует, на мой взгляд, четко различать его *экологический опыт* — систему накопленных представлений и рациональных знаний об окружающей среде и месте в ней человека — и *экологическое поведение* — реальную форму освоения природных ресурсов. Экологический опыт всех аборигенных групп Арктики без сомнения представляет ценнейшую часть их культурного наследия, составную часть общечеловеческих знаний о природе Крайнего Севера. Он содержал глубокие и разносторонние данные, тонкие эмпирические наблюдения о всех аспектах эксплуатируемой среды, выходящие далеко за рамки нужд повседневного существования. Напротив, экологическое поведение

северных этносов было сложным, неоднозначным и — как показывают приводимые примеры — во многих проявлениях негативным. Оно требует поэтому беспристрастной исторической оценки с позиций современного рационального природопользования.

206

Сравнивая экологический опыт и экологическое поведение разных групп традиционных охотников, мы должны помнить, что они несут сильнейший отпечаток их среды обитания. Так, четко фиксируемые различия экологического опыта и поведения тундровых и таежных этносов — например, эскимосов в сопоставлении с атапасками, кетами или тунгусами — могут найти свое объяснение в несоответствиях природной ритмики двух биомов. В более стабильной и разнообразной экосистеме тайги традиционный охотник сталкивался с относительно более ровным и широким распределением промысловых ресурсов, возможностью их выбора и замещения. Это состояние нарушалось эпизодическими и потому трудно объяснимыми периодами острой нехватки добычи в особо суровые годы или фазы минимумов многолетних биологических циклов⁵⁹.

Отсюда, на мой взгляд, проистекало более «охранительное» (консервационистское) и глубоко ритуализованное экологическое мировоззрение бореальных охотников. Для них вполне допустимой была идея «равновесия» с используемыми природными ресурсами, которая поддерживалась не на уровне рациональных экологических знаний, а за счет чисто магических установок и ритуалов в рамках традиционной анимистической концепции мира. Человеческий коллектив и разные виды животных и даже растений рассматривались в ней как равноправные и равнозудственные сообщества, чьи отношения должны были строиться на основе взаимного уважения и строгих норм глубоко ритуализованного этикета. Элементы этой концепции, подробно описанной на примере североамериканских индейцев, прослеживаются у большинства таежных народов Сибири — эвенков, хантов, селькупов, нивхов, нанайцев и др.⁶¹

Напротив, арктические тундровые и приморские охотники, жившие в условиях крайне неустойчивой среды обитания, выработали более агрессивную модель экологического мировоззрения. Их реальное поведение постоянно вступало в противоречие с охранительными промысловыми культами и ритуалами, отражавшими

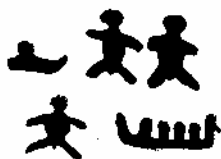
в целом тот же комплекс анимистических представлений. При этом промысловая этика арктических охотников выглядит явно упрощенной или затрагивала меньшее число животных по сравнению с глубоко ритуализованными традициями народов таежной зоны. Например, у эскимосов Северной Аляски сложное ритуальное поведение требовалось лишь при охоте на гренландского кита, бурого медведя, волка, а добыча массовых видов — тюленей, белух, моржей, оленей-карибу, птицы, рыбы — сопровождалась самыми простыми охранительными ритуалами⁶³. Это не мешает большинству исследователей считать технологическую и культурную адаптацию арктических охотников к своей среде более успешной и эффективной, чем у народов бореальной зоны⁶⁴.

Можно полагать, однако, что экологическая «агрессивность» арктического охотника не была постоянной. Она обострялась в периоды кризисов, скудости ресурсов или ухудшения условий

207
промысла. Зато в эпохи изобилия или постоянства добычи его поведение, напротив, могло становиться более строго ритуализованным. «Китовая аллея» и ритуальные выкладки из костей детенышей серого кита на поселении Масик скорее всего отражают именно эту фазу духовной традиции обитателей Арктики.

- ¹ Hall, 1984, 135—138.
- ² Stefansson, 1951, 66—67 — цит. по: Hall, 1984, 136—137.
- ³ Hughes, 1960, 250—251.
- ⁴ Smith D. G., 1975, 7.
- ⁵ То же для эскимосов о. Св. Лаврентия, см.: Hughes, 1960, 79.
- ⁶ Афанасьева, 1980а, 28—29.
- ⁷ Сводки данных см.: Гурвич, 1966; Долгих, 1960; Этническая история, 1982; Burch, 1980; Ray, 1975; Taylor J., 1974.
- ⁸ Burch, 1980, 261. См. об этом же у Б. О. Долгих (1976, 33): «В фольклоре иганасан чувствуется, что древним обитателям Северной Сибири жизнь давалась нелегко. Гибель от голода, болезней, в реках и озерах, от хищных зверей и враждебных племен подстерегала их на каждом шагу. Гибнут целые семьи, роды, стойбища, но оставшиеся в живых с тем большей энергией борются я с природой, и с врагами».
- ⁹ Ср.: Дебец, 1975, 199—201; Hall, 1984, 135; Fitzhugh, 1984.
- ¹⁰ Amsden, 1979, 405.
- ¹¹ Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 94—135, 155—157.
- ¹² Харпер, 1980, 55—56.
- ¹³ Gessain, 1969, 246; Maxwell, 1979, 76, 87; Robert-Lamblin, 1975, 523—524.
- ¹⁴ Fortuine, 1971, 114.
- ¹⁵ Лебединская, 1969, 197; Банди, 1976, 488; Вольфсон, 1984, 38—39; Martin C., 1978, 46.
- ¹⁶ Файнберг, 1971, 229—232; Burch, 1980, 285, 290; Mikkelsen, 1944, 20—21; Taylor J., 1974, 8 — гибель целой флотилии лодок с 200 эскимосами, утонувшими летом 1773 г. у берегов Лабрадора.
- ¹⁷ Вдовин, 1973, 172—181; Гурвич, 1966, 136—138; Леонтьев, 1983, 8—19; Туголуков, 1979, 38—46; Burgess, 1974, 28—33; Krech, 1978, 92—94; Burch, 1980, Долгих, 1960, 615—617; Патканов, 1912, 159—167.
- ¹⁸ Расчеты по оценкам Б. О. Долгих (1960) и данным Приполярной переписи 1926/27 г.
- ¹⁹ Kleivan, 1984, 597.
- ²⁰ Богораз, 1934, 106—112; Золотарев, Левин, 1940, 175; Иохельсон, 1898, 152; Нансен, 1937, 279—280, 375; Попов, 1948, 95; Birket-Smith, 1929, 95, 101; Carr-Saunders, 1922, 146; Kjellström, 1974/75, 117—122; Krzywicki, 1934, 151; Weyer, 1932.
- ²¹ Weyer, 1932, 139.
- ²² Крупник, 1985; Крупник, 1988а.
- ²³ Balicki, 1967, 625; Birdsell, 1968, 239, 243 — ср.: Шнирельман, 1986а, 439—440.
- ²⁴ Cowgill, 1975, 510.
- ²⁵ Хлобыстин, 1982б, 287—288.
- ²⁶ См. подробнее: Мак-Ги, 1988, 110—118.
- ²⁷ Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, 152—153.
- ²⁸ McGhee, 1969/70; 1984, 369—374.
- ²⁹ См. подробнее: Kaplan, 1983, 303—332; 1985, 60—61; Gulløv, 1985, 74, 91; McGovern, 1979, 179—181.
- ³⁰ Bottino, 1987, 118, 120.
- ³¹ Афанасьева, 1979; 1980а; 1980б; см. также — Долгих, 1952; 1960, 124—128; Симченко, 1982.
- ³² Рассчитано по: Афанасьева, 1980а, 33.
- ³³ Testart, 1982, 527.
- ³⁴ Третьяков, 1935, 245. О «бессмысленном» уничтожении целых стад промысловых животных американскими эскимосами и индейцами см.: Hester, 1967, 178—179.
- ³⁵ Burch, 1977, 140—141; Wilkinson, 1975, 21; Nelson R., 1969, 207.

- ³⁷ Иохельсон, 1898, 41; Портенко, 1941, 83; Туголуков, 1979, 47—48; Bogoras, 1904, 133; Campbell, 1978, 190; Grønnow, 1986, 60—63; Martin C., 1978, 164—165; Nellemann, 1969/70, 150—152; Nelson R., 1973, 311. Ср. упоминания А. Дьячкова (1903) о «целых пакгаузах» у оленьих переправ на р. Анадырь, наполненных тушами убитых животных.
- ³⁸ Олсуфьев, 1896, 126.
- ³⁹ См.: Перри, 1976, 85; Silook, 1976, 32; Sivuqam Mangaghnegha, 1985, 139 и др.
- ⁴⁰ Durham, 1979, 27—28; McCartney, 1984, 96—97; Maher, Wilimovski, 1963, 19; Rainey, 1947, 261.
- ⁴¹ Durham, 1979, 27; полевые материалы автора, 1979—1981; личное сообщение С. А. Арутюнова, 1982.
- ⁴² McCartney, Savelle, 1985, 43—45; Durham, 1979, 27; Burch, 1981, 46, 47 — см. фото в журнале «Observer» (1978, 25. VI. P. 28).
- ⁴³ Обследованы М. А. Членова, Л. С. Богословской и автора летом 1981 г., см. подробнее: Богословская, Вотрогов, 1982; Членов, Крупник, 1984; Chlenov, Krupnik, 1984; Krupnik, Bogoslovskaya, Votrogov, 1983; Krupnik, 1987.
- ⁴⁴ Иохельсон, 1898, 141; Долгих, 1952, 23; Bogoras, 1904, 133; Spencer, 1959, 264—267.
- ⁴⁵ Керцелли, 1925, 18—20; Нансен, 1937, 375; см. также: Amsden, 1979, 402—403; Burch, 1977, 148—149; Hester, 1967, 178—179; Wilkinson, 1975, 33.
- ⁴⁶ Burch, 1977, 143—148.
- ⁴⁷ Ср.: Macpherson, 1981, 103—104.
- ⁴⁸ Campbell, 1978, 201—202; Vincent, Gunn, 1981, 176.
- ⁴⁹ Laughlin, Harper, 1979, 2.
- ⁵⁰ Macpherson, 1981, 104—105.
- ⁵¹ Campbell, 1978, 183—197. Об истреблении бескрылой испанской гагарки (*Pinguinus impennis*) в Гренландии древними эскимосами около 1500 г. до н. э. см.: Meldgaard, 1988, 160—161, 167.
- ⁵² Sharp, 1977, 36—37; Smith J. G., 1978, 75, 83—84.
- ⁵³ Попов, 1948, 34, 36, 50—51; Симченко, 1976, 90—94; Третьяков, 1935, 245—251; Туголуков, 1979, 47—48; Campbell, 1978, 190; Nellemann, 1969/70, 150—152; Vibe, 1967, 166 и др.
- ⁵⁴ Burch, 1972, 347.
- ⁵⁵ Stanford, 1976, 114.
- ⁵⁶ Järvinen, Varvio, 1986, 12—14. Я искренне признателен Л. С. Богословской, обратившей мое внимание на эту особенность экологии аборигенного морского промысла.
- ⁵⁷ Евладов, 1929, 58.
- ⁵⁸ Nelson R., 1969, 373—375; 1973, 301—307.
- ⁵⁹ О влиянии бореальных экологических циклов на поведение аборигенных охотников см. подробнее: Nelson R., 1980, 223—228, а также: Rogers, Black, 1976; Waisberg, 1975; Winterhalder, 1983.
- ⁶⁰ Подробнее о промысловой идеологии таежных народов см.: Алексеенко, 1974, 226; Таксами, 1976, 204—206; Туголуков, 1969, 152—153; Туров, 1985, 8, 12; Nelson R., 1973, 311; 1980, 230.
- ⁶¹ Martin C., 1978, 34—39, 71—74, 150—151; Nelson R., 1980, 229—231; Василевич, 1969, 216—220; Кулемзин, 1984, 155—156; Кулемзин, Лукина, 1977, 126—127; Прокофьева, 1976, 122; Смоляк, 1976, 143—144; Таксами, 1976, 204—205; Туголуков, 1969, 148 и др.
- ⁶² Ср.: Вдовин, 1976, 239—243; Полов, 1984, 56—59; Симченко, 1976, 239—241; Хомич, 1976, 22; Юагиры, 1975, 78—79.
- ⁶³ Spencer, 1959, 267—276.
- ⁶⁴ Ср.: Nelson R., 1973, 298—321.

Глава 8

АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Каждая область знаний в современной науке имеет более или менее четкие границы своего «поля» исследований. Для арктической этноэкологии таким полем являются отношения северных народов со своей средой обитания, т. е. этнография и история населения Арктики. Выход за эти границы порой становится рискованным: у бореальных охотников, как мы видели, экологический опыт и экологическое поведение опирались на иные принципы, чем у обитателей тундр и полярных

побережий. Значит, приступая к широким обобщениям, мы вправе ожидать существования наряду с арктической также бореальной, тропической, высокогорной, пустынной и др. «этноэкологии» со своими закономерностями и моделями развития.

Куда менее определенными выглядят хронологические рамки арктической этноэкологии.

Известная археологам древняя история аборигенов Арктики уже сейчас охватывает 13—14 тысячелетий, если считать от вполне достоверных датировок стоянки Берелех в нижнем течении Индигирки на 71° с. ш. Но и эти цифры явно не являются предельными. Более того, когда сто с лишним лет назад английский геолог У. Б. Даукинс сформулировал гипотезу о родстве современных эскимосов с верхнепалеолитическими охотниками Западной Европы, стало ясно, что культура арктических народов имеет весьма широкие исторические параллели. Гипотеза Даукинса была впоследствии благополучно отвергнута, но уже много десятилетий этнография Арктики считается ценнейшим источником для археологии и истории первобытного общества¹.

Так открывается еще одно поле научного поиска, где использование данных и выводов арктической этноэкологии может иметь непреходящее значение. Как известно, наиболее близким историческим аналогом обитателей Крайнего Севера в хозяйственно-экологическом отношении могут считаться верхнепалеолитические охотники приледниковых равнин Евразии эпохи последнего плейстоценового оледенения (12—25 тыс. лет назад). Согласно современным реконструкциям, они населяли открытые пространства приледниковых (перигляциальных) «тундростепей» с холодным и очень суровым климатом². Основу их жизнеобеспечения составляла охота на несколько видов крупных животных — мамонтов,

210

северных оленей, бизонов и др., входивших в комплекс так называемой «мамонтовой фауны» позднего плейстоцена.

Археологи давно обратили внимание на прямые параллели в материальной культуре верхнепалеолитических охотников на мамонтов Русской равнины или южных районов Сибири и некоторых современных народов Крайнего Севера, в первую очередь эскимосов. Высокая продуктивность первобытной охоты позволяла многим группам древних обитателей иеригляциальной области вести оседлый или полуседлый образ жизни и даже строить, подобно эскимосам, крупные поселения с долговременными жилищами. К числу прямых культурных параллелей археологи относят: конструкцию стационарного зимнего жилища с каркасом из жердей и костей крупных млекопитающих (китов или мамонтов); использование ям в мерзлом грунте для хранения запасов мяса; глухой покроей верхней одежды из меха; употребление костей убитых животных в качестве топлива и сырья для изготовления промысловых, землекопных и других орудий; применение больших каменных ножей для разделки туш крупных зверей и т. п.³ Яркие параллели видят мЕшгие ученые в изобразительном искусстве, элементах социальной организации, обрядах, системе счета, украшениях, и, разумеется, в общих принципах экологического поведения⁴. Во всех этих отношениях первобытные обитатели приледниковых равнин Евразии, по словам американского палеонтолога А. Йелинека, «наиболее сопоставимы с современными эскимосами — единственной сохранившейся культурой, столь же экстремально плотоядной, как и охотники верхнего палеолита»⁵.

До сих пор поиск таких культурных аналогий между палеолитическими обществами и народами Арктики стимулировался главным образом археологами. Этнографы, напротив, весьма скептически относятся к прямому перенесению этнографических реалий XVIII — XIX вв. в обстановку верхнего палеолита⁶. Ведь даже при видимом сходстве (или подобии) многих сторон материальной и духовной культуры ни один из традиционных народов Арктики нельзя ставить в ряд с группами верхнепалеолитических охотников на мамонтов прежде всего ввиду его более долгого исторического развития и контактам с достижениями других цивилизаций. Но эта безусловно верная общая посылка не отрицает саму возможность исторических или археологических реконструкций с использованием тщательно отобранных этнографических аналогов. Многие черты поведения, повседневной жизни палеолитических охотников действительно крайне сложно понять лишь на основании доступных археологам источников. И здесь огромную ценность может иметь опыт арктической этноэкологии. Прямое этнографическое наблюдение или моделирование с учетом местной традиции способны воссоздать практику добычи и разделки животных, способы консервации и приготовления пищи, приемы материально-бытового производства, строительства жилища на вечной мерзлоте или ориентации на местности

211

в условиях холодной, приледниковой среды обитания. Эти точные детали очень важны для интерпретации археологических материалов, хотя эскимосский зверобой с берегов Берингова пролива социально и даже экологически весьма далеко отстоит от палеолитического охотника на мамонта центра Русской равнины. Американские археологи, например, уже давно используют экологический опыт современных обитателей Арктики для понимания жизни обществ верхнего палеолита ⁷. Что может добавить здесь анализ форм традиционного природопользования северных народностей, развернутый на страницах этой книги? Его возможности мне хотелось бы проиллюстрировать на нескольких, наиболее ярких примерах. Они касаются общих принципов охоты, использования промысловых ресурсов, динамики и размещения населения, особенностей демографического воспроизводства древних коллективов. Такой выбор как бы повторяет основные стороны жизнеобеспечения арктических народов, их практики и этики природопользования, которые были изложены в предыдущих главах.

Тактика первобытной охоты. Археологи не раз подчеркивали, что полуоседлый образ жизни и сравнительно крупные размеры верхнепалеолитических коллективов в приледниковой зоне Восточной и Центральной Европы были прямым следствием высокой продуктивности первобытного промыслового хозяйства ⁸. Добыча крупных травоядных животных, прежде всего мамонта, с избытком обеспечивала население пищей, топливом, сырьем для пошива одежды, изготовления орудий и строительства жилищ. Столь высокий уровень «достаточности» и специализации действительно очень сближал системы жизнеобеспечения палеолитических охотников на мамонтов и оседлых морских зверобоев Арктики, добывавших китов и моржей на берегах Берингова пролива.

Но промысловое вооружение верхнепалеолитического охотника, как мы знаем, резко уступало эскимосскому. У него не было сложных поворотных гарпунов с поплавками, быстрых и маневренных кожаных лодок. Туши убитых животных эскимосы доставляли в поселок на лодках или буксировали на плаву, а во льдах и на суше использовали собачьи упряжки или ручные нарты. Никакие средства для транспортировки добычи, кроме, возможно, примитивных волокуш, в палеолите нам не известны. Из этого следует важный вывод: промысел самых крупных животных древние охотники, очевидно, стремились вести как можно ближе к поселению. Иначе расходы труда на доставку мяса, жира, костей и Другого ценного сырья в поселок отнимали бы у них непропорциональную часть трудовых усилий. Значит, сам процесс охоты должен был быть исключительно эффективным. Зверя надо было добить как можно быстрее: раненый и умерший или убитый вдали от жилищ, он давал лишь небольшую часть полезной продукции. Как справедливо писал Л. Бинфорд, здесь действует жесткий закон: «Чем больше расстояние, на которое надо перенести

919

мясо, или тяжелее сам груз для дальней транспортировки, тем решительнее будут отсечены и не использованы все менее продуктивные части туши» ⁹.

И здесь мы можем искать прямые аналогии в стратегии охоты морских зверобоев Арктики. Как известно, промысел самых крупных животных эскимосы вели двумя способами: в момент, когда активность животных была естественным образом ограничена (например, у вылезших на лед моржей или спящих на воде китов), или же, стремясь быстрее обессилить зверя потерей крови, нанося ему многочисленные раны. В обоих случаях главным орудием добычи был не гарпун — аналог палеолитического метательного дротика, а тяжелое ручное копьё-пика, которой животному наносили смертельную рану. Такие тяжелые «добойные копыя с длинными штыкообразными наконечниками из клыка или кости пениса моржа известны по находкам на древнеэскимосских стоянках или по поздним этнографическим описаниям ¹⁰. При охоте на китов и моржей это копьё не кидали в цель, а, держа его двумя руками, с силой наносили глубокий колющий удар.

Охота с тяжелым копьём требует непосредственного сближения человека с преследуемым зверем. Этого сближения даже с самыми крупными водными млекопитающими — китом, моржом, белухой, не говоря уже о белом медведе, не боялись не умеющие плавать аборигены Арктики. Вряд ли мы должны ожидать иного при реконструкции методов добычи мамонтов или других крупных наземных животных в верхнем палеолите.

Поэтому с точки зрения арктической этноэкологии мало реальными выглядят картины преследования мамонтов толпой охотников, вооруженных легкими дротиками, и тем более промысел с помощью дубин, крупных камней или каменных топоров. Куда вероятнее, что хорошо организованные группы охотников предпочитали, видимо, подстергать или даже специально подгоняли (?) свою добычу на максимально близкое расстояние к жилищам: к водным переправам, болотистым низинам, оврагам, кустарниковым зарослям — словом, туда, где подвижность животных была ограничена естественным образом. Более эффективно ее стремились ограничить искусственно — быстро наносимыми ранениями, ямами-ловушками (пусть даже минимальной глубины), отвлечением или испугом, сплошным окружением. Смертельный удар мамонту или другому крупному зверю, по-видимому, наносил, выждав момент, сильный и опытный охотник, вооруженный тяжелым копьём с длинным

штыковым наконечником из рога или Мамонтова бивня. Обломки таких копий были не раз обнаружены при раскопках палеолитических поселений. Еще более мощным оружием могли быть цельные копья, выточенные из бивня мамонта, подобные тем, что найдены на стоянке Сунгирь¹². Только такой эффективной, строго продуманной охотой вблизи поселения можно объяснить находки крупных, нерасчлененных частей туш мамонтов, обилие малоценных для транспортировки ребер и позвонков, анатомически полных конечностей и даже

213

¹³

целых скелетов на некоторых верхнепалеолитических стоянках. Аналогии с коллективной охотой на китов у эскимосов здесь достаточно очевидны. За этими аналогиями стоит огромный опыт профессиональных охотников и отработанное веками распределение усилий, известное нам на примере зверобойных бригад эскимосов или временных хозяйственных групп юкагиров, нганасан и чипевайев на промысле северных оленей-карибу. Элементы этих отношений, включая коллективные экологические знания, промысловую этику, продуманные схемы природопользования, мы вправе предположить и для общин охотников на мамонтов эпохи верхнего палеолита.

Размещение первобытного населения. При подобной тактике охоты огромное значение для палеолитической системы жизнеобеспечения имел оптимальный выбор места поселения. Здесь мы можем вновь обратиться к традиционному экологическому опыту арктических зверобоев. Основные критерии выбора эскимосами мест для своих поселений (см. главу 2): близость к участкам наиболее продуктивного промысла, комплексность доступных ресурсов, хороший обзор местности, расположение «на стыке» нескольких осваиваемых экосистем — вполне применимы и для многих известных стоянок верхнепалеолитических охотников. В таком случае у палеолитических коллективов существовали характерные экологические «стереотипы» выбора места поселения, как и у обитателей Арктики.

Давно отмечена близость большинства верхнепалеолитических стоянок приледниковой зоны к долинам рек, преимущественно к мысам-стрелкам, образованным боковыми овражками или ложбинами¹⁴. Но число таких удобных для освоения «ниш» даже при сравнительно низкой плотности палеолитического населения было ограниченным. Поэтому древние охотники могли неоднократно использовать места старых, заброшенных поселений и даже пред-¹почитать их — как часто делали эскимосы при выборе новых стоянок. Следы прежнего обитания зримо подчеркивали преимущества найденного места жительства, создавали ощущение реальной или фиктивной преимущества в освоении территории. Не последнюю роль, видимо, играла и возможность использования развалин старых жилищ в качестве основы для нового поселения или источника строительного материала¹⁵. Такая традиция хорошо известна у эскимосов Чукотки и на древнеэскимосских поселениях с жилищами из костей кита в Канадской Арктике.

Анализ памятника «Китовая аллея» и других крупных сооружений эскимосов показал большие конструктивные достижения древних обитателей Арктики. Их техническое вооружение было минимальным, а методы крупномасштабного строительства в условиях вечной мерзлоты остаются нам неизвестными. Между тем размеры древних полуподземных жилищ, обилие использованного строительного материала — костей китов, крупных валунов, бревен — удивляют не только археологов, но и современных местных

214

жителей, утративших навыки такого строительства. «Раньше люди здоровее были», — говорили наши спутники-эскимосы, осматривая вкопанные пятиметровые китовые челюсти или весящие около тонны черепа на Китовой аллее. По-видимому, то же остается теперь сказать и о строителях палеолитических жилищ из костей мамонтов, которые в отдельных случаях использовали сотни (!) специально отобранных, а порой и обработанных костей многих животных. Общий вес такого «строительного материала» мог доходить до 15 — 20 тонн¹⁶.

Возможность повторного или даже многократного использования палеолитическими общинами старых жилищ и стоянок сильно осложняет оценку численности населения древних поселков. Ведь даже небольшая группа, периодически или сезонно меняя места поселений и обновляя заброшенные жилища, может создать археологу иллюзию очень плотного и длительного освоения территории. Это мы знаем и на примере арктических зверобоев: на юго-восточном побережье Чукотки почти в каждой бухте имеются остатки древних эскимосских жилищ и поселений, но хорошо известно, что они никогда не были обитаемы одновременно¹⁷.

Данные арктической этноэкологии могут в таком случае весьма успешно корректировать предлагаемые археологами оценки численности палеолитических общин и размеров

хозяйственных территорий, как и цифры общей численности и плотности населения крупных регионов. Обычно считается, что коллективы верхнепалеолитических охотников перигляциальной зоны состояли из 50—100 человек и осваивали 500—750 кв. км промысловых угодий; известны, правда, и более низкие, и намного более высокие оценки¹⁸. Но поселок из 50 человек — это уже достаточно крупное скопление людей по масштабам традиционной Арктики, а оседлая группа в 100 и более человек — явление скорее исключительное. Такие «сгустки» населения были возможны только в самых продуктивных местах обитания и всегда бывали приурочены к путям сезонных миграций промысловых животных. Вся же остальная территория общины использовалась лишь несколько месяцев в году или эпизодически, в случае крайней необходимости.

Если теперь, вслед за палеогеографами, мы предположим, что группы первобытных охотников были тесно привязаны к речным долинам — путям миграций и зонам повышенной концентрации промысловой фауны, то общие оценки средней плотности и численности населения для обширных регионов в палеолите выглядят малоинформативными. Как и у морских зверобоев Арктики, реальным фактором расселения первобытных общин мы должны считать не размеры всей доступной им территории, а число линейно расположенных ниш с высокой плотностью населения, разделенных обширными, практически необитаемыми водораздельными пространствами.

Археологи пробуют порой подкрепить оценку числа обитателей и продолжительности существования палеолитических стоянок

215

условным количеством мяса убитых животных²⁰. Несмотря на большие расхождения и возможные неточности, этот метод выглядит вполне реальным, особенно когда он корректируется балансами жизнеобеспечения, как сделано для некоторых исторических групп арктических охотников²¹. Если средний мамонт, по оценке И. Г. Пидопличко, давал 1000 кг чистого мяса²² (т. е. примерно как два — три моржа), то первобытному коллективу из 50 человек требовалось ежегодно убивать 12—15 (!) небольших мамонтов. При охоте на северного оленя необходимая добыча составляла бы ежегодно 600—800 животных, исходя из полной калорийности

оленьей туши и норм энергетических потребностей населения. Как считает Н. К. Верещагин, верхнепалеолитические охотники Русской равнины и Крыма (т. е. население в 10—15 тыс. человек) должны были ежегодно истреблять 120 тыс. северных оленей, 80 тыс. лошадей, 30 тыс. бизонов или 10 тыс. мамонтов²⁴. Все эти расчеты сделаны при условии полного и эффективного использования всей полученной продукции, что вряд ли было правилом для охотников верхнего палеолита.

Значит, за несколько лет на палеолитических стоянках должно было накапливаться огромное количество костей убитых животных (даже если часть их сжигалась в очагах в качестве топлива). И здесь мы опять можем взять для примера стояний арктических зверобоев. Так, на древнем поселении Масик в Мечигменском заливе, где было найдено около 2 тысяч (!) черепов детенышей серых китов, вполне мог жить коллектив в 50—80 человек. Ему требовалось добывать по 5—8 китов в год, чтобы в течение двух — трех столетий образовалось это крупнейшее на побережье Чукотки скопление костей морских животных.

Гораздо меньшие сроки обитания можно предполагать для известных палеолитических стоянок с мощными слоями костных останков. Тысячи зубров, убитых в Амвросиевке, коллективу в 100—120 человек хватило бы всего на 3—5 лет (?) даже при полной утилизации всех туш (чего, как известно, там не случилось). Останки 600 северных оленей, найденные в Мальте, или 400—500 оленей — в Шуссенриде составили бы неполную годовую норму для общины в 50 человек, а самые крупные скопления в Штель-мооре (около 1000 особей) или Гурдане (3 тыс. убитых оленей) могли образоваться за несколько охотничьих сезонов²⁵. Точные этнографические реалии, взятые из опыта арктических народов: методы разделки и транспортировки туш, сезонность добычи, особенности консервации и потребления пищи — способны очень сильно изменить подобные подсчеты. Пока же время обитания стоянок приходится определять, основываясь на достаточно неточном показателе «максимального числа» убитых животных.

Использование природных ресурсов. Мы имеем, однако, множество свидетельств крайне расточительного, нерационального характера охоты в эпоху верхнего палеолита²⁶. Мнение археологов на этот счет весьма категорично. «В целом палеолитическая охота велась

216

хищнически, в любые сроки, включая периоды размножения и выкармливания потомства, без нормирования эксплуатации отдельных популяций и нередко, видимо, с превышением реальной потребности в пище»²⁷.

Судя по костным останкам на местах древних поселений, основную добычу палеолитического

человека составляли сезонные группировки животных из молодых особей и самок с детенышами, т. е. наиболее уязвимая часть промысловых популяций²⁸. Хорошо известны случаи массовых облавных охот в палеолите, приводивших к хищническому истреблению целых стад крупных травоядных (Солютре, Амвросиевка, Староселье и др.). Многие туши животных оставались при этом нетронутыми²⁹.

Хотя на отдельных палеолитических стоянках обнаружены остатки небольших «хозяйственных ям» (хранилищ для мяса?)³⁰, трудно сказать, насколько первобытный охотник умел эффективно запасать впрок мясо убитых животных. Даже у жителей Арктики с их традицией создавать крупные запасы пищи далеко не вся продукция успешно сохранялась для последующего потребления. Мясо различных животных и в холодном северном климате обладает неодинаковой стойкостью хранения, способностью к консервации, скоростью загнивания. Азиатские эскимосы считают, например, наиболее стойким для хранения в мерзлом грунте мясо моржа, а для вяленья летом на открытом воздухе — мясо лахтака или нерпы. Огромное значение имело и время добычи, поскольку в теплую часть года даже в условиях вечной мерзлоты можно было сохранить лишь часть продукции. По словам тех же эскимосов, убитый осенью гренландский кит требовал немедленной полной разделки, поскольку через два—три дня становился непригодным для потребления. Еще быстрее портилось мясо серого кита, добытого в летние месяцы. Поэтому периоды интенсивной заготовки пищевых запасов у жителей Арктики были очень короткими и обычно приходились на раннюю весну или позднюю осень (см. главу 2).

Обитатели палеолитических поселений свой основной запас пищи, видимо, также должны были делать осенью, когда было больше шансов сохранить его в замороженном виде. В теплое время года их жизнеобеспечение ориентировалось, очевидно, на эпизодическую добычу крупных травоядных, при которой лишь часть свежего мяса шла в потребление, а основная масса продукции пропадала. В таком случае для экономии усилий быстрее всего уничтожались наиболее доступные особи — молодняк, беременные самки и, конечно, детеныши. Это хорошо видно при сравнении половозрастного состава мамонтов в естественных скоплениях останков животных (например, Берелехское «кладбище» в низовьях Индигирки на крайнем севере Якутии) и на палеолитических поселениях, где скапливались кости убитых охотниками особей. На стоянке Межирич на Украине, где найдено наибольшее число останков мамонтов (109), детеныши и молодые особи составляли 83 — 85 % а, старые животные вообще отсутствовали. В бере-

217

лежском стаде детенышей и молодых было только 50 %, зато старых мамонтов — 21 %³¹.

Беспощадный, хищнический характер первобытной охоты должен был оказывать разрушительное воздействие на промысловые ресурсы тундростепи и в целом на всю среду обитания палеолитического человека. Уже не раз подчеркивалась активная роль палеолитических охотников в истреблении многих видов крупных

⁴⁹ ^т
млекопитающих плейстоцена. Предметом дискуссии является скорее *соотношение влияния деятельности человека и различных экологических факторов* в исчезновении целых фаунистических комплексов в разных частях Евразии, Африки и Северной Америки³³.

Культура, где основой жизнеобеспечения является охота на крупных животных, не может не быть агрессивной по отношению к окружающей среде. Всей накопленной силой социальных и технологических адаптации она позволяет человеческому коллективу преступать законы биологического регулирования, неотвратимо толкая его на нарушение равновесия в экосистеме. Другой вопрос, каковы ее технические возможности и состояние среды обитания. Для процветающей промысловой популяции даже направленное истребление детенышей может долгое время не представлять серьезной угрозы и даже выглядеть вполне рациональной формой природопользования. Именно так могло быть у охотников на детенышей серого кита в древнем Масике или у эскимосских китобоев эпохи туле на о. Сомерсет в Канадской Арктике. Но если среда нестабильна или эксплуатируемые человеком биологические ресурсы испытывают резкие циклические колебания, влияние пресса охоты быстро может стать катастрофическим. Этот вывод арктической этноэкологии полностью применим и к первобытной эйкумене.

Нельзя забывать, что помимо прямого истребления животных первобытный человек оказывал и мощное косвенное воздействие на биологические ресурсы. Искусственные палы, отпугивание от водопоев или пастбищ-«убежищ», нарушение традиционных путей миграций, разрывы ареалов или разделения крупных стад могли иметь не менее губительные последствия для промысловой фауны³⁴. Конечно, арктическая этноэкология не может прямо ответить на волнующий археологов и палеозоологов вопрос: кто был повинен в исчезновении мамонтов на приледниковых равнинах Евразии и Северной Америки? Но то, что палеолитический человек в отдельные периоды мог нарушать своим природопользованием равновесие в экосистемах, вряд ли теперь вызывает

сомнения.

Мобильность и миграции палеолитического населения. При такой стратегии освоения промысловых ресурсов неизбежной была и нестабильность первобытного природопользования. Правда, некоторые палеогеографические реконструкции показывают высокую продуктивность плейстоценовой тундростепи, не соизмеримую с продуктивностью современных ландшафтов арктической об-

218

ласти³⁵. Однако имеющиеся расчеты биомассы и скорости прироста фауны крупных плейстоценовых млекопитающих чаще всего сделаны по аналогии с современной африканской саванной и потому могут быть заведомо неточными.

Мы уже отметили, что охотники приледниковой тундростепи, как и традиционные обитатели Арктики, могли жить оседло или, точнее, полуседло только в зонах повышенной биологической продуктивности — на проходных путях или в местах сезонных скоплений крупных стад промысловых животных. Но такая аналогия не полна: охотники верхнего палеолита скорее всего не имели «эскимосской» техники создания крупных запасов пищи, способной обеспечить устойчивое жизнеобеспечение. Поэтому более правдоподобной для них выглядела иная модель природопользования: экспансия или миграция — освоение новой территории — исчерпание ее ресурсов — переход в другую экологическую нишу. Такая модель напоминает систему жизнеобеспечения охотников континентальной арктической тундры или в еще большей степени — традиционных обитателей бореальных лесов: индейцев-атапасков, кетов, селькупов и др. Ее существование возможно лишь при крайне низкой плотности населения, небольших постоянно мобильных хозяйственных коллективах и значительной территории каждой охотничьей общины. Кроме того, исторически эта модель оформилась, видимо, сравнительно поздно, так как помимо рыболовства, охоты на птицу и мелкую дичь для нее требуются весьма совершенные средства транспорта — лодки, упряжные или выючные собаки, лыжи, ручные нарты и т. п. Американские этнографы утверждают, что устойчивое освоение бореальных лесов Северной Америки группами пеших охотников вообще началось только около 1500 г. до н. э., когда у них появились берестяные лодки-каное, нарты-тоббоган и снегоступы³⁶. У охотников приледниковых равнин Евразии все эти средства жизнеобеспечения, очевидно, отсутствовали.

В таких условиях наиболее эффективной формой адаптации обитателей приледниковой зоны была, видимо, их постоянная мобильность, точнее — способность к постоянной мобильности, быстрой смене осваиваемой территории. Это не означает, что древние охотники на мамонтов вели бродячий образ жизни, передвигаясь вслед за стадами промысловых животных. Первобытный коллектив мог иметь в пределах своих угодий несколько поселений (мест для поселения) и последовательно менять их в течение года или через определенные отрезки времени³⁷. Подобный образ жизни был характерен, например, для эскимосов Канадской Арктики, имевших очень сложную систему сезонного природопользования с несколькими типами стационарных или полустационарных жилищ. Палеолитическая община могла сезонно распадаться на ряд более мелких охотничьих объединений со своими маршрутами и закрепленными местами стоянок, как, скажем, это было в прошлом у эскимосов северо-западной Аляски или юго-востока Чукотского по-

219

способна к быстрой сегментации и выделению небольших «дочерних» коллективов, которые легко меняли место жительства, расширяя ареал всей группы за счет миграций.

Мы уже видели, сколь действенным был этот механизм в традиционном жизнеобеспечении аборигенов Крайнего Севера. Подчеркну еще раз, что для них миграции далеко не всегда были следствием голода, перенаселенности или иной кризисной ситуации. Как видно на примере азиатских эскимосов, эти миграции часто начинались в условиях относительного изобилия пищи и отражали стремление группы к расширению ареала, укреплению своей ресурсной базы, поиску новых мест охоты или предотвращению личного соперничества и напряженности в коллективе. Но традиционным жителям Арктики были в полной мере свойственны и чисто человеческое любопытство, и тяга к странствиям, стремление к «лучшей жизни» в далеких землях.

Думаю, что все эти качества мы вправе ожидать и от людей верхнего палеолита. Подобно традиционным обитателям Арктики, палеолитические охотники могли верить в существование «нетронутых мест», где живут и размножаются промысловые звери и куда они уходят ежегодно или периодически, спасаясь от преследований человека. Поэтому в поисках новых, более богатых угодий первобытные коллективы постепенно продвигались по путям сезонных миграций стад промысловых

животных. Конечно, люди уступали им в скорости передвижения, но каждый год обгонявшие их звери и птицы показывали верное направление.

Именно так, как мы видели в предыдущих главах, реконструируют археологи процесс заселения Канадской Арктики эскимосами культуры туле в конце I — начале II тысячелетия н. э. В миграционный поток вслед за идущими на восток стадами морских млекопитающих могли вливаться как целые коллективы охотников, так и их более мобильные «дочерние» группы и даже отдельные семьи бесстрашных путешественников. Таким же образом, по-видимому, происходило заселение полярных окраин Евразии после отступления последнего оледенения или в эпоху голоценового оптимума, когда группы внутриконтинентальных охотников на северного оленя вышли в арктическую тундру от Кольского п-ова до Тихого океана (см. главу 7).

В обоих названных случаях это происходило в благоприятные экологические периоды на фронте в сотни и даже тысячи километров. Значит, крупные расширения арктической эйкумены чаще происходили за счет массовых приливов населения, а не небольших кучек беглецов-мигрантов, спасавшихся от голода или более многочисленного противника. Так было, согласно последним реконструкциям, при многоволновом заселении Северо-Востока Азии, Берингии и севера Северной Америки далекими предками эскимосов, алеутов, атапаскских и палеоазиатских народов³⁸. Видимо, ту же модель мы можем предположить и для заселения (серии заселений?) Америки предками палеоиндейцев, которое П. Мартин назвал «освоением крупнейшей промысловой ниши

220

в истории человечества», сравнимым лишь с завоеванием новой планеты³⁹. И здесь в подтверждение можно повторить гордые слова американского географа К. Зауэра: «Народ, который страдал и голодал, которые не заботился о завтрашнем дне, не смог бы овладеть Землей и заложить основы человеческой культуры»⁴⁰.

Демографические процессы в первобытных коллективах. Как видно из приведенных примеров, расширение первобытной эйкумены и освоение новых больших территорий было бы невозможным без устойчивого демографического прироста охотничьих обществ верхнего палеолита. Ведь ни одна миграция не сводится к простому перемещению человеческого социума из одной экологической ниши в другую. В непрерывных колебаниях рождаемости и смертности она как бы включает три самостоятельных демографических процесса: распад (или разрушение) прежней половозрастной структуры, людские потери в процессе самой миграции и воссоздание прочного хозяйственно-демографического объединения на новом месте жительства.

Воспоминания и рассказы о миграциях азиатских эскимосов в XIX—начале XX в. свидетельствуют о повышенной смертности переселенцев, частых сменах неудачных промежуточных стоянок, периодических возвращениях целых групп или отдельных семей на старое место жительства. На всех этапах выживание и успешность адаптации на новом месте остро зависели от скорости естественного прироста мигрантов, их возможностей быстро восполнять понесенные людские потери. Значит, признавая важную роль миграций для жизнеобеспечения охотников верхнего палеолита, мы с очевидностью должны признать и их способность к быстрому численному росту — по крайней мере в отдельные периоды времени.

Между тем большинство современных реконструкций рисуют в целом гораздо более ровную картину демографического процесса в первобытности⁴¹. Утверждается, что общины древних охотников имели небольшую, относительно стабильную численность и крайне низкие темпы естественного прироста. Некоторые авторы даже реконструируют для палеолитической эпохи «среднестатистические» показатели прироста населения около 0,015 % в год, или один—два человека на 1000 за целое десятилетие⁴². Столь низкие темпы прироста пытаются подкрепить теоретическим утверждением, что коллективы плейстоценовых охотников жили якобы в условиях постоянного К-отбора, т. е. были вынуждены поддерживать стабильную и относительно невысокую численность в соответствии с «предельной емкостью» своей среды обитания⁴³.

Конечно, «средние» цифры за десятки и сотни тысячелетий позволяют лишь в самых общих чертах представить возможный рост населения Земли в эпоху палеолита. Но точность таких расчетов по аналогии с близкими оценками скорости прироста обитателей Арктики совершенно очевидна.

221

Очень близки и предлагаемые объяснения демографической «стабильности» палеолитического населения. Те авторы, которые исходят из принципа «гомеостатического равновесия» первобытных коллективов со своей средой обитания, признают главным фактором стабильности населения искусственные методы ограничения численности: инфантицид (детоубийство), аборты, регулирование норм половой жизни, межплеменные войны. Другие, напротив, считают, что демографическое равновесие в группах палеолитических охотников поддерживалось естественным путем: за счет пониженной рождаемости из-за плохого питания, тяжелой жизни и

ранней смертности женщин либо за счет очень высокого общего уровня смертности от голода, межплеменных войн или эпидемий⁴⁵.

Так или иначе, обе эти точки зрения сходятся в том, что до перехода в мезолите к производящим формам хозяйства прирост населения был очень медленным и на коротких исторических отрезках почти не ощутимым. Поэтому чаще всего он изображается на иллюстративных графиках в виде прямой линии, идущей почти параллельно оси времени⁴⁶.

Разумеется, такая глобальная «среднестатистическая» реконструкция отражает лишь самую общую тенденцию. Раскрыть ее в полной мере поможет аналогия с демографической историей обитателей Арктики. Складывающаяся в дальней исторической перспективе «замедленность» их темпов роста и стабильная численность есть, как мы видели, научная иллюзия, вызванная недостатками или фрагментарностью источников. Скучность доступной для нас информации скрывает истинную динамичность развития, чередование всплесков роста населения а благоприятные периоды времени и катастрофических падений в моменты хозяйственно-экологических кризисов, взаимной вражды или эпидемий.

В еще большей степени такая неравномерность была, видимо, свойственна демографическим процессам в первобытности. Вряд ли можно сомневаться в очень высоком уровне смертности в первобытных общинах, как и в их огромных потерях от периодически повторяющихся голодовок, эпидемий или стихийных бедствий. Но там, где специализированная охота на крупных животных обеспечивала избыток продукции и возможность устойчивой оседлости, это создавало условия для быстрого роста населения. Так могло быть, в частности, в эпоху верхнего палеолита в районах приледниковой тундростепи⁴⁷.

По некоторым оценкам, в периоды благоприятного развития естественный прирост в коллективах верхнепалеолитических охотников вполне мог достигать 1,2—1,4 % в год, т. е. быть в 100 раз (!) выше «среднего» уровня, реконструируемого для всей первобытной эпохи⁴⁸. Вряд ли такие периоды были продолжительны, но при подобных темпах роста отдельные общины могли удваивать свою численность за 50—70 лет. Значит, в палеолитическом обществе были вполне возможны и относительная перенаселенность,

и достаточно мощные потоки мигрантов, и быстрое восполнение понесенных людских потерь.

Особенно благоприятная демографическая ситуация складывалась при освоении древними охотниками новых, не заселенных ранее территорий, где промысловая фауна не была адаптирована к деятельности первобытного человека. Хорошо известна гипотеза о заселении Америки палеолитическими охотниками на крупных травоядных животных, которую развивает американский палеогеограф П. Мартин. По его мнению, 9—11 тыс. лет назад приледниковые равнины Северной Америки стали центром невиданного ранее в истории человечества «демографического взрыва», когда небольшая изначальная группа переселенцев смогла увеличиться до 600 тыс. человек. Столь быстро растущему населению потребовалось всего около 1000 лет, чтобы не только освоить гигантскую «экологическую нишу» Северной и Южной Америки площадью более 40 млн кв. км, но и радикально изменить состав ее животного мира, истребив за короткий срок 85 % фауны крупных млекопитающих. Этот невиданный по своим масштабам перепромысел (overkill — дословно «сверхистребление») вызвал затем, как считает П. Мартин, острый хозяйственно-экологический кризис, сокращение численности населения и заметное изменение структуры его хозяйства⁴⁹.

П. Мартин является сейчас наиболее убежденным защитником гипотезы об истреблении палеолитическими охотниками крупной плейстоценовой фауны на всех континентах. Несмотря на острую критику и очевидные неточности его модели «демографического взрыва» в Северной Америке, она считается «наиболее развернутой схемой для объяснения вымирания и истребления человеком плейстоценовой фауны, которая не имеет пока равных по эмоциональной силе и влиянию»⁵⁰. Как полагают сторонники П. Мартина, тот же экологический эффект имело заселение человеком Австралии и Тасмании, Антильских островов, а в более позднее время — Новой Зеландии и Мадагаскара. Можно полагать, что так же осуществлялись в межледниковые эпохи повторные освоения первобытными охотниками равнин Северной Евразии, а в послеледниковый период — тундровой зоны Крайнего Севера и богатейших промысловых ниш на арктических островах и побережьях. Все эти события в истории человечества трудно представить без возможности быстрого, скачкообразного прироста населения. Аналогии таким быстрым скачкам в весьма близких экологических условиях мы находим в этнографическом прошлом арктических народов. *Экологические кризисы и развитие палеолитического общества.* Применима ли в таком случае

для обществ охотников верхнего палеолита та же волнообразная модель хозяйственно-демографического развития, которую мы предложили выше для традиционных народов Арктики? Как известно, идея о роли экологических кризисов в первобытную эпоху сейчас весьма популярна в археологической и исторической литературе. Не раз подчеркивалось,

223

что хищническое использование промысловых ресурсов палеолитическими охотниками должно было неминуемо подрывать устойчивость их экономики, вести к нарушению равновесия общества со средой обитания, а порой даже к сокращению численности населения и прямому хозяйственно-культурному регрессу⁵².

С другой стороны, экологические кризисы могли стимулировать поиск альтернативных форм жизнеобеспечения и переход к новым, более продуктивным формам хозяйства. Известно мнение, что экологические кризисы, вызванные перенаселенностью или истощением ресурсов, с глубокой древности сопровождают каждый шаг на пути развития человечества, являясь важным фактором миграций и своеобразным «стимулятором» исторического прогресса⁵³.

Истина в данном случае отнюдь не лежит посередине. Признать «благодарную» роль экологических кризисов в развитии первобытного общества мы можем лишь на самом общем, глобально-историческом уровне. Как показывает опыт арктических народов, для каждого конкретного коллектива экологический кризис означал не прогресс, а голод, тяжелые демографические потрясения, нарушение устоявшихся социальных и хозяйственных связей. Там, где кризисы повторялись регулярно и с большой силой — как было, например, в традиционных обществах Арктики — они неминуемо тормозили развитие человеческой культуры, уничтожали достигнутый прирост населения, зачатки более сложных форм общественных отношений.

Весьма яркий пример такого развития дает история эскимосской зверобойной культуры на Чукотском п-ве. На протяжении двух тысячелетий она пережила несколько периодов расцвета, сопровождавшихся высокими социальными достижениями. На далекой окраине эйкумены, в условиях полупервобытного присваивающего хозяйства мы обнаруживаем сложные формы социальной организации, духовной активности и монументального ритуального строительства, которые до этого считались возможными лишь для раннеземледельческих цивилизаций. Но стоило природному маятнику качнуться в другую сторону, и прогресс сменялся столь быстрым упадком культурной традиции, что даже память о ней исчезала за несколько столетий.

Жертвами таких подъемов и спадов человеческой культуры в Арктике стали скрытые от нас в глубине веков исторические традиции, бесчисленные поколения людей, осваивавших полярные пределы эйкумены. Поэтому в своих описаниях ивтногенетических реконструкциях мы отмечаем лишь немногих «счастливых», которые оставили „нам достаточно яркие образцы своей культуры или дожили в своих потомках до исторического времени. Подлинная история Арктики, говоря словами К. Вибе, это скорее хроника бесчисленных нарушений и «разрывов», и лишь минимально ее удастся восстановить с накоплением возможностей и опыта науки.

На мой взгляд, в еще большей степени это нужно признать для реконструкции истории палеолитических обществ. Все параллели

224

с арктической этноэкологией говорят, что это были исключительно динамичные человеческие коллективы, пережившие нескончаемую цепь падений и находок, отсуплений и продвижений в неизведанные части планеты. С таким выводом хорошо коррелирует и общий «экофобный», агрессивный характер верхнепалеолитического природопользования, и активная форма экологического поведения, направленная на расширенное воспроизводство охотничьих коллективов и повышенную напряженность всех хозяйственно-демографических процессов.

Именно арктическая этноэкология решительно опровергает столь популярную в 1960—1970-е годы модель развития первобытных обществ как стабильных, сбалансированных группировок, живших по законам экосистемного гомеостаза со своей средой обитания⁵⁴. Древняя история человечества знает слишком много случаев нарушения равновесия в экосистемах, чтобы назвать экологическую стабильность «универсальным механизмом» адаптации первобытных обществ, «архетипом» поведения наших далеких предков⁵⁵. Правильнее, видимо, считать ее одним из возможных, но далеко не единственным и уж, конечно, не «оптимальным» путем адаптации. Такой путь мог быть эффективен в относительно стабильной среде обитания, чьи ресурсы хорошо известны и не могут быть быстро увеличены при данной системе жизнеобеспечения. Но для нестабильной среды с резкими циклическими колебаниями промысловых популяций он был вряд ли пригоден.

Неслучайно, как считают некоторые авторы, методы искусственного ограничения роста населения — инфантицид, аборты, половые запреты и др. — хотя и были известны в первобытности, но получили широкое распространение уже *после* перехода человечества к производящему хозяйству, т. е. являются относительно поздней исторической адаптацией. Они были наиболее характерны для большинства

ранних земледельческих и скотоводческих обществ, но сохранялись в полной мере в античности, средневековье и, разумеется, в современных формах «демографического планирования». Такой взгляд находит свое подтверждение в общей линии исторической эволюции человеческого природопользования. С переходом от весьма переменчивой охоты на крупных животных в верхнем палеолите к более устойчивому рыболовству, собирательству и морскому промыслу мезолита, с появлением далее производящего хозяйства, а затем ирригационного земледелия и стойлового животноводства человечество последовательно уменьшало нестабильность своего жизнеобеспечения. Продуктивные возможности среды становились все более известными, а границы колебаний доступных ресурсов — все более предсказуемыми. Так исторически возрастала возможность планирования, регулирования и даже искусственного ограничения обществом своих потребностей. Как известно, главную *экологическую* особенность эволюции человека мы должны видеть в том, что за относительно короткий срок этот вид сумел заселить и освоить практически все известные 15 И. И. Крупник

225

на Земле типы среды обитания. Благодаря этому Человечество заняло поистине уникальное место в системе земной биосферы. Чтобы достичь этого, оно должно было обладать исключительными механизмами эволюции, резко выделявшими его из остального мира Природы. Такими механизмами для него стали трудовая деятельность, использование огня, мышление и речь, социальная организация, закрепление и передача культурной традиции. К их числу мы можем отнести и особый тип *экологического поведения*, направленный на постоянное расширенное воспроизводство человеческих коллективов и объективно толкавший к нарушению равновесия с окружающей средой. Едва вооруженные технически, древние люди были вынуждены «преодолевать» Природу в гораздо большей степени, чем требовалось их более могущественным потомкам. Но именно это повышенное напряжение хозяйственно-демографического развития (донесенное до нас традиционными обществами Арктики) позволило палеолитическим коллективам еще на стадии промыслового, присваивающего хозяйства заселить, освоить и изменить своей деятельностью почти всю территорию нашей планеты.

¹ Первая публикация: Dawkins W. B. Esquimaux in the South of Gaul // Saturday Review. London, 1866, 6.XIII. См. подробнее: Окладников, 1941, 30—31, а также: Ефименко П. П., 1931; Окладников, 1964; Binford, 1978; David, 1973; Sturdy, 1972; 1975; Wilkinson, 1972; 1975.

² Описания природных условий приледниковых тундростепей и редколесий см.: Бадер, 1977; Величко и др., 1977; Верещагин, 1979; Гладких и др., 1985; Томирдиаро, 1978; Soffer, 1985; Stanley, 1980 и др.

³ Ср.: Бадер, 1977, 33; 1978, 185; Бибииков, 1981, 36—38; Борисковский, 1953, 225; 1963, 24—27; 1979, 192—194; Ермолов, 1985, 41—42; Ефименко П. П., 1953, 369—371; Кларк, 1953, 34—37; Окладников; 1941, 26—31; Палеолит СССР, 1984, 190; Пидоплячко, 1969, 12—16; 1976, 35—40; Сергин, 1983, 28—30 и др.

⁴ Арутюнов, Сергеев, 1975, 183; Бадер, 1978, 172; Бибииков, 1981, 83; Окладников, 1964, 70—78; Фролов, 1974, 112—124; Soffer, 1985, 416—418; а также: Абрамова, 1966 и др.

⁵ Jelínek, 1967, 195.

⁶ Ср.: Burch, 1972; Першиц, 1979, 32—35; Файнберг, 1986, 136.

⁷ См. публикации Л. Бинфорда и его коллег по результатам полевых работ на севере Аляски в 1969—1972 гг. среди эскимосов-нунамутов (Binford, 1978; 1980; Binford, Chasko, 1976 и др.), а также исследования в Гренландии и Канадской Арктике (Sturdy, 1972; Wilkinson, 1975).

⁸ Бибииков, 1969, 17—18; Гладких и др., 1985, 73—74; Григорьев Г. П., 1968, 155—156; Ермолова, 1978, 195; Ефименко П. П., 1931, 58—60; Пидоплячко, 1976, 44 и др.

⁹ Binford, 1978, 459.

¹⁰ Ср.: Арутюнов, Сергеев, 1975, рис. 44; Fitzhugh, Kaplan, 1982, 72—73 и др.

¹¹ См.: Семенов, 1964, 156; Природа и древний человек, 1981; Верещагин, 1964, 6; 1971, 213—214; 1979, 151. Об использовании тяжелого копья в палеолите см.: Ермолов, 1985, 41; о поражении животных с близкого расстояния — Абрамова, 1964, 179; Абрамова, Гречкина, 1985, 46; о строительстве неглубоких ям-ловушек — Борисковский, 1953, 208; 1979, 165; Верещагин, Кузьмина, 1977, 89.

¹² Абрамова, Гречкина, 1985, 47—49; Бадер, 1977, 35; 1978, 186, 204—205; Верещагин, 1977, 40; Ермолов, 1985, 41; Петрин, 1986, 62—64; Пидоплячко, 1969, 137—138; 1976, 159—163.

- ¹³ Герасимов М. М., 1958, 42; Ермолова, 1985, 11; Ефименко П. П., 1931, 59—60; Сергин, 1974б, 17—18; Гладких и др., 1985 — рис. Пидопличко, 1976.
- ¹⁴ Борисковский, 1963, 26—27; Величко и др., 1977, 46—49; Ефименко П. П., 1953, 419—420; Пидопличко, 1976, 15; Рогачев, 1957, 18—19; Степанов, 1976, 320; Сергин, 1974б, 17—18; Soffer, 1985, 235—238.
- ¹⁵ См.: Абрамова, 1964, 177; Бадер, 1977, 37; 1978, 189; Бибииков, 1984, 48; Григорьев Г. П., 1972, 19—21; Пидопличко, 1976, 107; Сергин, 1974а, 7 и др.
- ¹⁶ Бибииков, 1984, 40; Гладких и др., 1985, 71; Пидопличко, 1976, 41; Soffer, 1985, 379—381.
- ¹⁷ Крупник, 1981а, 105; 1983.
- ¹⁸ Бибииков, 1969, 13—14; Григорьев Г. П., 1968, 152; 1970, 59; Ефименко П. П., 1931, 59; 1953, 437; Массон, 1976, 31, 104; Шнирельман, 1986, 432; Hassan, 1979, 140 и др.
- ¹⁹ Верещагин, 1971, 206—207; 1979, 32; Пидопличко, 1976, 24; Арутюнов, 1982б, 64.
- ²⁰ Ср.: Бибииков, 1969, 14—18; 1981, 36—37; Ермолова, 1978, 176—177; Пидопличко, 1969, 151—154; Klein, 1969, 220—225; Soffer, 1985, 292—302 и др.
- ²¹ Hall, 1971.
- ²² Пидопличко, 1969, 152.
- ²³ По оценке Н. М. Ермоловой (1978, 176—177), эта норма была еще выше — 800—900 животных.
- ²⁴ Vereshchagin, 1967, 381.
- ²⁵ Оценки числа убитых оленей см.: Ермолова, 1978, 176; Ефименко П. П., 1953, 473, 490, 507; Монгайт, 1973, 142; Окладников, 1941, 25.
- ²⁶ Бадер, 1978, 192; Борисковский, 1979, 186; Замятнин, 1960, 97, 100; Массон, 1976, 30; Пидопличко, 1964, 4.
- ²⁷ Любин, Барышников, 1985, 7.
- ²⁸ Борисковский, 1953, 325; Верещагин, 1971, 213; Пидопличко, 1969, 69; 1976, 78, 91; Пидопличко и др., 1972, 190 и др.
- ²⁹ Верещагин, 1971, 208, 215; Замятнин, 1960, 100; Палеолит СССР, 1984, 178; Пидопличко, 1953, 64—65; Wheat, 1967, 44—52.
- ³⁰ Ефименко П. П., 1953, 429—430; Замятнин, 1960, 100; Рогачев, 1970, 72—76; Сергин, 1983, 28—29.
- ³¹ Ср.: Верещагин, 1977; Жерехова, 1977, 56; Пидопличко, 1976, 77—78; Soffer, 1985, 303—308.
- ³² Бадер, 1977, 36; 1978, 186—188; Будыко, 1967, 33—35; 1974, 246—249; Верещагин, 1964, 8; 1971, 215, 224—230; Martin P., 1967a; 1967b; 1973.
- ³³ Массон, 1976, 30—31; Edwards, 1967, 150—151; Grayson, 1980, 387—391; Jelinek, 1967, 199; Stahley, 1980, 665—666; Vereshchagin, 1967, 388—389.
- ³⁴ Ср.: Верещагин, 1971, 215; Замятнин, 1960, 100; Jelinek, 1967, 119.
- ³⁵ Верещагин, 1979, 166; Верещагин, Кузьмина, 1977, 77; Массон, 1976, 38; Butzer, 1964, 374—375.
- ³⁶ Steegman et al., 1983, 341; Dawson, 1983.
- ³⁷ Ср.: Гладких и др., 1985, 73; Придо, 1979, 49—57.
- ³⁸ Turner, 1985, 50—57.
- ³⁹ Martin P., 1973, 369.
- ⁴⁰ Sauer, 1956, 50.
- ⁴¹ Наиболее полные сводки-обзоры последних публикаций по палеодемографии первобытности см.: Шнирельман, 1986; Козинцев, 1980; Козлов, 1982; Hassan, 1978; 1981.
- ⁴² Будыко, 1967, 31; Бунак, 1980, 202—204; Coale, 1974, 43; Deevey, 1960, 198—200; Dimond, 1975, 717; Hassan, 1980, 305 и др.
- ⁴³ Bettinger, 1980, 206; Hayden, 1981, 526—530.
- ⁴⁴ Birdsell, 1968, 238—239; Divale, 1972, 224—225; Dimond, 1975, 717; Hayden, 1972, 216; Stott, 1969, 103; Вишневский, 1976, 25 и др. Критику этой точки зрения см.: Козлов, 1982, 12—13; Шнирельман, 1986, 440—441; Polgar, 1975, 3.
- ⁴⁵ Авербух, 1967, 20—24; Козлов, 1969, 234; Харрисон и др., 1968, 410—416; Boughey, 1973, 161; Deevey, 1960, 195. Обзор имеющихся моделей демографического воспроизводства в первобытности см.: Hassan, 1980, 307—311.

- ⁴⁶ Ср.: Boughey, 1971, 226—227; Coale, 1974, 42; Deevey, 1960, 198; Hassan, 1980, 306.
⁴⁷ Бибилов, 1969, 17—22; Верещагин, 1971, 216; Гладылин, 1974, 73; Hassan, 1980, 311—312; Turner, 1985, 52.
⁴⁸ Ср.: Шнирельман, 1986, 434; Birdsell, 1958, 192; Deevey, 1960, 200; Diamond, 1975, 718; Martin P., 1973, 970—971.
⁴⁹ Martin P., 1967a; 1967b; 1973; Mosimann, Martin, 1975.
⁵⁰ Grayson, 1980, 391.
⁵¹ Battistini, Verin, 1967, 421—422; Grayson, 1980, 390; Martin P., 1967, 102—107; Mulvaney, 1972; Walker, 1967, 421, 431—432. Обзор и полную библиографию работ как сторонников, так и противников гипотезы «перепромысла» (overkill) см.: Grayson, 1980, 387—391.
⁵² Бибилов, 1969, 22; Будыко, 1967, 35; 1977, 251—254; Гладылин, 1974, 72; Binford, 1968, 318; Martin P., 1973, 793.
⁵³ Герасимов И. П., 1974, 11; Гладылин, 1974, 73—76; Лапин, 1974, 84—85; Hayden, 1981, 528.
⁵⁴ Binford, 1968, 223; Deevey, 1960, 198—200; Greenway, 1958, 29 (цит. по: Martin P., 1967, 109, 114); Nagg, 1956, 136; Григорьев Г. П., 1974, 66 и др.
⁵⁵ Ср.: Birdsell, 1968; Deevey, 1960; Divale, 1972; Diamond, 1975; Hayden, 1972; Micklin, 1973; Вишняковский, 1976. Критику такого подхода см.: Baumhoff, 1981, 86; Cohen, 1981, 276; Henneberg, 1975, 87; Salisbury, 1975, 142—145; Шнирельман, 1986, 427, 434—435.
⁵⁶ Ср. об этом: Baumhoff, 1981, 86; Boughey, 1971, 228—229, 289.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование, а вместе с ним и эта книга подошли к концу. Нам осталось сказать в заключение несколько слов о перспективах арктической этноэкологии. Как видится будущее этой науки; каковы возможности применения ее выводов вне узкой области истории и этнографии народов Севера? Может порой показаться, что возможности эти неуклонно сужаются. На глазах одного поколения этнографов произошла глубокая перестройка образа жизни и всей системы связей коренного населения Арктики со своей средой обитания. Процесс этот, начавшийся задолго до наших дней, во второй половине XX в. приобрел лавинообразный и, видимо, необратимый характер. И хотя традиционные формы природопользования кое-где сохраняют свое значение, подавляющая часть обитателей Арктики живет сейчас в новых городах и поселках, включившись в систему современной экономической жизни Севера. В этих условиях описание и анализ аборигенных систем жизнеобеспечения неизбежно сдвигаются в область исторической этнографии, все более превращаясь в предмет академических реконструкций.

Промышленная цивилизация проникла в Арктику и Субарктику позже, чем в другие части нашей планеты. Но она вступила сюда вооруженная всей мощью современной технологии. Еще в XVII в. европейцы принесли на Север коммерческие методы освоения природных богатств, создав огромный пресс на наиболее ценные ресурсы пушных и морских животных. С рубежа XX в. наступила очередь полезных ископаемых: от «золотой лихорадки» на п-ове Сьюард на севере Аляски до нефте- и газоразработок, выходящих сейчас к самому побережью и в шельфовую зону арктических морей. Со второй половины XX в. народы Севера стали испытывать быстро растущее социальное и экологическое давление уже не только на отдельные виды ресурсов, но и в целом на свои земли. Современное промышленное и транспортное освоение Арктики зачастую ведется без всякого учета допустимых нагрузок на местные экосистемы. В результате многие из них уже разрушены под влиянием техногенного загрязнения. Происходит постоянное отчуждение промысловых и пастбищных угодий коренного населения

под промышленные и транспортные нужды. Прежние • хозяева уходят с родной земли. Новые хозяева строят многоэтажные города и поселки, трубопроводы и нефтяные вышки ... и оставляют после себя экологическую пустыню.

Конечно, традиционный экологический опыт народов Севера и в наши дни не утерял своего значения. Роль его особенно видна в тех регионах, где пока сохраняется преемственность прежних форм хозяйственной деятельности — тундрового оленеводства, рыболовства, морского и пушного промыслов. Традиционный опыт по-прежнему служит основой норм поведения коренных жителей Севера, бесценным источником при составлении программ биологического освоения ресурсов Арктики. Поэтому интерес к нему этнографов, биологов, специалистов-практиков, психологов, педагогов все время увеличивается.

Но в противостоянии индустриальной цивилизации и традиционных форм природопользования силы явно не равны. Под давлением промышленности ареалы «нетронутой» северной земли устойчиво сокращаются. Происходит разрушение природы Арктики, и одних лишь охранительных мер уже явно недостаточно.

Среди ученых растет убеждение, что рациональное освоение ресурсов Арктики требует отказа от неограниченной промышленной экспансии и гораздо большего внимания к традициям аборигенного жизнеобеспечения *. Подлинное включение Крайнего Севера в систему мировой экономики должно строиться не на колониальной эксплуатации его ресурсов, а на признании *равноправия* и *равноценности* (экономической, идеологической, культурной) индустриальных и аборигенных форм природопользования. Только продуманное сочетание интересов жителей Севера и экономических потребностей общества в целом может привести к выработке новых концепций рационального, долгосрочного использования местных ресурсов.

Во многих районах Американской и Канадской Арктики идея высокой ценности аборигенных (местных) форм природопользования уже утвердилась в общественном и экономическом мышлении. Она победила в трудной политической борьбе, которую вели организации коренных жителей Севера за свои права, за сохранение традиционных способов хозяйствования на земле своих предков. В законодательства США, Канады, Гренландии, скандинавских стран уже внесены специальные статьи, закрепляющие права коренного населения на свои территории и использование их ресурсов, оговорены условия выплаты крупных компенсаций за отчужденные промысловые угодья.

Опираясь на эти права, ассоциации коренных жителей смогли заставить промышленные компании вести более рациональную и экологически грамотную эксплуатацию минерального сырья,

* См. подробнее: Богословская и др., 1988; Оборотова, 1988; сборник «Рациональное природопользование на Командорских островах» (1987) и некоторые другие публикации.

проводить очистку (рекультивацию) северных земель от техногенного загрязнения. Более того, удалось заблокировать ряд крупных промышленных проектов, губительных для северных экосистем. Так были отменены: строительство плотины и электростанции на реке Юкон (близкий аналог нашей Туруханской ГЭС), программа «мирных» ядерных взрывов на севере Аляски (проект «Колесница» — см. главу 1), проект танкерной перевозки нефти через Берингов пролив и многое другое. Все они исходили из сиюминутных коммерческих расчетов или узко понимаемых национальных интересов. Время показало, что при нестабильности мировых цен на источники энергии и минеральное сырье удары, наносимые природе Севера и его коренному населению, оказываются бессмысленными и невозполнимыми.

Экологическое движение жителей Арктики в защиту своих земель и их ресурсов — лишь одна из сфер современного применения арктической этноэкологии. Другая сфера — развитие на Севере коммерческого промыслового и оленеводческого хозяйства, которое в последние годы было незаслуженно отодвинуто приоритетом индустриального освоения. У северных промыслов и оленеводства есть очевидные преимущества перед современной промышленностью. Это долгосрочные, экологически «чистые» формы производства, которые поддерживают преемственность трудовой и этнической культуры северных народов, поставляют ценные и высококачественные виды продукции.

Современная биологическая наука способна резко повысить экономическую эффективность коммерческого природопользования. Она обеспечивает его комплексной оценкой ресурсов, контролем за состоянием эксплуатируемых популяций, расчетами их продуктивности и темпов воспроизводства. Еще больше будет способствовать этому привлечение опыта северных народов, отраженного в принципах арктической этноэкологии. Главные из них: гибкость и вариативность

схем природопользования, последовательное распределение нагрузки во времени и пространстве,, параллельное развитие нескольких стратегий жизнеобеспечения с разной реакцией на изменения среды — описаны на страницах этой книги.

Эти принципы имеют непреходящее значение для организации современного промышленного и оленеводческого хозяйства в рамках высокодоходной, рентабельной экономики. Но они не менее важны и для стратегии промышленного освоения Севера. Экологический опыт северных народов демонстрирует нам *цену* стабильности и *законы* долгосрочного существования в Арктике. *Ценой* оказываются повышенные потери и постоянные разрывы в хозяйственно-культурной преемственности, периодическое вымирание тех или иных моделей при изменениях среды и ресурсов. *Законом* становится отказ от однолинейности развития (обрекающей одну модель на неизбежную гибель) и обращение к сложным хозяйственным системам, которые обеспечивают возможность быстрого перехода населения к иной форме производства.

231

На языке современной экономики это значит, что монопольное индустриальное освоение Севера не имеет прочного будущего. Но индустриальная цивилизация плохо усваивает опыт местных культур, хотя и дорого платит за такое невнимание. Исчерпав доступные минеральные ресурсы, люди вынуждены будут уйти, бросив каменные города и налаженную инфраструктуру, лишённую иных источников существования. Чтобы обеспечить стабильное заселение Севера, здесь обязательно должны быть сохранены альтернативные хозяйственные модели — аборигенные и коммерческие формы природопользования. При любой смене ориентации они смогут привлечь часть экономических ресурсов, а, возможно, и часть населения. И этому нас тоже учит арктическая этноэкология.

На пороге XXI в. наука, общество в целом стоят перед необходимостью выработки принципиально новой концепции освоения приполярных территорий. Арктику уже нельзя более рассматривать как неистощимую кладовую богатств для современной промышленности или нетронутый край «белого безмолвия». Обе эти концепции в конце XX в. уже не соответствуют реальности и не имеют перспективы.

Возможно, именно в Арктике человечеству удастся найти третий путь взаимодействия с биосферой, основанный на ценностях экологического мышления. Крупные северные страды ищут здесь формы сотрудничества, совмещения интересов и прате малых народов с потребностями современного общества. Отвергая разрушительный дух промышленной экспансии, нарождающееся экологическое мышление создает новую модель развития человечества. Процесс этот будет длительным и нелегким. И в нем по праву должна найти свое место наука об экологическом опыте северных народов - **АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ.**

Эта книга была уже написана и сдана в издательство, когда малопривычные слова «традиционное природопользование народов Севера» начали все чаще звучать в выступлениях, дискуссиях, публикациях о Советской Арктике. Рубежами здесь стали: Всесоюзное совещание «Рациональное использование и охрана природных комплексов островов и береговой зоны арктических морей» (Ленинград, март 1988 г.), «круглые столы» по экологическим и социальным проблемам Севера (Географическое общество, Москва, апрель 1988 г.) и судьбе малых народов (газета «Советская культура», август 1988 г.), Международная конференция приарктических государств по координации научных исследований в Арктике (Ленинград, декабрь 1988 г.), серия публикаций в журналах «Северные просторы» (№№ 5 и 6 1988 г., № 1 1989 г.) и «Советская этнография» (№ 5 за 1988 г.), совместное заседание Географического общества СССР и Советской социологической ассоциации со знаменательным названием «Тревожный Север» (Москва, февраль 1989 г.). Период непривычности и скепсиса

232

закончился, идея традиционного природопользования получила признание, вошла в нашу науку и публицистику.

Одновременно в 1988 г. произошли три очень важных сдвига в общественном понимании ситуации на Крайнем Севере. Во-первых, стало ясно, что неограниченная промышленная экспансия уже вызвала нарушение экологического равновесия во многих районах Советской Арктики и ее продолжение ведет к экологической катастрофе, прежде всего для коренного населения. Символами здесь стали два гигантских промышленных проекта: освоения газовых месторождений центральной части Ямала и строительства Туруханской ГЭС в Эвенкии. Оба они были приостановлены правительственными распоряжениями, не в последнюю очередь как угрожающие культуре и природопользованию коренных северян. Во-вторых, с 1988 г. центральные органы печати начали открыто писать о тревожном положении малых народов Севера, кризисном состоянии их экономики, культуры, систем природопользования '.

Но, главное, оказалось, что среди ученых существуют разные, порой прямо противоположные взгляды

на будущее малых народов в условиях современного экономического освоения Крайнего Севера СССР. Единодушие никогда не было, но часть точек зрения прежде не попадала на страницы печати. Другие оформились лишь в последние месяцы в ходе новых, более открытых дискуссий². Все они имеют прямое отношение к этноэкологии Арктики, так как связывают будущее северян с сохранением либо, наоборот, с радикальным изменением традиционной системы использования природных ресурсов. Первая концепция: основой существования народов Севера в новом, меняющемся мире может быть только их национальная культура. Такова позиция большинства этнографов-североведов³. При этом культура понимается как широкий комплекс элементов и традиций, прежде всего в области занятий и хозяйственных навыков, материального быта, родного языка, духовного наследия. Только поддержка, развитие, а в ряде случаев — ревитализация (то есть возрождение) национальных культур способны сохранить малочисленные народности в условиях интенсивного промышленного освоения Арктики. Сельское население, средние и малые поселки, занятие оленеводством, рыболовством и охотой остаются в таком случае наиболее прочной сферой национальных традиций. Они-то и нуждаются в максимальной поддержке, и в первую очередь оленеводство как единственный рентабельный, численно и культурно наиболее мощный вид деятельности коренного населения. Но есть и другая, прямо противоположная концепция: промышленное освоение Севера прогрессивно и неизбежно, и малым народам предстоит войти в «большой мир», чем скорее, тем лучше. Выход только один: всячески поощрять включение северян в индустриальный труд, современную городскую жизнь, радикально менять их социальную структуру, увеличивать долю промышлен-

233

ных рабочих. Эту позицию отстаивают новосибирские социологи⁴. Если так, то попытки поддерживать традиционную культуру, формы природопользования, сохранять окружающую северян среду ведут к их искусственной консервации, архаизации и даже (как порой говорят) «насаждению резерваций».

Существует компромиссный взгляд: надо стимулировать традиционные отрасли хозяйствования, но максимально насытить их современной техникой, оборудованием, то есть превратить в полупромышленные формы природопользования. Строительство гигантских изгородей и перевалочных баз со всеми удобствами, сменно-звеньевой выпас оленей и охотничий промысел, современные виды переносного жилища для оленеводов и разделочные линии — вот наиболее яркие символы такого подхода. «Новая жизнь» в тайге и тундре будет сочетаться с благоустроенным бытом в модернизированных поселках, построенных щедрой рукой государства.

Четвертая позиция: будущее народов Севера надо искать в переустройстве их экономической и социальной жизни в духе сегодняшних преобразований всего общества. Лозунги дня: хозрасчет и гибкие схемы развития, бригадный подряд и семейная аренда, кооперационные начала и индивидуальная инициатива. В таких условиях произойдет неизбежное разукрупнение производства, станут выгодными охрана природы, туризм, коммерческие формы земле- и ресурсопользования. И тогда наиболее уродливые проблемы просто исчезнут, уступив место здравому смыслу, экономической инициативе, народному опыту. А это* и есть формула «наибольшего благоприятствования» для народов Севера.

И, наконец, все большее число ученых, практиков, самих северян видят будущее народов Севера в развитии реальной национальной автономии. Цель здесь — максимальный рост местных форм самоуправления в условиях хозяйственной и правовой самостоятельности отдельных общин.

Автономия в: области хозяйственной и социальной политики требует иного уровня взаимоотношений малого народа с государством, с другими народами, с учеными и, главное, с собственной землей, своей средой обитания.

Забота о завтрашнем дне возникает только в условиях ответственности, возможности принимать самостоятельные решения. И лучше всего, если народы Севера сами сделают свой выбор. «Пусть люди сами решают, что для них лучше: традиционализм или индустриальное развитие, олени или нефть, государственные льготы или экономические перспективы»⁵.

Как показывает опыт зарубежного Севера, ситуация такого выбора стимулирует интерес к национальным традициям природопользования, культурным ценностям, опыту жизнеобеспечения. В результате формируется новое экологическое мышление. Конечно, большинство северян уже не могут жить исключительно за счет потребительской охоты и рыболовства, кочевого оленеводства или морского промысла. Но путь к этому должен быть открыт

234

для всех: как форма постоянной занятости или как дополнительный источник дохода, или, наконец, как способ сохранения культурных традиций, национального образа жизни.

Возможность возвращения к родной земле должна быть в равной мере доступной как для нынешних обитателей Арктики, так и для их потомков. Все массовые экологические движения выступают под одним лозунгом: «Нам и внукам». Люди борются за настоящее, чтобы спасти будущее. Те же идеи

выдвигают, защищая свои земли, организации коренного населения в странах зарубежного Севера. Такие же слова звучат и в первых экологических выступлениях представителей народов Советского Севера, появившихся недавно на страницах печати ⁶.

Народные экологические движения имеют свою логику развития. Начинаясь с отдельных призывов, выступлений и петиций, перерастая в массовые протесты против конкретных технических проектов, они приходят к идее долгосрочного рационального природопользования и авторитетного народного представительства. Борьба за чистоту земли и воды, за сохранение охотничьих угодий и пастбищ становится неотделимой от культурных, этнических и даже общественно-политических требований. Так было у канадских и аляскинских эскимосов, американских индейцев, скандинавских саамов. Скорее всего так же пойдет развитие у малых народов Советского Севера.

Летом 1988 г. впервые была высказана мысль о необходимости нового общественного органа национально-культурного представительства 26 малых северных народов СССР — ассоциации народностей Севера ⁷. Местные культурные группы и объединения начали образовываться в столицах автономных округов, районных центрах. Одновременно стала более жесткой критика патерналистского подхода, ведомственного разграбления ресурсов, бюрократической бесхозяйственности, отнимающей у северян надежду на разумное использование богатств их земли. Экология, культурная традиция и национальная политика действительно становятся неразделимыми.

И уже совсем скоро — в начале 1990 г. ученым, практикам, представителям северных народностей предстоит впервые оценить национальный опыт природопользования в масштабах всего Крайнего Севера. Это будет сделано на Всесоюзном научно-практическом совещании «Традиционные формы природопользования населения Севера», организуемом Советским комитетом программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» и Советским фондом культуры.

Среди тем предстоящих обсуждений: современные правовые, экономические и социальные проблемы природопользования коренного и старожильского населения Севера; состояние и охрана северных экосистем; эколого-этнографическое районирование территории Крайнего Севера; сохранение народных традиций и вклад народного опыта в современные системы рационального природопользования; роль традиционного природопользования

235

в сохранении языков и культур народов Севера. Все это — темы сегодняшнего дня, отражающие облик прикладной и остро актуальной науки, которую мы назвали здесь АРКТИЧЕСКОЙ ЭТНОЭКОЛОГИЕЙ.

Пятнадцать лет назад, когда начинались исследования, легшие в основу этой книги, об этом никто не мог подумать. Но в науке мало дорог, которые можно пройти в одиночку. Изучение прошлого предпочтительно индивидуально; анализ настоящего и прогнозирование будущего требуют коллективных усилий. И потому закончить эту книгу я хочу словами благодарности своим коллегам, вместе с которыми за эти годы мы пришли к новому пониманию АРКТИЧЕСКОЙ ЭТНОЭКОЛОГИИ, открывшему ей путь в следующие десятилетия.

- ¹ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16; Шаров В. Мала ли земля для малых народов? // Литературная газета. 1988. № 33; Левшин И. Суровая реальность суровой земли // Литературная Россия. 1988. № 35; Богословская Л. и др. Дом под угрозой! // Северные просторы. 1988. № 5; Пока не поздно! // Правда. 1988. № 360; На переломе // Советская культура. 1989. № 18 и др.
- ² Крупник И. И., Членов М. А. Будущее коренного населения Советской Арктики: концепции развития и роль государства // Тезисы доклада к Международной конференции приарктических государств. Л., 1988; Оборотова Е. А. Народы Севера в современном мире: взгляды и позиции // Сов. этнография. 1988. № 5.
- ³ Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М.: Институт этнографии АН СССР. 1988.
- ⁴ Программа координации исследований «Народности Севера». Новосибирск, 1987.
- ⁵ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов. С. 83.
- ⁶ Айпин Е. Не нефтью единой // Московские новости. 1989. № 2; Немтушкин А. На чашу весов // Северные просторы. 1988. № 3; Неркаги А.: «Гибель любой народности, будь то ненцы, ханты или селькупы, отразится со временем на здоровье всего человечества» (Там же. 1989. № 1) и др.
- ⁷ Коммунист. 1988. № 16. С. 82—83; Советская культура. 1989. № 18.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А. К вопросу об охоте в верхнем палеолите // С А. 1964. № 4. Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966. Абрамова З. А., Гречкина Т. Ю. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. 1985. № 181.
- Авенариус И. Г., Муратова М. В., Спаская И. И. Палеогеография Северной Евразии в позднем плейстоцене-голоцене и географический прогноз. М., 1978. Авербух М. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967. Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.
- Адаменко В. Н. Опыт изучения условий существования ледников Полярного Урала за 260-летний период по данным дендрохронологического анализа // Гляциологические исследования. 1963. № 9.
- Адаменко В. Н., Ловелиус Н. В. Аномалии прироста деревьев и изменения барико-циркуляционных условий последнего тысячелетия // ИВГО. 1976. Т. 108. № 4. Айвангу. Наш родной Унгазик. Магадан, 1985. Айгнер Д. Первые арктические поселения в Северной Америке // В мире науки. 1986. № 1. Акимов А. Т., Братцев Л. А. Динамика северной границы леса в правой части бассейна р. Усы // Изв. Коми филиала ВГО. 1957. № 4. Александрова В. Д. Геоботаническое районирование Арктики и Антарктики // Комаровские чтения. 1977. Вып. XXIX. Алексеев В. П. Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск. Т. 1. 1932; Т. 2. 1936. Алексеенко Е. А. Народные знания кетов // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. Алексеенко Е. А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. Анадырский край. 1935 // Архив ЛОИЭ. Ф. К-П. Он. 1. № 193. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938. Андерсон Д. Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов: предварительная разработка // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. Андреев А. И. Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. 1947. № 1. Андреев В. Н. Кормовые ресурсы оленеводства в западной части Больнеземельской тундры // Оленьи пастбища Северного края. 1933. Вып. 2. Андреев В. Н. Заселение тундры лесом в современную эпоху // Растительность Крайнего Севера СССР и ее освоение. Вып. 1. М., 1956. Андреев В. Н., Игошина К. Н., Лесков А. И. Оленьи пастбища и растительный покров Полярного Приуралья // Сов. оленеводство. 1935. Вып. 5. Андрианов Б. В. Неоселое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2. Аргентов А. Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край // Архив ВГО. Ф. 64. Он. 1. № 32. 1850 (?). 237

- Арманд Д. Л. Основы метода балансов в физической географии // ИВГО. 1947. Т. 79. № 6.
- Арсеньев В. К. Тихоокеанский морж. Хабаровск; Владивосток, 1927. Артановский С. Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека // ВФ. 1975. № 3.
- Артеев Г. И. Кочевье оленеводов северо-западной части Обдорского района // Урал. Вып. 8. Уральский Север. Ч. 1. Свердловск, 1926.
- Арутюнов С. А. Роль среды в формировании вариаций древнеэскимосской культуры // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975. Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН. 1980. № 12. Арутюнов С. А. Проблемы приморской адаптации в Берингоморском регионе // Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток, 1982а. Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982б. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея» — древнеэскимосский культовый памятник на острове Иттыгран // СЭ. 1979. № 4. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Исторические закономерности и природная среда (на примере памятников древнеэскимосской культуры) // Вестник АН. 1981. № 2. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
- Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1985. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975. Астринский Д. А., Навасардов С. М. О структуре потребления продуктов питания коренным населением Чукотского национального округа // Проблемы Севера. 1970. № 14. Афанасьева Г. М. Нганасанский род по документальным материалам XVII в. // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979.
- Афанасьева Г. М. Демографическая характеристика авамских нганасан по источникам XVIII-XIX вв. // СЭ. 1980а. № 2. Афанасьева Г. М. Этнодемографические особенности развития нганасан в XVII — XX вв. (к вопросу о характере формирования обособленных популяций северных самодийцев). Автореф. канд. дисс. М., 1980б.
- Бабушкин А. И. Тундровое хозяйство (оленеводство) // Коми область. Экономический обзор. Ч. 1. Усть-Сысольск, 1926.
- Бабушкин А. И. Большеземельская тундра. Сыктывкар, 1930.
- Бадер О. Н. Палеоэкология и люди стоянки Сунгирь // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Бадер О. Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 19У8.
- Банди Х. Г. Археология острова Лаврентия (Аляска) // Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в. // Северная Азия. 1925. № 5-6.
- Безумое К. Я. Промысел морского зверя. Магадан, 1960.
- Беликов С. М. Заметки о Чукотке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 9.
- Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.
- Бельх В. И., Конечных Г. К. О динамике численности боровой дичи в Якутии // Биологические основы и опыт прогнозирования изменений численности охотничьих животных. Киров, 1976.
- Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1825.
- Берг Л. С. Основы климатологии. Л., 1938.
- Берг Л. С. Уровень Каспийского моря и условия плавания в Арктике // ИВГО. 1943. Т. 75. № 4. 238
- Берг Л. С. Древнейшие сведения о Крайнем Севере Сибири // Избр. труды. М., 1956а. Т. 1. Берг Л. С. Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода // Избр. труды. М., 1956б. Т. 2. Берг Л. С. Недавнее изменение климата в сторону потепления // Избр. труды. М., 1958. Т. 2.
- Березкин Ю. Е. Методы сохранения природных ресурсов у южноамериканских индейцев // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984.
- Бетин В. В., Преображенский Ю. В. Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. Л., 1962.
- Бианки В. В., Герасимова Т. Д., Карпович В. Н. Современное состояние гнездовий обыкновенной гаги на Европейском Севере // Проблемы Севера. 1967. Вып. 11.
- Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. 1969. № 4.
- Бибиков С. И. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981. Билибин Н. Батрацкий труд в кочевом хозяйстве коряков // Сов. Север. 1933. № 1.
- Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901. Боголепов М. А. Колебания климата в Западной Европе с 1000 по 1500 г. // Землеведение. 1908. № 2. Боголепов М. А. Наступающие возмущения климата (по историческим данным). М., 1921.
- Боголепов М. А. Периодические возмущения климата. М., 1928. Богораз В. Г. Дневник 1901 г. во время путешествия и пребывания в Уныине // Архив АН СССР (Ленинград). 1901а. Ф. 250. Оп. 1. Д. 116.
- Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти // Сборник МАЭ. Т. 1. Вып. II. 1901б. Богораз-Тан В. Г. К вопросу о приросте северосибирских туземных племен (по поводу статьи Мих. Плотникова) // Северная Азия. 1925. № 4. Богораз-Тан В. Г. Классовое расслоение у чукоч-оленеводов // СЭ. 1931. № 1-2. Богораз В. Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—1927 г. // СЭ. 1932. № 4. Богораз-Тан В. Г. Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы // Труды лаб. генетики. Л., 1933. Т. 1. Богораз В. Г. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Язык и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. 3. Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. Богораз В. Г. Очерки культуры народов Севера // Архив ЛОИЭ. 1941. Ф. К-1. Оп. 1.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. М. Группировки серых китов на местах летне-осеннего нагула // Изучение, охрана и рациональное использование морских млекопитающих. Астрахань, 1982.

Богословская Л. С., Вотрогов Л. М., Крутник И. И. Гренландский кит в водах Чукотки. История и современное состояние популяции // Морские млекопитающие. М., 1984. Богословская Л. С., Калякин В. Н., Крутник И. И., Лебедев В. В., Пика А. И. Дом под угрозой! // Северные просторы. 1988. № 5. Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVII вв. Л., 1983.

Борисковский П. П. Палеолит Украины // МИА. 1953. Т. 40. Борисковский П. П. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. Т. 121. Борисковский П. П. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979. Боряз В. Н., Маслиева О. В. Состояние и тенденции разработки проблемы взаимосвязи общества и природы в советской литературе (1960—1981) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л., 1984. Броднев М. М. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев // СЭ. 1959. № 6. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

239

Будагян Ф. Е. (ред.). Таблицы химического состава и питательной ценности пищевых продуктов. М., 1961.

Будыко М. И. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена // ИАН (геогр.). 1967. № 2.

Будыко М. И. Изменения климата. Л., 1974.

Будыко М. И. Глобальная экология. М., 1977.

Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

Бунаков Е. В. Ненецкий национальный округ Северного края // Труды Полярной комиссии. Вып. 29. М.; Л., 1936.

Бурке А. О периодичности в ледовом режиме // Сов. Арктика. 1936. № 5.

Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. СПб., 1907.

Бутурлин С. А. Некоторые соображения о едином ценностном выражении северного хозяйства // Северная Азия. 1928. № 2.

В. А. У чукок в Чаунской губе (записки врача) // Сов. Север. 1935. № 2.

Вайкмяэ Р. А., Мартма Т. А., Пуннинг Я.-М. К., Тыгуз К. Р. Вариации $\delta^{18}O$ и $\delta^{13}C$ в ледниковом керне Западного ледяного поля на о. Северо-Восточная Земля // Материалы гляциологических исследований. 1984. № 51.

Вайкмяэ Р. А., Пуннинг Я.-М. К. Условия формирования изотопно-геохимического состава ледников Евразийской Арктики: гляциоклиматический аспект // XI Конгресс ИНКВА. М., 1982.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.

Вайнштейн С. И. Вопросы распространения оленеводства у самодийских народов // Congressus Quintus Internationalis Finno-Ugristarum. Turku. 1981. Pt. VIII.

Вакуров А. Д. Лесные пожары на Севере. М., 1975.

Ван-Линсхоттен Я. Г. Нидерландские экспедиции к северным берегам России в 1594 — 1595 гг. // Записки по гидрографии. 1915. Т. ХЖІХ. Вып. 3-4.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1.

Васильев В. И. Сииртя — легенда или реальность // СЭ. 1970. № 1.

Васильев В. И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М., 1976.

Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979а.

Васильев В. И. Экологический фактор и некоторые проблемы культурогенеза северных самодийцев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979б.

Васильев В. И. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. М., 1980.

Васильев В. И. Оленьи пастбища Анадырского края // Труды Арктического ин-та. 1936. Т. 62.

Васильевский Р. С. Становление и развитие приморской системы хозяйства в северной части Тихоокеанского бассейна // КСИА. 1985. № 181.

Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей // СЭ. 1948. № 3.

Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1950. № 115.

Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л., 1954.

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.

Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.

Вдовин И. С. Коряги-оленьеводы на Камчатке в XVIII — XIX вв. // Краевед, зап. Петропавловск-Камчатский. 1974. Вып. 5.

Вдовин И. С. Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов северо-востока Сибири // Социальная история народов Азии. М., 1975.

Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Вебе К. Животный мир // Гренландия. М., 1953.

Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Маркова А. К., Ударцев В. П. О возрасте и условиях обитания стоянки Хотылево II на Десне // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.

Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. Вып. 2.

Верещагин Н. К. Освоение животного мира первобытным человеком на территории СССР/VII МКАЭН. 1964.

Верещагин Н. К. Геологическая история лося и его освоение первобытным человеком // Биология и промысел лося. 1967. Вып. 3.

Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Труды Зоологического ин-та. 1971. Т. 49.

Верещагин Н. К. Берелехское «кладбище» мамонтов // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири (Труды Зоологического ин-та). 1977. Т. 72.

Верещагин Н. К. Почему вымерли мамонты. Л., 1979.

Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне //

- Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири.
- Вершинин А. А.* Распространение и численность диких копытных в Камчатской области // Охотоведение. М., 1972.
- Виноградов М. П.* Морские млекопитающие Арктики // Труды Арктического ин-та. 1949. Т. 202.
- Битюгов А.* Оленеводство // Северное хозяйство. 1923. № 3—5.
- Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976.
- Вольфсон А. Г.* Основные экологические и социальные факторы становления культурно-хозяйственного уклада оленных чукчей и коряков. Магадан, 1985 // ВИНТИ. № 8904-B85.
- Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой самоедами, и о их промыслах. Сост. В. Крестинин // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. VII—IX.
- Воронин Р. Н.* Белая куропатка Большеземельской тундры. Экология и хозяйственное использование. М., 1978.
- Воронов А. Г.* О проблемах экологии человека // Географические аспекты экологии человека. М., 1975.
- Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М., 1948.
- Гапанович А.* Камчатское туземное население как культурно-экономический фактор // Северная Азия. 1925. № 5-6.
- Гапанович И. И.* Промысел китообразных и ластоногих на Дальнем Востоке // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1923.
- Гарусов И. С.* О социальной принадлежности крупного оленеводства Северо-Востока накануне коллективизации // Зап. Чукотского краеведческого музея. 1967. Вып. 4.
- Гассовский Г. Н.* Охотничий промысел бассейна реки Анадыря и его реконструкция // Труды НИИ полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Серия «Промысловое хозяйство». 1939. Вып. 4.
- Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776-1777. Ч. 3.
- Гептнер В. Г.* Динамика ареала некоторых копытных и антропокультурный фактор // Вопросы географии. 1960. Вып. 48.
- Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г.* Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные. М., 1961.
- Герасимов И. П.* Гоминизация приматов как результат выхода прямых предков человека из природных экосистем // Теория и методика географических исследований экологии человека. М., 1974.
- Герасимов М. М.* Палеолитическая стоянка Мальта // СЭ. 1958. № 3.
- Гладилин В. Н.* Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Гладких М. И., Корниец Н. Л., Соффер О.* Жилища из костей мамонта на Русской равнине // В мире науки. 1985. № 1.
- Говорухин В. С.* Динамика ландшафтов и климатические колебания на Крайнем Севере // ИВГО. 1947. Т. 79. № 3. 241
- Голицын Н. Д.* Записка Архангельского губернатора действительного статского советника князя Н. Д. Голицына по обозрению Печорского края летом 1887 г. Архангельск, 1888.
- Головнев А. В.* Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII—начало XX в.). Автореф. канд. дисс. М., 1986а.
- Головнев А. В.* Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX — начале XX в. — Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986б.
- Гондатти Н. Л.* Оседлое население реки Анадыря // Зап. Приамурского отдела ИРГО. 1897. Т. 3. Вып. 1.
- Гондатти Н. Л.* Поездка из села Маркова на реке Анадыре в бухту Провидения // Там же. 1898. Т. 4. Вып. 1.
- Городков Б. Н.* Оленьи пастбища на севере Уральской области // Урал. Вып. 8. Уральский Север. Ч. 1. Свердловск, 1926.
- Грачева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нгансан XIX—начала XX в.). Л., 1983.
- Гриббин Дж., Лэм Г. Г.* Изменение климата за исторический период // Изменения климата. Л., 1980.
- Григорова О. П.* Картина крови в связи с условиями жизни и авитаминозом у русского и ненецкого населения Новой Земли // Антропол. журнал. 1934. № 1-2.
- Григорьев А. А.* Типы географической среды. М., 1970.
- Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
- Григорьев Г. П.* Верхний палеолит // МИА. 1970. Т. 166.
- Григорьев Г. П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Григорьев Г. П.* Методические основания для разрешения вопроса соотношения природного окружения и культуры человека // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Гричук В. П.* Климатические условия Северного полушария в атлантический период голоцена // Тепловая мелиорация северных широт. М., 1973.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и эносфера // Природа. 1970. № 1-2.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли // Рукопись. ВИНТИ. Вып. 1. 1979. № 1001-79; Вып. 2. 1979. № 3734-79; Вып. 3. 1979. № 3735-79.
- Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири // ТИЭ. 1966. Т. 89.
- Гурвич И. С.* Культура северных якутов-олленеводов. М., 1977.
- Гурвич И. С.* Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983.
- Гурина Н. Н.* Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // МИА. 1951. Т. 20.
- Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. 1953. Т. 89.
- Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова // МИА. 1973. Т. 172.
- Гурина Н. Н.* Морской промысел в хозяйстве древних племен Кольского полуострова // XI Конгресс ИНКВА. Т. 3.
- Давыдов А. Ф.* Физиологических приспособлениях и поведении северных оленей при тепловом воздействии внешней среды // Регуляция обмена тепла и других физиологических функций у сельскохозяйственных животных в условиях высокой температуры. Краснодар, 1960.
- Данишевский Г. М.* Патология человека и профилактика заболеваний на Севере. М., 1968.
- Дебец Г. Ф.* Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975.

Дергачев Н. Русская Лапландия. Статистический, географический и этнографический очерк. Архангельск, 1877.

Диков Н. Н. Основные проблемы археологического изучения Северо-Востока СССР // ВИ. 1975. № 10.

242

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии // Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

Дмитриев Д. Северное оленеводство и его экономика // Северная Азия. 1925. № 5-6.

Добронравова Н. П., Куинджи Н. Н. Питание и некоторые стороны обмена веществ у коренного населения Крайнего Севера // Проблемы Севера. 1962. Вып. 6.

Доклад о Чукотском уезде по состоянию на 1 сентября 1925 г. // ЦГАДВ. 1925. Ф.Р.-2333. Оп. 1. Д. 113.

Докладная записка уполномоченного по Чукотскому уезду Ф. Караева // ЦГАДВ. 1923. Ф.Р.-2330. Оп. 1. Д. 2.

Документы экономического обоснования моторно-зверобойных станций (МЗС) Чукотского национального округа // ГАКО. 1946. Ф. 470. Оп. 1.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири. 1946 // Рукопись канд. дисс. Архив ИЭ.

Долгих Б. О. Происхождение нганасан // ТИЭ. 1952. Т. 18.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII // ТИЭ. 1960. Т. 55.

Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири // УП МКАЭН. 1964.

Долгих Б. О. [Вступ. слово на симпозиуме «Проблемы этнографии и антропологии арктической зоны»] // Труды VII МКАЭН. 1970а. Т. X.

Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970б.

Долгих Б. О. (сост.) Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976.

Долгих Б. О., Левин М. Г. Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири // ТИЭ. 1951. Т. 14.

Дроздов А. В. Об изучении массозенергообмена в ландшафте балансовым методом // ИАН (геогр.). 1974. № 1.

Друри И. В. Анадырское оленеводство // Сов. Север. 1933. № 5.

Друри И. В. Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукок Анадырского района // Труды Арктического ин-та. 1936. Т. 62.

Друри И. В. Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики. // Труды Арктического ин-та. 1949. Т. 200.

Дьячков А. Е. Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова. Владивосток. 1903.

Евладов В. Самоедский товарный набор и некоторые задачи наступающего пушнозаготовительного сезона в тундре // Уральский охотник. 1927. № 8-9.

Евладов В. П. Ямальская экспедиция Уралоблземуправления // Рукопись. 1929 г. Личный архив А. И. Пики.

Ермолов Л. Б. Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии // КСИА. 1985. № 181.

Ермолова Н. М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978.

Ермолова Н. М. Охотничья деятельность человека // КСИА. 1985. № 181.

Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // ИГАИМК. 1931. Т. XI. Вып. 3-4.

Ефименко П. П. Первообычное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев, 1953.

Ефименко П. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. (Записки ИРГО 1878. Т. VIII. Отд. 2).

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Жерехова И. Е. Описание и измерения зубов мамонтов Берелеха // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири (Труды Зоологического ин-та. 1977. Т. 72).

Жигунов П. С. (ред.). Северное оленеводство. М., 1961.

Жилинский А. А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917.

Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919.

16*

243

Жилинский А. К. К вопросу о спорах оленеводов Канинской тундры // Северное хозяйство. 1923. № 1.

Житков Б. М. Полуостров Ямал/Зап. ИРГО (геогр.). 1913. Т. 49. Забродин В. А. Проблемы хозяйственного освоения и охраны диких северных оленей тундровых популяций // Дикий северный олень. Норильск, 1976 (НИИСХ Крайнего Севера. Вып. 12-13). Зайцев А. Н. Гигиеническая характеристика фактического питания населения Крайнего Севера // Проблемы Севера. 1970. Вып. 14.

Зайцев И. Дикий олень на Чукотке // Охота и охотничье хозяйство. 1966. № 8. Замятнин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // ТИЭ. 1960. Т. 54.

Зенкович Б. А. Развитие промысла морских млекопитающих на Чукотке // Природа. 1938. № 11-12.

Зименко А. В., Севастьянов В. Ф. Современное состояние и перспективы природопользования на Командорских островах // Рациональное природопользование на Командорских островах. М., 1987.

Золотарев А. М., Левин М. Г. К вопросу о древности и происхождении оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940. Т. 1.

Золотокрылин А. Н., Кренке А. Н., Ляхов М. Е., Попова В. В., Чернавская М. М. Колебания климата европейской части СССР в историческом прошлом // ИАН (геогр.). 1986. № 1. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771-1772) // ТИЭ. 1947.

Т. 5.

Иевлев Д. Д. Оленеводство в Архангельской губернии. Архангельск, 1918. Иевлев Д. Д. Оленеводство в Ижмо-Печорском уезде и торговля в Большеземельской тундре // Коми-Му. 1925. № 2 (12).

И. М. Из поездки на Новую Землю (о новоземельских самоедах) // Землеведение. 1907. № 1-2.

Ионин А. С. Берега Берингова моря. М., 1959. Иоффе Е. Г. Описание Чаунского района (текст и схемы). 1937 // Архив ЛОИЭ. Ф.К-В. Оп. 1. № 35. Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., 1898.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. Историко-этнографический атлас Сибири. Сост. М. Г. Левин и Л. П. Потапов.

М.; Л., 1961.

Итин В. Колебания ледовитости // Сов. Арктика. 1936. № 1, 3. Итин В., Сибирцев Н. Северный морской путь и Карские

экспедиции. Новосибирск, 1936.

Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края 1926 — 1927 гг. Благовещенск, 1929. Кабо В. Р. Природа и первобытное общество: проблемы социальной адаптации // Природа. 1979а. № 4.

Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979б. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. Калинин Н. Ф. Наш Крайний Северо-Восток. СПб, 1912.

Караев А. И. Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 4-5. Карлен В. Голоценовые флюктуации ледников в Скандинавии // XI Конгресс ИНКВА. Т. 1.

Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию // СЭ. 1969. № 5. Карцелли С. В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911. Керцелли С. В. О праве на охоту у промыслового населения // Охота и охотник.

М., 1925. Кибальчич А. А. Биология размножения и естественные запасы тихоокеанского моржа / Автореф. . . . канд. дисс. биол. наук. М., 1984. Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (лесная зона

и лесотундра). М., 1960. Кириков С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966.

244

Кириллов Н. В. Санитарная обстановка и болезни полярных стран (преимущественно северо-востока Азии) // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1908. Ноябрь.

Кит. Л., 1973.

Кищинский А. А. Материалы о распространении диких копытных в Северо-Восточной Сибири // Проблемы Севера. 1967. Вып. 11.

Кищинский А. А. Островные популяции северного оленя в восточном секторе Советской Арктики и пути их рациональной эксплуатации // Дикий северный олень в СССР. М., 1975.

Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953.

Книпович Н. М. Положение морских, рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии. СПб., 1895.

Кнопфмиллер М. О. Морской зверобойный промысел Чукотки // Рукопись канд. дисс. Архив ЛОИЭ. 1940а. Ф.К.-П. Оп. 1. Д. 284; Материалы к дисс. 1940б. Ф.К.-П. Оп. 1. Д. 239, 286.

Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л., 1980.

Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.

Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1.

Казьмин В. А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980.

Казьмин В. А. Экологические факторы сложения западносибирского оленеводства // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных документов. Л., 1935.

Кольчева Е. И. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII в. // СЭ. 1956. № 2.

Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1983.

Конаков Н. Д. Этническая экология и традиционная культура коми // VI Международный конгресс финноугроведов. Сыктывкар, 1984.

Конаков Н. Д. Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиция и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

Конаков Н. Д. Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря). Сыктывкар, 1987.

Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. // ТИЭ. 1962. Т. 78.

Котляков В. М., Троицкий Л. С. Новые данные об оледенении Шпицбергена // Вестник АН. 1985. № 2.

Крайний Север. Вып. 1. Итоги переписи хозяйства в трех районах. М., 1935.

Красильников М. К вопросу об угасании северных народностей // Статистическое обозрение. 1928. № 3.

Краткая географическая энциклопедия. М. Т. 1. 1960; Т. 2. 1961.

Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

Кречмар А. В., Андреев А. В., Кондратьев А. Я. Экология и распространение птиц на Северо-Востоке СССР. М., 1978.

Крупник И. И. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.

Крупник И. И. Питание и экология хозяйства ненцев Большеземельской тундры в 20-х годах XX в. // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976а.

Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976б. № 2.

Крупник И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера (к методике изучения этноэкологических систем) // Рукопись канд. дисс. Архив ИЭ. 1976в. Т. 1; 1976 г. Т. 2 (Приложения).

Крупник И. И. Освоение среды и использование промысловых угодий у азиатских эскимосов // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977.

Крупник И. И. К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.

Крупник И. И. Морской зверобойный промысел азиатских эскимосов в 1920—1930 гг. // Морские млекопитающие. М., 1980.

Крупник И. И. Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов юго-восточной Чукотки (включая о. Святого Лаврентия) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981а.

Крупник И. И. К истории аборигенной приморской культуры в западном секторе Арктики // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск. 1981б.

Крупник И. И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983.

Крупник И. И. Местный береговой промысел ластроногих на юго-востоке Чукотского полуострова (1940—1970 гг.) // Морские млекопитающие. М., 1984.

Крупник И. И. Аборигенный морской промысел в западном секторе Советской Арктики (история и традиции) // Морские млекопитающие. М., 1986.

- Крупник И. И.* Демографическое развитие азиатских эскимосов в 1970-е годы (основные тенденции и этносоциальные условия) // Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1987а.
- Крупник И. И.* Традиции в современной занятости командорских алеутов // Рациональное природопользование на Командорских островах. М., 1987б.
- Крупник И. И.* Инфантицид в традиционных обществах Арктики: адаптивная стратегия или культурный механизм? // Экология американских индейцев и эскимосов (Проблемы индеевистики). М., 1988а.
- Крупник И. И.* Основные направления этноэкологии Американской Арктики // Там же. М., 1988б.
- Крупник И. И., Членов М. А.* Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970-е годы) // СЭ. 1978. № 2.
- Крылов В. М.* Оленеводство Пенжинского района (Корякский национальный округ) // Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936.
- Крючков В. В.* Чуткая Субарктика. М., 1976.
- Куделя Е. И.* Изучение продуктивности поголовья оленей лесотундровой зоны Магаданской области // Труды Магаданской НИИ сельского хозяйства Дальнего Востока. 1973. Вып. 2.
- Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Этнографические очерки. Томск, 1977.
- Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983.
- Куратов А. Ф.* К вопросу о землеустройстве в тундрах Европейской России в связи с общим положением «инородцев» на Севере // Коми-Му. 1925а. № 3-4 (13— 14).
- Куратов А. Ф.* Состояние оленеводства в Большепеземельской и Малоземельской тундрах и на Новой Земле // Коми-Му. 1925б. № 1 (И).
- Ламартиньер П.* Путешествие в северные страны (1653) // Зап. Московского археол. ин-та. 1912. Т. XV.
- Латин В. В.* Среда и саморегуляция социальных систем в первобытную эпоху // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Латкин В. Н.* Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. СПб., 1853. Ч. 1 и 2.
- Лауук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
- Лауук Л. П.* «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
- Лебедев В. В.* Роль оленеводства в хозяйственном комплексе тазовских селькупов (к проблеме становления производящего оленеводческого хозяйства) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.
- Лебедев В. В.* Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. 1980. № 2.
- Лебедева Л. С.* Лось Северной Америки // Охотоведение. 1972.
- 246
- Лебединская Г. В.* Патологические изменения на скелетах из Эквенского могильника // Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969. *Левин М. Г.* К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ. 1947. Вып. II.
- Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. 1958. Т. 36.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этно-графические области // СЭ. 1955. № 4.
- Леонтьев В. В.* Этнография и фольклор кереков. М., 1983.
- Лепехин И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805. Т. 4.
- Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года Л., 1971.
- Липранди К.* Сырьевые ресурсы Чукотки // Сов. Север. 1933. № 6.
- Ловелиус Н. В.* Теплообеспеченность гор Путорана и ледовитость Балтики // ИВГО. 1970. Т. 102. № 1.
- Ловелиус Н. В.* Изменчивость прироста деревьев. Дендроиндикация природных процессов и антропогенных воздействий. Л., 1979.
- Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX-XX в. М., 1971.
- Лэк Д.* Численность животных и ее регуляция в природе. М., 1957.
- Любин В. П., Барышников Г. Ф.* Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // КСИА. 1985. № 181.
- Макарова А. Р., Сегаль А. Н.* Физиологическая характеристика зимней пастбы северного оленя // Опыт изучения регуляций физиологических функций. М., 1958. Т. 4.
- Мак-Ги Р.* Происхождение эскимосов: возможна ли альтернативная гипотеза. (Комм. И. И. Крупника) // СЭ. 1988. № 3.
- Макридин В. П.* О северной границе распространения лося // Зоологический журнал. 1962. Т. 41. Вып. 7.
- Макридина К. В.* Калорийность оленьего мяса // Каракулеводство и звероводство. 1956. № 1.
- Максимов А. А.* Многолетние колебания численности животных, их причины и прогноз. Новосибирск, 1984.
- Максимов А. Н.* Происхождение оленеводства // Уч. зап. Ин-та истории. 1929. Т. 6.
- Максимов И. В.* Вековые колебания ледовитости северной части Атлантического океана // Труды Ин-та океанологии. 1954. Т. VIII.
- Малори Ж.* Загадочный Туле. М., 1973.
- Мамадышский Н. Н.* Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Усы в 1909 г. Архангельск, 1910.
- Марков К. К., Бурашикова Т. А., Муратова М. В., Суетова И. В.* Климатическая модель и географические зоны времени голоценового оптимума на территории СССР // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981.
- Маслов П. П.* Кочевые объединения одиночных хозяйств в тундре Северного края // Сов. Север. 1934. № 5.
- Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
- Материалы Анадырской земэкспедиции МСХ РСФСР о хозяйственном, агротехническом и зоотехническом обследовании колхозов Чукотского района. 1946— 1950 // ГАЧАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21, 24, 34, 37.
- Материалы по статш-шке Камчатской губернии. Хабаровск, 1925.
- Материалы Чужим, <МЮ земэкспедиции Наркомзема РСФСР о хозяйственно-экономическом обследовании Чукотского района. 1938. // ГАЧАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.
- Мельников В. И.* К вопросу о помощи бродячим и кочевым народностям // Северная Азия. 1925. № 5-6.
- Меновицков Г. А.* Эскимосы. Магадан, 1959.
- Меновицков Г. А.* Отражение положительных народных знаний в языке азиатских эскимосов // Краеведческие записки. Магадан, 1982. Вып. 11.

- Миллер В. Ф. Об эскимосских наречиях Анадырского округа // Живая старина. 1897. Вып. II.
- Минеев А. И. Остров Врангеля. Л., 1946. Миненко Н. А. Материалы по обычному праву народов Северо-Западной Сибири 1-ой половины XIX в. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск. 1975. Миту сова' Р. П. Материалы по бюджетам крестьянских самоедских и остяцких хозяйств // Статистика Урала. 1925. Серия V. Т. 5. Михель Н. М. Промысловые звери северо-восточной Якутии. Л., 1938.
- Молчанов А. А. Дендро-климатические основы прогнозов погоды. М., 1976. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата. Л., 1979. Морзвербойный промысел и морзвербойная промышленность. Рукопись 1934 (?) // ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. И. Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // МИА. 1953. Т. 35.
- Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири // Археология СССР. Свод археологических источников. ДЗ-8. М., 1965. Мухачев А. Д. Мясная продуктивность северного оленя в зависимости от пола, возраста и упитанности // Труды Всес. сельхоз. ин-та заочного образования. 1969. Вып. 31.
- Назаров А. А. Распределение и использование ресурсов песка // Охотничье-промысловое хозяйство Севера. М., 1979. Назаров В. С. Исторический ход ледовитости Карского моря // ИВГО. 1947. Т. 79. № 6.
- Назаров В. С. Колебания ледовитости морей. М.; Л., 1949. Нансен Ф. Жизнь эскимосов // Избр. соч. Т. 1. Л., 1937. Народное хозяйство СССР. 1922-1972 гг. М., 1972.
- Народы Сибири. Ред. М. Г. Левин и Л. П. Потапов. М.; Л., 1956. Населенные пункты Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928. Насимович А. А. Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М., 1955.
- Наумов Н. П. Дикий северный олень. М.; Л., 1933. Наумов Н. П. Млекопитающие Тунгусского округа // Труды Полярной комиссии АН СССР. 1934. Вып. 17. Наумов С. П. Колебания численности у зайцев // Вопросы экологии и биогеоэкологии. Вып. 5-6. Л., 1939. Нечипоренко Г. П. Моржовый промысел на Чукотке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 6-7.
- Никкуль К. Некоторые особенности оленеводства у гнлмпн // СЭ. 1975. № 4. Никулин И. I. Чукотский морж // Изв. ТИНРО. Т. 20. 1941. Норин В. Н. Некоторые проблемы изучения взаимоотношений лесных и тундровых экосистем // Бот. журнал. 1974. Т. 59. № 9. Норин Б. Н., Игнатенко И. В., Кнорре А. В., Ловеллус Н. В. Растительность и почвы лесного массива Ары-Мас (Таймыр) // Бот. журнал. 1971. Т. 56. № 9. Обухов П. Дикий олень в низовьях Колымы // Охота и охотничье хозяйство. 1967. № 5.
- Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970. Одум Ю. Основы экологии. М., 1975. Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936—1940 гг.) // КСИИМК. 1941. Т. X. Окладников А. П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // Древняя Сибирь. Материалы к I тому «Истории Сибири». Улан-Удэ, 1964. Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.
- Оленеводство. Чукотское оленеводство // Архив ЛОИЭ. Ф. К — V. Оп. 1. № 525. Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Зап. Приамурского отдела ИРГО. 1892. Т. 2. Вып. 1. О промысле морзвербойном. Сост. Л. С. Богословская, И. И. Крупник // Северные просторы. 1987. № 1. 248
- Орлова Е. П. «Юпигыты» (азиатские эскимосы) // Архив ЛОИЭ. Ф. К — П. Оп. 1. № 179.
- Орлова Е. П. Азиатские эскимосы // ИРГО. 1941. Т. 73. № 2. Орловский П. Н. Анадырско-чукотское оленеводство // Северная Азия. 1928а. № 1. Орловский П. Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. 1928б. № 2.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972. Палеолит СССР. Отв. ред. П. И. Борисковский. М., 1984. Панин Г. Влияние климатических изменений на северного оленя // Сов. Север. 1930. № 7-8.
- Пармузин Ю. П. Ландшафтное районирование лесотундр и северных редколесий Заенисейских территорий // Растительность лесотундры и пути ее освоения. Л., 1967.
- Паровицков В. Я. Изменения ареалов млекопитающих севера Европейской части СССР // География населения наземных животных и методы ее изучения. М., 1959.
- Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Зап. ИРГО (стат.). 1912. Т. XI. Вып. 1. Перри Р. Мир моржа. Л., 1976.
- Периц А. И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
- Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986. Петрухин С. Рыбные и морские промыслы Охотско-Камчатского края // Северная Азия. 1926. № 1. Пидопличко И. Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // Кратк. сообщ. Ин-та археологии Украины. 1953. Вып. 2. Пидопличко И. Г. Влияние человека на развитие фауны в плейстоцене и голоцене // VII МКАЭН. 1964. Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
- Пидопличко И. Г. Межирические жилища из костей мамонта. Киев, 1976. Пидопличко И. Г., Люрин Н. В., Тимченко Н. Г. К

вопросу о хозяйстве, быте и культуре позднелолитического населения в связи с раскопками в с. Ме-жирич // Палеолит и неолит СССР. МИА. 1972. Т. 185.

Пижа А. И. Биологические ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVII—XIX вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. *Пижа А. И.* Сосьвинские манси как этносоциальная общность / Автореф. канд.

дис. М., 1982. *Пижа А. И.* Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII—XIX вв.): реальность или иллюзия? // СЭ. 1986. № 3.

Пижа А. И. Региональные проблемы развития и местного населения (на примере районов Крайнего Севера) // Рациональное природопользование на Командорских островах. М., 1987. *Плетцов Н.* Самоеды Большеземельской и Малоземельской тундр (по данным переписи 1924 г.) // Северное хозяйство. 1925. № 2, 3. *Подэкрат А. Г.* Промыслы острова Колгуева // Очерки по промысловому хозяйству

и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936.

Полозова Л. Г., Шиятов С. Г. Вековые колебания климата на основе анализа годичного прироста деревьев вдоль полярной границы леса // История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1976.

Попов А. А. Материалы по родовому строю долган // СЭ. 1934. № 6. *Попов А. А.* Оленеводство у долган // СЭ. 1935, № 4-5.

Попов А. А. Нганасаны. Материальная культура // ТИЭ. 1948. Т. 4. *Попов А. А.* Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // ТИЭ. 1952. Т. 18.

249

Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984. *Портенко Л. А.* Фауна Анадырского края // Труды НИИ полярного земледелия,

животноводства и промыслового хозяйства. Серия «Промысловое хозяйство».

1941. Вып. 14. Поселенные итоги туземной переписи 1926 г. Камчатский округ. Владивосток,

1928. Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926/27 г. Территориальные

и групповые итоги переписи. М., 1929.

Преображенский Б. В. О повышении продуктивности оленей в Ненецком национальном округе. Архангельск, 1953. *Придо Т.*

Кроманьонский человек. М., 1979. *Прик 3. М.* О колебаниях климата Арктики и их причинах // Труды Арктического и

Антарктического ин-та. 1968. Т. 274. Природа и древний человек (основные этапы развития природы, палеолитического

человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене). Сост. Г. И. Ла-

зуков. М., 1981. *Прокофьев Г. Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // СЭ. 1940.

№ 3. *Прокофьев М. М.* Экологические аспекты изучения охотской проблематики и задачи

палеоэкономического моделирования древних хозяйственных систем Южного

Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. *Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире //

Природа и человек

в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. Пути кочевий оленеводов 1-го тунсовета // ГАНАО. 1932. Ф. 197. Оп. 2.

Д. 48. *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря.

Ч. 2. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1931S1S.

Разумовский В. И. Ластоногие Чукотки // Социалистическая реконструкция рыбного хозяйства Дальнего Востока. 1931. № 11-

12. *Рахиллин В. К.* Колебания численности основных видов птиц архипелага «Семь

островов» // Продуктивность биоценозов Субарктики. Свердловск, 1970. Результаты промыслов на островах Северного

Ледовитого океана // Северное хозяйство. 1923. № 1. *Реймерс Н. Ф.* Экологические сукцессии и промысловые животные //

Охотоведение.

М., 1972. *Реймерс Н. Ф., Яблоков А. В.* Словарь терминов и понятий, связанных с охраной

живой природы. М., 1982. *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону

и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. Т. 59. *Рогачев А. Н.*

Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе //

VII МКАЭН. 1964.

Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения // МИА. 1970. Т. 166. *Розанов М. П.* Промысел морского зверя на

Чукотском полуострове // Сов. Север.

1931. № 6. *Романов А. А.* Пушные звери Ленско-Хатангского края и их промыслы // Труды

НИИ полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Серия

«Промысловое хозяйство». 1941. Вып. 17. *Рочев П. А.* Биологическая продуктивность северного оленеводства // Нарьяна-

Вындер (Нарьян-Мар). 1969. № 127. *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.;

Л., 1947. *Руте Ф. Э.* Северная научная сеть: региональное сотрудничество в целях развития

и охраны природы // Природа и ресурсы. 1985. Т. XXI. № 2. *Рябцева К. М.* Динамика оледенения Хибин в голоцене в

связи с ритмами

увлажненности Северного полушария // Ритмы и цикличность в природе

(Вопросы географии. 1970. Вып. 79). *Савватеев Ю. А.* Особенности среды и охотничья деятельность в каменном веке на

территории Карелии // КСИА. 1985. № 181. *Сапрыкин Н., Синельников М.* Самоеды Канинской и Тиманской тундр // Северное

хозяйство. 1926. № 2-3.

250

Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, М., 1952.

Сведения о естественном движении населения за 1939—1961 гг. // ГАЧАО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.

Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптева и Восточно-Сибирского. Л., 1930.

Сводная таблица о наличии кочевого населения в I тунсовете в 1931 г. // ГАНАО.

1932. Ф. 197. Оп. 2. № 10.

Сдобников В. М. Некоторые данные по биологии оленя и оленеводству в севере восточной части Малоземельной тундры //

Оленьи пастбища Северного края

1933. Вып. 2.

Сдобников В. М. К вопросу об экологии северного оленя // Вопросы экологии \

биоценологии. 1939. Вып. 5—6.

Северцев С. А. О падежах диких животных // Сов. Север. 1933. № 5. *Северцев С. А.* Динамика населения и приспособительная

эволюция животных

Л., 1941.

Сезаль А. Н. Особенности терморегуляции у домашнего оленя в условиях повышения летних температур // Регуляция обмена тепла и других физиологических функций у сельскохозяйственных животных в условиях высоких температур. Краснодар, 1960.

Семенов С. А. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита // У истоков человечества. М., 1964.

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Экология боровой дичи Лапландского заповедника // Труды Лапландского госзаповедника. 1938. Вып. 1.

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Дикий северный олень на Кольском полуострове // Там же. 1948а. Вып. 2.

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Лось на Кольском полуострове // Там же. 1948б.

Вып. 2.

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Северный олень. М., 1977.

Семериков П. П. Оленеводство тундр Ненецкого округа. Архангельск, 1933. Сергеев М. А. Корякский национальный округ. Л., 1934. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера //

ТИЭ. 1955. Т. 27. Сергин В. Я. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях // СА. 1974а. № 1. Сергин В. Я. Палеолитические жилища Европейской части СССР. Автореф.

канд. дисс. М., 1974б. Сергин В. Я. Назначение больших ям на палеолитических поселениях // КСИА.

1983. Вып. 173.

Симченко Ю. В. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.

Симченко Ю. Б. Северная Азия // Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.

Симченко Ю. Б. Нганасаны // Этническая история народов Севера. М., 1982.

Скробов В. Д. Продвижение животных лесной зоны в тундру // Природа. 1958.

№ 11.

Скробов В. Д. Современное распространение и численность дикого северного оленя на севере Западной Сибири // Проблемы Севера. 1967. Вып. 11.

Словарь общегеографических терминов. Сост. Л. Д. Стэмп. М. Т. 1. 1975; Т. 2, 1976.

Слоним А. Д. Физиология терморегуляции и термической адаптации у сельскохозяйственных животных. М.; Л., 1966.

Смирнов В. С. Анализ динамики численности песца на Ямале и пути интенсификации его промысла // Проблемы Севера. 1967. Вып. 11.

Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Соколов И. Структура стада северных оленей и ее значение в оленеводческом хозяйстве // Сов. Север. 1935. № 1.

Соловьев Д. К. Белая куропатка в Печорском крае // Уральский охотник. 1927а. № 8-9.

Соловьев Д. На Печоре // Уральский охотник. 1927б. № 1.

Сосунов П. И. Тобольский Север // Северная Азия. 1925. № 3, 4.

251

Старков В. Ф. Освоение Шпицбергена и общие проблемы русского арктического мореплавания // Рукопись докт. дисс. 1986. М. Ин-т археологии АН СССР. Старокадомский Л. М. Экспедиции Северного Ледовитого океана (1910—1915 гг.).

М., 1946. Стеллер Г. Описание страны Камчатки, ее жителей, их нравов, наименований, образа жизни и различных обычаев. Пер. с нем. издания 1774 г. // Архив

ЛЮИЭ. Ф. К—I. Оп. 1. № 304. Степанов В. П. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР // Проблемы общей физической

географии и палеогеографии. М., 1976. Стоддарт Д. Организм и экосистема как модели географических систем // Модели

в географии. М., 1971. Суворов Е. К. О промысле моржа и кита на Чукотской земле // Материалы

к познанию русского рыболовства. 1914. Т. III. Вып. 5. Сулов И. М. Расчеты минимального количества оленей, потребного для туземного

средняцкого хозяйства // Сов. Север. 1930. № 3.

Сыроечковский Е. Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера (проблемы освоения). М., 1974. Сыроечковский Е. Е. Проблема дикого северного оленя в СССР на современном

этапе // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. Сыроечковский Е. Е. Дикий северный олень в СССР // Промысловая териология.

М., 1982. Таксами Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. Таксами Ч. М. Проблема взаимосвязи

природы и общества (по материалам этнографии коренного населения Тихоокеанского побережья СССР) // Роль

географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. Терлецкий П. Е. Основные черты хозяйства Севера // Сов. Север. 1930. № 9—12. Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи

1926/27 г.).

Л., 1932а. Терлецкий П. Е. Северное оленеводство // Сборник по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике. М., 1932б.

Терлецкий П. Е. К вопросу о пармах Ненецкого круга // Сов. Север. 1934. № 5. Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера СССР // Рукопись. 1967. М. Архив

Ин-та этнографии АН СССР. Тихомиров В. А. Особенности биосферы Крайнего Севера // Природа. 1971.

№ 11. Тихомиров В. А. Изучение тундровых биогеоценозов // Программа и методика

биогеоценологических исследований. М., 1974.

Томилини А. Г. Китообразные / Звери СССР и прилежащих стран. Т. IX. М., 1957. Томирдиаро С. В. Арктическая лессово-ледовая равнина как американо-азиатский

мост и ее термокарстовое разрушение в голоцене // Берингия в кайнозое.

Владивосток, 1976. *Томкович П. С., Сорокин А. Г.* Фауна птиц Восточной Чукотки // Распространение и систематика птиц. М., 1983.

Третьяков П. Н. Первобытная охота в Северной Азии // ИГАИМК. 1936. Вып. 106. *Туголуков В. А.* Следопыты верхом на оленях. М., 1969. *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.

Турманина В. И. Влияние на растительность внутривековых ритмов увлажненности/Ритмы и цикличность в природе (Вопросы географии. 1970. Т. 79). *Туров М. Г.* Эвенки таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. (принципы хозяйственного освоения угодий). Автореф. канд. дисс. Л., 1985. *Уатт К.* Экология и управление природными ресурсами. М., 1971. *Успенский С. М.* Особенности динамики численности и использования ресурсов охотничьих животных в Арктике и Субарктике // IX МКБО. *Успенский С. М., Кищинский А. А.* Опыт аэровизуального учета гнездовых популяций водоплавающих птиц в тундре // Охотоведение. М., 1972. *Устинов В. И.* Оленеводство на Чукотке. Магадан, 1956.

Файнберг Л. А. Первобытнообщинные отношения и их разложение у полярных эскимосов Гренландии // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

252

Файнберг Л. А. Очерки этнической истории Зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971.

Файнберг Л. А. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

Федосеев Г. А. Сравнительная характеристика популяций кольчатой нерпы прибрежных вод Чукотского полуострова // Известия ТИНРО. Т. 59. Магадан, 1965. *Федосеев Г. А.* Некоторые итоги и современные проблемы изучения ластоногих //

Зоология позвоночных. Т. 6. Морские млекопитающие. М., 1974. *Федосеев Г. А.* Популяционная структура, современное состояние и перспективы использования ледовых форм ластоногих в северной части Тихого океана // Морские млекопитающие. М., 1984.

Формозов А. Н. Колебания численности промысловых животных. М.; Л., 1935. *Формозов А. Н.* Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР // Материалы к познанию фауны и флоры СССР. 1946. Вып. 5 (XX).

Формозов А. Н. Изменения границ распространения млекопитающих и птиц // География населения наземных животных и методы ее изучения. М., 1959. *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. *Харпер А. Б.* История алеутской популяции // СЭ. 1980. № 6. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Танкер Дж., Барникот Н.* Биология человека. М., 1968. *Хлобыстин Л. П.* О древнем заселении Арктики // КСИА. 1973. № 136. *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. Автореф. докт. дисс. М., 1982а. *Хлобыстин Л. П.* Первоначальное заселение Евразийского Заполярья // XI Конгресс ИНКВА. Т. 1. 1982б. *Хлобыстин Л. П.* Работы в Архангельском Заполярье // Археологические открытия. 1985 г. М., 1987.

Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Л., 1974.

Хлобыстин Л. П., Левковская Г. М. Роль социального и экологического факторов в развитии арктических культур Евразии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966. *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М., 1977.

Чапский К. К. Краткий исторический анализ современного состояния запасов моржа в Баренцевом и Карском морях // Проблемы Арктики. 1939. № 3.

Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930. *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935.

№ 4-5.

Чернецов В. Я. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. Т. 35. *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской

тундры // КСИИМК. 1951. Вып. 36. *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1970. № 6. *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1973. *Чижев О. П.* Оледенение северной полярной области. М., 1976. *Чиркова А. Ф.* К вопросу о взаимоотношениях песка и лисицы на Крайнем

Севере // Проблемы Севера. 1967. Вып. 11. *Членов М. А.* К характеристике социальной организации азиатских эскимосов //

IX МКАЭН.

Членов М. А., Крупник И. И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII — XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983.

Членов М. А., Крупник И. И. В поисках древних культур Чукотки // Природа. 1984. № 6.

253

Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

Шиятов С. Г. Колебания климата и возрастная структура древостоев лиственничных редколесий в горах Полярного Урала // Растительность лесотундры и пути ее освоения. Л., 1967.

Шиятов С. Г. Сверхвековой цикл в колебаниях индексов прироста лиственницы (*Larix sibirica*) на полярной границе леса // Биологические основы дендрохронологии. Вильнюс; Л., 1975.

Шиятов С. Г. Реконструкция колебаний климата и динамики полярной границы леса на севере Западной Сибири за

- последние 900 лет на основе анализа радиального прироста деревьев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
- Шмит Э. В.* Краткий очерк Чукотской земэкспедиции Наркомзема РСФСР о состоянии развития оленеводства и собаководства в Чаунском районе // ГАЧАО. 1939. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.
- Шнакенбург Н. Б.* Эскимосы (историко-этнографический очерк) // Архив ЛОИЭ. 1939 (?). Ф. К-1. Оп. 1. № 557.
- Шнирельман В. А.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // СЭ. 1974. № 3.
- Шнирельман В. А.* Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки) // СЭ. 1977. № 2.
- Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980.
- Шнирельман В. А.* Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
- Шнитников А. В.* Колебания климата в текущем тысячелетии я, их палеогеографическое значение // Чтения памяти Л. С. Берга. VIII—XI-V. 1968.
- Шнитников А. В.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.
- Шумкин В. Я.* Исследование Кольского полуострова // Археологические открытия. 1985 г. М., 1987.
- Экономика Большеземельской тундры // ГАНАО. 1934. Ф. 197. Оп. 2. № 125.
- Экономические обзоры и годовые показатели развития народного хозяйства округа за 1930-1960 гг. // ГАЧАО. Ф. 15. Д. 3.
- Экономический очерк Чукотского района // ГАЧАО. 1939. Ф. 15. Оп. 15. № 7.
- Элтон Ч.* Экология животных. М.; Л., 1934.
- Этническая история народов Севера. М., 1982.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978.
- Юдин А. М.* Очерк изучения оленеводства Чукотки. Магадан, 1969.
- Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- Яблоков А. В., Белькович В. М.* Китообразные Арктики, перспективы их рационального использования и охраны // Проблемы Севера. 1967. Вып. 11.
- Якобий А. И.* Угасание инородческих племен Севера. СПб., 1893.
- Ackerman ft.* Prehistory of the Asian Eskimo Zone // Ar.
- Adams C.* The relation of general ecology to human ecology // Ecology. 1935. Vol. 16. № 3.
- Alland A. Jr.* Adaptation // Annual Review of Anthropology. 1975. Vol. 4.
- Alland A. Jr., McCay B.* The concept of adaptation in biological and cultural evolution // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Ed. J. Honigmann. Chicago, 1973.
- Amsden C. H.* Hard times: a case study from Northern Alaska and implications for Arctic prehistory // Thule Eskimo Culture: an Anthropological Perspective. Ed. A. McCartney / Archaeological Survey of Canada. 88. Ottawa, 1979.
- Andersen D. B.* (сopp.). Regional subsistence bibliography. Vol. III. Northwest Alaska // Alaska Department of Fish and Game. Division of Subsistence. Technical Paper. 94. Anchorage, 1984.
- Anderson D. D.* Prehistory of North Alaska // Ar.
- Anderson D. et al.* Kuuvanniut subsistence: traditional Eskimo life in the latter twentieth century. Washington, 1977.
- 254
- Anderson J. N.* Ecological anthropology and anthropological ecology // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Ed. J. Honigmann. Chicago, 1973. *Andrews J. T., Davis P. T., Mode W. H., Nichols H., Short S. K.* Relative departures in July temperature in Northern Canada for the past 6000 years // Nature. 1981. Vol. 289. № 5794. *Andrews J. T., Miller G.* Climatic change over the last 1000 years, Baffin island, NWT / Thule Eskimo Culture: an Anthropological Perspective. / Archaeological Survey of Canada. 88. Ottawa, 1979.
- Ballkci A.* Female infanticide on the Arctic coast // Man. 1967. Vol. 2. № 4. *Balikci A.* The Netslik Eskimos: adaptive processes // Man the Hunter. R. Lee, I. DeVore (eds.). Chicago, 1968. *Bandi H. G.* Eskimo prehistory. College, 1969.
- Banfield A. W. F.* Are Arctic ecosystems really fragile? // Proc. of the 1. Intern. Reindeer and Caribou Symposium. Luick .1. et al. (eds.). Fairbanks, 1975. *Bates M.* Human ecology // Anthropology today. Chicago. 1953. *Battistini R., Verin P.* Ecologic changes in protohistoric Madagascar // Pleistocene Extinctions. The Search for a Cause. Martin P. S., Wright H. E. (eds.). New Haven — London, 1967. *Baumhoff M. A.* The carrying capacity of hunter-gatherers // The Affluent Foragers / SES. 1981. Vol. 9. *Beach H.* Reindeer-herd management in transition. The case of Tuorpon Saameby in Northern Sweden // Uppsala Studies in Cultural Anthropology. 3. Stockholm, 1981.
- Bennett J. W.* Northern Plainsmen: adaptive strategy and agrarian life. Chicago, 1969.
- Bergerud A. T.* Decline of caribou in North America following settlement // Journal of Wildlife Management. 1974. Vol. 38. № 4.
- Bergerud A. T.* A review of the population dynamics of caribou and wild reindeer in North America // 2nd Reindeer / Caribou Symposium. Reimers E. et al. (eds.). Trondheim, 1980.
- Bergerud A. T., Jakimchuk R. D., Carruthers D. R.* The buffalo of the North: Caribou (*Rangifer tarandus*) and human developments // A. 1984. Vol. 37. № 1.
- Bellinger R.* Explanatory / predictive models of Hunter-gatherer adaptation // Advances in Archaeological Method and Theory. Schiffer M. B. (ed.). Vol. 3. N. Y., 1980.
- Binford L. R.* Post-Pleistocene adaptations // New perspectives in archaeology. Binford L. R., Binford S. R. (eds.); Chicago, 1968.
- Binford L. R.* Nunamiut ethnoarchaeology. N. Y., 1978.
- Binford L. R.* Willow smoke and dog's tail: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation // American

Antiquity. 1980 Vol. 45. № 1.

Binford L., Chasko W. J. Jr. Nunamiut demographic history: a provocative case // Demographic Anthropology. Quantitative Approach. Zubrow E. (ed.). Albuquerque, 1976.

Birdsell J. Some environmental and cultural factors influencing the structuring of Australian aboriginal populations // American Naturalist. 1953. Vol. 87. 834.

Birdsell J. On population structure in generalized hunting and collecting populations // Evolution. 1958. Vol. 12. № 2.

Birdsell J. Some predictions for the Pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers // Man the Hunter. Lee R., DeVore I (eds.). Chicago, 1968.

Birket-Smith K. The Caribou Eskimos. Material and social life and their cultural position // Report of the 5th Thule Expedition (1921-1924). 1929. Vol. 5.

№ 1-2. *Bishop R. H., Rausch R. A.* Moose population fluctuations in Alaska, 1950—1972 // Naturalist Canadian. 1974. Vol. 101.

Bockstoce J. A prehistoric population change in the Bering Strait region // Polar Record. 1973. Vol. 16. № 105.

Bockstoce J. On the development of whaling in the Western Thule culture // F. 1976. Vol. 18.

Bockstoce J. The archaeology of Cape Nome, Alaska. Philadelphia, 1979. *Bockstoce J., Botkin D.* The harvest of the Pacific walrus by the pelagic whaling industry, 1848-1914. 1980a (s. 1.). 255

Bockstoce J., Botkin D. The historical status and reduction of the Western Arctic Bowhead whale (*Balaena mysticetus*) by the pelagic whaling industry, 1848—1914. Seattle, 1980b.

Bogoras W. The Chukchee. Material Culture // MAMNH. 1904. Vol. VII. Pt. 1.

Bottino R. Peopling of the Arctic: a computer simulation // A. 1987. Vol. 40. № 2.

Boughey A. Man and the Environment. An introduction to human ecology and evolution. N. Y., 1971.

Boughey A. Ecology of populations. N. Y., 1973.

Braerstrup F. W. A study on the Arctic Fox in Greenland. Copenhagen, 1941.

Braham H. W. The Bowhead Whale, *Balaena mysticetus* // Marine Fisheries Review. 1984. Vol. 46. № 4.

Bradley R. S. Seasonal climatic fluctuations on Baffin Island during the period of instrumental records // A. 1973. Vol. 26. № 3.

Brown C. H. Mode of subsistence and folk biological taxonomy // CA. 1985. Vol. 26. № 1.

Brush S. The concept of carrying capacity for systems of shifting cultivation // AA. 1975. Vol. 77. № 4.

Bryson R., Ross J. E. Climatic variations and implications for world food production // World Development. 1977. Vol. 5. № 5-7.

Bryson R., Wendland W. Tentative climatic patterns for some Late Glacial and Post-Glacial episodes in Central North America // Life, Land and Water. Winnipeg, 1967.

Burch E. The caribou/wild reindeer as a human resource // American Antiquity. 1972. Vol. 37. № 3.

Burch E. S. Jr. Eskimo kinsmen: changing family relationships in Northwest Alaska // Monographs of the American Ethnological Society. 1975. № 59.

Burch E. S. Jr. Muskox and man in the Central Canadian Subarctic, 1689—1974 // A. 1977. Vol. 30. № 3. 4.

Burch E. S. Jr. Caribou Eskimo origins: an old problem reconsidered // Arctic Anthropology. 1978. Vol. 15. № 1.

Burch E. S. Jr. Native Claims in Alaska: an overview // Etudes/Inuit/Studies. 1979. Vol. 3. № 1.

Burch E. S. Jr. Traditional Eskimo societies in Northwest Alaska // Alaska Native Culture and History. SES. 1980. V. 4.

Burch E. S. Jr. The traditional Eskimo hunters of Point Hope, Alaska: 1800—1875. 1981 (s. 1.).

Burch E. S. Jr. Peoples of the Arctic. Illustrative map. National Geographic Society. Washington, 1983.

Burch E. S. Jr. Subsistence production in Kivalina, Alaska: a twenty-year perspective // Alaska Dept. of Fish and Game. Div. of Subsistence. Techn. Paper. 1985. № 128.

Burgess S. The St. Lawrence islanders of Northwest Cape: patterns of resource utilization // Ph. D. Diss. Fairbanks, 1974.

Butzer K. W. Environment and archaeology. Chicago, 1964.

Byard P. J. Population history, demography and genetics of the St. Lawrence island Eskimos // Ph. D. Diss. Ann Arbor, 1986.

Campbell J. M. Aboriginal human overkill of game populations: examples from interior Northern Alaska // Archaeological Essays in Honor of Irving B. Rouse. R. Dannel, E. Hall (eds). The Hague, 1978.

Carr-Saunders A. M. The population problem. A study in human evolution. Oxford, 1922.

Casteel R. W. Two static maximum population density models for hunter-gatherers: a first approximation // World Archaeology. 1972. Vol. 4. № 1.

Chapman D. G. Estimates of net recruitment of Alaska Bowhead whales and of risk associated with various levels of kill // Rept. Intern. Whaling Commission. Vol. 34. 1984.

Chesemore D. L. Occurrence of moose near Barrow, Alaska // Journal of Mammology. 1968. Vol. 49. № 3.

Chiitty H. Canadian Arctic wildlife enquiry 1943—1949 with a summary of results since 1933 // Journal of Animal Ecology. 1950. Vol. 19. № 1.

Chlenov M., Krupnik I. Whale Allee. A site on the Chukchi Peninsula, Siberia // Expedition. 1984. Vol. 26. № 2. 256

Coale A. The history of the human population // SA. 1974. Vol. 231. № 3.

Cohen M. Pacific coast foragers: affluent or overcrowded // Affluent foragers / SES. Vol. 9. 1981.

Collins G. Habits of the Pacific walrus (*Odobenus divergens*) // Journal of Mammology. 1940. Vol. 21.

- Conklin H. C.* An ethnoecological approach to shifting agriculture // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1954. Vol. 17. № 2.
- Cowgill G.* On causes and consequences of ancient and modern population changes // AA. 1975. Vol. 77. № 3.
- Damas D.* Environment, history and Central Eskimo society // Damas D. (ed.) Contributions to Anthropology: Ecological Essays. National Museum of Canada Bulletin. Vol. 230. 1969.
- David N.* On Upper Palaeolithic society, ecology and technological change: the Noail-lian case // Renfrew C. (ed.) The Explanation of Cultural Change. London, 1973.
- Dawson K. S.* Prehistory of the interior forest of Northern Ontario // Steegman A. T. (ed.) Boreal Forest Adaptations The Northern Algonkians. N. Y., 1983.
- Deevey E. S.* The human population // SA. 1960. Vol. 203. № 3.
- Denton G. H., Karlen W.* Holocene climatic changes, their pattern and possible cause // Quaternary Research. 1973. Vol. 3.
- Divale W. T.* Systematic population control in Middle and Upper Paleolithic: inferences based on contemporary hunter-gatherers // World Archaeology. 1972. Vol. 4. № 2.
- Draper A. A.* The aboriginal Eskimo diet in modern perspective // AA. 1977. Vol. 79. № 2.
- Dumond D. E.* The limitation of human population: a natural history // S. 1975. Vol. 187. № 4178.
- Dumond D. A.* chronology of native Alaskan subsistence systems // Alaska Native Culture and History. SES. 1980. № 4.
- Dunbar M.* A note on climatic change in the sea // A. 1954. Vol. 7. № 1.
- Dunbar M.* Stability and fragility in Arctic ecosystems // A. 1973a. Vol. 26. № 3.
- Dunbar M.* On the West Greenland sea-life area of the Atlantic salmon // A. 1973b. Vol. 26. № 1.
- Durham F.* Recent trends in Bowhead whaling by Eskimos in the Western Arctic with emphasis on utilization // Paper Published by the Whale Protection Fund. Washington, 1979a.
- Durham F.* The catch of Bowhead whales (*Balaena mysticetus*) by Eskimos with emphasis on the Western Arctic // Natural History Museum of Los Angeles County. Contr. № 314. 1979b.
- Eberhardt L. L., Breiwick J. M.* Minimal historic size of the Western Arctic population of Bowhead Whales// Marine Fisheries Review. 1980. Vol. 42. № 9-10.
- Edwards W.* The Late Pleistocene extinction and diminution in size of many mammalian species//Martin P., Wright H. E. (eds.). Pleistocene Extinctions. New Haven; London, 1967.
- Elberg N., Hyman J., Hyman K., Salisbury R. F.* Not by bread alone: the use of subsistence resources among James Bay Cree. Montreal, 1975.
- Ellana L.* Bering strait insular Eskimo: a diachronic study of economy and population structure // Alaska Dept. of Fish and Game. Div. of Subsistence. Techn. Paper. Vol. 77. 1983.
- Ellen R. F.* Problems and progress in the ethnographic analysis of small scale human ecosystems // Man (n. s.). 1978. Vol. 13. № 2.
- Ellen R. F.* Environment, subsistence and systems. The ecology of small-scale social formations. Cambridge, 1982.
- Fay F.* Ecology and biology of the Pacific walrus, *Odobenus divergens* Illiger // North American Fauna. Vol. 74. 1982.
- Fitzhugh W. W.* Environmental archaeology and cultural systems in Hamilton Inlet, Labrador (A survey of the Central Labrador coast from 3000 B. C. to the present) // Smithsonian Contributions to Anthropology. Vol. 16. 1972. *Fitzhugh W. W.* A comparative approach to Northern Maritime adaptations // Fitzhugh W. (ed.) Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone. The Hague; Paris, 1975.

- Fitzhugh W. W.* Population movement and culture change on the Central Labrador coast // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 288. 1977.
- Fitzhugh W. W.* Paleo-Eskimo cultures of Greenland // *Ar.*
- Fitzhugh W. W., Kaplan S.* Inua: spirit world of the Bering Sea Eskimo. Washington, 1972.
- Fitzhugh W., Lamb H. F.* Vegetation history and culture change in Labrador prehistory // *Arctic and Alpine Research*. 1986. Vol. 17. № 4.
- Footo D. C.* The Eskimo hunter at Point Hope, Alaska. September 1959 to May 1960 // US AEC. Publ. PNE-441. Oak Ridge, 1960.
- Footo D. C.* The Eskimo hunter at Point Hope, Alaska. Part II. May to September 1960 // US AEC. Publ. PNE-442. 1961.
- Footo D. C.* Exploration and resource utilization in Northwestern Arctic Alaska before 1855 // Ph. D. Diss. Montreal, 1965.
- Footo D. C.* The east coast of Baffin Island, NWT // *An Area Economic Survey*. 1966. Ottawa, 1967.
- Footo D. C.* Changing resource utilization by Eskimos in North-Western Arctic Alaska. 1850-1962 // *Труды VII МНАОИ*. М., 1970а. Т. 10.
- Footo D. C.* An Eskimo sea-mammal and caribou-hunting economy: human ecology in terms of energy // VIII ICAES. 1970b. Vol. III.
- Footo D. C., Williamson H. A.* A human geographical study // *Wilimovsky N. N., Wolfe J. N.* (eds.). *Environments of the Cape Thompson Region, Alaska*. Oak Ridge, 1966.
- Forde C. D.* Habitat, economy and society (a geographical introduction to ethnology). London, 1964 (2nd ed.).
- Fortuine R.* The health of the Eskimos, as portrayed in the earliest written accounts // *Bulletin of the History of Medicine*. 1971. Vol. 45. March-April.
- Fowler C. S.* Ethnoecology // *D. Hardesty. Ecological Anthropology*. N. Y., 1977.
- Frake C.* Cultural ecology and ethnography // *AA*. 1962. Vol. 64. № 1.
- Fraker M.* Balaena mysticetus: whales, oil and whaling in the Arctic. Anchorage, 1984.
- Freeman M.* Studies in maritime hunting, I: ecologic and technologic restraints on walrus hunting, Southampton Island, NWT // *F*. 1969-1970. Vol. 11-12.
- Freeman M.* Not by bread alone: anthropological perspectives on optimum population // *Taylor R. R.* (ed.) *The Optimum Population for Britain*. London-N. Y., 1970.
- Freeman M.* A social and ecological analysis of systematic female infanticide among the Netsilik Eskimo // *AA*. 1971. Vol. 73. № 5.
- Freeman M.* Studies in maritime hunting, II: an analysis of walrus hunting and utilisation: Southampton Island, NWT, 1970 // *F*. 1974-1975. Vol. 16-17.
- Freeman M.* Arctic ecosystems // *Ar.*
- Gessain R.* Ammassalik ou la civilisation obligatoire. Paris, 1969.
- Giddings J. L.* The archaeology of Bering strait // *CA*. 1960. Vol. 1. № 2.
- Giddings J. L.* Ancient men of the Arctic. N. Y., 1973.
- Giddings J. L., Anderson D. D.* Beach ridge archeology of Cape Krusenstern. Eskimo settlements around Kotzebue sound, Alaska. Washington, 1986.
- Gilberg R.* Changes in the life of the Polar Eskimos resulting from a Canadian immigration into the Thule District, North Greenland in the 1860's // *F*. 1974-1975. Vol. 16-17.
- Gjessing G.* Maritime adaptations in Northern Norway's prehistory // *Fitzhugh W. W.* (ed). *Prehistoric Maritime Adaptation of the Circumpolar zone*. The Hague-Paris, 1975.
- Grayson D. K.* Vicissitudes and overkill: the development of explanations of Pleistocene extinctions // *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 3. 1980.
- Grønnow B.* Recent archaeological investigations of West Greenland Caribou hunting // *Arctic Anthropology*. 1986. Vol. 23. № 1.
- Gross D. R.* Protein capture and cultural development in the Amazon Basin // *AA*. 1975. Vol. 77. № 3.
- Gulløv H. G.* Whales, whalers and Eskimos: the impact of European whaling on the demography and economy of Eskimo society in West Greenland // *Fitzhugh W. W.* (ed.). *Cultures in Contact*. Washington, 1985.
- Haber G. C., Walters C. J.* Dynamics of the Alaska-Yukon caribou herds and

- management implications // Reimers et al. (eds.). Proceedings of the 2nd Reindeer-Caribou Symposium. Trondheim, 1980.
- Harquebord L.* The rise and fall of a Dutch whaling—settlement on the west coast of Spitsbergen // *Early European Exploitation of the Northern Atlantic. 800—1700.* Groningen, 1981.
- Hall E. S. Jr.* Kangigukuk: a cultural reconstruction of a sixteenth century Eskimo site in Northern Alaska // *Arctic Anthropology.* 1971. Vol. 8. № 1.
- Hall E. S. Jr.* Technological Change in Northern Alaska // *Dunnell R. C., Hall E. S. (eds.). Archaeological Essays in Honor of Irving B. Rouse.* The Hague, 1978.
- Hall E. S. Jr.* A clear and present danger: the use of ethnohistoric data for interpreting mound 44 at the Utqiagvik site // *Arctic Anthropology.* 1984. Vol. 21. № 1.
- Hall E. (ed.).* A way of life. Yellowknife, 1986.
- Hardesty D.* *Ecological Anthropology.* N. Y., 1977.
- Hassan F.* Prehistoric demography // *Advances in Archaeological Method and Theory.* M. Schiffer (ed.). Vol. 1. 1978.
- Hassan F.* Demography and archaeology // *Annual Review of Anthropology.* Vol. 8. 1979.
- Hassan F.* The growth and regulation of human population in prehistoric times // *Cohen M. et al. (eds.) Biosocial Mechanisms of Population Regulation.* New Haven—London, 1980.
- Hassan F.* Population in prehistory: a demographic approach to archaeology. N. Y., 1981.
- Hayden B.* Population control among hunter/gatherers // *World Archaeology.* 1972. Vol. 4. № 2.
- Hayden B.* Research and development in Stone Age: technological transitions among hunter—gatherers // *CA.* 1981. Vol. 22. № 5.
- Hemming J. E.* Population growth and movement patterns of the Nelchina caribou herd // *Luick J. et al. (eds.). Proceed. of the 1st Reindeer-Caribou Symposium / Biol. Papers Univ. of Alaska. Spec. Report. 1.* 1975.
- Henneberg M.* Notes on the reproduction possibilities of human prehistoric populations // *Przeglad Anthropolog.* 1975. Vol. 41. № 1.
- Hester J.* The agency of man in animal extinctions // *Martin P., Wright H. E. (eds.). Pleistocene Extinctions,* New Haven—London, 1967.
- Hooper W. H.* Ten months among the tents of the Tuski. N. Y., 1976 (2nd ed.).
- Hughes C.* An Eskimo village in the modern world. Ithaca, 1960.
- Hughes C.* Siberian Eskimo // *Ar.*
- Hughes J. D.* American Indian ecology. El Paso, 1983.
- Järvinen O., Varvio S.-L.* Proneness to extinction of small populations of seals: demographic and genetic stochasticity vs environmental stress // *Finnish Game Research.* Vol. 44. 1986.
- Jelinek A.* Man's role in the extinction of Pleistocene faunas // *Martin P., Wright H. (eds.). Pleistocene Extinctions.* New Haven—London, 1967.
- Kaplan S.* Economic and social change in Labrador Neo-Eskimo culture / Ph. D. Diss. Ann Arbor, 1983. Pt. 1.
- Kaplan S.* European goods and socio-economic change in early Labrador // *Fitzhugh W. (ed.). Cultures in Contact.* Washington, 1985.
- Kelly P. M., Karas J. H. W., Williams L. D.* Arctic Climate // *Arctic Whaling. Proceed. of Intern. Symposium.* Groningen, 1984.
- Kemp W.* The flow of energy in a hunting society // *SA.* 1971. Vol. 225. № 3.
- Kilmarx J.* Archaeological and ethnohistoric evidence for material acculturation in Barrow, Alaska // *Etudes/Inuit/Studies.* 1986. Vol. 10. № 1—2.
- Kirch P. V.* The archaeological study of adaptation: theoretical and methodological issues // *Advances in Archaeological Method in Theory.* Vol. 3. 1980.
- Kjellström R.* Senilicide and invalidicide among the Eskimos // *F.* 1974—1975. Vol. 16—17.
- Klein R. G.* Man and culture in the late Pleistocene: a case study. San Francisco, 1969.
- Kleivan I.* West Greenland before 1950 // *Ar.*
- Krech S. III.* On the aboriginal population of the Kutchin // *Arctic Anthropology.* 1978. Vol. 15. № 1.

259

Krupnik I. I. Asiatic Eskimo traditional subsistence model: cultural continuity and possibilities for reconstruction // *Etudes/Inuit/Studies.* 1981. Vol. 5. № 2. *Krupnik I.* Gray whales and the aborigines of the Pacific Northwest: the history of aboriginal whaling // *The Gray Whale. Eschrichtius Robustus.* Orlando 1984. *Krupnik I.* Le chasseur traditionnel dans les ecosystèmes du Subarctique (l'exemple des Esquimaux asiatiques) // *Inter-Nord.* Vol. 17. 1985a. *Krupnik I.* The male-female ratio in certain traditional populations of the Siberian Arctic // *Etudes/Inuit/Studies.* 1985b. Vol. 9. № 1. *Krupnik I.* Bowhead vs gray whale in Chukotka aboriginal whaling // *A.* 1987. Vol. 40. № 1. *Krupnik I.* Economic patterns in Northeastern Siberia // *Fitzhugh W. W., Crowell A.* Crossroads of continents. Cultures of Siberia and Alaska. Washington, 1988a. *Krupnik I.* The aboriginal hunter in an unstable ecosystem: a view from subarctic Pacific // *Yen D. E., Mummery J. M. J. (eds.). Pacific Production Systems. Approaches to Economic Prehistory.* Canberra, 1988b. *Krupnik I. I., Bogoslovskaya L. S., Votrogov L. M.* Gray whaling off Chukotka peninsula: past and present status // *Rept Intern. Whaling Commission* Vol 33 1983.

Krzywicki L. Primitive society and its vital statistics. London, 1934. *Lafleur P., Adams P.* The radiation budget of a subarctic woodland canopy // *A* 1986. Vol. 39. № 2.

Lamb H. H. The changing climate. Selected papers. London, 1966. *Lamb H. H.* Climate: present, past and future. London. Vol. 1. 1972; Vol. 2. 1977. *Lantis M.* Problems of human ecology in the North American Arctic // Arctic Research / Arctic Inst. of North America. Special Publ. 1955, № 2. *Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic whale hunting culture // APAMNH Vol. 42. 1948.

V

Laughlin W. Eskimos and Aleuts: their origins and evolution // S 1963 Vol. 142 № 3593.

Laughlin W. S. Genetical and anthropological characteristics of Arctic populations // The Biology of Human Adaptability. London, 1966. *Laughlin W. S.* Ecology and population structure in the Arctic // Harrison G. A., Boyce A. J. (eds.). Structure of Human Populations. London, 1972. *Laughlin W. S.* Aleuts: survivors of the Bering land bridge. N. Y., 1980. *Laughlin W. S., Harper A. B.* Demographic diversity, length of life and Aleut-Eskimo whaling / Paper prepared for Panel on aboriginal subsistence whaling IWC Meeting. Seattle, 1979. *Lee R.* Kung bushmen subsistence on input—output analysis // Environment and Cultural Behavior. N. Y., 1969. *Leeds A.* Reindeer herding and Chukchi social institutions // Man, Culture and Animals. Washington, 1965. *Le Resche R. E., Bishop R. H., Coady J. W.* Distribution and habitats of moose in Alaska // Naturaliste Canadien. 1974. Vol. 101. № 1.

Lerrigo P. H. J. Report from St. Lawrence island // 10th Annual Report on Introduction of Domestic Reindeer into Alaska. 1901.

Libbey D., Hall E. S. Jr. Cultural resources in the mid-Beaufort sea region. 1981 (s. 1.). *Lowenstein T.* Some aspects of sea ice subsistence hunting in Point Hope, Alaska 1981 (s. 1.).

Lowie R. H. Subsistence // Boas F. (ed.). General Anthropology. Boston, 1938. *McCartney A.* Maritime adaptations in cold archipelagoes: an analysis of environment and culture in the Aleutian and other island chains // Fitzhugh W. (ed.). Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone. The Hague—Paris, 1970.

McCartney A. The nature of Thule Eskimo whale use // A. 1980. Vol. 33. № 3. *McCartney A.* History of native whaling in the Arctic and Subarctic // Arctic Whaling. Groningen, 1984. *McCartney A., Savelle J.* Thule Eskimo whaling in the Central Canadian Arctic // Arctic Anthropology. 1985. Vol. 22. № 2. *McGhee R.* Speculations on climatic change and Thule culture development // F 1969-1970. Vol. 11-12. 260

McGhee R. Climatic change and the development of the Canadian Arctic cultural traditions // Vasari Y. et al. (eds.). Climatic Changes in Arctic Areas during the Last 10,000 Years. Oulu, 1972. *McGhee R.* Differential artistic productivity in the Eskimo cultural tradition // CA. 1976. Vol. 17. № 2. *McGhee R.* Eastern Arctic prehistory: the reality of a myth? // Musk-Ox. 1983. Vol. 33. № 1.

McGhee R. Thule prehistory of Canada // Ar.

McGovern T. Thule-Norse interaction in southwest Greenland: a speculative model // McCartney A. (ed.). Thule Eskimo Culture: an Anthropological Retrospective. Ottawa, 1979. *Macpherson A. H.* Commentary: wildlife conservation and Canada's North // A. 1981. Vol. 34. № 2. *Maker W. I., Wilimovsky N. J.* Annual catch of Bowhead whales by Eskimos at Point Barrow, Alaska, 1928-1960 // Journal of Mammology. 1963. Vol. 44. № 1. *Malaurie J.* Pour une prehistoire des societes maritimes et de la navigation preEs- quimaudes dans les zones cotieres du Pacific Nord, des mers de Tchoukchi et de Beaufort // Inter-Nord. Vol. 12. 1972. *Marquette W., Bockstoce J.* Historical shore-based catch of Bowhead whales in the Bering, Chukchi and Beaufort seas // Marine Fisheries Review. 1980. Vol. 42. № 9-10. *Marquette W., Braham H.* Gray whale distribution and catch by Alaskan Eskimos: a replacement for the Bowhead whale? // A. 1982. Vol. 35. № 3. *Martin C.* Keepers of the game. Indian-animal relationships and the fur trade. Berkley—Los Angeles—London, 1978.

Martin P. S. Pleistocene overkill // Natural History. 1967a. Vol. 76. № 1. *Martin P. S.* Prehistoric overkill // Martin P. S., Wright H. E. (eds.). Pleistocene Extinctions. The Search for a Cause. New Haven—London, 1967b. *Martin P. S.* The discovery of America // S. 1973. Vol. 179. № 4077. *Maserang C. H.* Carrying capacity and low population growth // Journal of Anthropological Research. 1977. Vol. 33. № 4. *Masnik G., Katz S.* Adaptive childbearing in a North Slope Eskimo community // Human Biology. 1976. Vol. 48. № 1.

Maxwell M. S. The Lake Harbour region: ecological equilibrium in sea coast adaptation // McCartney A. (ed.). Thule Eskimo Culture: an Anthropological Retrospective. Ottawa, 1979.

Maxwell M. S. Pre-Dorset and Dorset prehistory of Canada // Ar. *Meldgaard M.* The Greenland caribou — zoogeography, taxonomy and population dynamics // MoG. Bioscience. 1986. Vol. 20. *Meldgaard M.* The Great Auk, *Pinguines impennis* (L) in Greenland // Historical Biology. 1988. Vol. 1.

Meriot C. Les Lapons et leur societe. Etude d'ethnologie historique. Paris, 1980. *Meriot C.* The Saami peoples from the time of the voyage of Otter to Thomas von Westen // A. 1984. Vol. 37. № 4. *Micklin M.* Population, environment and social organization: current issues in human ecology. Hindsdale, 1973. *Mikkelsen E.* The East Greenlanders possibilities of existence their production and consumption // MoG. 1944. Vol. 134. № 2. *Miller F. L.* Restricted caribou harvest or welfare — northern native's dilemma // Proceeding of the 3rd Reindeer / Caribou symposium / Acta Zoologica Fennica.

1983. Vol. 175. *Moberg C.-A.* Circumpolar adaptation zones East—West and cross-economy contacts North—South: an outsider's query, especially on Ust'-Poluj // Fitzhugh W. (ed.). Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone. The Hague-Paris, 1975. *Mosimann J. E., Martin P. S.* Simulating overkill by Paleoindians // American Scientist. 1975. Vol. 63. *Mulvaney D. J.* The prehistory of the Australian aborigines // Biology and Culture in Modern Perspective. San Francisco, 1972. *Narr K.* Early food-producing populations // Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, 1956.
- 261
- Native livelihood and dependence. A study of land use values through time. Anchorage, 1979.
- Nellemann G.* Caribou hunting in West Greenland // F. 1969—1970. Vol. 11 — 12.
- Nelson E.* The Eskimo about Bering Strait // 18. Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899.
- Nelson R.* Hunters of the Northern ice. Chicago, 1969.
- Nelson R.* Hunters of the northern forest. Designs for survival among the Alaskan Kutchin. Chicago and London, 1973.
- Nelson R.* Athapaskan subsistence adaptations in Alaska // Alaska Native Culture and History / SES. Vol. 4. 1980.
- Nichols H.* Summary of the palynological evidence for Late-Quaternary vegetation and climatic change in the central and eastern Canadian Arctic // Vasari Y. et al. (eds.). Climatic Changes an Arctic Areas during the Last 10.000 Years. Oulu, 1972.
- Nichols H.* Palynological and paleoclimatic study of the Late Quaternary displacement of the boreal forest-tundra ecotone in Keewatin and Mackenzie, NWT, Canada // Institute of Arctic an Alpine Research. 1975. Occ. paper. № 15.
- O'Brien McMillan P.* (corp.). Alaska subsistence bibliography. Anchorage, 1982.
- Odum H. T.* Energetics of world food production // The World Food Problem. A Report to the President's Science Advisory Committee. Vol. 3. Washington, 1967.
- (tgrim M.* The nutrition of Lapps // Arctic Anthropology. 1970. Vol. 7. № 1.
- Orlove B.* Ecological anthropology // Annual Review of Anthropology. Vol. 9. 1980.
- Parrack D.* An approach to the bio-energetics of rural West Bengal // Vaida A. (ed.). Environment and Cultural Behavior. N. Y., 1969.
- Polgar S.* Population evolution and theoretical paradigms // Polgar S. (ed.). Population, Ecology and Social Evolution. The Hague-Paris, 1970.
- Rainey F.* The whale hunters of Tigara // APAMNH. Vol. 41. 1941. Pt. 2.
- Rappaport R.* Pigs for the ancestors. Ritual in the ecology of a New Guinea people. New Haven— London, 1968. 2nd ed. 1984.
- Rappaport R.* The flow of energy in an agricultural society // SA. 1971. Vol. 225. № 1.
- Rasmussen K.* Intellectual culture of the Copper Eskimos // Report of the 5th Thule Expedition. 1921-1924. Vol. 9. 1932.
- Ray D. J.* Nineteenth century settlement and subsistence patterns in Bering Strait // Arctic Anthropology. 1964. Vol. 2. № 2.
- Ray D. J.* The Eskimos of Bering Strait, 1650—1898. Seattle, 1975.
- Report of the Panel to consider cultural aspects of aboriginal whaling in North Alaska. IWS meeting. Seattle, 1979.
- Robert-Lamblin J.* Eskimo Ammassalimuit et Aleuts Qigeron: differences ecologiques, historiques, demographiques // L'Anthropologie. 1975. Vol. 79. № 3.
- Roby D. D., Thing H., Brink K. L.* History, status and taxonomic identity of caribou (*Rangifer tarandus*) in Northwest Greenland // A. 1984. Vol. 37. № 1.
- Rodahl K.* Eskimo methabolism. A study of racial factors in basal methabolism // Norsk Polarinstittutt skrifter. Oslo, 1954. № 99.
- Rogers E. S., Black M. B.* Subsistence strategies in the fish and hare period, Northern Ontario: the Weagamow Ojibwa, 1880—1920 // Journal of Anthropological Research. 1973. Vol. 32. № 1.
- Salisbury R. F.* Non-equilibrium models in New-Guinea ecology: possibilities of a cultural extrapolation // Anthropologica. 1975. Vol. 17. № 2.
- Sauer K.* The agency of man on the Earth // Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, 1956.
- Scammon C.* The njarine mammals of the Northwestern coast of North America. Together with an account of the American Whale-fishery. N. Y., 1968. 2nd ed.
- Scheffel D.* From polygyny to cousin marriage? Acculturation and marriage in 19th century Labrador Inuit society // Etudes/Inuit/Studies. 1984. Vol. 18. № 2.
- Sharp H.* The Caribou-eater Chipewyan: bilaterality, strategies of caribou hunting and fur trade // Arctic Anthropology. 1977. Vol. 14. № 2.
- Shinkwin A., Pete M.* Yup'ik Eskimo societies: a case study // Etudes/Inuit/ Studies. 1984. Suppl. issue. № 2.
- Siivonen L.* Some observations on the short-term fluctuations in numbers of mammals
- 262
- and birds in the sphere of the northernmost Atlantic // Papers on Game Research. Vol. 4. 1950. *Silook R.* Seevookuk: stories the old people told on St. Lawrence island. Anchorage, 1976. *Sivuqam Nangaghnegha.* Lore of St. Lawrence island. Vol. 1 — Gambell. Unalakleet, 1985. *Smith D. G.* Natives and outsiders: pluralism in the Mackenzie river delta, Northwest Territories. Ottawa, 1975.
- Smith J. G.* Economic uncertainty in an «original affluent society»: caribou and Caribou-eater Chipewyan adaptive strategy // Arctic Anthropology. 1978. Vol. 15. № 1.
- Soffer O.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando, 1985. *Spencer R.* The North Alaskan Eskimo: a study in ecology and society // Bureau of American Ethnology. Bull. 171. Washington, 1959. SS «Herman» trade books. 1909 / Old Dartmouth Historical Society Archive. New Bedford. USA. *Stanford D.* The Walakpa site, Alaska: its place in the Birnirk and Thule cultures // Smithsonian Contributions to Anthropology. 1976. Vol. 20. *Stanley Y.* Paleoecology of the Arctic-steppe mammoth biome // CA. 1980. Vol. 21. № 5.
- Steegmann A. T., Hurlich M., Winterhalder B.* Coping with cold and other challenges of the boreal forest: an

overview//Steedmann A. T. (ed.). Boreal Forest Adaptations. The Northern Algonkians. N. Y., 1983. *Steensby H. P.* An anthropogeographical study of the origin of Eskimo culture // MoG. 1917. Vol. 53. *Stott D. H.* Cultural and natural checks on population growth//Vaida A. (ed.). Environment and Cultural Behavior. N. Y., 1969. *Sturdy D. A.* The exploitation patterns of a modern reindeer economy in West Greenland//Higgs E. S. (ed.). Papers in Economic Prehistory. Cambridge, 1972. *Sturdy D. A.* Some reindeer economics in prehistoric Europe//Higgs E. S. (ed.). Paleoecology. Cambridge, 1975. *Sturtevant W. G.* Studies in ethnoecology // AA. 1964. Vol. 66. № 3. Special publ. Pt. 2. *Suttles W.* Coping with abundance: subsistence on the North-west coast // Lee R., De Voore I. Man the Hunter. Chicago, 1968. *Syroechkovskiy E. E., Rogacheva E. V.* Moose of the Asiatic part of the USSR // Naturaliste Canadien. 1974. Vol. 101. № 3-4. *Taylor J. G.* Labrador Eskimo settlements of the early contact period // National Museum of Man. Publications in Ethnology. Vol. 9. Ottawa, 1974. *Taylor W. Jr.* An archaeological perspective on Eskimo economy // Antiquity. 1966. Vol. 40. № 158. *Testart A.* The significance of food storage among hunter-gatherers: residence patterns, population densities and social inequalities // CA. 1982. Vol. 23. № 5. The traditional land —use inventory for the mid-Beauford sea. Barrow, 1980. *Thompson L.* The relations of man, animals and plants in an island community (Fiji) // AA. 1949. Vol. 51. № 2. *Turner C. G. III.* The dental search for native American origins // Out of Asia. Peopling the Americas and the Pacific. Canberra. 1985. *Van Stone J. W.* Point Hope: an Eskimo village in transition. Seattle, 1962. *Vayda A. P.* On the «New Ecology» paradigm // AA. 1976. Vol. 78. № 3. *Vayda A. P., McCay B. J.* New directions in ecology and ecological anthropology // Annual Review of Anthropology. Vol. 4. 1975. *Vayda A. P., Rappaport R.* Ecology, cultural and non-cultural // Clifton F. (ed.). Introduction to Cultural Anthropology. Boston, 1968. *Vecsey C.* American Indian environmental religions // Vecsey C., Venables R. W. (eds.). American Indian Environments: Ecological Issues in Native American History. Syracuse, 1980. *Vereshchagin N. K.* Primitive hunters and Pleistocene extinction in the Soviet Union // Martin P., Wright H. E. (eds.). Pleistocene Extinctions. New Haven —London, 1967. 263 *Vibe C.* Arctic animals in relation to climatic fluctuations // MoG. Vol. 170. 1967. № 5. *Vibe C.* Animals, climate, hunters and whalers // Proceedings of the Intern. Symposium on Early European Exploitation of the Northern Atlantic, 800—1700. Groningen, 1981. *Vincent D., Gunn A.* Population increase of muskoxen on Banks Island and implications for competition with Peary caribou // A. 1981. Vol. 34. № 2. *Vorren f.* Man and reindeer in Northern Fennoscandia. Economic and social aspects // F. 1974-1975. Vol. 16-17. *Waisberg L.* Boreal forest subsistence and the Windigo: fluctuation of animal populations // Anthropologica. 1975. Vol. 17. № 2. *Walker A.* Patterns of extinction among the subfossil Madagascan lemuroids // Martin P., Wright H. E. (eds.). Pleistocene Extinctions. New Haven—London, 1967. *Washburn A. L., Wetter G.* Arctic research in the national interest//S. 1986. Vol. 233. *Watanabe H.* Subsistence and ecology of Northern food gatherers with special reference to the Ainu//R. Lee, I. DeVore (eds.). Man the Hunter. Chicago, 1968. *Weeden R. B.* Northern people, northern resources and the dynamics of carrying capacity // A. 1985. Vol. 38. № 2. *Weidick A.* Klima — og gletscherandringer i det sydlige Vestgrⁿland: de sidste 1000 ar // Grjfnland. 1982. № 5-6-7. *Wenzel G. W.* Resource harvesting and the social structure of native communities // Native People and Renewable Resource Management. Edmonton, 1986. *Weyer E. M.* The Eskimos: their environment and folkways. New Haven, 1932. *Wheat B. J.* A Paleo-Indian bison kill // SA. 1967. Vol. 216. № 1. *Wilkinson P. F.* Ecosystem models and demographic hypothesis: predation and prehistory in North America//Clarke D. L. (ed.). Mode[^] in Archaeology. London, 1972. *Wilkinson P. F.* The relevance of musk-ox exploitation to the study of prehistoric animal economies//Higgs E. S. (ed.). Paleoecology. Cambridge, 1975. *Winterhalder B.* Boreal foraging strategies//Steedmann A. T. (ed.). Boreal Forest Adaptation. The Northern Algonkians. N. Y. — London, 1983. *Worl R.* A synopsis of Alaska native subsistence economies and projection of research needs. Anchorage, 1982. *Yesner D. R.* Caribou exploitation in interior Alaska: paleoecology at Paxson Lake // Anthropological Papers of the Univ. of Alaska. 1980a. Vol. 19. № 2. *Yesner D. R.* Maritime hunter-gatherers: ecology and prehistory // CA. 1980b. Vol. 21. № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО — Государственный архив Камчатской области (г. Петропавловск-Камчатский)
 ГАМО — Государственный архив Магаданской области (г. Магадан) ГАНАО — Государственный архив Ненецкого автономного округа (г. Нарьян-Мар)
 ГАЧАО — Государственный архив Чукотского автономного округа (г. Анадырь) ЦГАДВ — Центральный Государственный архив Дальнего Востока (г. Томск)
 ВГО — Всесоюзное Географическое общество
 ВИНТИ — Всесоюзный Институт научной и технической информации ВИ — Вопросы истории (Москва) ВФ — Вопросы философии (Москва)
 ИАН (геогр.) — Известия АН СССР. Серия географическая ИВГО — Известия Всесоюзного Географического общества ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры ИРГО (стат.) — Имп. Русское Географическое общество. Отделение статистики ИРГО (геогр.) — Имп. Русское Географическое общество. Отделение общей географии

ИЭ — Институт этнографии АН СССР XI Конгресс ИНКВА — XI Конгресс Международной четвертичной ассоциации (INQUA). Тезисы докладов. М., 1982
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР (г. Ленинград)
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 VII МКАЭН — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1964.
 IX МКАЭН - То же. М., 1973
 IX МКБО — IX Международный конгресс биологов-охотоведов. М., 1970
 НИИСХ — Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера (г. Норил'.гк)
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 ТИНРО — Тихоокеанский НИИ рыбного хозяйства и океанографии (г. Владивосток)
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия
 А — Arctic. Montreal — Calgary.
 АА — American Anthropologist

265

АРАМNH — Anthropological papers of the American Museum of Natural History. New York.
 Ar — Arctic. D. Damas (ed.)// Handbook of North American Indians. Vol. 5. Washington, 1984.
 СА — Current Anthropology E — Ethnology. Pittsburgh. F — Folk. Copenhagen.
 VIII ICAES — VIII. Intern. Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokio, 1970.
 МАМNH — Memoirs of the American Museum of Natural History. New York.
 MoG — Meddelelser om Gr'nland. Copenhagen.
 S — Science
 SA — Scientific American
 SES — Senri Ethnological Studies. Osaka.
 US AEC — United States Atomic Energy Commission. Publications. Oak Ridge.

SUMMARY

In the course of historic evolution, the indigenous Arctic populations acquired a unique experience of mastering their harsh environment. Through a sustained struggle for existence, they developed distinctive forms of ecological comportment, demographic patterns, ideology and ethics governing the deployment of natural resources. A new aspect of Arctic history is thus revealed instead of textbook view of «equilibrium societies» development — one filled with demographic ups and downs, ecological disturbances, cultural gaps and ethnocultural discontinuities.

The theme is pursued through the history of two traditional subsistence patterns in Northern Eurasia tundra zone — coastal sea-mammal hunting economy and inland tundra reindeer herding. Traditional demography and effectiveness of aboriginal resource utilization are investigated on the base of local data for certain Eurasian Arctic aboriginal communities (Eskimo, Chukchee, Ne-netz) from the 1920 — 1930's. No «equilibrium» state was found for native subsistence models due either to overexploitation of wildlife stocks (maritime hunters) or to overpopulation (reindeer herders).

The impact of climatic changes and of wildlife game resources' fluctuations (caribou, moose, sea-mammals etc.) is documented in Arctic Eurasia both in evolution of coastal maritime patterns of adaptation and of inland nomadic subsistence. The value of ecological experience of aboriginal Arctic populations is treated for the elaboration of new and more rational modes of resource utilization in the North. It also provides a broad range of parallels, relevant for the reconstruction of subsistence use and demographic patterns of primitive societies notably those of mammoth and other big-game hunters of Eurasian periglacial plains in the course of the Upper Palaeolithic.

The book will be most valuable for anthropologists, archeologists, biologists, ecologists occupied with Far North and Arctic studies and for a wider circle of readers concerned with resource management, development of Northern territories and general ideology of Man and Nature interactions.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора..... 3
 ВВЕДЕНИЕ..... 5

Глава 1. О ПОНЯТИЯХ И КОНЦЕПЦИЯХ АРКТИЧЕСКОЙ ЭТНО-ЭКОЛОГИИ 8

Географические, экологические и этнографические границы Арктики. Этноэкология, этническая экология, ethnocoecology. Понятийный аппарат этноэкологии: термины структуры. Понятийный аппарат: концепции динамики. Из истории арктической этноэкологии. Принципы этноэкологической реконструкции. Поле исследования.

Глава 2. ЗВЕРОВОЙ АРКТИЧЕСКИХ ПОБЕРЕЖИЙ 34

Общие черты традиционного жизнеобеспечения. Освоенная территория. Хозяйственный коллектив. Производственно-бытовой инвентарь. Потребности эскимосского коллектива. Продукция эскимосского хозяйства. Анализ балансов жизнеобеспечения. Нагрузка на экосистему. Принципы традиционного жизнеобеспечения.

Глава 3. ОЛЕНЕВОДЫ-КОЧЕВНИКИ ВНУТРЕННЕЙ ТУНДРЫ ... 85

Особенности традиционного природопользования. Использование пастбищ и организация жизнеобеспечения. Демография

кочевого коллектива. Популяции домашних животных. Производственно-бытовой инвентарь. Потребности кочевой общины. Продукция оленеводческого хозяйства. Анализ балансов жизнеобеспечения.

Глава 4. ДИНАМИКА АРКТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ 119

Изменения климата Арктики. Экстремальные природные явления. Колебания численности животных. Эпизоотии домашних животных.

Глава 5. ПОЯВЛЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА В ТУНДРАХ ЕВРАЗИИ . . . 146

Глава 6. АДАПТАЦИЯ ПРИМОРСКИХ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕ-

НИЯ.....165

Цикличность и направленность эскимосского природопользования. ^Динамика численности и размещение берегового населения. Изменение промысловых орудий и методов охоты. История приморской культуры в Западной Арктике.

Глава 7. АБОРИГЕННЫЙ ОХОТНИК В ЭКОСИСТЕМАХ АРКТИКИ . 192

268

Глава 8. АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА.....²¹⁰

Тактика первобытной охоты. Размещение первобытного населения. Использование природных ресурсов. Мобильность и миграции палеолитического населения. Демографические процессы в первобытных коллективах. Экологические кризисы и развитие палеолитического общества.

229 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....

. . . 237 Литература.....

. . . 265 Список сокращений.....

. . . 267 Summary.....

CONTENTS

Editor's Preface	3
FOREWORD	5
Chapter 1. TO THE NOTIONS AND CONCEPTS OF ARCTIC ETHNO- ECOLOGY	8
<i>Geographical, ecological and ethnographic limits of Arctic; Ethnic ecology, ethnoecology or ethno-ecology; Concepts of ethno-ecology: terms of structuring; Concepts of ethno-ecology: ideas of dynamics; On the history of Arctic ethno-ecology; Principles of ethnoecological reconstructions; Field and study area.</i>	
Chapter 2. SEA-MAMMAL HUNTERS OF THE ARCTIC COAST	34
<i>Asiatic Eskimo subsistence: general characteristics; Exploited territory; Demography of coastal community; Subsistence implements; Needs of Eskimo community; Production and supplies in maritime economy; Analysis of subsistence-year balances; Press on local ecosystems; Principles of traditional resource utilisation.</i>	
Chapter 3. HERDSMEN OF INLAND TUNDRA	85
<i>Features of traditional nomadic resource utilization; Pasture-use and subsistence organisation; Demography of nomadic community; Domesticated animal populations; Subsistence implements and their recycling; Needs of nomadic society; Production of reindeer-breeding economy; Analysis of subsistence-year balances.</i>	
Chapter 4. DYNAMICS OF ARCTIC ENVIRONMENT	119
<i>Climatic fluctuations in Arctic Eurasia during last 1000 years; Extremal natural phenomena; Fluctuations in Arctic wildlife game populations; Epizootics in Arctic animal husbandry.</i>	
Chapter 5. DEVELOPMENT OF REINDEER-BREEDING ECONOMY IN EURASIAN TUNDRA ZONE	146
Chapter 6. ADAPTIVE PROCESSES IN MARITIME SUBSISTENCE SYSTEMS	165
<i>Trends and recurrences in Eskimo patterns of resource utilization; Population shifts and dynamics on Arctic coast; Changes in hunting implements and technics; History of aboriginal maritime culture in Western Eurasian Arctic.</i>	
Chapter 7. ABORIGINAL HUNTER IN ARCTIC ECOSYSTEMS	192
270	
Chapter 8. ARCTIC ETHNO-ECOLOGY AND DEVELOPMENT OF PALAEOLITHIC SOCIETY	210
<i>Tactics and ammunition of prehistoric big-game hunting; Patterns of Palaeolithic population distribution; Patterns of resource utilization; Mobility and migrations in Upper Palaeolithic; Demography of prehistoric communities; Ecological crises and development of Palaeolithic society.</i>	
CONCLUSION: Arctic ethno-ecology — prospects for future	229
References	237

Игорь Ильич Крупник АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ
Модели традиционного природопользования
морских охотников
и оленеводов Северной Евразии

Утверждено к печати Ордена Дружбы народов Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко Художник Н. А. Игнатьев Художественный редактор И. Д. Богачев Технический редактор И. Н. Жмуркина Корректор Л. И. Николаева
ИБ № 38939
Сдано в набор 29.12.88. Подписано к печати 16.05.89.
Формат 60X90¹/₁₆- Бумага офсетная № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Усл. кр. отт. 17,25.
Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 1100 экз. Тип. зак. 1154.
Цена 4 р. 20 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12